

Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа ¹⁾.

I.

Черты изъ прошлаго Геленджика и вообще побережья.

Вступленіе. Геленджикъ въ прошломъ и настоящемъ. Нѣкоторые эпизоды изъ исторіи Геленджика. Первыя попытки заселенія побережья. Колонизація его кубанскими козаками. Вольная колонизація. Недочеты обоихъ видовъ колонизаціи. Обращеніе козаковъ въ крестьянъ. Общинные порядки. Экономическое положеніе мѣстнаго населенія нынѣ.

Черноморское побережье Кавказа привлекаетъ въ послѣдніе годы общее вниманіе. Притокъ временныхъ посѣтителей его, ѣдущихъ на побережье, частію съ цѣлью полѣчиться купаньемъ въ морѣ, частію ради лѣченія чистымъ горнымъ воздухомъ, а частію и для

¹⁾ Предлежащіе очерки кавказскаго побережья, какъ и ожидаетъ читатель, неизбѣжно и съ возможною подробностью коснутся исторіи заселенія побережья тѣми самыми кубанскими козаками, происшедшими изъ запорожцевъ, которые тамъ—на Кубани, на второй своей родинѣ, „сохранили до настоящаго времени малороссійскій говоръ и обычаи“ (Энциклоп. слов. Брокгауза, стр. 838), а здѣсь, на третьей своей родинѣ, въ громадномъ большинствѣ безропотно слагали свои буйныя головы въ борьбѣ съ лихорадками, незнакомыми условіями жизни и чуждой природой. Эти же очерки по возможности познакомятъ читателя и съ

того, чтобы провести тамъ лѣто на дачѣ, или же просто повидать вошедшую въ моду кавказскую Ривьеру,—увеличивается съ каждымъ годомъ. Даровая, или почти даровая, раздача, такъ наз., культурныхъ участковъ и мѣстъ подъ дачи, устройство новыхъ курортовъ, организація новыхъ городовъ, надежда на скорое обогащеніе перепродажей земель и дачъ—все это только увеличиваетъ вниманіе и интересъ къ побережью. Слухи о богатствѣ природы и возможности разнообразнѣйшихъ культуръ привлекаютъ отчасти и людей, желающихъ устроиться тамъ на постоянное занятіе собственнымъ хозяйствомъ. Наконецъ, слухи о вольныхъ плодородныхъ земляхъ влекутъ сюда также и засельщиковъ изъ крестьянъ юга, а частью и центра Россіи. Понятно, что весь этотъ разнообразный людъ, стремящійся лѣчиться, жаждущій отдохнуть, либо только покоейфовать, какъ и желающій нажиться, разбогатѣть на чужой счетъ, или стремящійся только устроиться собственнымъ трудомъ безбѣдно и скромно, интересуется побережьемъ и при томъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

Помимо того, одно уже прошлое кавказскаго побережья Чернаго моря, этой колыбели древней Колхиды, куда въ свое время ѣздили отважные Аргонавты и гдѣ Язонъ искалъ золотое руно, должно привлекать къ нему наше вниманіе. На памяти нашей, или по крайней мѣрѣ нашихъ отцовъ, тамъ еще кипѣла многолѣтняя упорная и кровавая борьба горцевъ съ русскими, во время которой незамѣтно, но безвозвратно погибла создававшаяся многими вѣками интенсивная горская культура. На той же

положеніемъ выжившихъ на побережьи кубанцевъ и ихъ потомковъ въ настоящее время. Но говоря о кавказскомъ побережьи, о нынѣшнемъ положеніи его населенія, объ исторіи его заселенія, о колонизаціонной политикѣ края, его будущемъ, а слѣдовательно и будущемъ его населенія, нельзя забывать, что нынѣшнее побережье—это край курортовъ и что условія жизни его населенія и условія развитія въ немъ культуры тѣсно связаны съ этой чисто курортной стороной его жизни, на которой неизбѣжно приходится поэтому останавливаться съ извѣстною подробностью. Пусть не постѣуетъ поэтому на эти подробности читатель, интересующійся получить только свѣдѣнія о жизни бывшихъ кубанцевъ, тѣмъ болѣе, что и свѣдѣнія о нашей „кавказской Ривьерѣ“ тоже имѣютъ свой интересъ и къ чему-нибудь могутъ когда-нибудь пригодиться.

памяти роскошная Колхида стала и кладбищемъ большинства кубанскихъ козаковъ — исконныхъ степняковъ, волею судебъ заброшенныхъ въ чуждыя горы и долженствовавшихъ насадить, на мѣстѣ погибшей во время войны, новую еще болѣе прочную культуру, но «полегшихъ костыми» въ борьбѣ съ чуждыми условіями въ незнакомой странѣ...

Одна культура исчезла, первыя попытки созданія новой требовали массы жертвъ и окончились почти полною неудачею, но на мѣсто первыхъ піонеровъ явились новыя наслоенія, новыя попытки колонизаціи и культуры — и край сталъ понемногу заселяться и оживляться. Богатство и разнообразіе природы, разнообразіе климатовъ, почвъ, растительности, дающее возможность введенія всевозможныхъ культуръ отъ простой ржи до винограда и маслинъ, лимона и чая включительно, изобиліе свободныхъ «впустѣ лежащихъ» земель, никому лично не принадлежавшихъ, — все это привлекало къ себѣ новыхъ засельщиковъ и способствовало созданію новыхъ условій жизни въ завоеванномъ краѣ. Узнать, какимъ путемъ создавались эти новыя условія, во что они вылились, какъ сложилась культура края, какое направленіе ей дается и каково оно должно быть — все это вопросы, заслуживающіе вниманія и возбуждающіе также несомнѣнный интересъ къ побережью.

Литература этого края уже довольно богата, но она далеко еще не обнимаетъ всѣхъ тѣхъ сторонъ жизни побережья, которыя возбуждаютъ къ нему интересъ въ читающемъ обществѣ, и не дала еще болѣе или менѣе подробнаго описанія всѣхъ наиболѣе выдающихся мѣстъ побережья. Лучшія, по моему мнѣнію, изъ наиболѣе современныхъ изслѣдованій побережья — это работа П. Н. Клингена: «Основы хозяйства въ Сочинскомъ округѣ», а изслѣдованіе профессоровъ А. И. Воейкова, О. И. Пастернацкаго и горнаго инженера М. В. Сергѣева «Черноморское побережье» и статьи проф. Краснова. Къ сожалѣнію, послѣднія два изданія мало распространены, мало доступны для публики и уже вызвали нѣкоторые возраженія со стороны лицъ, изслѣдовавшихъ побережье (напр. проф. Краснова)¹⁾.

¹⁾ Первое — изданіе департамента земледѣлія, которое, какъ знаю по личному опыту, достать довольно трудно. Второе — оттискъ изъ «Трудовъ перваго всероссійскаго съѣзда дѣятелей по климатологіи,

Въ виду этого, вѣроятно, небезполезно будетъ и то небольшое, что добыто мною частію путемъ личныхъ наблюденій, частію путемъ подробныхъ разспросовъ заслуживающихъ довѣрія и компетентныхъ лицъ, отчасти и ознакомленіемъ съ литературой края и изложено въ подлежащихъ очеркахъ, отнюдь однако не претендующихъ на полное описаніе побережья. И это тѣмъ болѣе, что нѣкоторые уже вошедшіе въ славу пункты побережья вѣдомо будутъ пропущены въ моемъ описаніи, какъ вслѣдствіе недостаточнаго съ ними знакомства, такъ отчасти и потому, что о нихъ писалось уже съ большею подробностію, чѣмъ могу сообщить я.

Настоящіе очерки черноморскаго побережья Кавказа надлежало бы, слѣдую географическому порядку, начать съ описанія Новороссійска ¹⁾. Но при наличности извѣстной связи между жизнью этого города и жизнью тяготѣвшаго и тяготѣющаго къ нему сельскаго района, жизнь перваго, какъ города и порта, шла все-таки своей особой колеей и сложилась, конечно, нѣсколько иначе, чѣмъ вообще на побережьѣ и, въ частности, въ прилегающемъ къ Новороссійску районѣ. Поэтому удобнѣе будетъ начать эти очерки именно съ описанія прилегающаго къ Новороссійску района, чтобы предварительно дать читателю общее понятіе о его исторіи, условіяхъ колонизаціи и современномъ состояніи. По окончаніи описанія этого района послѣдуетъ глава о Новороссійскѣ, а затѣмъ и описаніе нѣкоторыхъ мѣстъ побережья на югъ отъ Геленджика и Новороссійска.

гидрологіи и бальнеологіи». (т. I, цѣна 3 р., 1899 г.)—изданіе тоже малораспространенное. Первое касается при томъ же, къ сожалѣнію, одного лишь сочинскаго района. Второе представляетъ результатъ изслѣдованія, принаровленнаго главнымъ образомъ къ выясненію вопроса о постановкѣ курортнаго дѣла на побережьѣ и произведеннаго въ довольно короткій періодъ времени (что впрочемъ частію искупается тѣмъ обстоятельствомъ, что участниками изслѣдованія были компетентные спеціалисты). Во всякомъ случаѣ при пользованіи этими 2 изданіями небезполезно сопоставить ихъ выводы съ нѣкоторыми другими печатными источниками послѣдняго, времени и прежде всего съ работами проф. Краснова («Книжки недѣли» 1900 г. №№ 1 и 2 и слѣд. и «Кавказскій Вѣстникъ» 1901 г. № 1).

¹⁾ Свѣрѣнѣе я не былъ.

До войны русскихъ съ кавказскими горцами Геленджикъ, благодаря своей удобной бухтѣ, имѣлъ большое торговое значеніе. Въ 1811 г. командиръ фрегата «Іоаннъ Златоустъ» Скуртули доносилъ о бухтѣ Геленджикъ-Кале, что она «довольно выгодна своимъ закрытіемъ отъ вѣтровъ и глубиною для купеческихъ и малыхъ военныхъ судовъ»... «Владѣтель оной бухты есть черкесскій князь Калобать-Оглу, котораго поддерживаетъ Анапскій паша и сія бухта есть единственная отъ Суджука до Сухума, которая доставляетъ всѣ жизненные и другіе припасы для черкесъ».

По собраннымъ мною на мѣстѣ разсказамъ старожилонъ, Геленджикъ «на памяти стариковъ» (людей, бывавшихъ здѣсь ради торговыхъ и другихъ цѣлей задолго до конца войны съ горцами) былъ такимъ оживленнымъ торговымъ центромъ, о которомъ нынѣшніе его жители пока даже и мечтать не смѣютъ. Въ бухтѣ его постоянно стояло множество торговыхъ фелюгъ и турецкихъ кораблей (тогда какъ теперь изрѣдка зайдетъ въ бухту на день-два пароходъ къ цементному заводу или въ теченіе двухъ-трехъ дней покачаются на легкихъ волнахъ бухты одна или двѣ парусныя шкуны)¹⁾. Чрезъ Геленджикъ сбывались въ изобиліи рогатый скотъ, овцы, домашняя птица, медъ, воскъ, въ большомъ количествѣ яйца. Это—все такіе товары, о сбытѣ которыхъ чрезъ Геленджикъ теперь уже и помина нѣтъ. Надо сказать, впрочемъ, по этому поводу, что и сама прилегающая страна, не въ примѣръ нынѣшнему времени, была ²⁾ въ то время «обильна млеко́мъ и медомъ». Въ концѣ, напр., тридцатыхъ годовъ, когда русскіе начинали приступать къ сооруженію береговыхъ укрѣпленій, все побережье съ прилегающей къ нему горной полосой представляло тщательно разработанный культурный оазисъ, гдѣ о-бокъ съ дикими неприступными скалами и вѣковыми (теперь безпощадно вырубленными на всѣхъ наиболѣе доступныхъ мѣстахъ) лѣсами ютились прекрасные виноградники, зеленѣли роскошныя нивы, расположенныя мѣстами даже на искусственныхъ террасахъ, снабжаемыя водою изъ парочито устроенныхъ оросительныхъ каналовъ, оберегаемыя отъ ливней искусственными во-

1) А крейсирующие пароходы (одного только) Русскаго Общества заходятъ сюда не болѣе какъ на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ часа.

2) Какъ видно, напр., изъ изслѣдованій г. Клингена.

доотливѣми. По побережью пестрѣли густые сады, въ которыхъ зрѣли разнообразныя фрукты, составлявшіе для мѣстнаго горскаго населенія одинъ изъ важныхъ предметовъ сбыта, какъ и медъ и воскъ, получавшіеся ими съ обширныхъ пчельниковъ. На поляхъ береговой полосы росли кукуруза, ячмень, просо, пшеница и др. хлѣбныя злаки, убираемые въ извѣстное время спускавшимися съ горъ горцами, которые изъ опасенія лихорадокъ въ низинахъ, всегда жили въ горахъ и только въ извѣстное время дня въ определенное время года спускались для работъ на береговой низинѣ. Близкое знакомство съ климатомъ и природой страны, полученное вѣковымъ опытомъ умѣнье приспособляться къ неблагоприятнымъ климатическимъ особенностямъ края, извѣстный уровень культурности, котораго они уже успѣли достигнуть ко времени начала кровавой борьбы съ русскими—все это дало имъ возможность насадить высокую культуру въ такихъ мѣстахъ, которыя русскій и теперь еще считаетъ непригодными для какой бы то ни было культуры. Умѣло пользуясь дарами богатой природы, горцы сумѣли воспользоваться и близостью моря для расширения своихъ торговыхъ сношеній и увеличенія размѣровъ сбыта разнообразныхъ продуктовъ своего хозяйства. Естественно, что во всѣхъ приморскихъ пунктахъ, гдѣ морскіе суда могли найти хоть какую нибуть защиту отъ морскихъ вѣтровъ, шла оживленная торговля, потому что было что сбывать и было кому приобрести: естественно, что Геленджикъ съ его почти наилучшей на побережьи бухтой былъ однимъ изъ главныхъ такихъ торговыхъ центровъ.

Но кровавая война изгнала и уничтожила горцевъ¹⁾, въ корень разрушила ихъ культуру, искусственные каналы заросли и засорились, стоившія много труда искусственныя террасы осыпались, обширные сады и прекрасныя виноградники частью вырублены во время войны и въ періодъ заселенія страны русскими, частью одичали и такъ обросли другими породами деревьевъ, что теперь уже «трудно опредѣлить, гдѣ кончается перевитая дикою виноградной лозой лѣсная чаща и гдѣ начинается бывшее культурное насажденіе».

¹⁾ Поистинѣ потрясающая душу исторія выселенія горцевъ подробно изложена у Берже: «Русск. Старина» 1882 г. № 5.

По преданіямъ, такіе же роскошныя сады, защищенныя отъ холоднаго нордъ-оста могучими густыми лѣсами, окружали Геленджикъ въ былыя времена такою стѣною, что весною онъ утопалъ въ цвѣтахъ, какъ богато убранная невѣста. Отсюда и производятъ нѣкоторые его названіе «Геленджикъ», которое, по ихъ толкованію, означаетъ «Бѣлая невѣста». Справедливость требуетъ, однако, сказать, что другіе, производя его отъ иныхъ словъ и нарѣчій, переводятъ это названіе нѣсколько иначе: «Красавица-невѣста», «Городокъ-невѣста», а нѣкоторые и просто «Бухта». Кубанцы-малороссы, поселившіеся тутъ впервые, дали ему названіе «Зеленчукъ», которое за нимъ осталось въ народной средѣ и понынѣ. Являясь, повидимому, производнымъ отъ «Геленджикъ», оно въ то же время, надо думать, характеризовало все таки это мѣсто съ точки зрѣнія дѣйствительно бывшаго тогда изобилія зелени.

Въ 1831 г., на мѣстѣ черкесскаго городка Геленджикъ, заложено было русскими, подъ начальствомъ генерала Вельяминова, Геленджикское укрѣпленіе, уничтоженное и оставленное русскими въ 1853 г., при началѣ крымской войны, и затѣмъ въ 1857 г. вновь занятое русскими. За это время, если не считать довольно частыхъ стычекъ съ горцами, произошло только одно событіе, которое можетъ быть особо отмѣчено въ исторіи Геленджика, это—посѣщеніе его Императоромъ Николаемъ I въ 1837 г. Генералъ Филиппсонъ былъ въ это время въ Геленджикѣ и говорить о немъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», что нашелъ Геленджикъ мало измѣнившимся съ 1831 года. «Безъ сухопутнаго сообщенія гарнизонъ Геленджика нерѣдко нуждался въ самомъ необходимомъ. Непривычный климатъ, безпрестанныя тревоги и лишенія произвели общую апатію и развили болѣзни, преимущественно перемежающіяся лихорадки и цингу. Первымъ комендантомъ былъ полковникъ Чайковскій, отъ котораго я слышалъ много разсказовъ объ этой тяжелой порѣ: на первый день Пасхи офицеры всего гарнизона собирались къ нему разговляться, и при этомъ закуска состояла изъ рюмки водки и нѣсколькихъ селедокъ, составлявшихъ неслыханную роскошь». Описаніе посѣщенія Геленджика Николаемъ I, сдѣланное Филиппсономъ и Берже¹⁾, очень

¹⁾ «Воспоминанія» и «Императоръ Николай I на Кавказѣ въ 1837 г.—Русская Старина 1884 г. № 8.

интересно и въ особенности въ отношеніи характеристики... климата Геленджика.

Наканунѣ пріѣзда государя задула сильная бора¹⁾, такъ усилившаяся къ вечеру, что не только разметала солдатскія палатки, но и опрокинула поставленныя въ козлы ружья и прекратила всякую возможность разводить въ кухняхъ огонь и варить пищу. Впрочемъ бора была еще «не изъ самыхъ сильныхъ», такъ что государь, пріѣхавшій со свитою на 2 пароходахъ, могъ все таки, «хотя и съ большимъ трудомъ и не безъ опасности» выйти на берегъ, гдѣ ему приготовлена была квартира въ домѣ командира, «мало отличавшаяся *отъ остальныхъ жалкихъ мазанокъ*». Войска были построены на широкой площадкѣ, заранѣе очищенной отъ покрывавшаго ее мелколѣсья, въ одну линію развернутымъ фронтомъ въ боевой амуниціи и фуражкахъ, и фронтъ, по недогадливости начальства, былъ прямо противъ вѣтра. Когда государь подъѣзжалъ къ правому флангу, почти всѣ фуражки были унесены вѣтромъ; несмотря на строгую дисциплину николаевскихъ временъ, солдаты держа ружья «на караулъ», должны были отставить лѣвую ногу впередъ, чтобы удержаться на мѣстѣ и все-таки едва стояли на ногахъ, а при крикахъ «ура!»—невольно отворачивались въ сторону. Весь фронтъ кричалъ ура, а вѣтеръ забивалъ открытые рты пескомъ, пылью и мелкими камешками, такъ что многіе нижніе чины закапчивались и строили гримасы. Имѣвшіе еще «головные уборы» держали ружья на караулъ одною только лѣвою рукою, а правою придерживали фуражки. Убѣдившись, что ѣхать при такомъ вѣтрѣ верхомъ по фронту невозможно, государь сошелъ съ коня; его примѣру, конечно, послѣдовала и свита. До лѣваго фланга государь со свитою дошли пѣшкомъ «постоянно набрасываемые вѣтромъ на фронтъ». Обойдя войска, государь направился къ палаткѣ, которую, кромѣ обыкновенныхъ укрѣповъ, съ величайшими усиліями удерживала еще «цѣлая сотня казаковъ»!...

¹⁾ Мѣстный вѣтеръ, дующій изъ Кубанскихъ степей, по мѣстному называется нордъ-остъ.

Побережная полоса, прилегающая къ Геленджикѣ съ обѣихъ сторонъ, составляетъ часть знаменитой нѣкогда «Черноморской береговой линіи», о прошломъ которой стоитъ сказать нѣсколько словъ. Подъ этимъ именемъ въ періодъ кавказской войны подразумевался, на официальномъ языкѣ того времени, въ узкомъ смыслѣ слова, «рядъ укрѣпленій и занятыхъ войсками неукрѣпленныхъ пунктовъ вдоль сѣв.-вост. и вост. береговъ Чернаго моря до турецкой границы» ¹⁾. Берже ²⁾ относитъ начало устройства береговой линіи къ 1837 году, — къ тому именно времени, когда корпусный командиръ бар. Розенъ послѣ покоренія Цебельды занялъ на восточномъ берегу Чернаго моря мысъ Адлеръ (гдѣ погибъ писатель Марлинскій) и возвелъ на этомъ мѣстѣ первое береговое «укрѣпленіе св. Духа». Официальный же конецъ ея существованія Берже приурочиваетъ къ началу войны Россіи съ союзными державами — къ 1853 году, когда всѣ гарнизоны были увезены, а укрѣпленія взорваны. Главная цѣль устройства этого ряда укрѣпленій, къ которымъ принадлежали и нынѣшніе Геленджикъ, и Новороссійскъ ³⁾ заключалось въ желаніи прекратить свободное сообщеніе горцевъ съ помогавшими имъ турками и уничтожить вѣками установившіеся между ними торговые отношенія, поставивъ такимъ образомъ горцевъ въ необходимость завести мирныя торговые сношенія съ русскими. Устройство береговой линіи стоило «много милліоновъ» и хотя официальная береговая линія просуществовала всего 16 лѣтъ, однако успѣла сдѣлаться могилою «многихъ десятковъ тысячъ людей, сдѣлавшихся жертвою губительнаго климата» и дала «взамѣнъ всего этого самые ничтожные результаты» ⁴⁾. Со-

1) Карльгофъ. Военно-статист. обзоръ вост. берега Черн. моря.

2) Живописная Россія, т. IX, 1886.

3) По Карльгофу, береговая линія дѣлилась на 3 отдѣла. Въ 1-й входили Новороссійское и Кабардинское укрѣпленія. Геленджикомъ начинался второй, въ которомъ были еще укр. Новотроицкое, Генгинское, Вельяминовское, фортъ Лазаревъ и Головинскій. Третій состоялъ изъ форта Новачинскаго, укр. Святого Духа, Гагръ, Пицунды, Бомбаръ, поста Исыртскаго, крѣпости Сухумъ-Кале, Дранды и друг.

4) Филипсонъ. Воспоминанія.

временникъ береговой линіи, генераль Филипсонъ рисуетъ ее положеніе въ сороковыхъ годахъ весьма мрачными чертами: «вездѣ гарнизоны были ослаблены жестокими болѣзнями и неестественнымъ порядкомъ жизни и службы. Всѣ ночи гарнизонъ проводилъ подъ ружьемъ, ежеминутно ожидая нападенія, и ложился спать, только когда совсѣмъ ободнѣетъ и обходы осмотрятъ ближайшія окрестности. Если къ этому прибавить томительную скуку, отсутствіе женщинъ, недостатокъ движенія, рѣдкость свѣжаго мяса и овощей, лихорадочный климатъ, то станетъ понятно, что роты доходили до половины своего состава и даже менѣе. Надобно еще удивляться, что войска при такомъ страшномъ положеніи нигдѣ и никогда не теряли бодрости и нравственныхъ силъ. Дисциплина вездѣ соблюдалась строго, но *побѣги къ горцамъ* были, къ сожалѣнію, не рѣдки» ¹⁾).

И далѣе: «Страшная болѣзненность въ войскахъ поразила меня. Особенно свирѣпствовали перемежающіяся лихорадки, которыя послѣ 2—3 пароксизмовъ, оканчивались нерѣдко спячкой, столбнякомъ или ударомъ. Если же продолжались долго, то обращались въ цингу и оканчивались смертельнымъ кровавымъ поносомъ. Особенно страшно свирѣпствовали болѣзни въ Сухумѣ и Гаграхъ» ²⁾). Отъ лихорадокъ страдали не только люди, но и животныя; Филипсонъ видалъ даже куръ, ежедневно трясшихся въ лихорадкѣ.

Таковы были климатическія условія, при наличности которыхъ начались затѣмъ первыя попытки заселенія побережья русскими.

Такъ какъ исторія заселенія Геленджика русскими тѣсно связана съ общою исторіею заселенія побережья, то необходимо теперь же сказать о ней нѣсколько подробнѣе, что въ дальнѣйшемъ изъяснитъ кстати отъ необходимости повторять эту исторію при описаніи нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ побережья.

1) Стр. 129 и 215 «Воспоминаній».

2) Стр. 204—205 «Воспоминаній».

Вопросъ о насажденіи поселеній на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря при Суджукской (нынѣ Новороссійской) и Геленджикской бухтахъ впервые обсуждался въ правительственныхъ сферахъ въ 1832 г. Тогда комитетъ министровъ рѣшилъ «на первый разъ» разрѣшить козакамъ «селиться при Анапѣ, Геленджикѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ будутъ укрѣпленія наши», хотя и «безъ всякихъ особенныхъ вспоможеній отъ казны», но съ освобожденіемъ отъ податей, повинностей и «воинскихъ обязанностей, кромѣ защиты отъ горцевъ».

Но такія льготы были, конечно, совершенно недостаточны для привлеченія поселенцевъ извнѣ, тѣмъ болѣе, что война была въ самомъ разгарѣ, горцы производили постоянные набѣги на побережье и потому селиться тамъ было крайне рискованно. При такихъ условіяхъ заселеніе побережья, пока не изгнаны были горцы, могло быть достигнуто единственно путемъ принудительнаго поселенія и при томъ такихъ людей, которые способны бы были отражать постоянные набѣги враговъ. Къ этому и пришлось дѣйствительно прибѣгнуть впоследствии, такъ какъ до изгнанія горцевъ никакія льготы не привлекали въ край вольныхъ засельщиковъ, а между тѣмъ правительство считало необходимымъ возможно скорѣйшее заселеніе побережья. И такими подневольными засельщиками были избраны кубанскіе козаки, отважные потомки лихихъ запорожцевъ. Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ только что минувшаго столѣтія произведено было принудительное переселеніе части кубанскихъ козаковъ на побережье съ разселеніемъ ихъ въ 12 заранее намѣченныхъ пунктахъ, названныхъ станицами ¹⁾, куда приселены были кромѣ того немного азовскихъ козаковъ и—почему то—матросы и разночинцы г. Николаева. Сначала въ козацкихъ станицахъ былъ сдѣланъ вызовъ охотниковъ, желающихъ переселиться на побережье. Каждому обща-

1) Геленджикская, Адербійская, Пшадская, Береговая, Вуланская, Джубга, Дефановская, Новомихайловская, Ольгинская, Небургская, Вельяминовская и Георгіевская, населеніе которыхъ и составило такъ наз. Шапсугскій береговой баталіонъ.

лось право на участіе въ общинномъ надѣлѣ въ размѣрѣ тридцати десятинъ на каждую семью и кромѣ того по 10 десятинъ лучшей земли въ полную личную собственность. Но такихъ охотниковъ нашлось мало, да и находились они преимущественно изъ неимѣвшихъ своего хозяйства голыхъ бѣдняковъ, или лѣнтяевъ, лодырей, непосѣдовъ, не дорожившихъ ничѣмъ на родинѣ. Тогда пришлось приступить къ принудительному выселенію, и начальство велѣло бросать жребій,—кому идти, кому оставаться. Жеребьевые имѣли право только на 30 дес. надѣла, но 10 дес. въ собственность уже не получали. Жеребьевымъ позволялось нанимать за себя охотниковъ, которыхъ оказалось еще меньше и тоже только изъ среды голыхъ бѣдняковъ или «разныхъ лодырей, которымъ гдѣ бы ни жить, лишь бы деньги получить за наемку». Азовскіе козаки, матросы и разночинцы изъ Новороссійска получили право на такой же 30-десятинный надѣлъ, какъ и принудительно-выселенные кубанцы ¹⁾).

Когда набрали намѣченный комплектъ козацкихъ семей, сдѣлано было распоряженіе о срокахъ отправленія въ путь партіи.

— Мы йшли зъ усією худобою—разсказывали мнѣ геленджикцы изъ бывшихъ кубанцевъ:—только залышылы на якіи-сь часъ дома скотыну, а потимъ вже зновъ ходылы за ею. Тильки це все пишло на-дарма, бо тутъ уся скотына до однисенькои пропала,—мабуть видъ якои-сь помести, черезъ трупы.

— Отъ какихъ же труповъ?

— Звычайно видъ якихъ,—видъ черкеса. Тоди жъ це часъ такой бувъ, що ораты доводилось зъ рушницею за плечыма,—орешъ та й оглядаешся, а рушницю держы наготови. Тильки трошкы заглавывся,—тутъ тоби й гакъ! такъ не сповидавшыся и

¹⁾ Нечего, конечно, и говорить, что матросы и въ особенности разночинцы оказались людьми наименѣ приспособленными къ новымъ условіямъ жизни; не умѣли ни пахать, ни косить и никогда еще не живали внѣ города.

згынешъ, якъ собака... А якъ пійдешъ у лисъ по дрова, або деревину зрубати на хату,—зновъ такы беры зъ собою рушныцю; колы жъ куды дали видъ дому треба одлучытыся, то самотою не йды, а хиба въ гурти, бо небезпешно! Ну, а якъ тилькы заглядивъ ёго, то вже кгавъ не ловы: хто першый поспишывся, той и панъ, а хто запизнився—пропавъ, бо черкесь народъ бидовый, сказано—еройскій народъ!

— Опасный?

— А то жъ! кажу—самый еройскій народъ! Тай меткий же!.. И середъ насъ булы не абы-яки, бо и мы жъ такы козаки,—ну, а супроты черкеса куды тоби! Бидовый народъ! Такъ тоби прамисенько на смерть и лизе!.. Тай то треба сказать—на одчай ишовъ, бо свою ридну землю, свое ридне гниздечко оборонявъ. Якъ що по правди говорыты, то ёго тутъ правда була, а не наша,—бо це жъ не наши кубанськи степы, де вся земля була зъ дида-прадида наша.

— Ну, а вы съ ними какъ?

— А то жъ якъ? Такъ само и мы! Усякому своей головы жалко: встыгнешъ ранійше застрелыты ёго—то й панъ; до завтрёго, значытся, ще живый будешъ, якъ що сёгодня жъ такы не наскочышь на другого... Бидовый народъ!

— Родину свою, значить, они крѣпко защищали?

— Авже жъ! Таки вже вони! Кохалысь вони дуже въ свойй земли,—не хтили дурно видаваты. Тай то сказать: отъ же и мы зъ ридныхъ вильныхъ стенивъ своихъ зирвани булы началствомъ, а тамъ то жъ земля—не ци нетри,—то намъ бы за ридною стороною ще бильше треба побыватысь,—патетически восклицаетъ рассказчикъ.—А винъ отъ за ци косогоры та оврагы стильки годъ боровся,—выдыма ричъ, що дуже кохався въ цихъ нетряхъ.

— Сколько вже годъ оттуть живу,—замѣчаетъ другой изъ старыхъ козаковъ,—а все, правду кажучы, дывуюсь, якъ вони вмилы на цій земли такъ гарно хазяйнуваты... Мы тутъ давно живемо, а все гараздъ прыладнатыся не можемо.

— Какъ же все-таки, я не понимаю, коровы отъ труповъ заражались?—недоумѣвалъ я.

— Бо багато трупу скризь валялось; якъ що мы знаходили де свого, забытого ими, то, звычайно, заразъ же до станицы неслы тай ховалы якъ слидъ, по-християнськи. а ёго хибѣ бѣ мы стали таскаты! сказано—нехрысть,—ну, то й лежы соби, поки згнынешъ! Черезъ це багато трупу и zostавалось на поли, а скотына видъ цѣго, якъ пасетя на поли, то й слабуе и здыхае. Тай дохлои скотыны тежъ ниhto не закопувавъ, бо й не доглядышъ, та й не до того намъ було! Оттакъ воно одно до одного, тай скоилось лихо! ¹⁾

Кромѣ того геленджикскій житель, козакъ Пиментъ Алексѣевичъ Пономаренко рассказывалъ мнѣ подробно и о самомъ переселеніи изъ родныхъ станицъ въ Черноморье.

— Мы йшли партіями. Такъ ось же сталося таке, що въ станицы Абинскій, мало не напівъ-дорогы до моря, першіи партіи несподивано були затримани, бо дорога на Чорноморію не була ще вся выкинчена, черезъ що и не можно було пройты туды. Довгенько таки простоялы ци першіи партіи,—мабуть такъ недиль зъ двѣ, або й уси тры; черезъ це выхарчувалы все чысто, що зъ собою понабиралы. А вже що попостраждали дорогою, то й сказаты не можно: тутъ тоби грязюка страшенна, ніякои дорогы нема,—а до того ще й ци горы проклятуци, та недостача харчивъ; зновъ же жъ таки и черкесы давалыся въ знакъ... Оселю жъ прийшлося выбираты, не бачучы ии та ничого не видаючи, яки таки мисця достанутя намъ. Де-якимъ партіямъ ще въ Абыни, колы робылы тамъ передышку, сказалы назвыська станицъ та й спыталы, хто куды хоче подаватись,—выбирайте—значыть—по своій воли! Ну, а якъ ёго выберешъ, колы для тебе однаковисенько, чы Геленджикская станиця, чы Адерба, чы Джубга! Сказано—выбиралы тилькы навдачу: ~~же~~ назвысько кому вподобалось,—туды той и подавався.

— Тай справди, що все йидно було, куды йты,—добавляли мнѣ рассказчики:—всимъ досталыся однаковисеньки нетри, и хто

1) На самомъ дѣлѣ скотъ, повидимому, падалъ не отъ этого, а благодаря рѣзкой перемѣнѣ въ условіяхъ жизни и пищи.

тільки перебувавъ на свої нові мѣста, то ажъ за голову брався,— чысто за якийсь грихъ покаравъ Господь Богъ!

«Поселенцы—говорить по этому поводу изслѣдователь Черноморья И. Н. Клингенъ¹⁾—выбирались не по свободной волѣ, а по жребію; они съ тоской взирали на окружающія ихъ горы и только и мечтали воротиться домой. Хозяйство у нихъ положительно не шло, они сильно страдали отъ лихорадки, и смертность между ними была очень значительна. Взятый ими изъ своихъ низовыхъ станицъ черноморскій скотъ тоже не выдерживалъ мѣстнаго климата, а хлѣба, посѣянные по низинамъ подъ плугъ, на большую глубину, родили жалко и невѣрно»...

Недаромъ же простой и неграмотный, но почтенный геленджикскій козакъ Пименъ Алексѣевичъ Пономаренко, знавшій, что я собираю свѣдѣнія о прошломъ Геленджика для печати, кончилъ послѣдній рассказъ о быломъ крайне неожиданною для меня просьбой не забыть напечатать «какъ мы страдали!»²⁾

— Оце жъ я вамъ розказавъ усе, шо мигъ прыгадаты про те, якъ воно було. Теперечкы вже можете описаты усе безъ помылкы, бо кажу жъ вамъ—такъ воно все було, усе—самисинька правда; хйба може де-що позабувавъ, бо старый вже ставъ,—то то вже не мій грихъ. Пышитъ же теперенькы про все, якъ тамъ вже сами знаете... Про одно тилькы прохаю: не забудьте, мій голубе, напышитъ про те, якъ мы страждали, та якъ намъ тяжко було и въ дорози, та й тутъ; нехай уся люде знаютъ про наши страждання!

Вскорѣ же по прибытіи на мѣсто, новоселы стали слезно просить о возвращеніи на родину, но получили отказъ. Три года сряду они получали пособіе отъ казны: ежемѣсячно паекъ по 1 п.

¹⁾ Основы хозяйства въ Сочинск. округѣ, стр. 70; изданіе деп. землед.

²⁾ Чтобы читатель повѣрилъ полной искренности этой просьбы, приведу слова того же И. Н. Клингена (Основы хоз. въ Сочинск. окр., стр. 88): „страданія этихъ несчастныхъ въ первые годы послѣ переселенія неисчислимы“...

32 ф. муки на взрослую мужскую душу, а до 7-лѣтняго возраста полупаекъ; кромѣ того говядину, капусту, цибулю, хрѣнь, водку и деньги на покупку соли ¹⁾).

— Бувало й таке, що дурно прысылалы намъ цили гурты, колы наша скотына чы дохла, чы черкесы забирали... Силькы разъ такъ бувало, що мы наздоганялы черкесивъ та скоть свѣй назадъ одбирали... Та все жъ такы теперъ, якъ згадаешъ про минуле, колы вже все видъ сердца одлягло,—то треба сказать правду, що начальство дуже такы тоди пиклувалось про насъ... Ничого путнѣго зъ цѣго не выходило, бо наши не дуже то розумили, що діється, тай виры мало давали. Отъ хочъ бы сказать про худобу,—безъ грошей їи давали, а у насъ було такъ: хто не боявся, той бравъ їи, а найбільшъ було, що не хотили їи браты, бо все боялися, що потимъ за неи видвертатъ гроши будуть...

А якъ приходилося, що люде одъ пропасныци мерлы, та одъ водянки,—то ликари вѣ та хвершали вѣ прысылалы до насъ; хвершалъ що-дня було обйиздыть уси хаты... Пыльно дывылыся за цимъ... Тилькы не помогалося!..—

— Це вже такъ, що пиклувались про насъ дуже,—добавиль другой.—Оце жъ и пшеницю дурно выдавали на насиння,—абы сїялы тилькы... Такъ щожъ,—никому й сїяты не хотилось: коженъ тилькы про те й гадавъ, якъ бы зовсимъ утикты.

— И уходили?

— Та тилькы одъ насъ, зъ Зеленчука, мало не половины повтикала; а зъ Адербіевки 23 симъи зъ 28 втикло, бо тамъ дуже вже важко жылось: земля зовсимъ плоха, навкругы самисинькы

¹⁾ Любопытно, что выдача этого пайка, служившаго для новоселовъ серіозной поддержкою въ первое время, привелъ ихъ къ убѣжденію въ обязательности его выдачи въ теченіе всей ихъ жизни въ этой странѣ («если выселили насильно, то обязаны и кормить»), вселила мысль о томъ, что этотъ даровой казенный прокормъ освобождаетъ отъ всякой обязанности работать («если казна насъ обязана содержать, то зачѣмъ и работать!») и повела впоследствии къ неудовольствію на «отнявшее паекъ начальство».

горы,—нема тобі нікуды ходу. У насъ то хочъ море йсть, а тамъ то й того бигъ-ма.—

Меня очень интересовалъ вопросъ, вѣрны ли весьма распространенные рассказы о томъ, будто-бы засельщики, чтобы доказать начальству непригодность здѣшнихъ мѣстъ для сельскохозяйственной культуры, передъ поѣздомъ варили выдаваемые имъ сѣмена и уже вареными засѣвали землю. Я нарочно спросилъ объ этомъ Пимена Алексѣевича, рассказы котораго дышали такою неподкупною искренностью.

Онъ улыбнулся какою то неопредѣленною, какъ-будто конфузливою улыбкою.

— Та чувавъ и я про це... Багато про це й теперъ балачки усякої ходять... Та тильки самъ я цѣго не робывъ, та не бачывъ, щобъ и други робылы; а чого самъ не бачывъ, про те й казаты не буду... А такъ мени здається, що це все выгадки,—поговирь тильки на нашего брата...

Принудительное переселеніе это (1864—1865 г.) не было единственною мѣрой по заселенію Побережья. Вслѣдъ за нимъ—именно 10 марта 1866 г. изданъ былъ законъ «о заселеніи Черноморскаго округа и управленіи онымъ», по которому пространство между р. р. Бзыбью и Туапсе отъ морского берега и до вершинъ главнаго кавказскаго хребта предназначено было для «сельскихъ прибережныхъ поселеній» ¹⁾. Допуская свободный доступъ лицамъ всѣхъ сословій и національностей для поселенія на Побережь, законъ этотъ предоставлялъ засельщикамъ разнообразныя льготы, каковы—освобожденіе на 15 лѣтъ отъ платежа податей, рекрутской повинности, воинскаго постоя, гербовыхъ и канцелярскихъ пошлинъ, предоставленіе права безпошлиннаго и безпатентнаго производства торговли, промысловъ и рыбной ловли

¹⁾ Изъ этого видно, что законъ 1866 г. собственно на Геленджикъ съ его ближайшими окрестностями не распространялся; но съ 1870 г. на жителей этого района, при перечисленіи козаковъ въ крестьяне, распространено положеніе кавказскаго комитета 6 іюня 1867 г. для государственныхъ крестьянъ ставропольской губ.

въ морѣ. Переселенцы изъ крестьянъ получали сверхъ того денежныя пособія на обзаведеніе хозяйствомъ,—впрочемъ только до 50 р. на семью, что было очень недостаточно при тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, съ которыми приходилось считаться каждому засельщику и при той дороговизнѣ труда и рабочихъ рукъ, которая въ то время существовала на побережѣ, благодаря отсутствію путей сообщенія и крайне рѣдкому (и еще тоже не устроившемуся) населенію. Въ силу названнаго закона, новопоселенцы должны были «безотлагательно» надѣляться «осмотрѣнною и избранною» ими предварительно приписки» землею. Какъ и принудительно выселеннымъ на Черноморье кубанцамъ, надѣлы эти полагалось отводить въ размѣрѣ не свыше 30 дес. удобной земли на каждую поселявшуюся семью по возможности на общинномъ правѣ, а гдѣ этого было нельзя по мѣстнымъ условіямъ—въ подворное владѣніе. Но никакого отвода надѣловъ «въ натурѣ» не было,—начальство ограничивалось только припиской засельщика по его желанію къ той или иной общинѣ и указаніемъ ему его права на 30-десятинный надѣлъ на его землю. А уже онъ самъ, придя на мѣсто, въ свою новую общину, долженъ былъ добывать себѣ это право, сводившееся фактически къ обязанности самому потрудиться надъ разработкою подъ культуру «впустѣ лежащей», заросшей лѣсомъ земли, самому же отыскавъ таковую въ удобныхъ для культуры мѣстахъ, еще не занятыхъ общинниками, поселившимися до него.

Такъ какъ нѣкоторыя станицы находились сравнительно близко другъ отъ друга, то при пользованіи землями могли въ послѣдствіи войти изъ-за нихъ въ столкновеніе—нужно было вообще установить районъ пользованія каждой станицы, въ предѣлахъ котораго каждый имѣлъ право на соотвѣтственный надѣлъ удобной земли. Межеванія въ то время не было, а обошлось дѣло, по разсказамъ, приблизительно такъ:

— Полковникъ Росковскій зибравъ насъ тай каже: «ребяте, оце-жъ вы зъ сусиднихъ станицъ, нывы ваши сумижни,—то щобъ потимъ не було суперечокъ, покажить по згоди, до якого мѣста хочете взять земли для каждой станицы: одній нехай буде

по той яръ, другій—по ту ричку. Якъ що може де-яки не згодні на це, то побалакайте мижъ собою,—може сусиды поступлять зъ своимъ межами; тильки вы не дуже вже роскыдайтесь, бо все одно земли на всихъ wystачыть. Такъ ось-же и зробить згоду, кому по яку межу браты землю». Такъ и прыйшли до згоды; а потимъ вже, далеко пизнійшъ, прыйихалы землеиры, поличылы, скільки въ якій станицы душъ, та такъ на око ци горы намъ и одмирялы; поставылы грянови стовны, въ грянови межи поклялы угля, а яка земля залышылася, ту въ казну запысали. Та це й не одынъ разъ було: потимъ ще килька разъ найиздыла межова комиссія, зновъ щось перемиряла и мало не що-разу щось у казну одпысувала. Въ кожній станицы земли были не подилени мижъ семействамы, то ото кожний и почавъ выбираты для себе, де краща земля, щобъ заразы-же ии выораты и засіяты: усякому хотилось захопыты нызыны, де ривнійше та де лись менышый, тильки-жъ, звычайно, не усякому такъ прыпадало, бо найкращи миста коло моря заразомъ одмиряны были «охотныкамъ», по 10 десятинъ на симью, то вже другимъ такой земли и не wystачыло: довелось иному довгенько шукаты соби пидходящои земли, та вже самому ии розробляты.

Такъ какъ готовыхъ разработанныхъ земель почти не оказалось—все разработанное когда то горцами успѣло во время войны уже обратиться въ дикое состояніе, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ прибрежныхъ сѣнокосныхъ долинъ, и то порядочно позаросшихъ,—то каждому общиннику приходилось начинать съ начала. Каждый засельщикъ могъ получить только то, что разрабатывалъ собственными руками.

Въ большинствѣ новопоселенныхъ общинъ, напр. въ Геленжикѣ и его окрестностяхъ, засельщики рѣшили, что каждый долженъ самъ выискывать и разрабатывать пригодныя въ предѣлахъ границъ отведеннаго «юрта» (надѣла всей общины) земли, «гдѣ что кому понравится». Въ нѣкоторыхъ же изъ окрестныхъ общинъ, напр., въ Береговой, Пшадѣ, Архипоосиповкѣ первые засельщики подѣлили свой неразработанный юртъ сплошными участками по числу пришедшихъ семей приблизительно поровну. При та-

комъ дѣлѣжъ всей неразработанной земли гуртомъ, каждой семьѣ пришлось, конечно, даже болѣе установленной закономъ нормы 30 дес. на семью, и вскорѣ это привело къ недоразумѣніямъ съ новоприселяемыми къ общинамъ. Начальство знало, что по расчету числа десятинъ къ юрту можно еще причислять новыя семьи, а между тѣмъ новоселы встрѣчали со стороны старожиловъ отказъ въ разрѣшеніи разрабатывать земли въ юртѣ.

— У насъ вже все чысто подилено: це мое, а оце—ёго, а оце—другого сусиды; а про чужыхъ у насъ нема вже земли. Иды соби кудысь у други станыци, отъ хочъ-бы въ Зеленчукъ; тамъ ще не дилылысь, тай земли багато.—

Но официально причисленный уже къ Береговой, напр., или къ Пшадѣ не имѣлъ правъ на земли геленджикскаго юрта и тамъ его не пускали, а отсюда гнали; приходилось жаловаться начальству или просить о перечисленіи въ другую общину.хлопоты эти, особенно при почти полномъ отсутствіи дорогъ, обыкновенно тянулись подолгу, такъ что новосель проѣдалъ послѣднее и иногда, потерявъ всякую надежду, уходилъ съ Кавказа навсегда.

Наоборотъ, въ Геленджикѣ, сосѣдней Адербіевкѣ и нѣкоторыхъ другихъ окрестныхъ общинахъ, гдѣ юрты были обширныя и предварительнаго раздѣленія ихъ между общинниками первоэсельщичики не сдѣлали, пріисканіе и разработка годныхъ къ культурѣ земель дѣлались каждымъ свободно.

Общинамъ въ первое время довольно трудно было добиться какого-нибудь ладу между своими сочленами по части установленія порядка пользованія землею, потому что составъ общинниковъ былъ крайне разношерстный. Хотя почти половину его составляли кубанскіе козаки ¹⁾, но и они были изъ разныхъ станицъ и потому до пріѣзда на мѣсто мало знали или даже и совсѣмъ не знали другъ друга. А кромѣ кубанцевъ, какъ уже было

¹⁾ Хатисовъ и Ротиньянцъ: Обзоръ мѣстности с. в. берега Черн. моря между Новороссійскомъ и постомъ Вельяминовскимъ на р. Туапсе»—Записки Кавк. О. С. Х. 1867 г. № 3—4.

сказано выше, въ составъ общинъ входили еще матросы, азовцы, разночинцы изъ Николаева—исконные горожане, наконецъ вольнопоселенцы (по законамъ 1866 г. и 1867 г.), изъ разныхъ губерній, число которыхъ постепенно увеличивалось. Этою разнородностью состава общинниковъ уже заранее предопредѣлялось—по крайней мѣрѣ на первое, а слѣдовательно и на самое важное время—отсутствіе солидарности и единства среди членовъ новосозданныхъ общинъ, которымъ предстояло между тѣмъ бороться съ крайне тяжелыми условіями въ совершенно имъ незнакомой и даже враждебной странѣ.

Но главная бѣда была въ томъ, что одновременно надо было и строиться и спѣшно разрабатывать землю и отбиваться отъ горцевъ и приспосабливаться къ новымъ условіямъ. Условія же эти были совершенно незнакомы засельщикамъ, не имѣвшимъ понятія о тѣхъ культурахъ, которыя только и могли имѣть успѣхъ въ заселяемой ими странѣ, о тѣхъ орудіяхъ, приемахъ и способахъ хозяйства, которые только и примѣнимы были при данныхъ условіяхъ. Ничего этого не зная, они поступали во всемъ такъ, какъ привыкли вести хозяйство въ степяхъ Прикубанья и въ равнинной черноземной Россіи. Неумѣлая разработка неумѣло подысканныхъ для разработки участковъ велась единичными силами отдѣльныхъ засельщиковъ поневолѣ, конечно, очень медленно и эта медленность усугублялась еще быстрымъ заростаніемъ медленно разрабатываемыхъ пространствъ лѣсомъ и сорными травами. Между тѣмъ до перваго достаточнаго на годовое прокормленіе урожая нужно было чѣмъ нибудь жить; заработковъ же не было, а припасы были дороги.

Ровной знакомой степи, гдѣ каждое мѣсто, кромѣ развѣ солончаковъ или голыхъ песковъ, годно подъ пахоту, не было, конечно, и въ поминѣ. А были горы, гдѣ удобные для культуры участки нужно было искать среди овраговъ и по косогорамъ, по уступамъ горъ, заросшимъ вѣковымъ лѣсомъ, и по непривычной для глазъ крутизнѣ своей казавшимся недоступными для какой бы то ни было разработки. И были сырыя, малярійныя низины въ ущельяхъ горъ, да прибрежная, тоже малярійная, мѣстами

сильно заболоченная, но за то привлекавшая взоръ богатую растительностью прибрежная полоса между горами и моремъ,—та самая «степь», на которой съ радостью отдыхалъ взоръ исконныхъ степняковъ и гдѣ они спѣшили устраивать себѣ поселки, даже и не догадываясь о предстоящей гибели отъ маляріи. Не соображаясь съ тѣмъ, что при недостаткѣ пригодныхъ къ культурѣ земель подъ постройки слѣдуетъ занимать здѣсь (какъ это дѣлалось горцами) мѣста негодныя для культуры и селиться по возможности вблизи разбросанныхъ по горамъ и ущельямъ культурныхъ клочковъ, чтобы быть къ нимъ возможно ближе и не тратить массу времени на лишніе дальніе переѣзды, засельщики, напротивъ, спѣшили селиться въ равнинахъ. Такимъ образомъ подъ обширные поселки съ огородами, телятниками и приусадебными выгонами они занимали лучшія прибрежныя земли, почти уже готовыя къ культурѣ безъ всякихъ разработокъ (отличные естественные покосы и т. п.), лишая себя этимъ возможности утилизировать эти сравнительно большія площади ровныхъ мѣстъ подъ посѣвы и луга. Это поневолѣ вынуждало ихъ къ усиленной разработкѣ мало-мальски удобныхъ мѣстъ подъ культуру въ горахъ, гдѣ, и разработка и доступъ къ удобнымъ мѣстамъ были гораздо труднѣе и всѣ эти разработки оказывались обыкновенно очень удаленными отъ поселка.

Не зная мѣстныхъ условій, не зная, какъ надо вести здѣсь хозяйство, засельщики могли вести его только такъ, какъ вели у себя на родинѣ. Легкія почвы, требующія слабаго взрыхленія, они пахали тяжелыми плугами; тамъ, гдѣ нужна была для вспашки лошадь или даже ручная обработка, нѣкоторые, по старому обычаю, пробовали утилизировать воловъ. Отъ глубокой задѣлки сѣмянъ поля, благодаря изобилію дождей, заболачивались, сѣмена вымокали и урожай пропадалъ. На землѣ, пригодной только для винограда или для табака, засельщики сѣяли хлѣбъ; сады устраивали на открытыхъ мѣстахъ, внѣ защиты отъ губительнаго нордъ-оста и на почвѣ болѣе пригодной для какихъ-либо иныхъ культуръ. Вырубая лѣса для сбыта ради полученія хоть какого-нибудь заработка, они рубили ихъ тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, гдѣ

они защищали посадки или отъ нордъ-оста или отъ вѣтровъ съ моря и пр. и проч. Словомъ, дѣлали почти все какъ разъ не такъ, какъ было нужно: наперекоръ природѣ и наоборотъ тому, какъ поступали горцы. Хозяйство не шло, новоселы «проѣдались», разорялись и, убѣждаясь въ невозможности вести хозяйство въ этой «трущобѣ», приходили въ полное отчаяніе.

Прибавьте къ этому донимавшія засельщиковъ упорныя лихорадки, съ которыми они безсильны были бороться, отъ которыхъ не умѣли оберегаться, да и не могли уберечься уже потому, что устроили поселки на малярійныхъ низинахъ. Малярія съ перваго же дня поселенія выхватывала жертву за жертвоу, лишая людей возможности работать и унося иногда въ могилу цѣлыя семьи. Даже въ Галенджикѣ, извѣстномъ теперь отсутствіемъ маляріи, тогда при большемъ количествѣ мѣстной растительности, неразработанности окрестныхъ земель и чрезмѣрной заболоченности не осушенныхъ еще окрестностей, малярія тоже похищала не мало жертвъ.

Законъ 1866 г. имѣлъ то несомнѣнное преимущество передъ послѣдующими законами о заселеніи Побережья, что предоставлялъ переселенцамъ право свободного выбора мѣстъ для поселенія, по ихъ собственному усмотрѣнію. Но, къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ это право не дало ожидаемыхъ результатовъ какъ вслѣдствіе того, что переселенцы не могли оріентироваться въ совершенно чуждыхъ имъ условіяхъ, такъ и потому, что имъ негдѣ и не отъ кого было получить въ этомъ отношеніи какихъ бы то ни было указаній или совѣтовъ. Пришедшіе до нихъ знали столько же, или почти столько же, сколько и они; мѣстное начальство состоявшее изъ людей также пришлыхъ со стороны также не знало мѣстныхъ условій. Кромѣ того для разоренной и заброшенной страны пришлыми чуждыми ей людьми недостаточно было издать только законъ, дозволяющій поселеніе въ ней съ правомъ имѣть столько то земли и съ правомъ получить пособіе всего лишь до 50 р. на семью,—надо было принять хотя какія-нибудь предварительныя мѣры къ облегченію положенія засельщиковъ на первыхъ порахъ. Нѣкоторые предвари-

тельные мѣры по оздоровленію мѣстности, напр., дренажированіе, возможное въ большинствѣ мѣстностей при значительномъ склонѣ къ морю, могли бы, напр., быть приняты уже передъ поселеніемъ козаковъ и первыхъ вольныхъ засельщиковъ¹⁾. Но ничего подобнаго, къ сожалѣнію, не было сдѣлано и засельщики осылали прямо на малярійные участки. Говоря словами доктора Пантюхова, «главнымъ вопросомъ» для засельщиковъ являлось прежде всего «побороть малярію», но независимо отъ незнанія причинъ ея происхожденія и мѣръ борьбы съ нею, если иногда въ отдѣльныхъ случаяхъ это могли сдѣлать такія объединенныя общины, какъ напр., сектанты ленкоранскаго уѣзда, то это почти невозможно было для «составленныхъ изъ разнообразныхъ элементовъ общинъ православнымъ». Засельщики не были даже предупреждены о вредѣ такого поселенія въ заболоченныхъ мѣстностяхъ. Они работали на низинахъ (вопреки обычаю горцевъ) во всякое время дня и года, спали на землѣ, пили какую попало воду—и малярія дѣлала свое дѣло.

Удивительно ли послѣ всего этого, что отливъ переселенцевъ съ побережья начался вскорѣ же послѣ прихода туда первыхъ вольныхъ засельщиковъ его, привлеченныхъ на побережье слухами о вольныхъ земляхъ и богатой природѣ?! Разоренные и убитые горемъ вольные засельщики стали уходить кто домой, кто на заработки, кто по паспортамъ на Кубань или прямо «въ безвѣстную отлучку», а одновременно съ ними пошли на утекъ и кубанцы, находившіеся въ совершенно тѣхъ же условіяхъ, за исключеніемъ только полученія пайка въ первые три года и отсутствія формальнаго права на обратное переселеніе на родину.

¹⁾ «Береговая полоса, говоритъ д-ръ П. И. Пантюховъ въ брошюрѣ своей: «Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа», (изд. ред. газ. «Кавказъ», Тифлисъ, 1899 г.), какъ имѣющая (обыкновенно) значительный склонъ къ морю, можетъ быть оздоровлена дренажированіемъ гдѣ надо, почвы, обезпеченіемъ населенія здоровою водою, насажденіемъ хорошо растущихъ здѣсь эвкалиптовыхъ рощъ, уничтоженіемъ палоротниковъ и вообще правильною интенсивною культурою».

«Несмотря на всевозможныя субсидіи и заботы правительства (о заселеніи края), поселенцы—говорить В. Я. Бабилашвили ¹⁾—при первой возможности уходили»... «Поселенцы разбѣгались или вымирали отъ лихорадки»...

Разорѣніе пришло къ козакамъ еще въ періодъ полученія ими казеннаго пайка. Гг. Хатисовъ и Ротиньянцъ ²⁾, посѣтившіе побережье еще въ этотъ первый періодъ ихъ поселенія, нашли козацкія станицы въ крайне печальномъ положеніи. Слѣдующій изслѣдователь побережья Я. К. Васильевъ ³⁾, изучавшій положеніе сельскохозяйственной промышленности въ краѣ чрезъ 14 лѣтъ послѣ изданія закона 10 марта 1866 г. нашелъ, что и вольные засельщики побережья и казаки не только не оказали благотворнаго вліянія на развитіе въ немъ сельскохозяйственной производительности, но скорѣе вносятъ вліяніе отрицательное, такъ какъ расчищенные въ былое время горцами плодороднѣйшіе участки на ихъ нынѣшнихъ надѣлахъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе зарастаютъ лѣсомъ, а почва полевыхъ земель все болѣе истощается постоянной обработкой безъ отдыха и удобренія. «Только небольшая часть этого населенія примѣняетъ, по его наблюденію, трудъ къ извлеченію на мѣстѣ продуктовъ потребленія, остальная же работаетъ на хлѣбородныхъ земляхъ Кубанской области»...

Этотъ уходъ изъ Побережья его засельщиковъ еще болѣе увеличился съ опубликованіемъ закона 1870 г. о расформированіи Шапсугскаго берегового баталіона съ обращеніемъ козаковъ въ крестьянъ, которымъ, однако, предоставлялось этимъ закономъ право на 20-десятинный надѣлъ на каждую мужскую душу, вмѣсто прежняго 30-десятиннаго на цѣлую семью. По этому поводу надо замѣтить теперь же, что къ 1870 г. для засельщиковъ вполне

¹⁾ Труды виногр. съѣзда 1899 г. въ Новороссійскѣ.

²⁾ См. уже цитированный выше трудъ ихъ въ Зап. Кавк. О. С. X. 1867 г. № 3 и 4.

³⁾ «Очеркъ развитія с. хоз. въ Черном.-округѣ». Зап. Кавк. О. С. X. 1879 г., вып. 2-й.

уже выяснился фактическій недостатокъ въ ихъ «юртахъ» земель удобныхъ для обращенія подъ культуру.

Горькій опытъ выяснилъ уже имъ къ этому времени, что даже и разработка всего того, что было бы сколько-нибудь годно подъ тѣ или другія знакомыя и доступныя имъ культуры, не можетъ дать того количества культурныхъ земель, на которое они имѣютъ право по закону 1866 г., т. е. 30 дес. на семью, — не говоря уже о 20 дес. на душу по закону 1870 года! «Начальство» же, не зная этого и желая утѣшить козаковъ за переводъ ихъ изъ козачьяго сословія въ мужики, общало имъ право на эту новую значительно увеличенную, но для нихъ завѣдомо фиктивную норму налѣла. На сколько далеко была она отъ дѣйствительности, можно судить по тому, что напр., въ Геленджикской общинѣ ¹⁾ при 153 «дымахъ» ²⁾ фактически имѣлось къ 1899 году только 600 дес. разработанной земли, т. е. въ среднемъ только по 3 дес. на дворъ или менѣе чѣмъ по 1½ дес. на мужскую душу, вмѣсто нормированныхъ 30 и 20 десятинъ! — Недоразумѣніе, выражаясь языкомъ Глѣба Успенскаго, вышло въ полномъ смыслѣ «взаимобразное»...

«Прошлое козачества—писалъ по этому поводу г. Новомарьинскій ³⁾—еще слишкомъ въ памяти у всѣхъ козаковъ, чтобы они рѣшились изъ воиновъ—джигитовъ и рыцарей обратиться въ «мужика» или солдата: и то и другое слово у козаковъ употребляется, какъ бранное; а козачки и слышать не хотятъ, чтобы онѣ когда-либо были обращены въ «мужичекъ». Перенести, ради необходимости, ради, можетъ быть, тѣхъ же военныхъ цѣлей, переселеніе съ родины въ причерноморскія горы, они еще могли; если это было и тяжело, то по крайней мѣрѣ не позорно и не обидно... Но стать «на мужичье положеніе»—это иное дѣло!...

Разсказывавшіе мнѣ о своемъ прошломъ казаки изобразили мнѣ очень образно, какъ еще до изданія закона о расформиро-

1) По даннымъ «справочной книги черн. губ. за 1899 г. .

2) Платежныхъ дворахъ.

3) «Живописная Россія», т. IX, стр. 156.

ваніи приїзжалъ къ нимъ намѣстникъ, собралъ всю станицу и сообщилъ, что въ виду прекращенія войны и для облегченія станичниковъ отъ службы предполагается оказать имъ «милость»: «переводъ на крестьянское положеніе» съ дарованіемъ надѣла по 20 дес. на душу.

— Ни, не згодні мы на це!—загомонили вси гуртомъ.— А вы помиркуйте, говорыть винъ, бо не можно жъ такъ видразу... А самъ дывытся на насъ та такъ неначе всмихається; а вси генералы та охвыцеры навкругы его стоятъ, та вси тилькы дывляться на насъ, а де-яки зъ ихъ пидходять нышкомъ до насъ тай кажуть: «дякуйте пвдыче за ласку, дурни вы!» Отъ мы пишлы, потолкувались мижъ собою, та вси крычимо: «не згодні мы йты въ мужыкы!» Довгенько такъ балакалы мижъ собою, а дали вернулись назадъ тай говорымо: «Ни не хочемо мы такой ласкы, щобъ мужыкамы стати!»—Не, хочете?—пытае винъ, а самъ зновъ наче усмихається.—Ни, не хочемо! нема на це нашої згоды!— А винъ зновъ такы каже: «пидить вы та *гарненько* помиркуйте, та тоди вже мени и скажете, бо--говорыть—памьятайте, що якъ вы навить вси гуртомъ не дасте свои згоды, то все жъ таки законъ цей буде, и вы таки повернытесь на мужыкивъ, себѣ-то ця ласка васъ все йидно не мыне.—Точи мы зновъ пишлы; порадылысь ще трохи, тай зновъ, повернувшись назадъ, говорымо: «Ни, не хочемо! не буде на це нашої згоды!»—

Переводъ «на крестьянское положеніе», самъ по себѣ неизбежный въ силу прекращенія войны съ горами, имѣлъ тѣмъ не менѣе въ исторіи и Геленджика и прочихъ станицъ отрицательное значеніе: много козацкихъ семей, недовольныхъ реформой, выселилось отсюда,—одни перечислились обратно въ Кубанскую область, другіе постоянно живутъ тамъ на заработкахъ по паспортамъ. Но уменьшеніе населенія отъ этихъ уходовъ отчасти пополнялось притокомъ новоселовъ извнѣ: приходили переселенцы изъ Евр. Россіи и приселялись къ тѣмъ или инымъ общинамъ. Принимая новосела, община говорила: «иди и ищи годную землю самъ и разрабатывай своими силами сколько можешь».

По закону, новосель имѣть право на 30 дес. на семью, а старожилъ изъ козаковъ (уже по закону 1870 г.) по 20 дес. на душу. Этимъ, конечно, устанавливалась неуравнительность и неравноправность владѣнія внутри общины¹⁾. Но такъ какъ община и общинные распоряжки продолжали еще существовать, то миръ скоро додумался до благополучнаго выхода изъ этого ненормальнаго положенія, устанавливавшаго неуравнительность правъ владѣнія между членами общины. Сама жизнь указала общинѣ этотъ выходъ. Видя недостатокъ земли, доступный для разработокъ, мѣстныхъ общины, игнорируя законодательныя нормы, сами стали устанавливать свои нормы, единообразныя для всѣхъ членовъ каждой данной общины и обыкновенно далеко не достигающія размѣровъ нормъ, опредѣленныхъ закономъ.

Въ Геленджикѣ, напр., община постановила, что каждый дымъ, т. е. податной дворъ, будь онъ старосель или новосель—все равно, имѣеть *право* на 10 дес. разработанной земли въ юртѣ (кромѣ плановой, т. е. усадебной); кто имѣеть фактически меньше—можетъ разрабатывать до этой нормы; кто имѣлъ больше, у того отобрали излишки въ пользу остальныхъ. Старались разверстать такъ, чтобы при имѣющемся у каждаго количествѣ разработанной земли каждому достать 2 десятины по возможности подъ самой станицей, и чтобы каждому досталась одинаковая съ

¹⁾ Эта неуравнительность внутри общинъ еще болѣе увеличилась благодаря тому, что, по закону 1870 г., штабъ-офицеры, оберъ-офицеры, нижніе чины изъ козаковъ, ихъ вдовы и дѣти получили изъ общинныхъ земель въ полную потомственную собственность всѣ тѣ усадьбы изъ общаго надѣла (и въ тѣхъ размѣрахъ) какими каждая семья пользовалась въ моментъ изданія закона (а офицерамъ сверхъ того отведено по 200—400 дес. на семью въ полную собственность «порядкомъ указаннымъ въ § 69 положенія 10 мая 1862 г. о заселеніи предгорій западной части кавказскаго хребта»). Этимъ въ сферу общинно-поземельныхъ порядковъ и отношеній введена была не только новая неуравнительность, но и нарушеніе самого принципа общиннаго владѣнія. Этого вопроса объ образованіи личной собственности въ краѣ придется еще коснуться въ послѣдующемъ изложеніи.

другими пропорція и худой и хорошей земли; нѣкоторыя исключенія сдѣлали для тѣхъ у кого были очень тяжелыя раскорчевки—въ вознагражденіе за потраченный на нихъ трудъ имъ оставили побольше земли хорошей.

Такимъ образомъ приходившіе сюда новоселы, вмѣсто полученія воображаемыхъ 30 дес. на семью, которыя при томъ многіе изъ нихъ предполагали найти уже болѣе или менѣе разработанною землею, на первыхъ же порахъ убѣждались въ фиктивности этихъ цыфръ и слишкомъ большой разницѣ ихъ дѣйствительностью. Рядомъ съ этимъ, они, конечно, встрѣчали тѣ же чуждыя имъ условія, которыя такъ неблагопріятно вліяли на бытъ первыхъ засельщиковъ. Правда, съ теченіемъ времени горцы были изгнаны и набѣги ихъ прекратились; благодаря уничтоженію лѣсовъ, распространенію культуры на все большее количество земель, а мѣстами и осушенію отдѣльныхъ участковъ, кое-гдѣ начала ослабѣвать и малярія. Но во всемъ почти остальномъ новосель попадали въ условія почти однородныя съ тѣми, въ какія попали и первые засельщики страны. Природа, климатъ, мѣстныя условія были ему чужды, а научиться, посоветоваться было не съ кѣмъ и не у кого, потому что оставленные на произволь, безъ указаній людей знающихъ мѣстныя условія и руководимые только собственнымъ умомъ да горькимъ опытомъ большею частію непонятныхъ имъ неудачъ въ собственномъ хозяйствѣ, староселы и понынѣ сравнительно мало чему научились. Въ результатъ, конечно, опять многочисленные уходы обратно въ Россію послѣ неудачной траты силъ и расходовъ на обзаведеніе хозяйствомъ.

Понятно, что благодаря всему этому экономическій ростъ Геленджика и окрестныхъ селеній двигался очень медленными стопами и что «благосостояніе» его мѣстнаго населенія (входящаго въ составъ общины) характеризуется въ настоящее время далеко не блестящими статистическими цыфрами.

Всѣхъ домохозяевъ считалось за 1900 годъ 191. У нихъ подъ виноградниками было всего въ юртѣ только 2 дес., а подъ садами 5. Разработки подъ культуру произведены довольно не-

равномѣрно, что обусловливаетъ, конечно, неравномѣрность въ обеспеченности домохозяиствъ культурною землею, при чемъ большинство хозяйствъ далеко еще не успѣло расширить свои разработки до предѣльной нормы 10 дес. на семью. Последнихъ только около 3% общаго числа хозяйствъ, тогда какъ совсѣмъ не имѣющихъ своихъ разработокъ, т. е. безземельныхъ, 22%; имѣющихъ до 3 дес. на хозяйство 35%, отъ 3—6 дес.—32%, а отъ 6—9 дес. только 8%, между тѣмъ какъ главное занятіе населенія и составляетъ земледѣліе. Изъ общаго количества хозяйствъ 34% не имѣютъ никакого скота; въ среднемъ на каждые 2 хозяйства приходится менѣе 1 лошади, въ среднемъ на одно хозяйство приходится прочаго скота: 0,8 вола, 0,8 коровы, 0,6 свиньи и 0,8 козы.

Правда, среди Геленджикцевъ нѣтъ особенно бѣдствующихъ (какъ нѣтъ и особенно богатыхъ, кромѣ развѣ единичныхъ семей, отчасти разжившихся торговлей во время проведенія здѣсь «голоднаго» шоссе)¹⁾. Наилучше живутъ многорабочія семьи; малорабочія и не имѣющія рабочаго скота, вмѣсто воздѣлыванія земли наймомъ, что они считаютъ невыгоднымъ при дороговизнѣ рабочихъ рухъ, сдаютъ свою землю исполу (при своихъ сѣменахъ), занимаясь сами пилкой и рубкой дровъ, поденщиною, рыболовствомъ, заработками при цементномъ заводѣ. Однолошадники занимаются ломовымъ извозомъ («драгили»).

Размѣръ всего юрта (надѣла) опредѣляется для Геленджика въ 5400 дес.²⁾ Но изъ нихъ ровныхъ, удобныхъ для хлѣбопашества мѣстъ считается только около 2000 дес. (отсюда при 191 хозяйствѣ помянутая 10—десятичная норма разработокъ на cadaго домохозяина), а 2100 дес. тоже подѣ сравнительно ровными,

¹⁾ Большимъ подспорьемъ геленджикцамъ является возможность нерасходовать на уплату податей, которыя покрываются доходами отъ оброчныхъ статей (на 1901 г., напр., по смѣтѣ ожидалось отъ цементнаго завода, сдачи усадебъ подѣ дачи, каменоломень, парходной пристани и пр. свыше 8000 р.).

²⁾ По свѣдѣніямъ мѣстнаго сельскаго управленія, а по даннымъ помянутой «Справочной книги»—въ 6470 дес.

но негодными для хлѣбопашества пространствами, поросшими колючимъ «держи-деревомъ» на почвѣ изъ известково-глинистыхъ сланцевъ и песчанниковъ. Дровяной лѣсъ находится только въ горахъ и по оврагамъ на разстояніи 9 верстъ отъ Геленджика. Въ юртѣ замѣчается крайнѣ неудобный для скотоводства недостатокъ воды, горные ручьи послѣ дождливаго времени года быстро пересыхаютъ и водопоевъ для скота почти нѣтъ, такъ какъ р. Адерба протекаетъ преимущественно среди частновладѣльческихъ (бывшихъ потомственныхъ 10-десятинныхъ) участковъ. Сѣнокосныхъ участковъ мало, вслѣдствіе чего приходится косить траву около полей, на прогалинкахъ между кустами. Вслѣдствіе недостатка сѣна, скотъ круглый почти годъ пасется на подножномъ корму, а въ случаѣ нерѣдкаго недостатка его подкармливается преимущественно соломою. Вслѣдствіе этихъ причинъ мѣстное скотоводство не увеличивается, а повидимому сокращается.

Л. С. Личковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа.

II.

Г е л е н д ж и к ъ.

Причины роста Геленджика-селенія и Геленджика-курорта. Цементный заводъ. Спекуліація плановыми мѣстами. Хвалебная брошюра о Геленджикѣ. Пути въ Геленджикъ. Окрестности. Гостинницы. Квартирный вопросъ. Цѣны на продукты. Греки. Купанье. Мѣста для прогулокъ: Адербіевка. Михайловскій переваль. Джанхоть. Криница. Климатическія особенности Геленджика.

Первый замѣтный толчокъ росту Геленджика, какъ населеннаго пункта, дало устройство на берегахъ Геленджикской бухты, недалеко отъ самого селенія, цементнаго завода французской компаніи, привлекавшаго массу рабочихъ и служащихъ, количество которыхъ доходило одно время до 3000 человекъ. При этомъ Геленджикцы получили въ видѣ цементнаго завода еще постоянную оброчную статью, дающую хорошій отъ сдачи юртовой земли подъ заводскія постройки доходъ отъ ломокъ цементнаго камня, доходившій временами почти до 5000 рублей (въ 1901 году по смѣтѣ ожидался доходъ въ 1000 рублей), и возможность заработка на самомъ заводѣ и на ломкахъ. Заводъ вырабатываетъ цементъ, не уступающій новороссійскому, и имѣетъ сбытъ не только въ порты Азовскаго и Чернаго морей, но даже и на Манчжурскую жел. дорогу. Устроенъ онъ лѣтъ 10 назадъ и теперь около пяти каменныхъ помѣщеній самого завода образовался

цѣлый поселокъ—свыше 30 жилыхъ зданій, въ которыхъ мѣстами горитъ электричество, освѣщающее заводскую пристань для причала морскихъ судовъ. Заводъ соединенъ съ Новороссійскомъ (38 верстъ) собственнымъ телефономъ, что даетъ иногда геленджикцамъ возможность «по знакомству» пользоваться имъ въ случаѣ особой надобности.

Притокъ рабочаго люда, достигавшій на заводѣ, какъ я сказалъ, до 3000 чел., имѣлъ своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ ростъ самого Геленджика, развитіе въ немъ торговли, притокъ въ селеніе довольно большого числа ремесленныхъ и торгующихъ людей извнѣ и быстрое умноженіе числа торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Теперь ихъ считается въ Геленджикѣ около 75, тогда какъ 15 лѣтъ назадъ, по показаніямъ старожиловъ, «была одна только лавка, и фунтъ стеариновыхъ свѣчъ стоилъ 40 копѣекъ». Но въ послѣднее время производство цементнаго завода сократилось (въ 1900 г. было только 850 рабочихъ, а размѣръ производства—150000 боченковъ цемента приблизительно на сумму 450.000 р.), и это послужило къ паденію торгово-промышленной жизни незадолго передъ тѣмъ ожившаго Геленджика. Но въ послѣдніе годы онъ сталъ входить въ моду, уже какъ курортъ, что отчасти послужило къ его поддержанію, но не могло однако удержать его на прежнемъ уровнѣ: курортные посѣтителн пріѣзжаютъ не надолго. Если считать, что ихъ ежегодно перебиваетъ до 1500 человекъ (приблизительная цифра 1901 г.), проживающихъ въ Геленджикѣ, въ среднемъ, по 2 мѣсяца, и что въ 1900 г. работало на заводѣ въ теченіе 12 мѣсяцевъ, въ среднемъ, 850 чел., вмѣсто прежнихъ 3000, т. е. менѣе на 2150 чел., то яснымъ станетъ, что притокъ курортныхъ посѣтителей далеко не возмѣщаетъ убыли отъ сокращенія числа рабочихъ ¹⁾.

Однако въ качествѣ курорта Геленджикъ съ каждымъ годомъ идетъ въ послѣднее время въ гору, чему значительно спо-

¹⁾ Убыль эта, если принять во вниманіе разницу во времени пребыванія тѣхъ и другихъ, превышаетъ число курортныхъ посѣтителей въ 8 разъ.

собствуетъ между прочимъ наличность удобной бухты, близость его къ желѣзной дорогѣ (ст. Новороссійскъ) и удобство сообщенія съ нею—по шоссе берегомъ моря (38 верстъ) или моремъ на пароходѣ (26 верстъ).

Росту Геленджика, какъ курорта, много способствовало еще раздѣленіе усадебныхъ земель Геленджикской общины на плановые участки. Вопросъ объ этомъ раздѣленіи возникъ подѣ влияніемъ все увеличивавшагося среди пріѣзжихъ спроса на покупку земель подѣ постройки. Это побудило геленджикцевъ въ 1892 г. составить планъ селенія со включеніемъ въ него всѣхъ земель, отведенныхъ поселянамъ въ качествѣ усадебныхъ угодій. Хотя планъ почему-то не былъ утвержденъ главноначальствующимъ Дондуковымъ, но поселяне вскорѣ же воспользовались имъ для отдачи въ аренду усадебныхъ земель отъ общества.

Въ 1897 г. состоялся приговоръ общества о предоставленіи отдѣльнымъ хозяевамъ права продажи ихъ усадебныхъ участковъ постороннимъ лицамъ на условіи уплаты послѣдними извѣстной аренды въ доходъ общества. Усадебные участки всѣхъ хозяевъ были раздѣлены на участки по 500 кв. саженъ, и каждый домохозяинъ получилъ, такимъ образомъ, возможность продать 3—4 такихъ «плановъ» изъ своихъ усадебныхъ земель, не занятыхъ его собственными постройками. Такое рѣшеніе, конечно, являлось отступленіемъ отъ общиннаго начала, но оно дало на первый разъ благопріятные результаты двоякаго рода. Во первыхъ, оно дало геленджикамъ недостававшія имъ средства для укрѣпленія и расширенія своего хозяйства, для занятій, требующихъ денежныхъ затратъ виноградарствомъ и садоводствомъ—и справедливость требуетъ сказать, что во многихъ случаяхъ полученные деньги не были затрачены зря, и продажа плановъ дѣйствительно содѣйствовала нѣкоторому повышенію экономическаго благосостоянія старожиловъ. Во вторыхъ, это оказало несомнѣнное вліяніе на увеличеніе притока постороннихъ—на ростъ Геленджика, какъ курорта, такъ какъ указанная мѣра привела къ образованію въ Геленджикѣ сразу до 800 плановъ, тогда какъ раньше пріѣзжіе совсѣмъ не имѣли возможности обзавестись въ немъ собственностью. Къ сожалѣ-

нiю, дѣло не обошлось безъ спекуляцiи. Люди проницательные, вѣрившiе въ будущее Геленджика, какъ курорта, стали скупать планы для перепродажи, а люди недалёкновидные спѣшили воспользоваться явившеюся возможностью легко и скоро заработать деньги. Благодаря этому нѣкоторые планы пошли по очень дешевой цѣнѣ—25, 50, 100 р., но въ 1898 г. были уже планы, проданные «въ первой линiи», т. е. у моря, по 1000 р. Продажа пошла очень быстро и еще быстрѣе росли цѣны на планы,—въ 3—4 года цѣны возросли приблизительно въ 7, 8 и болѣе разъ. Въ настоящее время свободные планы еще имѣются, но цѣна на нихъ весьма высока: въ первой линiи у моря—до 2500—3500 р., по шоссе до 700—800 и даже (очищенные отъ держи-дерева и загороженные) до 1000—1200 р., а вдали отъ шоссе и моря, ближе къ окраинамъ 350—500 р. ¹⁾ Большинство продающихся плановъ не культивированы, не очищены отъ крѣпко укоренившагося въ землѣ держи-дерева и требуютъ затратъ на приведение въ порядокъ, не говоря уже о расходахъ на постройки, посадки и т. п. Если вы хотите построить не хату, на манеръ мѣстныхъ построекъ, не наскоро сколоченную дачку, а домъ для житья круглый годъ, то съ расходомъ на приведение плана въ порядокъ и на главнѣйшiя посадки, необходимыя для тѣни и для возможной защиты отъ нордъ-оста, вамъ придется затратить еще тысячу—другую. То же самое—и въ томъ случаѣ, если задаться цѣлью построить, ради полученiя дохода, двѣ—три дачки, вмѣсто одной. Вѣроятность такой затраты будетъ вполне понятна, если даже принять во вниманiе однѣ только высокiя цѣны на трудъ въ данной мѣстности: съ октября и до апрѣля поденщику платится на его содержанiи 70—80 к., съ апрѣля до половины мая и съ сентября 1 р., а въ остальное время 1 р. 30 к.—1 р. 50 к. въ день.

Мѣстные жители строятъ себѣ хаты изъ разныхъ матеріаловъ; но въ большинствѣ «турлучныя», т. е. изъ хвороста, обма-

¹⁾ Арендная плата въ пользу общества такая: первыя мѣста отъ моря, шоссе, базара и церковной площади по 2 коп., во второй линiи по 1¹/₂, и остальныя по 1 к. за кв. саж. въ годъ.

занного глиной, какъ самыя дешевыя и наиболѣе доступныя для постройки собственными силами многосемейныхъ семей. Они имѣютъ, однако, тотъ недостатокъ, что не прочны и требуютъ ежегоднаго ремонта. Покрытая дранью, такая хата, мѣрою 7×9 с., стоитъ 300—350 р. Строить и деревянныя—изъ дубовыхъ отрѣзовъ въ $2-2\frac{1}{2}$ в. толщиной: ихъ ставятъ въ стойку въ основу на столбахъ, обрѣничиваютъ дранью и штукатурятъ (совнутри глиной, снаружи можно и цементомъ); крытая дранью хата 7×9 с. стоитъ 350—500 р. Нѣкоторые устраиваютъ хаты изъ камня («дикаря»): онѣ несравнено прочнѣе, но за то много дороже турлучныхъ (кубъ камня стоитъ 18—23 р.) Крытая дранью такая хата въ 7×9 с. стоитъ 600—700 р. Есть, конечно, и бревенчатыя хаты. Готовую деревянную хату можно купить въ соединеніи сел. Адербіевскѣ, жители котораго занимаются лѣсными заработками, что съ перевозкой обойдется до 500 р. (10×12 саж.).

Все это указываетъ на то, что расходы на полное обзаведеніе собственной усадьбой будутъ довольно велики, разъ вы пожелаете устроиться посвободиѣе, т. е. имѣть нѣчто болѣе и лучшее простой мѣстной хаты, и въ особенности въ томъ случаѣ, если, ради полученія денежнаго дохода, пожелаете устроить лишнее помѣщеніе и для сдачи въ наемъ.

Вопросъ однако въ томъ, какой процентъ будете вы получать на затраченный капиталъ? Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ объ условіяхъ жизни «дачниковъ» въ Геленджикѣ. Въ санаторіи д-ра Сульжинскаго за полный пансіонъ при постоянномъ осмотрѣ врача при «обильномъ питаніи, а въ случаѣ надобности и откармливаніи»—90—110 р. въ мѣс.; это можно считать за максимумъ мѣстныхъ цѣнъ, что и понятно, потому что ими оплачиваются спеціальныя услуги лѣчебнаго заведенія. У частныхъ же лицъ очень не трудно найти помѣщеніе одинокому съ полнымъ содержаніемъ цѣной 35 р. въ мѣс. ¹⁾ Пока я жилъ въ-

¹⁾ По брошюрѣ: «Вдущимъ на югъ! Чудный уголокъ—Геленджикъ—лучшій курортъ черноморскаго побережья»—дача въ 3 комн. съ

Геленджикѣ лѣтомъ 1901 г., тамъ у пристани пароходнаго общества долго висѣло объявленіе,—гласившее, что тамъ-то даются обѣды по 7 р. въ мѣсяцъ, а квартиры со столомъ 17 р. въ мѣс.; что это за квартиры и обѣды я не знаю, но по этимъ объявленнымъ цѣнамъ можно все-таки судить о существующей дешевизнѣ помѣщеній. Я лично съ семьей занималъ отдѣльный домикъ близъ церкви въ 2 небольшихъ комнатки съ кладовкой и платилъ не за сезонъ, а помѣсячно, по расчету прожитаго времени, что значительно повышаетъ цѣну—по 23 р. въ мѣсяцъ съ хозяйской посудой, самоваромъ и прислугой (имѣя сытный обѣдъ отдѣльно за 15 р. изъ 3-хъ блюдъ для взрослого и за 15 р. для двоихъ дѣтей—7½ р. за каждаго). Недаромъ же Геленджикъ считается «самымъ дешевымъ» изъ курортовъ Чернаго моря 1).

Вотъ и судите, какой можно извлечь доходъ изъ затраченнаго капитала собственнику застроеннаго «плана» и на сколько правы тѣ, кто, приобрѣтая теперь планы и культурные участки, ожидаетъ барышей не отъ повышения ихъ нынѣшней доходности, а отъ дальнѣйшаго повышения продажныхъ цѣнъ на землю!... Но и росту этихъ цѣнъ когда-нибудь вѣдь будетъ конецъ?!...

Какъ бы то ни было, а все это въ совокупности, т. е. и устройство завода и организація распродажи плановъ, и пароходство, и наличность прекрасной бухты, и эта самая дешевизна жизни сдѣлали изъ Геленджика, имѣвшаго 12 л. назадъ длину по берегу въ ½ в., а по шоссе до 1 в. и только одно мѣсто, занятое «дачникомъ» подъ постройки, сдѣлали—говорю—большое селеніе по длинѣ до

кухней стоитъ 100—150 р. за сезонъ, а въ 5—6 комн.—300 р. Данные для извѣстной части Геленджика довольно вѣрныя, но тутъ на величину цѣнъ имѣетъ вліяніе то, гдѣ расположена нанимаемая дача—въ болѣе дорогой, или болѣе дешевой части Геленджика.

1) Конечно, эта дешевизна относительная—по сравненію съ другими модными курортами того же побережья. И дешевизна эта, надо замѣтить, по мѣрѣ увеличенія числа лѣтнихъ посѣтителей Геленджика и роста курорта, имѣетъ несомнѣнную тенденцію видоизмѣниться въ дороговизну.

3¹/₂, а шириною до 2-хъ верстъ, застроенное домами, домиками, дачами одноэтажными и двухэтажными, скромными, солидными, а мѣстами даже и роскошными. Еще 6 лѣтъ назадъ въ немъ было не болѣе 50 дачъ и пріѣзжихъ только до 100—120 душъ за лѣто, а теперь въ немъ масса застроенныхъ плановъ, о количествѣ которыхъ можно судить по тому, что общество по копѣйкамъ (1—2 к. за кв. саж.) получаетъ отъ нихъ 3500 р. въ годъ (1901 г.).

Такимъ образомъ на быстрый ростъ Геленджика въ послѣднее время оказалъ вліяніе цѣлый рядъ обстоятельствъ, имѣвшихъ мѣсто въ послѣднее десятилѣтіе, главнымъ образомъ даже во вторую половину его. Несомнѣнно, что однимъ изъ такихъ обстоятельствъ была и появившаяся въ послѣдніе годы мода вообще на Черноморское побережье, благодаря которой публика, посѣщая послѣднее, пріобрѣтала все новыя и новыя свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ дотолѣ курортахъ. Отчасти вліяла, вѣроятно, и реклама, или точнѣе говоря, печатавшіяся въ рекламномъ тонѣ статьи и брошюры чрезмѣрно восхвалявшія нѣкоторые черноморскіе курорты и Геленджикъ въ особенности. Ему въ этомъ отношеніи, кажется, особенно посчастливилось, или можетъ быть вѣрнѣе—не посчастливилось, потому что чрезмѣрныя похвалы эти при сравненіи съ дѣйствительностью приводили многихъ туристовъ къ такому разочарованію Геленджикомъ, котораго бы не могло быть при предъявленіи къ нему болѣе умѣренныхъ требованій.

— «Гдѣ вы провели минувшее лѣто? Опять въ Ниццѣ, на Ривьерѣ?»—спрашивали меня прошлой осенью знакомые въ Москвѣ.

— Нѣтъ, въ Геленджикѣ,—отвѣчалъ я.

— Геленджикъ. Это что такое? *Qu est ça?*—недоумѣвали вопрошающіе.

— Въ Россіи,—отвѣчалъ я, любуясь этими недоумѣніями.

— Гдѣ же это? Около Ялты какое-нибудь имѣніе?

— Нѣтъ, на Кавказскомъ берегу Чернаго моря. Это большое селеніе, которое скоро будетъ городомъ, которое *богато встѣмъ тѣмъ, что можетъ дать природа человеку* и которое можетъ замѣнить *земной рай* тому, кто ищетъ природы и здоровья...

«Чортъ возьми, Геленджикъ, какъ ты хорошъ!»—воскликнулъ бы Н. В. Гоголь, если-бы побывалъ въ этомъ очаровательномъ уголкѣ. Я скажу *только* ¹⁾: спасибо, милый, славный Геленджикъ! Вѣчный странникъ, я живалъ въ Ниццѣ, Ментонѣ, Каннахъ, Скорборо, Брайтонѣ, на Уайтѣ, въ Ялтѣ, Алупкѣ, Боржомѣ и Абасъ-Туманѣ, но только ты далъ мнѣ здоровье и душевный покой!»!

Вышеприведенный разговоръ о Геленджикѣ происходилъ... на бумагѣ въ брошюрѣ нѣкоего Л. А. Б. ²⁾ съ зазывающимъ заглавіемъ: «Ѣдущимъ на югъ! Чудный уголокъ. (Далѣе на обложкѣ изображена картинка—общій видъ Геленджика съ бухтой и подъ нею подпись): Геленджикъ—*лучшій* курортъ Черноморскаго побережья. Цѣна 20 копѣекъ». Брошюра снабжена рисунками, представляющими виды тѣхъ только уголковъ Геленджика, которые могутъ произвести на читателя хорошее впечатлѣніе и между прочимъ видомъ мѣстной санаторіи д-ра Сульжинскаго, въ которой авторъ, по его словамъ, лѣчился въ 1900 г., «испыталъ на себѣ» «чисто материнскій уходъ въ этомъ санаторіумѣ, съ которымъ больные расстаются какъ съ семейнымъ домомъ» и получилъ тотъ «душевный отдыхъ, наравнѣ съ отдыхомъ физическимъ», который можно получить только отъ заботливаго ухода людей, видящихъ въ уходѣ за больными не коммерческое дѣло, а «идею». Изданная въ 1901 г. въ Москвѣ брошюра эта содержитъ 20 стр. и снабжена обширнымъ объявленіемъ д-ра Сульжинскаго о его санаторіи, содержащимъ между прочимъ свѣдѣнія о прекрасномъ морскомъ купаньѣ, высокихъ достоинствахъ климата Геленджика и т. п.

Вотъ та брошюра, которая, еще до выѣзда изъ Кіева ради лѣченія морскими купаньями, рѣшила и для меня вопросъ, гдѣ проведу я большую часть лѣта въ 1901 году. Она же—послѣ того какъ я увидѣлъ Геленджикъ и могъ сравнить напечатанное съ дѣйствительностью—дала толчокъ и къ собиранію мною матеріаловъ для описанія Геленджика.

1) Курсивъ въ этой выдержкѣ вездѣ нашъ.

2) Одного изъ дачниковъ Геленджика въ 1900 и 1901 г.г.

Въ Геленджикъ можно прїѣхать или моремъ, или по желѣзной дорогѣ—до Новороссійска. Есть еще и третій путь въ Геленджикъ—съ юга, моремъ отъ Батума, избираемый нѣкоторыми туристами, прибывающими на Кавказъ съ сѣвера по желѣзной дорогѣ. Этотъ путь имѣетъ свое удобство въ томъ отношеніи, что даетъ возможность за одну поѣздку на Кавказъ повидать и предлести его снѣговыхъ горъ и красоты кавказскаго побережья. Для этого надо только, выйдя изъ душнаго вагона въ Владикавказѣ, проѣхать по военно-грузинской дорогѣ на лошадяхъ до Тифлиса (и по возможности не въ дилижансѣ, конечно, а въ открытой бричкѣ, чтобы имѣть возможность видѣть все вокругъ, быть хозяиномъ своего времени и останавливаться, по усмотрѣнію, тамъ, гдѣ поправится). Отъ Тифлиса уже желѣзная дорога къ морю—на Батумъ и на Поті. Но предпочтительно, конечно, поѣхать на славящійся своей субтропическою роскошною растительностью Батумъ съ его красивыми окрестностями, чѣмъ въ захолустный, грязный, страдающій недостаткомъ зелени Поті. Изъ Батума уже пароходомъ, мимо всѣхъ этихъ «чудныхъ уголковъ»,—мимо Сухума, Новаго Афона, Сочи и пр.—до Геленджика, чтобы тамъ и отдохнуть отъ совершеннаго путешествія. Конечно, такой же точно путь можно совершить и въ обратномъ порядкѣ: поживъ въ Геленджикѣ, возвращаться домой «въ Россію» моремъ на Батумъ, потомъ Тифлисъ и военно-грузинскою жел. дорогою. Но знающіе люди говорятъ, что это далеко не то! Въ первомъ случаѣ вы ѣдете по военно-грузинской дорогѣ съ сѣвера на югъ, изъ царства стужи, мрачныхъ скалъ и вѣчнаго снѣга въ царство тепла и роскошной зелени: съ холодныхъ могучихъ высотъ кавказскаго хребта спускаетесь въ благословенныя и благоухающія долины Грузіи, любясь сверху открывающимися внизу обширными и очаровательными перспективами. Во второмъ,—вы, наоборотъ, изъ покрытыхъ роскошною зеленою теплыхъ, почти горячихъ, культурныхъ и населенныхъ странъ Грузіи должны подыматься на суровые, хотя и величественные массивы Кавказскаго хребта, стоящіе передъ вами огромною и несомнѣнно красивою, но заслоняющею горизонтъ стѣною, на высотахъ которой,

вмѣсто только что покинутого вами царства жизни, вѣчнаго тепла и роскошной зелени полей и рощъ, вы вступаете въ безлюдное, безжизненное царство холодныхъ голыхъ скалъ, холоднаго мрака ушений, леденящаго вѣтра. Меньше перспективъ, меньше широкихъ, чарующихъ глазъ горизонтовъ, нѣтъ того рѣзкаго, поражающаго и вмѣстѣ пріятнаго перехода отъ царства вѣчнаго холода и смерти къ оживленію жизни на лонѣ вѣчно зеленыхъ долинъ подъ горячими лучами южнаго солнца. Къ тому же, пройдя весь этотъ путь съ сѣвера черезъ Владикавказъ-Тифлисъ-Батумъ и отдохнувъ въ Геленджикѣ, вы можете возвратиться «въ Россію» моремъ мимо Крыма, насладившись, такимъ образомъ, и причудливой попорамой крымскаго побережья, отлично виднаго съ борта парохода въ хорошую погоду, когда онъ идетъ круговымъ рейсомъ обыкновенно не вдалекѣ отъ берега.

Какъ я уже упоминалъ, пріѣзжающіе въ Геленджикъ по желѣзной дорогѣ доѣзжаютъ до Новороссійска. Отсюда желающіе ѣдутъ по шоссе на лошадахъ, а не боящіеся моря на паровомъ катерѣ, обыкновенно ожидающемъ прихода одного изъ поездовъ, или же на большемъ пароходѣ Русскаго Общества, если приходъ поезда совпадетъ съ его стоянкою въ Новороссійскѣ.

Надо замѣтить, что для сообщенія Геленджика съ Новороссійскомъ еще 14—15 лѣтъ назадъ установлено уже было крейсированіе казеннаго катера «Князь»; лѣтъ 10 назадъ начали крейсировать и частные пароходики. Немного позже, по устройствѣ цементнаго завода, стали заходить въ Геленджикъ грузовые пароходы Русскаго общества, а лѣтъ 5—6 назадъ съ учрежденіемъ въ Геленджикѣ почтово-телеграфной конторы ¹⁾ сдѣлался обязательнымъ и заходъ пассажирскихъ пароходовъ этого общества (привозящихъ почту). Къ сожалѣнію, вслѣдствіе недостаточной глубины бухты у береговъ, они останавливаются приблизительно въ полуверстѣ отъ берега и съѣзжать съ парохода надо на фелюгахъ, пріѣз-

¹⁾ Интересная подробность для лицъ пріѣзжающихъ въ Геленджикъ: почта здѣсь на домъ не доставляется.

жающихъ съ берега. Въ зимнее время, когда забушуетъ морякъ или—тѣмъ болѣе—зловредный пордь-ость, пароходы эти и совсѣмъ не заходятъ въ бухту, потому что въ сильное волненіе фелюги все равно не могутъ выѣхать къ пароходу. Впрочемъ лѣтомъ, такихъ случаевъ почти не бываетъ. Товарно-пассажирскіе пароходы Россійскаго общества съ болѣе дешевымъ провознымъ тарифомъ въ Геленджикскую бухту совсѣмъ не заходятъ. Такимъ образомъ въ настоящее время въ Геленджикъ большіе пароходы съ пассажирами и съ почтою приходятъ по три раза въ недѣлю съ сѣвера и съ юга и ежедневно изъ Новороссійска частный паровой катеръ «Отважный». Послѣдній, однако, не смотря на значительное количество пассажировъ и грузовъ въ лѣтнее время, таксируетъ плату за проѣздъ, благодаря отсутствію конкуренціи, довольно дорого, а зимою, вслѣдствіе сильныхъ вѣтровъ и незначительнаго количества пассажировъ, и совсѣмъ не ходитъ по нѣсколькимъ недѣль кряду. Нерискующіе ѣхать въ Геленджикъ изъ Новороссійска моремъ пріѣзжаютъ на почтовыхъ или же на городскихъ извозникахъ (4—6 р. за парный фаятонъ) по «голодному» шоссе, начатому устройствомъ между Новороссійскомъ и Сухумомъ въ 1891 г., т. е. тоже въ послѣднее десятилѣтіе.

Когда поѣздъ остановился у Новороссійскаго вокзала и мы задержались нѣсколько съ полученіемъ объемистаго багажа, большая часть котораго оказалась впослѣдствіи только лишнимъ бременемъ при передвиженіяхъ, услужливый жандармъ посовѣтовалъ намъ торопиться къ отходу парового катера въ Геленджикъ. Онъ же успокоилъ насъ относительно безопасности перѣзда на немъ моремъ.

— Въ нынѣшнемъ году катеръ хорошій, большой, безопасный—называется «Отважный»,—не какъ въ прошломъ году, когда ходилъ маленькій «Работникъ». Теперь ужъ хозяинъ «Отважнаго» арендовалъ себѣ «Работника», чтобы не было конкуренціи, и пускаетъ его только по бухтѣ въ Кабардинку за другими дѣлами, а въ море—въ Геленджикъ—ходитъ «Отважный».

Боясь опоздать, мы сильно спѣшили на пристань; но, какъ потомъ оказалось, наша поспѣшность была напрасной,—паровой

катеръ въ собственныхъ интересахъ выжидаетъ желѣзнодорожныхъ пассажировъ и отчаливаетъ не раньше какъ черезъ часъ—полтора послѣ прихода поѣзда. Однако, мы сильно были разочарованы, когда, прибывъ къ пароходной конторкѣ, увидѣли тотъ невзрачный пароходикъ, на которомъ намъ предстоялъ двадцатипестиверстный переѣздъ моремъ: размѣрами онъ былъ не болѣе снующихъ по Невѣ финляндскихъ пароходовъ, а виѣшнимъ видомъ далеко уступалъ послѣднимъ. Погода, правда, была хорошая, въ бухтѣ довольно тихо; но по ней нельзя было судить о волненіи въ морѣ, тѣмъ болѣе, что отъ вѣтра здѣсь защищали горы. А главное надъ горами скопились мрачныя тучи, предвѣщавшія по-видимому, переѣну погоды. Оказалось, что «Отважный» куда то «ушелъ по дѣламъ», а вмѣсто него пойдетъ его бывшій конкурентъ—«Работникъ». Приходилось, слѣдовательно, изъ опасенія качки оставаться до завтра въ Новороссійскѣ, или ѣхать на лошадяхъ. Конторщикъ совѣтовалъ оставаться до завтра, увѣряя, что завтра подойдетъ «самъ Отважный—пароходъ хорошій, большой, вполне безопасный и для васъ болѣе удобный—съ каютами перваго класа».

Мы и предпочли остаться; а наавтра вмѣстѣ со всей нашей кучей багажа заблаговременно явились на пристань. Небо было чисто, обширная бухта тихо сверкала подъ лучами солнца, все предвѣщало пріятную поѣздку, но пристань была пуста!

— Гдѣ же «Отважный»? Неужели ушелъ? Или еще слишкомъ рано?

— Нѣтъ, онъ не пойдетъ вовсе—ни онъ, ни «Работникъ».

— Но почему?

Оказалось, что оба парохода наняты за солидную сумму англійскимъ пароходомъ, ставшимъ вонъ тамъ у дальняго мыса на мель—нужно его выгрузить и стащить съ мели.

И такіе случаи—не исключеніе; пароходство это «срочно» только тогда, когда для пароходовъ нѣтъ другого болѣе выгоднаго заработка.

— Сегодня срочнаго рейса не будетъ—объявилъ намъ служащій при конторѣ.—Пожалуйте завтра: если успѣютъ стащить съ мели, то непременно который нибудь пойдетъ.

Ничего не подѣлаешь—приходится или вновь тащиться по скверной новороссійской мостовой со всѣми вещами въ гостилицу и снова нанимать номеръ, или же, оставя вещи на пристани, кому нибудь изъ насъ отправиться нанимать лошадей.

Пока мы разсуждаемъ о томъ, что дѣлать, какой то господинъ, бывшій на пристани, повидимому съ привезеннымъ для отправки грузомъ, совѣтуетъ намъ отправиться на лошадяхъ.

— Хотя, конечно, пемного дороже, но—если боитесь моря—будетъ много спокойнѣе. Да и развѣ за день разгрузишь океанскій пароходъ, помилуйте! А вѣдь тутъ можно сорвать кушъ, который будетъ много повыгоднѣй срочнаго рейса! При томъ же и «Отважный», хоть онъ и большой сравнительно и какъ будто морской же конструкціи, а все же плоскодонный. Въ случаѣ вѣтра, покачаются такъ, какъ лучше не надо!...

Исполняя этотъ совѣтъ, мы совершили путь въ Геленджикъ по прибрежному шоссе на лошадяхъ. Путь по шоссе очень красивъ и удобенъ, но о немъ придется еще сказать нѣсколько словъ въ слѣдующей главѣ. Теперь же, съ цѣлью описанія окрестностей Геленджика, необходимо сказать нѣсколько словъ о Кабардинкѣ—единственномъ селеніи на пути между Геленджикомъ и Новороссійскомъ.

Оно лежитъ въ 23 верстахъ отъ послѣдняго—тамъ, гдѣ шоссе, извивавшееся параллельно излучинамъ морского берега, дѣлаетъ поворотъ влѣво къ тянувшимся вдоль шоссе горнымъ высотамъ, которыя въ свою очередь отступаютъ еще лѣвѣе. вмѣсто нихъ мѣстность начинаетъ заполняться ближайшими холмами, и справа видъ на море постепенно заслоняется высокою горою. Небольшіе выбѣленные снаружи, то кирпичные, то каменные домики, кой гдѣ при нихъ огородики и виноградники, небольшая каменная церковка, въ срединѣ селенія что-то вродѣ площади, гдѣ видно нѣсколько сидящихъ у домовъ грековъ. Мѣсто—сравнительно низкое, стѣсненное упирающимися въ бухту горами, въ долинѣ между

которыми и лежит селеніе, но съ площади бухты не видно. Населеніе состоитъ на половину изъ русскихъ, на половину изъ грековъ съ примѣсью молдаванъ.

Кабардинка, не въ примѣръ ближайшимъ окрестностямъ Новороссійска, гдѣ нorden-остъ безопасно губить хлѣбныя посѣвы, немного занимается уже и хлѣбопашествомъ, но мѣловыя и известковыя почвы надѣла мало къ этому приспособлены, быстро выхиваются и выдуваются вѣтрами, особенно борой. Хлѣбопашествомъ самостоятельно занимаются преимущественно греки и притомъ, главнымъ образомъ, многорабочія семьи, а малорабочія считаютъ болѣе выгоднымъ сдавать свои земли подъ обработку и уборку исполу, давая только свои сѣмена. Прежде, пока земли были свѣжія, сѣяли больше, а теперь урожаи все хуже и хуже, многія поляны такъ выдуло, что пришлось совсѣмъ забросить. Наиболѣе распространенъ посѣвъ кукурузы. Греки имѣютъ также довольно много скота. Русскіе, по преимуществу кустари, дѣлаютъ фургоны, возы, телѣги, занимаются выдѣлкой углія и заготовкою дровъ. Живутъ пока въ общемъ недурно. Но когда изсякнетъ все болѣе и болѣе вырубаемый лѣсъ, тогда, вѣроятно, придется серьезно подумать о томъ, чѣмъ жить дальше.

На станціи намъ продали за 70 копѣекъ «последнюю» бутылку мѣстнаго винограднаго вина, которое въ Геленджикѣ продается за 30 коп. и запрягли тройку стройныхъ и горличихъ кабардинокъ, ¹⁾ отдыхавшихъ три дня подъ рядъ за отсутствіемъ проѣзжающихъ.

— Только то и спасеніе, что «Отважный» уходитъ иногда по другимъ дѣламъ, какъ теперь вотъ возится съ выгрузкой парохода. А то бы и совсѣмъ не было ѣзды—всего пассажира нынче отбилъ отъ насъ катеръ, — замѣчаетъ станціонный писарь.

Дальше дорога идетъ волнистою, заполненной холмами, мѣстностью, покрытою кустарниковыми зарослями. Холмы и кусты и между ними вьется сѣрое полотно шоссе съ известковою пылью—и опять холмы и кусты вокругъ, а немного вдали отошедшія въ сторону горы; моря же не видно почти всѣ остальные 15 верстъ

¹⁾ Родомъ изъ Кабарды, но не изъ Кабардинки.

до Геленджика. Все это можетъ быть и красиво, но ужь очень ординарно, особенно послѣ тѣхъ, по истинѣ красивыхъ и оригинальныхъ видовъ, которыми мы наслаждались, ѣдучи по шоссе до Кабардинки. Пропали даже и высокорослые можжевельники и виноградники и красивыя туи, первые—своимъ крупнымъ ростомъ, а остальные—своимъ присутствіемъ такъ пріятно свидѣтельствовавшіе намъ о прибытіи въ болѣе теплыя страны. Прилегающіе къ шоссе холмы оказались почти сплошь заросшими довольно высокимъ, но однообразнымъ кустарникомъ, который ямщикъ охарактеризовалъ намъ простымъ именемъ «колючки». Это—то самое «держи-дерево», о которомъ генераль Филипсонъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о временахъ покоренія Кавказа писалъ, что «отъ укрѣпленія Кабардинскаго онъ ѣхалъ 16 верстъ до Геленджика удобной дорогой «по мѣстности, покрытой кустарниками. Этотъ мирный переходъ мнѣ памятенъ тѣмъ, что, поѣхавъ черезъ кусты въ сюртукѣ, я пріѣхалъ въ какой то курточкѣ съ лохмотьями полъ. Между кустами множество березы (?!), которую солдаты называютъ «держи-дерево», потому что безчисленное множество его иглъ съ загнутымъ концомъ виѣпляются въ одежду и непримѣнно ее разрываютъ» ¹⁾).

Только при приближеніи къ самому Геленджику вновь показывается—въ большемъ впрочемъ отдаленіи—открытое море, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обширная, яйцевидной формы, съ входнымъ отверстіемъ на юго-западъ, Геленджикская бухта. Впереди и вокругъ и по обѣ стороны шоссе—все тѣ же кусты, цѣлое море «колючки». За нею обширная бухта, на берегу которой впереди уже виднѣется Геленджикъ, а совсѣмъ направо отъ насъ, и уже сравнительно близко, цементный заводъ. Далѣе за нимъ видна неширокая полоса низменнаго берега (сѣверо-западная сторона бухты) съ прилегающимъ къ нему склономъ высокой горы, оживленнымъ нѣсколькими дачками ²⁾. По мѣрѣ приближенія къ от-

¹⁾ Стр. 131 «Воспоминаній».

²⁾ Тутъ расположены такъ наз. культурные участки казенной земли, раздаваемой частнымъ лицамъ.

крытому морю, берегъ все болѣе лишается растительности. Превращаясь постепенно въ голую, выжженную солнцемъ и покрытую разными травянистыми колючками низину, онъ оканчивается тамъ, на взморьѣ, низкою, узкою и довольно длинною косою, представляющею какъ бы рубежъ между водами моря и бухты. Море здѣсь очень мелко, и въ вѣтряную погоду тутъ быются о косу пѣнистыя волны. Здѣсь у косы входъ въ бухту съ моря и вмѣстѣ съ тѣмъ самое узкое ея мѣсто ¹⁾, потому что противоположный, возвышенный, но столь же почти голый и пустынный, берегъ тоже значительно выдвинулся тутъ отвѣснымъ мысомъ съ маленькимъ маякомъ на верху.

Такая узость входа въ бухту, еще болѣе суживаемаго мелами, значительно ограждаетъ ее отъ сильныхъ волненій, не смотря на ея обширность ²⁾.

Геленджикъ съ возвышенныхъ мѣстъ шоссе представляется нашимъ глазамъ въ видѣ селенія, растянутого по изгибу берега бухты, съ церковкой въ самой широкой и оголенной отъ растительности части. Ближайшія его постройки теряются среди того же непокидающаго насъ моря колючки, а наиболѣе отдаленныя кажутся маленькими одинокими точками на голомъ берегу той стороны бухты. Видъ селенія не привлекаетъ красотою, и взоръ съ гораздо большимъ удовольствіемъ останавливается на тихихъ водахъ бухты и на созерцаніи отдаленнаго вида открытаго моря. Впрочемъ, взглянувъ совсѣмъ налѣво, поверхъ колючекъ, мы видимъ въ полуверстѣ, или немного болѣе, сравнительно высокія горы, кой-гдѣ поросшія кустами, кой-гдѣ бѣлѣющія обнаженными известняками и цементнымъ камнемъ. Это Морхотхскій хребетъ, тотъ самый, что сопровождалъ насъ отъ Новороссійска и скрылся за ближайшими холмами послѣ Кабардинки. Насколько глазъ хватаетъ, онъ уходитъ далеко впередъ, посылая легкіе отроги къ морю, которыми и замыкаетъ передъ нами долину геленджикской бухты. Эти горы гораздо менѣе красивыя, болѣе

¹⁾ Полторы версты отъ мыса до мыса.

²⁾ 7 верстъ длины и 4 ширины (по «путеводителю» г. Москвича).

низкія и болѣе безлѣсныя, чѣмъ Яйла у Ялты, да сверкающее вдали море съ прилегающей къ Геленджикѣ обширной бухтой, съ ея хотя и недурными, но мало оживленными и мѣстами почти лишенными зелени берегами,— вотъ и все, на чемъ охотно останавливается глазъ при приближеніи къ Геленджикѣ.

Постепенно около шоссе, на полянкахъ между держи-деревомъ, появляются хатки и дачки, и очищенные отъ колючки, но еще не застроенные, планы. Вотъ направо мелькнуло не особенно большое, одноэтажное съ мезониномъ и еще съ двумя, кажется, домиками при немъ, на видъ весьма не дурное зданіе. Это тотъ самый «великолѣпно устроенный» санаторіумъ, который, по словамъ брошюры Л. А. Б., такъ «прекрасенъ», что составляетъ «украшеніе» Геленджика. Вокругъ него нѣчто въ родѣ небольшого, но симпатичнаго, обѣщающаго разrostись и дать хорошую тѣнь парка, а вокругъ этого парка все та же колючка. Санаторій считается до извѣстной степени защищеннымъ отъ бору, но эта бора въ Геленджикѣ бываетъ такъ сильна, что отъ нея положительно не убережешься; отдѣльные же ея порывы, или, можетъ быть вѣрнѣе сказать, струи этихъ порывовъ, достигаютъ иногда степени сильнѣйшаго шторма. И вотъ одна изъ сильнѣйшихъ боръ, надѣлавшихъ нѣсколько лѣтъ назадъ великихъ бѣдъ и въ Геленджикской и, въ особенности, въ Новороссійской бухтѣ, какъ рассказывала мнѣ одинъ очевидецъ, посягнула и на санаторіумъ. Во дворѣ стояла лошадь, привезшая бочку воды на двухколескѣ. Порывъ бору опрокинулъ двухколеску вмѣстѣ съ бочкой, сбивъ этимъ съ ногъ и лошадь, у которой при этомъ повредило шею!..

Наконецъ, насъ совсѣмъ покидаетъ колючка, и мы тѣмъ же шоссе въѣзжаемъ въ длинную «главную» улицу Геленджика. По обѣ стороны стоятъ, по преимуществу, одноэтажные дома, кое-гдѣ съ обѣщающими еще застроиться небольшими интервалами, и мы скоро останавливаемся у одноэтажной гостинницы «Петербургъ» съ рестораномъ. Вхожу въ ресторанъ переговорить съ хозяиномъ о номерахъ—и прямо предо мною вырисовывается на стѣнѣ большая вывѣска въ рамѣ: «Просить публику снимать шапки

и фуражки; шумъ и сквернословіе строго воспрещается». Полагая, что нѣтъ дыма безъ огня, и зная, какъ мало у насъ на Руси значать подобныя воспрещенія въ подобныхъ «заведеніяхъ», мы просимъ ямщика везти въ какую-нибудь другую гостинницу. Оказывается, что другихъ только одна и принадлежитъ она... (все это, какъ видите, здѣсь пока очень просто и по домашнему)... принадлежитъ она... «Папашѣ» ¹⁾).

Опять мимо насъ мелькають одноэтажные домики, нѣсколько поперечныхъ улицъ, лавки, двѣ-три греческихъ кофейни, единственная здѣсь извозничья «биржа» съ парными фаэтонами, и, заѣхавъ въ какой-то проулокъ, мимо зданія народнаго училища, мы останавливаемся у двухэтажнаго деревяннаго дома, представляющаго лучшую мѣстную («папашину») гостинницу. При домѣ небольшой не то дворикъ, не то садикъ, гдѣ присутствіе кухоннаго корыта и какой то грязной лужи дополняется вынесенными изъ дому кадками съ цвѣтами, присутствіе которыхъ въ свою очередь должно дополнить недостатокъ зелени въ «саду». Номера почти всѣ заняты и изъ открытыхъ оконъ несется говоръ и ребячій пискъ. Намъ нужно не менѣе двухъ комнатъ рядомъ и не дорогихъ, а за полусвѣтлый номеръ въ одно, выходящее на общую веранду окно, съ насъ запросили 30 р., за свѣтлый же номеръ съ однимъ окномъ прямо на улицу—45 р. въ мѣсяцъ.

Черезъ 3 дня мы устроились, наконецъ, въ отдѣльномъ домикѣ за указанную уже выше цѣну, и нашими хозяевами оказа-

¹⁾ Вотъ выдержка о ней изъ брошюры Л. А. Б., расхвалившей всѣхъ геленджикскихъ предпринимателей: «пріѣзжимъ, не имѣющимъ здѣсь знакомыхъ и не приготовившимъ себѣ заранее помѣщенія, приходится останавливаться сперва въ гостинницѣ, въ которой, впрочемъ, многіе остаются на весь сезонъ,—такъ здѣсь все дешево, спокойно и хорошо, несмотря на первобытную простоту, но... *à la guerre, comme à la guerre*. Гостинница эта содержится старикомъ Ф. А. Кордесомъ, старожиломъ края, добродушнымъ и милѣйшимъ человѣкомъ, котораго населеніе иначе не называетъ, какъ «папаша», такъ же какъ почтенную супругу его—«мамашей».

лись греки изъ турецкихъ подданныхъ,—простая честная симпатичная семья, главный доходъ которой составляла плата, выручаемая отъ сдачи этого домика прїѣзжающимъ на лѣто. Это были турецкіе подданные, почти 30 лѣтъ прожившіе въ предѣлахъ Россіи; такихъ въ Геленджикѣ довольно много.

— Султана мы не любимъ. Георгъ хорошъ, только намъ отъ него пользы нѣтъ. Но мы русскій царь любимъ, потому что онъ позволилъ жить намъ здѣсь. У него жена красивый,—купимъ партретъ въ Новороссійскомъ!—говорилъ намъ хозяинъ, перечисляя, съ своей точки зрѣнія, выгоды ихъ жизни въ Геленджикѣ.

Глава дома былъ конопатчикомъ фелюгъ (лодокъ). Этотъ заработокъ, пріобщенный къ выручкѣ отъ сдачи лѣтомъ дома подъ дачу, составлялъ почти всё, чѣмъ должна была жить семья изъ двухъ взрослыхъ и четверыхъ дѣтей. Подспорьемъ, впрочемъ, было молоко четырехъ козъ, пять кустовъ плохенькаго винограда около дома и сборъ кизиля въ лѣсу для собственнаго потребленія. Потребности этой семьи были доведены до минимума: разъ есть кислое молоко и чурекъ, т. е. лепешки изъ кукурузной муки, то больше ничего не требуется,—остается только ничего не дѣлать, въ чемъ и заключается идеаль жизни. Только крайность заставить вновь приняться за работу. У нихъ есть и другой домикъ, доставшійся въ наслѣдство. Но онъ много лѣтъ стоитъ недостроенный—не хватаетъ денегъ, оставленныхъ покойнымъ дѣдомъ, да и «некогда» приняться за достройку.

— Но отчего же вы не займетесь какой-нибудь работой, не найметесь на лѣто, не научитесь плотничать или столярить?—это же такъ сходно съ тѣмъ ремесломъ, которое вы знаете!.. Вы могли бы этимъ заработкомъ добыть деньги для достройки дома,—говорю я хозяину.

— Нѣтъ, я не можетъ.

— Почему «не можетъ»?

— Потому не можетъ—не привыкъ, я этого не знаить, это трудно... Нѣтъ, я этого совсѣмъ не можетъ!..

Въ большинствѣ они всѣ таковы. Два-три дня работаютъ и, заработавъ кое-что, сейчасъ же отдыхаютъ, не принимаясь за работу и недѣлю и другую и проводя время въ бесѣдахъ, въ безмолвномъ созерцаніи природы, въ кофейняхъ за игрою въ кости. Съ утра до ночи вы можете видѣть на верандахъ Геленджикскихъ кофейнъ этихъ грековъ, собравшихся въ кучки—кто для игры въ кости, кто только для того, чтобы посмотрѣть, какъ играютъ другіе.

Занятія ихъ разнообразны; одни—хорошіе мастера, ремесленники, другіе—рыболовы, третьи—владѣльцы фелюгъ для катанья дачниковъ по бухтѣ, занятіе виолнѣ соответствующее ихъ идеалу ничегонедѣланія: жди дачниковъ и ѣзди съ ними на парусахъ, опять не утруждая рукъ работой. Это положила уже на нихъ свою печать ихъ жизнь въ курортѣ, обеспечивающая отъ крайней нужды, устраняющая отъ необходимости постоянного упорнаго труда. Живущіе же внѣ курорта и потому вынужденные добывать себѣ средства упорнымъ настойчивымъ трудомъ, предприимчивы и, по общимъ отзывамъ, весьма трудолюбивы; тамъ они усердные землевладѣльцы, виноградари и табаководы. А здѣсь—иное дѣло. Только пришедшіе сюда съ деньгами сумѣли еще на первыхъ порахъ захватить доходные планы, предпринять, занявъ удобныя мѣста, доходную торговлю; лучшія лавки тутъ именно у грековъ; лучшія фелюги—опять у нихъ же и у нихъ нѣтъ конкурентовъ для катанья дачниковъ въ фелюгахъ ¹⁾.

Но на большинство все-таки наложила свою печать та легкость жизни и заработка, которая связана съ пребываніемъ въ курортѣ и которая начинается, кажется, оказывать такое же вліяніе на русскихъ старожиловъ.

Безукоризненная честность нашихъ хозяевъ давала намъ возможность уходить изъ квартиры ничего не запирая; а уходя въ наше отсутствіе сами, они запирали нашу квартиру на замокъ, оставляя ключъ въ замкѣ же для нашего удобства.

— Чтобы собака не зашелъ, а человѣка ты не бойся: имъ тутъ ничего не нужна—чужого не берутъ, свое довольна!..

¹⁾ Стоимость катанья на фелюгахъ приблизительно 40—60 к. въ часъ, смотря по соглашенію и времени сезона.

И, кажется, что Геленджикъ дѣйствительно можетъ похвастаться отсутствіемъ воровства; по крайней мѣрѣ о такихъ случаяхъ ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ намъ не удалось слышать ни разу. Впрочемъ, были здѣсь лѣтъ 5 назадъ даже и разбои, но производимые людьми, пришедшими извнѣ—явленіе, слѣдовательно, вполне случайное и возможное во всякомъ мѣстѣ. Ихъ было три «черкеса», начавшіе свои разбои съ дневного нападенія на В. А. Щербину ¹⁾, когда онъ жилъ въ Геленджикѣ на дачѣ въ довольно людномъ мѣстѣ. Нападенію предшествовало полученіе имъ солидной суммы денегъ, съ цѣлью похищенія которой они намѣревались убить В. А. Но, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, наглое нападеніе не удалось, окончившись, однако, тяжелымъ пораненіемъ В. А., оставившимъ печальный слѣдъ на всю его жизнь. Произведя еще нѣсколько разбоевъ, пріятная компанія удалилась и, по слухамъ, оперируетъ теперь въ предѣлахъ кутаисской губ. уже въ составѣ четырехъ человѣкъ. Упоминаю объ этихъ фактахъ только потому, что, ссылаясь на нихъ, многіе указывали на небезопасность жизни въ Геленджикѣ.

Изъ всего сказаннаго выше читатель уже заключилъ, конечно, что Геленджикъ можетъ пока считаться дешевымъ морскимъ курортомъ ²⁾.

Одинъ изъ мѣстныхъ дачевладѣльцевъ характеризовалъ мнѣ его такъ:

— Теперь это—курортъ священниковъ, учащейся молодежи, сельскихъ учителей и вообще педагоговъ, что и служить неопро-

1) Бывшаго секретаря Кубанскаго областн. стат. комитета, брата извѣстнаго земскаго статистика Ф. А. Щербины.

2) Напр., десятокъ яицъ стоилъ (въ 1901 г.)—12—15 к., говядина 9—11 к. за фунтъ, баранина дешевле; впрочемъ молочные продукты, вѣроятно вслѣдствіе сравнительно слабаго развитія скотоводства, уже довольно дороги: сливочное масло 50—60 к. фунтъ, сметанное 30 к., коровье молоко 8 к. бутылка, при чемъ подъ видомъ коровьяго перѣдко подсовываютъ болѣе дешевое козье.

вержимымъ доказательствомъ его дешевизны, потому что народныя учителя люди бѣдные, студенчество—немногимъ ихъ богаче, педагоги—вообще тоже люди не богатые, а изъ духовныхъ не бѣдные—всегда скупые.

Просмотръ списковъ прїѣзжихъ (что ведется въ сельскомъ управленіи) вскорѣ же убѣдилъ меня въ правильности его словъ о значительномъ процентѣ лицъ этихъ категорій изъ числа дачниковъ.

Списки же вполне убѣждали и въ томъ, что Геленджикъ, имѣя своими посѣтителеми по преимуществу людей мало и средне—обеспеченныхъ изъ такъ наз. интеллигентнаго круга, привлекаетъ ихъ изъ разнообразнѣйшихъ мѣстъ, каковы, напр., губерніи петербургская, воронежская, кievская, екатеринославская, московская, саратовская, томская, Ростовъ на Дону, Екатеринодаръ и даже Владивостокъ ¹⁾.

Эта сравнительная дешевизна жизни и является однимъ изъ главнѣйшихъ условій, привлекающихъ сюда всю эту, ежегодно умножающуюся въ числѣ, публику. Другое—для дѣйствительно больныхъ и нуждающихся въ отдыхѣ людей—удобство мѣстной курортной жизни заключается въ томъ, что Геленджикъ не доросъ еще до настоящаго типичнаго курорта съ курзалами, кафе-ресторанами и т. п., поэтому жизнь здѣсь спокойная, не шумная, для иныхъ, можетъ быть, даже кажущаяся скучною, но для дѣйствительно больныхъ, нуждающихся въ покоѣ, какъ разъ подходящая; прїѣзжающая публика одѣвается просто, безъ претензій, прїѣзжіе знакомятся другъ съ другомъ довольно легко. Конечно, это зависитъ и отъ самого состава прїѣзжающей публики; одно съ другимъ въ связи—большая часть этой публики, вѣроятно, и не поѣхала бы въ настоящій дорогой курортъ, какъ сюда не поѣдетъ та, которая ищетъ блеска и развлечения. Но надо думать, не очень далеко то время, когда и Геленджикъ обзаведется «всѣмъ необходимымъ» для «настоящаго» курорта. Но тогда, вѣроятно, и жизнь въ немъ станетъ дороже, и составъ прїѣзжающей

¹⁾ Четыре семьи въ 1901 году.

публики до нѣкоторой степени тоже измѣнится. Надо, впрочемъ, замѣтить, что за неимѣніемъ спеціальныхъ мѣстъ для увеселеній, недостатокъ въ развлеченіяхъ пополняется отчасти самою публикою, устраивающею отъ времени до времени въ частныхъ домахъ или въ помѣщеніи училища—обыкновенно съ какою-нибудь благотворительною (на мѣстныя общественныя нужды) цѣлью—литературно-музыкальные вечера, кончающіеся танцами.

Если описанная простота жизни и отсутствіе обычныхъ спеціально курортныхъ развлеченій могутъ быть рассматриваемы нѣкоторою частью публики, какъ недостатокъ этого молодого курорта, то на вопросъ объ удобствахъ морского купанья въ Геленджикѣ врядъ ли можетъ быть двѣ точки зрѣнія. Правда, что тотъ берегъ Геленджикской бухты, гдѣ имѣлась въ 1901 г. лучшая предпринимательская купальня (плата 3 р. за 100 билетовъ) и затѣмъ мѣстная «народная» купальня ¹⁾, далеко уступаетъ по удобству купанья той сторонѣ, что за заводомъ, гдѣ находятся культурные участки. И вообще весь Геленджикъ, въ видахъ наибольшаго удобства для купанья, долженъ бы быть расположенъ на той (сѣверозападной) сторонѣ бухты, гдѣ берегъ съ отличнымъ пляжемъ изъ одного лишь мелкаго песка и по качествамъ своимъ не уступаетъ лучшему въ Крыму—Ододосійскому. Но и на этой сторонѣ дно бухты во многихъ мѣстахъ вполне удобно для купанья: ровно, безъ ямъ, покрыто пескомъ и понижается по мѣрѣ удаленія отъ берега съ такою постепенностью, которая даетъ возможность даже неумѣющимъ плавать безопасно удалаться на большое разстояніе отъ берега. Въ этомъ отношеніи купанье въ Геленджикской бухтѣ чрезвычайно удобно для дѣтей, и это удобство еще болѣе увеличивается значительною защищенностью бухты отъ вѣтровъ, въ особенности отъ «моряка», т. е. вѣтра, дующаго

¹⁾ Съ самымъ неудобнымъ мѣстомъ для купанья, гдѣ дно изобилуетъ камнями и массой свай оставшихся отъ какой то постройки, вѣроятно пристани

съ моря. Обстоятельство это значительно умѣряетъ силу прибоя, такъ что въ весьма рѣдкихъ только случаяхъ прибой является препятствіемъ для неумѣющихъ плавать и дѣтей. А это, въ свою очередь, даетъ возможность и взрослымъ, и малолѣтнимъ больнымъ, прїѣзжающимъ специально для купанья на короткое время, использовать въ этомъ отношеніи имѣющееся въ ихъ распоряженіи время полностью, производя купанье съ необходимой регулярностью, что осуществимо въ весьма развѣ немногихъ морскихъ курортахъ черноморскаго побережья. Извѣстные изслѣдователи этого побережья, гг. Воейковъ, Пастернацкій и Сергѣевъ ¹⁾, говоря объ условіяхъ купанья у сѣверозападнаго берега Геленджикской бухты съ его прекраснымъ пляжемъ, признаютъ, что лучшаго мѣста для купанья нѣтъ на всемъ черноморскомъ побережьѣ.

Но въ числѣ постоянныхъ Геленджикскихъ жителей я встрѣтилъ оригинала, который, 8 лѣтъ живя на берегу бухты и вблизи открытаго моря, ни разу не купался ни въ ней, ни въ морѣ, на томъ основаніи, что онъ здоровъ, поддерживать чистоту тѣла можетъ посредствомъ бани и не желаетъ «грязнить» себя купаньемъ въ непроточной водѣ «этой грязной лужи», именуемой моремъ.

— Васъ это, конечно, удивляетъ, и я вполнѣ васъ понимаю: не можете же вы не дорожить тѣмъ, на что, ѣдучи сюда, уже издержали массу денегъ. Ну, а мнѣ этого и даромъ не нужно!

При возможности такого разнообразія мнѣній, вѣроятно, найдутся люди, которымъ не понравятся даже и условія купанья въ Геленджикской бухтѣ, потому, напр., что здѣсь нѣтъ сильнаго прибоя, борьба съ которымъ бываетъ столь пріятна хорошимъ пловцамъ, и нѣтъ такихъ глубокихъ мѣстъ у берега, съ которыхъ можно было бы бросаться прямо въ морскую глубь. Ничего этого дѣйствительно нѣтъ ни въ бухтѣ, ни въ ближайшихъ окрестностяхъ Геленджика у береговъ открытаго моря, выступающихъ въ него обширными каменистыми мелями. Берегъ открытаго моря большею частію высокій отвѣсный, не дающій возможности спу-

1) «Черномоское побережье», стр. 132.

ститься къ водѣ, чтобы поискать интересныхъ камешковъ и половить крабовъ (что, впрочемъ, вполне возможно во многихъ мѣстахъ бухты). Для свѣдѣнія любителей необъятнаго морского простора надо сказать также, что изъ Геленджика, пріотившагося на отдѣленномъ отъ моря концѣ суживающейся къ морю бухты и на сравнительно низкомъ мѣстѣ, виднѣть только небольшой кусочекъ моря. Чтобы полюбоваться морскимъ просторомъ, приходится совершать спеціальныя прогулки къ морю по пустынному выжженному солнцемъ берегу бухты безъ признака тѣни.

Такъ какъ для пріѣзжающихъ ради морского купанья важно имѣть свѣдѣнія о температурѣ морской воды, то необходимо сказать, для ихъ свѣдѣнія, что ни въ Геленджикѣ, ни въ какомъ изъ другихъ морскихъ курортовъ черноморскаго побережья Кавказа до сихъ поръ не производилось спеціальныхъ на этотъ счетъ наблюдений¹⁾. Но мѣстные побережные жители единодушно увѣряютъ, что въ періодъ купальнаго сезона на побережьи не бываетъ такихъ быстрыхъ колебаній и въ особенности пониженій температуры морской воды, какія бываютъ, напр., на берегахъ Крыма (за исключеніемъ Севастополя) и въ окрестностяхъ Одессы²⁾. Если это вѣрно для всего кавказскаго побережья, то тѣмъ болѣе вѣрно для защищенной Геленджикской бухты.

На берегу этой бухты имѣется въ Геленджикѣ бульваръ, изъ котораго открывается видъ на всю бухту, на большую часть Геленджика, на море. Въ самомъ Геленджикѣ это единственное мѣсто, спеціально предназначенное для прогулокъ. Бульваръ устроенъ путемъ простого отграниченія рѣшетчатымъ заборомъ узкой, свободной отъ дачныхъ построекъ полосы вдоль самаго берега бухты. Несмотря на сравнительно густую заросль на всемъ огорожен-

1) Предполагалось лишь начать ихъ съ 1899 года на Сухомскомъ маякѣ.

2) Научное объясненіе этому см. на стр. 81—82 «Черном. Побережья».

номъ подѣ бульварѣ, приблизительно полутора-верстномъ, пространствѣ, тѣни вы въ немъ не найдете, потому что на бульварѣ растетъ почти исключительно держи-дерево, а оно не подпускаетъ къ себѣ подѣ тѣнь своими колючками. Исключеніе составляетъ лишь небольшой такъ наз. «уголокъ влюбленныхъ»—мѣстечко не больше какъ въ 100 кв. саж.—гдѣ пресловутое держи-дерево уступило свое мѣсто дающимъ пріятную тѣнь деревьямъ другихъ породъ. Здѣсь всегда много публики, здѣсь пріютился фруктощикъ съ кефиромъ, здѣсь же и наибольшая на бульварѣ масса всякаго сора и отбросовъ. Бульваръ находится подѣ покровительствомъ организовавшагося здѣсь изъ дачевладѣльцевъ «Общества содѣйствія благоустройству курорта Геленджика съ окрестностями отъ р. Ашамбэ до р. Пшада», которое ведетъ тщетную борьбу съ мѣстными «старожилами», охотно вырубаящими на домашнія надобности немногія порядочныя деревья на бульварѣ.

Еще до посѣщенія Геленджика Николаемъ I эти старожители успѣли уже вырубить ближайшіе лѣса на столько, что «Зеленчукъ», какъ помнитъ читатель, и тогда уже былъ окруженъ мелколѣсьемъ, въ составъ котораго входила та самая колючая «береза», которая изорвала въ клочки мундиръ генерала Филиппсона. Теперь этой «березы» не оберешься, а тамъ гдѣ ее нѣтъ—тамъ ее замѣняютъ другія «колючки». Одинъ туристъ, по специальности статистикъ, сдѣлалъ подсчетъ всѣхъ видовъ «колючекъ»—кустарныхъ и травянистыхъ въ окрестностяхъ Геленджика и насчиталъ двѣнадцать. Такое изобиліе «колючекъ» составляетъ одно изъ существенныхъ неудобствъ пѣшихъ прогулокъ въ окрестностяхъ Геленджика: травянистыя колючки обжигаютъ ногу обутую въ болѣе открытую лѣтнюю обувь; держи-дерево не позволяетъ свернуть съ проторенной тропинки безъ риска наколоться на его иглы, а иногда и застрять среди колючекъ въ самомъ безвыходномъ положеніи, когда слегка загнутыя его иглы не пускаютъ ни впередъ, ни назадъ.

Пройдя бульваръ, кое-гдѣ отмѣченный слѣдами пребыванія коровъ, можно береговыми тропинками, проложенными между кустовъ этого «чортова-дерева», какъ его называютъ нѣкоторые,

дойти и до цементнаго завода, повидать самый заводъ, пристань при немъ, нагрузку судовъ цементомъ. Дальше за заводомъ берегъ бухты круто поворачиваетъ къ морю мимо такъ наз. культурныхъ участковъ, т. е. казенныхъ земель, розданныхъ разнымъ лицамъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ въ собственность. Сначала¹⁾ они обыкновенно отдаются лишь въ льготное пользованіе на 5 лѣтъ съ обязательствомъ насажденія той или иной культуры на извѣстномъ прострпствѣ участка. Но по истеченіи 5 лѣтъ предоставляется право на льготныхъ условіяхъ приобрѣсти участокъ въ собственность. Нормальный размѣръ этихъ участковъ 10 дес., и каждое отдѣльное лицо имѣетъ право только на 1 такой участокъ, но въ «заслуживающихъ уваженія» случаяхъ допускается давать и по нѣсколько участковъ въ однѣ руки. Вотъ такіе то участки, изъ которыхъ многіе перешли уже къ новымъ владѣльцамъ, раздробились, или наоборотъ соединились въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ,—и расположены на этомъ берегу бухты, а также около Кабардинки, близъ нѣкоторыхъ другихъ изъ окрестныхъ селеній и около Новороссійска въ урочищахъ Пенай и Чухабль. Геленджикскому туристу не безынтересно будетъ посмотрѣть эти участки, побывать на разведенныхъ въ нихъ виноградникахъ, присмотрѣться къ страдающимъ отъ нордъ-оста садамъ и убѣдиться въ ничтожномъ процентѣ земель, занятыхъ подъ культуру на этихъ участкахъ, розданныхъ именно въ цѣляхъ насажденія культуры, но, вслѣдствіе дороговизны цѣны на землю, продающихся весьма дорого даже и въ совсѣмъ неразработанномъ видѣ. Поучительный примѣръ для возраженія противъ политики насажденія культуры путемъ раздачи земель людямъ постороннимъ, не знающимъ мѣстныхъ условій, а главное не живущимъ личнымъ земледѣльческимъ трудомъ (участки находятся преимущественно въ рукахъ лицъ не мѣстнаго происхожденія изъ такъ наз. интеллигентнаго круга)...

¹⁾ Правила объ отводѣ культурныхъ участковъ см. въ Справочной книгѣ черноморской губ. на 1899 г., составл. П. С. Леонтьевымъ, стр. 23.

Здѣсь чортово-дерево замѣнилось другою болѣе симпатичною и разнообразною растительностью, чередующеюся съ маленькими виноградничками, небольшими садочками и дачками, а пляжъ для купанья, какъ я уже говорилъ, наилучшій изъ всей бухты и даже всего побережья. Съ завода, если есть время, можно посѣтить и ломки цементнаго камня, но практичнѣе, чтобы не утомляться, сдѣлать это цѣлью отдѣльной прогулки.

Этимъ, однако, не исчерпываются любимыя мѣста прогулокъ геленджикскихъ дачниковъ въ окрестностяхъ селенія. Можно, напр., совершить еще прогулку, чтобы повидать и «степь»!... Такъ называли бывшіе жители кубанскихъ степей—геленджикскіе старожилы изъ казаковъ—тѣ небольшія пахатныя и сѣнокосныя поляны, которыя по склонамъ спускающейся къ бухтѣ пологости, разбросаны куртинами между обширными зарослями чортова дерева. Хотя присвоенное имъ названіе степи звучитъ горькой ироніей, но поляны эти невольно радуютъ взоръ чело-вѣка, утомленнаго однообразной картиной чортова-дерева и привыкшаго къ картинамъ сельской жизни. Есть еще одно любимое мѣсто прогулокъ геленджикскихъ туристовъ—къ маяку надъ моремъ по голому, выжженному солнцемъ берегу бухты мимо бойни, гдѣ почти на глазахъ гуляющей вечерами публики производится убой скота для питанія ея на завтрашній день. Вотъ, кажется, и всѣ главнѣйшія мѣста прогулокъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Геленджика. Но публика, не удовлетворяющаяся такими прогулками въ ближайшихъ окрестностяхъ Геленджика, не лишена однако возможности, покинувъ окружающее его кольцо держи-дерева, найти за его предѣлами мѣста весьма красивыя и оригинальныя.

Интересную и характерную для данной мѣстности особенность всѣхъ прогулокъ въ окрестностяхъ составляетъ бѣдность цвѣтовъ на землѣ (т. е. на травянистой растительности) и бѣдность пѣвчими птицами. Что же касается поѣздокъ въ болѣе дальнія прогулки, то онѣ, несомнѣнно, интереснѣе предыдущихъ, но обходятся сравнительно дорого. Даже съѣздить въ фазтонъ изъ Геленджика на тотъ берегъ бухты за заводъ, чтобы побыть

тамъ съ полчаса и то уже стоитъ 2 р. Поѣздка же на т. наз. Михайловскій переваль или въ Джанхоть (съ правомъ пробить тамъ до вечера) 5—6 р.¹⁾—и т. п. Поэтому при сравнительно частыхъ прогулкахъ расходъ на оплату поѣздовъ складывается въ крупную сумму. Но извозчиковъ мало, слѣдовательно нѣтъ «благоугодившей конкуренціи», да и единственное время ихъ заработка—лѣто, когда имъ необходимо нажить денегъ на весь годъ. Этимъ объясняютъ, почему и извозничья такса, дѣйствующая въ самомъ Геленджикѣ, тоже довольно высока (напр., въ часъ 50 коп.).

Весьма интересна прогулка въ Адербіевку. Туда, при нежеланіи идти пѣшкомъ, можно попасть кружнымъ путемъ—по шоссе и затѣмъ долиною р. Адербы—по дну ущелья, постоянно пересѣкаемаго рѣчкой, которую приходится нѣсколько разъ перѣзжать въ бродъ, такъ какъ когда-то построенные чрезъ нее мосты на половину снесенные, на половину испорченные, представляютъ «одно сплошное недоразумѣніе». Поэтому случайно побывавшимъ чрезъ эти мосты мѣстные жители-малороссы обыкновенно иронически замѣчаютъ: «чего тебя нечистая попесла сюда, хибя ты не бачивъ, *що це мостъ*»²⁾! Двѣнадцативерстный колесный путь этотъ, не однажды въ годъ прерывающійся благодаря дождямъ каждый разъ на нѣсколько педѣлъ, проходитъ въ довольно красивомъ ущельѣ. Но онъ не открываетъ тѣхъ безусловно красивыхъ перспективъ, которыми отличается лѣшій путь въ Адербіевку чрезъ Мархотхскій хребетъ по горной тропѣ, которою Адербіевцы обыкновенно сообщаются съ моремъ и Геленджикомъ.

Подъемъ на гребень хребта ничуть не опасенъ, хотя и нѣсколько труденъ; въ прогулкѣ съ дамами мы поднимались на него,—не безъ нѣсколькихъ короткихъ приваловъ, конечно,—приблизительно два часа. Несмотря на то, что день былъ жаркій и безвѣтренный, такъ что подниматься было довольно жарко,

¹⁾ Разстоянія отъ Геленджика 16—21 верст.; цѣны эти—въ періодъ наплыва пріѣзжихъ.

²⁾ «Черноморское Побережье», стр. 133.

тамъ на обнаженномъ гребнѣ хребта ничуть не было жарко, благодаря довольно свѣжему вѣтру, гулявшему надъ горами. А главное, за всѣ трудности пути мы съ избыткомъ были вознаграждены грандіознымъ видомъ на всю долину Геленджика, на самое селеніе, на бухту, на Кабардинку, даже на «Цемесскую» бухту съ г. Новороссійскомъ въ дальнемъ углу, и, наконецъ на самое море, открывавшееся передъ нами въ необъятной ширинѣ. Пожалуй, не менѣе хорошъ, только въ другомъ родѣ, и видъ по ту сторону гребня на ущелье р. Адербы и на хаосъ горъ, то сплошь заросшихъ лѣсомъ, то полуобнаженныхъ сверху и мѣстами бѣлѣющихъ на яркомъ солнцѣ мѣловыми обнаженіями. Съ нашего гребня бинокль позволялъ видѣть на ближайшихъ склонахъ мѣстами почти отвѣсныя и всегда прямыя тропы, или вѣрнѣе сказать, спуски, употребляемыя Адербіевцами для скатыванія съ горъ срубленныхъ деревьевъ и сѣна, которое сволакиваютъ съ горъ веревками. А внизу въ ущельѣ Адербы видны уже простымъ глазомъ и рѣчка, и крестьянскія постройки, расположенныя на террасахъ и склонахъ ущелья, куда не достигаетъ разливъ Адербы въ дождливое время.

Стоить спуститься и въ Адербіевку, хотя бы для того, чтобы имѣть представленіе объ оригинальныхъ условіяхъ, въ которыхъ живетъ ея населеніе. Въ ущельѣ Адербы жило прежде до 4000 черкесскихъ семей, послѣ упорнаго сопротивленія окончательно вытѣсненныхъ около 1864 г. русскими войсками. Слѣдами ихъ пребыванія и культуры остались разбросанныя между постройками группы яблоневыхъ и грушевыхъ деревьевъ и грецкого орѣха, стволы которыхъ достигаютъ 2—3 аршинъ въ обхватъ. Здѣсь, послѣ ихъ ухода, поселены были сначала входившіе въ составъ Шапсугскаго баталіона козаки, пригнанные съ степей Кубани, но скоро громадное большинство ихъ разбѣжалось. Потомъ поселили здѣсь крестьянъ-малороссовъ преимущественно изъ полтавской губ., а къ нимъ присоединилось еще нѣсколько семей грековъ — табаководовъ, вмѣстѣ съ которыми въ

ущельѣ живетъ теперь лишь 100 съ небольшимъ семей¹⁾. Номинально надѣль 30 дес. на дворъ, но разработка земли крайне трудна, да и удобной земли весьма мало; въ травѣ недостатка нѣтъ, но доставить скошенное въ горахъ сѣно трудно и $\frac{2}{3}$ его пропадаетъ при спускѣ съ горъ. Виноградъ родится не особенно хорошо: вредятъ иногда зимніе морозы, да и почва здѣсь по преимуществу глинистая, «холодная»; не въ примѣръ окрестностямъ Геленджика, богатымъ известковыми «теплыми» почвами съ прекрасными виноградниками у нѣкоторыхъ владѣльцевъ культурныхъ участковъ. Винодѣліе съ самымъ примитивномъ состояніи. Главный заработокъ, главный источникъ жизни Адербіевцевъ—лѣсъ: рубка лѣса и сбытъ его, какъ строевого матеріала и топлива. Но естественное лѣсовозобновленіе далеко не поспѣваетъ пополнять безпощадную вырубку; все годное вблизи уже вырублено; когда то могучіе дубы, буки и ольхи, громадные яблони и груши упали подъ ударами топора, и за ними приходится теперь отправляться далеко въ горы. Промыселъ становится все труднѣе и малоодоходнѣе. Нѣкоторые Адербіевцы уже пробовали выселяться въ Сибирь (!), но вернулись назадъ разоренные. Въ общемъ, населеніе живетъ бѣдно, а съ дальнѣйшею вырубкою лѣса жить станетъ еще тяжелѣе; уже и теперь Геленджикъ получаетъ строевой лѣсъ главнымъ образомъ не изъ Адербіевки, а изъ болѣе отдаленной Пшады; изъ Адербіевки же идутъ преимущественно дрова. Приближается грозный моментъ, когда Адербіевцамъ придется рѣшать вопросъ о томъ, чѣмъ жить и куда дѣться²⁾.

Необходимо сказать кстати пару словъ о климатѣ Адербіевки, въ виду высказывавшагося мнѣнія о возможности образо-

1) Сверхъ этого невдалекѣ имѣется еще особый поселокъ—семеи 20 чеховъ, поселившихся здѣсь лѣтъ 20 наз. и живущихъ главн. обр. огородничествомъ, идущимъ у нихъ довольно успѣшно.

2) Подробности объ Адербіевкѣ, ея винодѣліи и климатѣ см. въ извѣстной книгѣ «Черном. побережье» стр. 50 и 133—135 и въ «Трудахъ съѣзда виноградовладѣльцевъ» въ 1891 г. въ Новороссійскѣ, стр. 238 и слѣд.

ванія въ ущельѣ Адербы климатической станціи. Ущелье это, какъ уже замѣтилъ, конечно, читатель, заслонено отъ Геленджика, а слѣдовательно и отъ моря, довольно высокою горною грядою; поэтому морскіе бризы сюда не достигаютъ. Осушающій воздухъ нордъ-остъ, попадая въ ущелье, не только слабѣетъ, но главное, крутится и вертится въ предѣлахъ ущелья, производя водоворотъ воздуха, но мало содѣйствуя его смѣнѣ и вентиляціи, что несомнѣнно онъ дѣлаетъ въ Геленджикѣ, гдѣ, на ряду со всѣми приносимыми имъ невыгодами, онъ все-таки содѣйствуетъ вентиляціи мѣстности. По низинамъ Адербіевскаго ущелья расположились громадныя заросли папоротника, мать-мачихи и др. сорныхъ травъ; временами буйно разливающаяся Адерба оставляетъ слѣды своихъ разливовъ въ видѣ не скоро высыхающихъ озеръ и лужъ. Результатомъ всего этого являются здѣсь отсутствующія въ Геленджикѣ лихорадки, хотя и уступающія хинину, но обязательно появляющіяся съ іюля и продолжающіяся до осени. И осенью и зимою Адербіевка несомнѣнно холоднѣе Геленджика; снѣгъ, быстро стаивающій въ Геленджикѣ вслѣдъ за выпаденіемъ, по ущельямъ горъ, а иногда и въ самой Адербіевкѣ лежитъ иногда по нѣсколько недѣль, хотя бываютъ, конечно, и совсѣмъ безснѣжныя зимы.

Еще болѣе суровъ зимній климатъ въ другомъ любимомъ мѣстѣ прогулокъ геленджикскихъ дачниковъ--на Михайловскомъ перевалѣ, гдѣ расположено извѣстное имѣніе Вардавиръ принца А. П. Ольденбургскаго. Тамъ мѣстность, благодаря наличности могучихъ зарослей и кромѣ того защищенности ея отъ моря Мархотскимъ горнымъ хребтомъ, а отъ нордъ-оста Коцехурскимъ, плохо вентилируется и изолирована отъ непосредственнаго вліянія близости моря. Она имѣетъ довольно ясно выраженный континентальный климатъ съ значительными суточными колебаніями температуры, съ утренниками на низкихъ мѣстахъ еще въ апрѣлѣ, съ большимъ количествомъ осадковъ, особенно лѣтомъ, съ глубокими (до 2-хъ и болѣе аршинъ) и долго лежащими снѣгами въ нѣкоторые зимы. Тамъ предполагалось завести виноградарство въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ, но мѣстныя условія

оказались недостаточно благопріятными. За то мѣстная и луговая растительность здѣсь роскошны и нѣтъ той сухости и лѣтнаго жара, которые замѣчаются въ Геленджикѣ и въ особенности въ Новороссійскѣ. За то и дорога туда (кромѣ первыхъ 4—5 верстъ отъ Геленджика среди сплошнаго держи-дерева) отличается замѣчательнымъ разнообразіемъ пышно разросшейся растительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и красотою видовъ. Дѣлая крутые изгибы, шоссе то опускается въ долину какой-нибудь рѣчки или ручья, то подымается на возвышенность и идетъ по высоко поднятому узкому карнизу горы, открывая широкія перспективы вокругъ, то узкой сѣрой лентой извивается въ хаосъ горъ, мѣстами обросшихъ могучею растительностью, мѣстами отвѣсныхъ съ ярко выдѣляющимися на солнцѣ громадными обнаженіями известняковъ, красиво наложенныхъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Великолѣпные огромные буки, дубы и карагачи, многочисленные мелколистныя грабы постепенно подступаютъ къ шоссе сплошною стѣною съ обѣихъ сторонъ. Въ болѣе влажныхъ мѣстахъ густота окружающей растительности увеличивается обвивающими деревья многочисленными ліанами разныхъ видовъ: жимолостью, ломоносомъ, повителемъ, хмѣлемъ, плющомъ, дикимъ виноградомъ. На 17-й верстѣ отъ Геленджика имѣется тамъ источникъ минеральной солено-щелочной воды, по всѣмъ вѣроятіямъ имѣющей будущее¹⁾, тѣмъ болѣе, что вблизи источника имѣются мѣста, гдѣ съ удобствомъ можно построить дачный поселокъ.

Поѣздка на Михайловскій перевалъ интересна еще въ томъ отношеніи, что, взявъ съ собою знающаго мѣстнаго человѣка, можно свернуть съ шоссе и совершить небольшое, но пріятное путешествіе пѣшкомъ къ такъ наз. долменамъ—остаткамъ каменныхъ жилищъ древнѣйшихъ обитателей страны. Дорогою, идя по лѣсу, не разъ можно наткнуться на заросшіе лѣсомъ остатки черкесскихъ садовъ и полакомиться при этомъ растущею мѣстами въ изобиліи ягодой алыча или лыча, способствующей утоленію жажды.

¹⁾ Подробности см. «Черноморское побережье» стр. 13, 51 и 135—137.

Въ лѣсахъ окрестностей Михайловскаго перевала водятся волки, кабаны, медвѣди, рыси, шакалы. Еще дальше за переваломъ близъ р. Пшады, верстахъ въ 40—60 отъ Геленджика, напр. у горы Молдаванки и близъ горы Папай, есть мѣста, прекрасныя по своей дикой красотѣ; тамъ и прекрасная охота на звѣря, и въ с. Пшадѣ есть нѣсколько охотниковъ изъ крестьянъ, специально охотящихся на кабановъ (главн. обр. осенью съ собаками).

Кромѣ Адербіевки и Михайловскаго перевала у Геленджикцевъ есть еще два наиболѣе любимыя мѣста прогулокъ—такъ наз. Фальшивый Геленджикъ и Джанхотъ, куда можно добраться и на лошадахъ и моремъ, такъ какъ праздниками паровой катеръ, иногда и съ музыкою, уходитъ туда «на гулянье» на цѣлый день.

Первый расположенъ у впаденія р. Адербы въ море верстахъ въ 7 отъ Геленджика. Здѣсь рѣка образуетъ широкую долину, занятую упоминавшимися выше десятидесятиными наслѣдственными участками добровольно пришедшихъ сюда козаковъ, которые большую часть этихъ участковъ пораспродали въ частныя руки.

Въ дождливые періоды года нерѣдки разливы Адербы, слѣды которыхъ наблюдаются въ остаткахъ временныхъ руслъ ея во время разливовъ, гдѣ иногда подолгу задерживается вода, не имѣющая стока. Присутствіе проточныхъ и непроточныхъ водъ, сравнительно низменное положеніе долины, обрамленной при томъ довольно высокими горами, уменьшающими вентиляцію мѣстности, дѣлаетъ климатъ ея замѣтно болѣе влажнымъ, чѣмъ климатъ самаго Геленджика, вблизи котораго при томъ же не протекаетъ никакой рѣчки. Вслѣдствіе всего этого Фальшивый Геленджикъ, не въ примѣръ настоящему Геленджику, не свободенъ отъ лихорадокъ. Но мѣстность тамъ довольно красивая, благодаря чему, а также благодаря сравнительной легкости, съ которою козаки пустили въ продажу свои наслѣдственные участки, здѣсь образовался особый дачный поселокъ, въ которомъ пріѣзжающіе туристы могутъ найти пріютъ на лѣто. Въ тамошней «санаторіи» плата за ко-

мнату съ содержаніемъ отъ 50 р. въ мѣсяцъ. Противъ дачъ открытое море, но мѣстами дно моря понижается настолько, постепенно, что удобно и для купанья неумѣющимъ плавать.

Еще верстъ на 8—10 дальше отъ Геленджика, за высокимъ горнымъ кряжемъ, находится красивое ущелье Джанхотъ, окруженное высокими горами, живописно выступающими въ море почти отвѣсными утесами, по вершинамъ заросшими преимущественно красивой длинноиглой сосною. Спускаясь съ горныхъ высотъ, прилегающихъ къ Михайловскому перевалу, ущелье выходитъ своимъ расширеннымъ отверстіемъ къ открытому морю. Здѣсь останавливается обыкновенно «Отважный», привозящій праздниками Геленджикскую публику, которая, попавъ на лоно природы и забывая, что находится въ частныхъ владѣніяхъ, обыкновенно ведетъ себя излишне свободно—срываетъ фрукты, рветъ виноградъ и вообще чувствуетъ себя какъ дома. Здѣсь масса мѣстъ для прогулокъ и вдоль ущелья и въ сторону—въ горы, съ которыхъ открываются прекрасные виды на море и окрестности. Древесная растительность хотя и не очень высокоросла, но за то весьма густа и разнообразна. Нижніе склоны ущелья заняты виноградниками, между которыми то тамъ, то сямъ виднѣются постройки, это—жилища владѣльцевъ мѣстныхъ «имѣній». Здѣсь по даннымъ 1899 г.¹⁾ восемь частновладѣльческихъ имѣній въ 577 дес., изъ которыхъ занято виноградниками 15 дес., и 20 крестьянскихъ хозяйствъ съ 7 дес. виноградниковъ. Площадь виноградниковъ постепенно увеличивается тѣмъ болѣе, что условія для воздѣлыванія лучшихъ сортовъ винограда здѣсь весьма благопріятныя, и въ одномъ изъ имѣній Ф. А. Щербины имѣется подвалъ, въ который принимается и вино сосѣднихъ владѣльцевъ. Но остальная площадь земель, входящихъ въ составъ имѣній, остается неразработанною и вѣроятно долго еще останется такою, тѣмъ болѣе, что значительная часть этихъ земель расположена по крутымъ, неудобнымъ

¹⁾ См. статью Я. Г. Сиповича «Очеркъ развитія хозяйства въ Джанхотѣ» въ «Трудахъ съѣзда виноградовладѣльцевъ» въ г. Новороссійскѣ въ 1899 г.

для культуры, склонамъ горъ. Когда поспѣетъ виноградъ, ночами въ ущельѣ бываетъ слышенъ вой шакаловъ, приходящихъ имъ полакомиться. Нордъ-остъ здѣсь далеко не такъ силенъ, какъ въ Геленджикѣ, благодаря защищенности мѣстности горами и растительностью, а также изгибамъ самого ущелья, дающимъ такія мѣста, мимо которыхъ онъ проносится даже совсѣмъ стороною. Это, конечно, уменьшаетъ вентиляцію мѣстности, но изъ людей, живущихъ въ расположенныхъ по ущелью имѣніяхъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, нѣтъ никого страдающаго перемежающейся лихорадкой, кромѣ одного постоянно работающаго въ подвалѣ. Вѣроятно отсутствіе лихорадокъ объясняется возвышеннымъ положеніемъ большей части ущелья, наличностью известковыхъ почвъ и отсутствіемъ заболоченности.

Кончая рѣчь объ окрестностяхъ Геленджика, необходимо было бы сказать нѣсколько словъ объ интеллигентной «еропкинской» колоніи «Криница» въ 35—40 в. отъ Геленджика на берегу моря, вблизи бѣдно живущей и нуждающейся въ землѣ, пригодной для культуры, станицѣ Береговой. Но побывать въ Криницѣ мнѣ не удалось. Стѣсняясь безпокоить обитателей ея, не заручившись предварительнымъ согласіемъ кого-нибудь изъ криничанъ, я тщетно ожидалъ удобнаго для этого случая, пока они не опубликовали «просьбу», отрѣзавшую для меня возможность посѣщенія Криницы. Отпечатавъ, они прислали ее въ Геленджикъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ подъ напечатаннымъ крупными буквами заглавіемъ: »Просьба обитателей Криницы къ пріѣзжимъ на время морскихъ купаній въ Геленджикѣ». Въ этихъ печатныхъ листкахъ они просили «пріѣзжихъ» не дѣлать безцѣльныхъ, побуждаемыхъ однимъ только любопытствомъ, посѣщеній ихъ поселка, такъ какъ многочисленныя посѣщенія эти отнимаютъ у нихъ непроизводительно много времени, предназначеннаго для работы, нанося такимъ образомъ матеріальный ущербъ. Видно, что геленджикскіе «пріѣзжіе», скучая въ Геленджикѣ, дѣйствительно не церемонились съ посѣщеніями колоніи и попытками назойливыхъ проникновеній во внутреннюю ея жизнь.

Теперь, чтобы окончить характеристику Геленджика, какъ мѣста для поселенія и какъ морского курорта, необходимо особо сказать о его климатѣ.

Для краткости приведу характеристику климата окрестностей Новороссійска изъ извѣстнаго изслѣдованія профессоръ А. П. Воейкова, О. П. Пастернакаго и горнаго инженера М. В. Сергѣева ¹⁾. «Окрестности Новороссійска по своей природѣ и климату довольно сходны съ южной частью Крыма, но не съ южнымъ берегомъ, а съ мѣстностью, съ одной стороны, къ западу отъ него (Балаклава и окрестности Севастополя), съ другой къ востоку (отъ Алушты чрезъ Судакъ до окрестностей Феодосіи): та же сухость воздуха и бѣдность осадками въ теплые мѣсяцы года, та же, вообще, дождливая и переменчивая зима съ чередованіемъ теплыхъ и влажныхъ съ моря вѣтровъ и сухихъ и холодныхъ съ материка; та же пригодность для культуры винограда по условіямъ почвы и климата». Но осадки все-таки обильнѣе, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ мѣстностяхъ Крыма». А вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣхъ мѣстностяхъ нѣтъ того холоднаго и суроваго зимою, сухого и жаркаго лѣтомъ вѣтра, который имѣетъ мѣсто въ окрестностяхъ Новороссійска и называется борой или, по здѣшнему, нордъ-остомъ.

Эта характеристика окрестностей Новороссійска въ значительной мѣрѣ приложима и къ недалеко отстоящему отъ него Геленджику съ тою только разницею, что онъ нѣсколько болѣе защищенъ отъ боры, сила которой, по увѣреніямъ многихъ мѣстныхъ жителей, здѣсь на 40—50% ниже, чѣмъ въ Новороссійскѣ. Кромѣ того около Геленджика нѣсколько болѣе растительности, чѣмъ около Новороссійска, и онъ обладаетъ значительно большимъ количествомъ прѣсныхъ водъ хорошаго качества, что тоже даетъ ему нѣкоторое преимущество предъ послѣднимъ.

Правильныхъ метеорологическихъ наблюденій въ Геленджикѣ не велось и потому свѣдѣнія о климатическихъ его условіяхъ

1) Черноморское Побережье, стр. 45.

приходится почерпать изъ сравненія съ ближайшими сродными съ нимъ мѣстностями, въ которыхъ велись такія наблюденія за сколько-нибудь продолжительный періодъ времени, и изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей.

Геленджикъ, по общимъ отзывамъ, и зимою и осенью теплѣе Новороссійска — очевидно, благодаря сравнительно меньшей повторяемости и меньшей силѣ боры¹⁾. Геленджикская бухта никогда не замерзаетъ. Весна начинается раньше, чѣмъ въ сосѣдней Адербіевкѣ. Лучшій мѣсяцъ май, начало купанья во второй его половинѣ. Лѣтомъ въ Геленджикѣ не столь жарко, какъ въ Новороссійскѣ, но все-таки, когда дуетъ хотя бы легкая бора, становится душно и жарко; когда ее нѣтъ наши полтавскія и кіевскія ночи болѣе душны, чѣмъ здѣсь. Наибольшее количество осадковъ выпадаетъ въ болѣе холодные мѣсяцы, — преимущественно въ декабрѣ и январѣ (при чемъ однако выпадающій снѣгъ обыкновенно почти тотчасъ же стаяваетъ); а наименьшее — въ періодъ съ апрѣля по октябрь, что, конечно, не можетъ не отзываться неблагоприятно на растительности. Меньшая относительная влажность Геленджика лѣтомъ, сравнительно съ болѣе южною частью Побережья и даже, напр., съ Фальшивымъ Геленджикомъ, объясняется между прочимъ тѣмъ, что склоны къ бухтѣ круты и вода быстро стекаетъ въ бухту, растительность окрестностей бѣдна, воды испаряется мало. Кромѣ того отличающаяся лѣтомъ сухостью бора, хотя и не достигаетъ значительной силы въ лѣтнее время, однако не составляетъ все-таки рѣдкости въ этотъ періодъ года и потому оказываетъ свое вліяніе на осушеніе воздуха, тогда какъ южнѣе Геленджика она постепенно совсѣмъ исчезаетъ. Относительная бѣдность растительности въ Геленджикѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ климатическихъ особенностей, зависитъ также отъ петрографическаго состава породъ (почвы известковыя и мѣловыя)²⁾ и мо-

1) «Осень, и особенно декабръ, гораздо теплѣе въ Геленджикѣ, чѣмъ въ Новороссійскѣ, такъ что первый по температурѣ занимаетъ середину между Новороссійскомъ и Сухумомъ, т. е. самымъ теплымъ изъ тѣхъ мѣстъ, по которымъ имѣются у насъ наблюденія». Черном. Побер., стр. 50.

2) Излюбленные почвы держи-дерева.

жетъ быть не менѣе этого отъ той же бору ¹⁾). Вотъ эта самая бора, въ зимнее время нерѣдко столь сильная, что срываетъ на маякѣ прикрѣпленные винтами черепицы, а жителей окраинъ Геленджика не пускаетъ дойти до базара, находящагося въ центрѣ его, дѣлаетъ Геленджикъ вреднымъ и для людей съ слабыми легкими. «Пребываніе въ это время больныхъ на открытомъ воздухѣ, при страшной пыли и сухости его, является опаснымъ; могутъ являться тяжелыя заболѣванія дыхательныхъ органовъ и ухудшаться туберкулезныя пораженія легкихъ». Поэтому *«претензіи Геленджика на климатическую станцію требуютъ еще доказательствъ»*. «Есть нѣкоторыя метеорологическія указанія на то, что въ Геленджикѣ нѣтъ тѣхъ бурныхъ зимнихъ колебаній температуры, которыя встрѣчаются въ окрестностяхъ Новороссійска. Если бы дальнѣйшими метеорологическими наблюденіями удалось доказать, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать вѣроятнымъ, что зима здѣсь не суровая, безъ рѣзкихъ колебаній температуры, то получился бы чрезвычайно важный аргументъ въ пользу признанія въ Геленджикѣ передовой (въ смыслѣ ближайшей) зимней климатической станціи на Черноморскомъ побережьѣ» ²⁾). Но доказать это врядъ ли удастся, потому что, судя по подробнымъ разспросамъ, если колебанія температуры и дѣйствительно далеко не такъ рѣзки, какъ въ Новороссійскѣ, то погода зимою все-таки очень переменчива и непостоянна. Иногда, почти правильно чередуясь другъ съ другомъ, морякъ и нордъ-остъ дуютъ (по 3—6 дней кряду каждый) въ теченіи чуть не всей зимы, первый принося грозныя тучи съ обильнымъ дождемъ, второй ихъ прогоняя. На короткій промежутокъ, между двумя вѣтрами устанавливается ясная, тихая погода, начинаютъ ходить въ лѣтнемъ платьѣ, но ненадолго — опять одинъ вѣтеръ смѣняется другимъ и такъ по нѣсколько недѣль. При такихъ вѣтрахъ и такомъ непостоянствѣ погоды не мѣсто здѣсь человѣку съ больными легкими, и потому

1) О вліяніи бору на растительность подробнѣе будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

2) Черном. Побер., стр. 132.

претензіи Геленджика на *зимнюю* климатическую станцію дѣйствительно, кажется, совершенно неосновательны. Совершенно понятно послѣ всего этого, что Геленджикцы негодуютъ на свой *нордъ-остъ* и находятъ, что безъ него ихъ Геленджикъ не имѣлъ бы уже почти никакихъ дефектовъ. Но они забываютъ ту несомнѣнно хорошую сторону этого вѣтра, на которую, какъ мнѣ кажется, совершенно правильно указалъ С. И. Васюковъ ¹⁾, и которая заключается въ осушающемъ и очищающемъ вліяніи его на почву и воздухъ, избавляющемъ Геленджикскихъ жителей отъ маляріи. «Благодаря этому *нордъ-осту*, Геленджикъ, говоря словами С. П. Васюкова, обладаетъ превосходнымъ, здоровымъ и сухимъ воздухомъ. Лихорадокъ здѣсь нѣтъ вообще, рѣдко бываетъ тифъ и другія заболѣванія, которыми такъ богатъ югъ этого побережья. Вообще, еслибы не было *нордъ-оста*, то былъ бы Геленджикъ живописнымъ и красивымъ мѣстечкомъ, но тогда и не было бы и здороваго по своей рѣдкости воздуха» ²⁾.

Въ заключеніе всего сказаннаго выше о Геленджикѣ, какъ курортѣ, необходимо отмѣтить для лицъ, которые пожелали бы ѣхать въ Геленджикъ, какъ въ мѣстность, извѣстную разведеніемъ виноградниковъ, что лѣчебные сорта винограда въ настоящее время почему то разводятся въ окрестностяхъ Геленджика въ весьма маломъ количествѣ и что «винограднаго сезона» здѣсь нѣтъ. Последнее можетъ быть объясняется и тѣмъ, что изрѣдка и въ августѣ уже начинается здѣсь довольно сильно подувать бора, способная при извѣстной продолжительности, выгнать значительную часть публики. Вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ для меня неясенъ, и потому, не будучи увѣренъ въ правильности объясненія, я констатирую лишь фактъ отсутствія винограднаго сезона. Но за то я могу констатировать и фактъ болѣе отраднаго свойства, не упомянутый еще въ предыдущемъ изложеніи, это — отсутствіе москвитовъ при указанномъ уже выше отсутствіи въ

1) «Геленджикъ», Истор. Вѣстн. 1902 г. № 8.

2) Рѣчь, конечно, идетъ не о зимнемъ періодѣ бурныхъ *нордъ-остовъ*.

Геленджикѣ маляріи, что составляетъ важный плюсъ въ его пользу и ставить его выше другихъ болѣе излюбленныхъ публикою южныхъ курортовъ, каковы Сочи, Туапсе и Сухумъ. Заканчивая рѣчь о Геленджикѣ, считаю долгомъ выразить мою искреннюю признательность лицамъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе въ составленіи главнымъ образомъ изложеннаго уже историческаго очерка Геленджика, а частію и въ описаніи остальныхъ пунктовъ побережья сообщеніемъ различныхъ свѣдѣній, указаніемъ и даже доставленіемъ важнѣйшихъ печатныхъ источниковъ: П. С. Леонтьева, Д. Е. Фелицина, М. В. Яковлева, С. И. Капгера и П. А. Пономаренко.

Слѣдующая глава, согласно уже намѣченному выше порядку, будетъ посвящена не болѣе южнымъ пунктамъ побережья, а Новороссійску.

Л. С. Личковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки прошлого и настоящего черноморского побережья Кавказа.¹⁾

III.

Черноморскій курортъ безъ будущаго.

(г. Новороссійскъ съ окрестностями).

Причины, обуславливающія особый интересъ къ Новороссійску. Путь къ нему по желѣзной дорогѣ. Окрестности со стороны суши. Видъ на городъ и бухту. Внѣшній видъ порта и города; гостинницы, купальни. Исторія Новороссійска-города и черноморской губерніи. Положеніе г. Новороссійска по отношенію къ его губерніи. Исторія Новороссійска-порта. Вѣроятное будущее. Побережная желѣзная дорога. Минеральныя грязи. Климатическія условія. Нордъ-остъ или бора. Новороссійскъ и его окрестности, какъ климатическая станція. Причины и исторія распространенія виноградарства и винодѣлія и важное ихъ значеніе. Причины перемѣщенія центра виноградарства съ юга Побережья къ Новороссійску; даблари и маглари. Съѣзды виноградарей и винодѣловъ 1899 и 1900 г.; ихъ значеніе и результаты. Приморскія окрестности Новороссійска: дачный районъ Пеная и Кабардинка.

На Черноморское побережье Кавказа можно добраться изъ «Россіи» двумя путями: моремъ или по желѣзной дорогѣ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ путникъ, желающій посѣтить Кавказское Черноморье, не можетъ миновать Новороссійска. Ёдучи по желѣзной дорогѣ, онъ сворачиваетъ на Новороссійскъ отъ станціи Тихорѣцкой, чтобы оттуда двинуться въ Черноморье на лошадахъ или пароходомъ. Направляясь туда же изъ Россіи мо-

¹⁾ См. Кіев. Стар. № 7—8.

ремь, никто не минуетъ Новороссійска потому, что онъ является неизбѣжнымъ пунктомъ остановокъ всѣхъ пароходовъ,—все равно идутъ ли они круговымъ или даже прямымъ рейсомъ.

Такимъ образомъ для всѣхъ, прїѣзжающихъ на Черноморское побережье Кавказа, Новороссійскъ интересенъ уже, какъ неизбѣжный остановочный пунктъ, въ которомъ приходится провести кому нѣсколько дней, кому нѣсколько часовъ въ ожиданіи поѣзда или парохода, или же ради отдыха послѣ долгаго, утомительнаго пути, ради закупокъ въ дальнѣйшій путь, ради собранія необходимыхъ оріентировочныхъ свѣдѣній о болѣе интересныхъ поселеніяхъ кавказскаго Черноморья, о предстоящемъ пути по побережью.

Если, наконецъ, вы провели время въ одномъ изъ курортовъ минеральной группы и вамъ необходимо послѣ этого покупаться въ морѣ, ближайшее морское купанье вы найдете въ томъ же Новороссійскѣ, откуда вамъ ближайшій путь въ «Россію» пароходомъ на Крымъ или Одессу.

Изъ путеводителей по Кавказу вы прежде всего узнаете о Новороссійскѣ, что онъ извѣстенъ, какъ недавно устроенный, но уже выдающійся и соперничающій съ Одессою портъ, имѣющій чрезвычайно важное торговое значеніе и обладающій первоклассною бухтою (уступающею по значительному углубленію въ материкъ развѣ одной только севастопольской бухтѣ). Вы узнаете также, что климатъ его сравнительно теплый (лѣтомъ даже жаркій), что въ немъ имѣются хорошія морскія купальни, что окружающія его горы могутъ похвалиться замѣчательною чистотою воздуха, что вблизи его есть лиманъ съ цѣлебными грязями, а въ окрестностяхъ города имѣются многочисленныя хорошенькія усадьбы—даже въ красивой мѣстности надъ самымъ моремъ! Мало того, каждый путеводитель скажетъ вамъ о Новороссійскѣ, что это центръ виноградарства и винодѣлія, достигшихъ уже значительнаго развитія и славящихся весьма высокими сортами воздѣлываемыхъ винъ, что Новороссійскъ почти сплошь окруженъ прекрасными виноградниками и почти всѣ берега его обширной бухты покрыты многочисленными участками, занятыми подъ

высшія сельскохозяйственныя культуры. Словомъ, относительно Новороссійска выяснятся такія данныя, которыя дадутъ вамъ полное право смотрѣть на него, какъ на курортъ, гдѣ не только можно остановиться на короткое время, но и провести лѣто, по-лечиться и покупаться, а для желающихъ осѣсться на побережьѣ—обзавестись здѣсь культурнымъ участкомъ.

Таковъ интересъ, возбуждаемый Новороссійскомъ съ прилегающими къ нему окрестностями и дающій намъ право удѣлить нѣсколько страницъ описанію этого перваго этапа туристовъ кавказской ривьеры.

Морской путь къ нему уже описанъ неоднократно въ очеркахъ и путевыхъ замѣткахъ лицъ, совершавшихъ поѣздки на пароходахъ въ Сочи, Туапсе, Батумъ и другіе пункты Черноморскаго побережья Кавказа.

Скажемъ поэтому нѣсколько словъ о пути по желѣзной дорогѣ,—главнымъ образомъ для того, чтобы познакомить читателя съ окрестностями Новороссійска и внѣшнимъ видомъ его со стороны суши.

Желѣзнодорожный путь отъ станціи Тихорѣцкой къ Новороссійску не представляетъ особеннаго интереса. Только съ приближеніемъ къ его концу начинаютъ появляться холмистые отроги кавказскихъ горъ, въ значительной части покрытые уже вырубками и всякимъ молоднякомъ, вмѣсто прежняго вѣкового лѣса.

Мѣстами, на пологихъ склонахъ и въ долинахъ видны хлѣбныя нивы, около рѣчекъ зеленѣютъ сѣнокосы. Кое-гдѣ мелькнетъ козацкая станица съ маленькою церковью, запестрѣтъ па-сущимся станичнымъ скотомъ оголенный отъ лѣса склонъ съ разставленными на немъ полѣнницами свѣжихъ дровъ и затѣмъ окрестные виды внезапно скрѣются за пустою зеленою стѣною придорожныхъ кустовъ. Но кусты кончаются вскорѣ—и опять холмы, пригорки, горы, и взоръ снова пытливо обращается вдоль въ тиетной надеждѣ увидать хотя начало главнаго кавказскаго хребта съ его снѣжными горами, хотя сознаніе и говорить, что, вѣроятно, до него еще далеко. А затѣмъ снова густая при-

дорожная поросль неожиданно и иногда надолго скрывает окрестности.

Вотъ горы стали какъ будто выше, горизонтъ сузился къ полотну дороги; вмѣсто прежнихъ зеленыхъ, взлохмоченныхъ древесною порослью, горъ, стали подступать каменные отроги и обрывы. Они уже совсѣмъ близко и, вмѣсто прежнихъ кустовъ, по обѣ стороны поѣзда высятся стѣнами слоистыя громады, могучіе слои которыхъ иногда стоятъ почти вертикально. Онѣ параллельны дорогѣ, потому что проходъ для нея прорубленъ въ этой самой горѣ и изъ окна вагона видно, какъ въ одномъ мѣстѣ отвѣсныя каменныя громады соединяются надъ полотномъ въ непрерывную стѣну, внизу которой продѣлано сравнительно небольшое отверстіе для прохода поѣзда. Это—входъ въ туннель. Этихъ туннелей два на пути къ Новороссійску: въ одномъ поѣздъ проходить очень не долго, другимъ онъ идетъ нѣсколько минутъ.

При приближеніи къ первому изъ нихъ кондуктора уже зажгли вагонные фонари. Изъ окна вагона видно, какъ голова поѣзда какъ бы ныряетъ подъ нависшую надъ полотномъ дороги скалу и исчезаетъ въ сѣромъ мракѣ туннельнаго отверстія. Туннель быстро надвигается на нашъ вагонъ; изъ невольной боязни толкнуться обо что-нибудь головою, отодвигаешься отъ окна, и въ тотъ же моментъ темный мракъ охватываетъ васъ почти разомъ. Послѣ яркаго свѣта въ вагонѣ такъ темно, что видѣнь только тусклый огонь фонаря; говоръ притихъ, и слышно лишь глухое, точно сдавленное, громоуханіе непрерывно двигающагося поѣзда... Но вотъ онъ опять загромоухалъ впереди; вслѣдъ затѣмъ мы выскользнули изъ объятій мрака на свѣтъ Божій и всѣмъ какъ будто становится легче.

Еще нѣсколько верстъ, еще нѣсколько минутъ ожиданія—и изъ-за окрестъ толпящихся холмовъ и горъ показываются, наконецъ, вдали синія-синія, сверкающія подъ яркимъ солнцемъ воды огромной Новороссійской бухты въ томъ мѣстѣ, гдѣ она сливается съ такимъ же синимъ, такимъ же сверкающимъ, уходящимъ до горизонта моремъ. Новороссійскъ еще скрытъ за бли-

жайшими холмами, но вскорѣ, вмѣстѣ съ красивѣйшимъ видомъ на бухту, открываются и отдѣльные куски все еще отчасти скрытаго города въ видѣ разныхъ желѣзнодорожныхъ построекъ и нестройныхъ группъ неособенно възрачныхъ домовъ по склонамъ ближайшихъ холмовъ.

Небольшое зданіе вокзала, мизерный видъ прилегающихъ къ нему построекъ и въ особенности нанятая мною извозчица одноконная линейка сразу напоминаютъ мнѣ отдаленный, тоже приморскій Архангельскъ, производящій однако много лучшее впечатлѣніе своею виѣшностью, чистотою и шириною улицъ.

Черезъ такъ называемый новый, или французскій городъ, минуя портъ, мы ѣдемъ по низменной набережной съ примыкающими къ ней огромными и многочисленными пристанями, эстакадою и конторами пароводныхъ обществъ, мимо огромнаго Цемесскаго болота, главнаго источника новороссійскихъ лихорадокъ. Съ набережной открывается видъ на старый городъ и на бухту. Воздвигнутый на оголенномъ западномъ берегу бухты, на почвахъ мѣлового отложенія, совершенно почти лишенный зелени, онъ весь залитъ горячими лучами солнца и издали производитъ первое впечатлѣніе почти безлюднаго города африканскихъ песчаныхъ пустынь, томящагося подъ зноемъ жаркаго солнца юга.

Въ городѣ душно, пыльно и жарко; термометръ въ тѣни показываетъ 31. Но за то изъ города—изъ гостиницы, гдѣ мы остановились, взоръ, минуя несчастныя мелкія лавчонки по ту сторону улицы, наслаждается прекраснымъ видомъ оживленной разнообразными судами бухты съ разбросанными подъ тѣмъ берегомъ на нижнемъ зеленомъ склонѣ Мархотхскаго хребта заводами, пирамидами клепки и разными постройками. Уходящій въ даль западнаго берега бухты прихотливо изгибающеюся зубчатою стѣною Мархотхскій хребетъ служить хорошимъ фономъ для картины бухты; но самъ онъ, увы, почти лишенъ лѣсной растительности, а травяная зелень его, несмотря на половину іюня, уже пожелтѣла отъ солнца! Только тамъ—вдали, за водами, у такъ называемаго Пеная, гдѣ по-надъ берегомъ и по

нижнимъ склонамъ хребта ютятся помѣщичьи усадьбы и дачи и зеленые виноградники, густая кайма зелени красиво выдѣляется надъ бѣлою каймою отвѣснаго берега бухты. Вдали за длинными бѣлыми молами синѣетъ и сверкаетъ на солнцѣ море, надъ которымъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ виднѣнъ дымокъ пароходовъ. По бухтѣ, блестя бѣлоснѣжными парусами, шныряютъ фелюги; отъ мола къ порту величаво размѣреннымъ ходомъ приближается къ такимъ же, стоящимъ у пристани, океанскій двухтрубный гигантъ, а ему на встрѣчу несется небольшой паровой катеръ.

Попавъ въ одну изъ рекомендованныхъ путеводителями гостинницъ, мы нашли, съ одной стороны, удобства, которыхъ уже не ожидали найти въ этомъ пыльномъ и непредставительномъ старомъ городѣ, а съ другой—и дороговизну, которой тоже не ожидали. Обѣдъ довольно вкусный, но порціи по размѣрамъ—не для хорошаго аппетита; за добавочный приборъ приплата въ 20 к.; всякіе напитки, покупаемые извнѣ, помимо гостинницы, облагаются пошлиною въ пользу послѣдней въ размѣрѣ добавочной доплаты до той цѣны, которая обозначена въ гостинничномъ прейсъ-курантѣ. Полубутылка нарзана, которую мы купали въ Ростовѣ на Дону, въ клубѣ, за 20 коп. и которая такъ кстати въ этой жарѣ, здѣсь въ гостинницѣ оплачивается 25 к. по таксѣ, а въ нижнемъ этажѣ того же дома въ аптекарскомъ магазинѣ цѣна ея всегда 10 копѣекъ.

Въ воздухѣ душно, и каменные стѣны домовъ накалены; жаръ стоитъ, какъ въ пеклѣ. Не успѣвъ разложиться, мы тотчасъ же надумали купаться. Ближайшія купальни—въ портѣ, гдѣ вода сильно загрязнена нечистотами, нефтяными остатками и т. п. отбросами. Кромѣ того она отчасти разбавлена тутъ и прѣсною водою рѣчки Цемесъ, протекающей черезъ Цемесское болото. Это купальни, въ которыхъ и раздѣваться и купаться приходится на виду публики, снующей по пристанямъ, такъ какъ раздѣвальни скрываютъ сидящихъ въ нихъ только со стороны набережной. При томъ мужская и женская купальня въ нѣсколькихъ

саженяхъ другъ отъ друга, и вблизи этихъ же мѣстъ купаютъ лошадей.

Намъ посовѣтовали отправиться въ купальни за моль, гдѣ вода чище, купальни много благоустроены и одна изъ нихъ (г. Серафимовича), которую называли лучшею, даже съ номерами, душами, теплыми ваннами и рестораномъ.

Но надъ Мархотскимъ хребетомъ гремитъ громъ и заходить туча. Мы рѣшаемъ остаться, но насъ увѣряютъ, что это не страшно: дожди въ лѣтнюю пору рѣдки; и хотя теперь тучи собираются часто и громъ слышенъ нерѣдко, но это, къ общему сожалѣнію, «только страшаетъ»: Новороссійскъ въ лѣтнее время подолгу и тщетно ждетъ дождя. До купаленъ неизбѣжно нанять извозчика, потому что, не говоря уже о новомъ городѣ, даже отъ центра стараго города до купаленъ за молами довольно далеко, и въ такую невыносимую жару идти по ничѣмъ незатѣненнымъ улицамъ города не только утомительно, но почти невыносимо. Купальни оказываются устроенными хорошо, и ресторанъ при нихъ не плохъ и съ красивымъ видомъ на бухту, но дно бухты здѣсь крайне неудобное, благодаря изобилію большихъ и осклизлыхъ камней. Здѣсь освѣжающій нарзанъ уже 20 копѣекъ и, подавая его, лакей конфиденціальнымъ тономъ сообщаетъ, что это послѣдній «настоящій» нарзанъ въ городѣ: «по случаю сильныхъ жаровъ» нарзанъ вездѣ вышелъ и подъ видомъ нарзана продаютъ обыкновенную зельтерскую воду за повышенную цѣну.

Скажемъ однако нѣсколько словъ о Новороссійскъ-городѣ и Новороссійскъ-портѣ и объ исторіи ихъ происхожденія.

Новороссійскъ расположенъ на мѣстѣ бывшей турецкой крѣпости и порта Суджукъ-Кале, по берегамъ обширной Цемесской (прежде Суджукской) бухты. Въ тридцатыхъ годахъ только что истекшаго столѣтія, когда возникъ вопросъ о заселеніи казаками черноморскаго побережья въ стратегическихъ цѣляхъ, на берегахъ Суджукской бухты русскими впервые заложено было здѣсь такъ наз. Новороссійское укрѣпленіе. Высказывая свои соображенія по вопросу о необходимости заселенія черноморскаго побережья, командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса генераль-

адъютантъ бар. Розенъ, въ донесеніи тогдашнему военному министру графу Чернышеву 22 января 1832 г., писалъ между прочимъ, что «бухты Суджукъ-Кальская и Геленджикская, при благопріятномъ для здоровья климатѣ, изобилуютъ хорошею водою, лѣсомъ и мѣстами для огородовъ, но при оныхъ и вообще по всему восточному берегу Чернаго моря на югъ отъ Анапы весьма мало пространствъ, удобныхъ для хлѣбопашества и даже сѣнокосенія; для людей же торговыхъ Суджукъ-Кале и Геленджикъ имѣютъ рѣшительное преимущество передъ Анапою по удобности портовъ своихъ, къ коимъ стекаются горцы даже изъ Кабарды».

Цѣль созданія этого укрѣпленія заключалась, какъ видно изъ другого донесенія того же бар. Розена, въ томъ, чтобы занятіемъ Суджукской бухты прекратить въ ней турецкую торговлю и тѣмъ произвести полезное для насъ вліяніе на ближайшихъ горцевъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ и имѣть станцію на имѣющемъ въ послѣдствіи устроиться береговомъ сообщеніи между Анапою и укрѣпленіемъ Геленджикскимъ (основаннымъ въ 1831 г.).

Основаніе этому новому укрѣпленію положено было въ 1838 г., непосредственно на мѣстѣ бывшаго турецкаго укрѣпленія, лежавшаго по срединѣ западнаго берега бухты (гдѣ расположенъ теперь старый городъ) «на безлѣсной равнинѣ, имѣющей небольшую покатость къ морю» ¹⁾ и состоявшую «изъ четверугольника, коего валъ сохранилъ *достаточную высоту для укрѣпленія гарнизона отъ вѣтровъ*» (!!)) и съ довольно глубокимъ рвомъ вокругъ.

Превратившійся затѣмъ изъ укрѣпленія въ небольшой городокъ Новороссійскъ-городъ былъ упраздненъ указомъ сената 31 марта 1860 года и вновь учрежденъ Положеніемъ 10 марта 1866 г. съ назначеніемъ его резиденціею управленія новообразованнымъ черноморскимъ округомъ. Наконецъ съ 23 мая 1896 г. Новороссійскъ является уже губернскимъ городомъ, центромъ административнаго управленія новообразованной черноморской губерніи.

¹⁾ Изъ рапорта того же бар. Розена 25 іюля 1835 г. графу Милорадовичу.

Губернія эта—самая оригинальная изъ всѣхъ губерній Россіи, какъ оригинально и положеніе ея административнаго центра—города Новороссійска. Представляя собою и по пространству (6426 квадр. верстъ) и по населенію (всего около 30 тысячъ городскихъ и сельскихъ жителей, кромѣ г. Новороссійска, въ которомъ столько же жителей, сколько во всей губерніи безъ него) самую маленькую изъ всѣхъ губерній, она, благодаря топографическимъ условіямъ даннаго района ¹⁾ имѣетъ крайне растянутую фигуру. Ея длина 300 верстъ при ширинѣ въ самомъ широкомъ мѣстѣ— 50 верстъ, а въ наиболѣе узкомъ всего только три версты! И эти три версты ширины губерніи, какъ разъ около своего административнаго «центра», который и расположенъ какъ разъ на самомъ сѣверномъ концѣ ея, такъ что сама губернія лежитъ, такъ сказать, вдали отъ своего центра. Такое исключительное положеніе Новороссійска, какъ административнаго центра удаленной отъ него губерніи, при самомъ ея образованіи, осложнялось еще отсутствіемъ сухопутныхъ путей сообщенія по линіи главнаго протяженія губерніи: побережное, такъ наз. голодное шоссе, начатое генераломъ Аппенковымъ въ 1891 г., хотя имѣлось уже, но безъ мостовъ на многихъ пересѣкающихъ его рѣкахъ. Оставалось сообщаться только моремъ. Но въ зимнее время Черное море такъ сильно бурлитъ, что, при отсутствіи удобныхъ стоянокъ, курсирующіе пароходы подолгу не могутъ высадить на берегъ своихъ пассажировъ. При такихъ условіяхъ чиновникъ, спѣшно командированный изъ центра въ дальній конецъ губерніи, могъ иногда прибыть на мѣсто назначенія лишь черезъ 2—3 недѣли по выѣздѣ изъ Новороссійска ²⁾.

1) Тянущійся параллельно берегу моря горный хребетъ изолируетъ побережье отъ прилегающихъ къ хребту населенныхъ мѣстностей.

2) И теперь шоссе съ мостами, черезъ многочисленныя рѣчки, впадающія въ море, доведено только до Макопсе (35 в. южнѣ Туапсе), далѣе на значительномъ пространствѣ совсѣмъ нѣтъ мостовъ, да и самое шоссе мѣстами прерывается (Русск. Вѣд. 1901 г. №№ 342. 344).

Меня очень, конечно, интересовали мотивы учрежденія такой оригинальной губерніи, при образованіи которой въ ней, какъ извѣстно, не было даже ни одного города, кромѣ Новороссійска, такъ что два посада (Сочи и Туапсе) пришлось тогда же переименовать въ города.

Вопросъ этотъ разъясняется вышедшею въ 1899 г. «Справочною книгою Черноморской губерніи», составленной по порученію черноморскаго губернатора старшимъ помощникомъ правителя его канцеляріи П. С. Леонтьевымъ и интересной въ томъ отношеніи, что она составляетъ первое общее описаніе названной губерніи — по официальнымъ преимущественно источникамъ.

Вѣшняя, бумажно-канцелярская, такъ сказать, исторія этого вопроса выражается въ родѣ превращеній, которымъ подвергался интересующій насъ край въ отношеніи своего административнаго устройства, — превращеній, имѣвшихъ цѣлью скорѣйшее его «заселеніе и оживленіе». Превращенія быстро слѣдовали другъ за другомъ, но, къ сожалѣнію, положеніе края отъ этого весьма слабо улучшилось и сознаніе каждой такой неудачи вызывало къ жизни новый проектъ новаго превращенія, новой реорганизации административнаго устройства края, пока, наконецъ, онъ не былъ преобразованъ въ губернію.

Оказывается, что съ 1866 года г. Новороссійскъ считался административнымъ центромъ особаго черноморскаго округа, имѣя во главѣ управленія начальника округа съ правами и обязанностями губернаторовъ Закавказскаго края и опредѣленным штатомъ служащихъ. При этомъ «сельское населеніе поручено было надзору «попечителей прибрежныхъ поселеній», число которыхъ штатомъ опредѣлено не было и зависѣло вполнѣ отъ успѣховъ заселенія края и усмотрѣнія намѣстника Кавказа.

Первый начальникъ округа, очевидно, придавалъ большое значеніе своей административной роли, потому что началъ устроить край путемъ предписаній, — таково, напр., его *«предписаніе командиру тапсугскаго берегового баталіона о принятіи мѣръ къ развитію въ округѣ промышленной дѣятельности»* ¹⁾.

¹⁾ См. Кубанскія Войсковыя Вѣдомости 1867 г., № 28.

Вѣроятно такое бумажное отношеніе къ дѣлу составляло основную черту тогдашняго управленія краемъ, такъ какъ уже черезъ 8 лѣтъ, т. е. въ 1874 г., организація 1866 г. признана была неудовлетворяющей своей цѣли, составъ администраціи округа недостаточнымъ для его управленія и значительно поэтому увеличенъ. При этомъ для управленія на мѣстахъ Новороссійскимъ, Вельяминовскимъ и Сочинскимъ «отдѣлами» было опредѣлено по штату три «попечителя прибрежныхъ поселеній»,—по одному на каждый отдѣлъ. Затѣмъ въ 1888 г. самостоятельное управленіе Черноморскимъ округомъ признано было неотвѣчающимъ своей цѣли, и округъ переименованъ въ уѣздъ «съ присоединеніемъ его въ порядкъ управленія къ Кубанской области», а начальнику его присвоены лишь права уѣзднаго исправника, при чемъ, конечно, сокращены и штаты служащихъ, а попечители поселеній замѣнены участковыми начальниками съ правами станovýchъ приставовъ.

«Такая перемѣна въ административномъ устройствѣ края»—говорится въ упомянутомъ официальномъ изданіи—вызывалась, какъ надо думать, желаніемъ правительства поставить дѣло заселенія и оживленія Черноморскаго побережья на надлежащую высоту, каковое стремленіе замѣчается еще съ тѣхъ поръ, когда переселенцамъ въ Черноморскій округъ были даны первыя крупныя льготы.

И вотъ съ этою же цѣлью «заселенія и оживленія» края въ 1896 г. несамостоятельное уже управленіе уѣзда по инициативѣ «особой комиссіи по принятію мѣръ къ скорѣйшему заселенію побережья», состоявшей подъ предсѣдательствомъ «близко знакомаго съ побережьемъ» гофмейстера Н. С. Абазы, вновь преобразовано въ самостоятельное, подъ именемъ черноморской губерніи, съ соотвѣтственнымъ этому новому званію края штатомъ служащихъ, съ раздѣленіемъ ея на три округа съ уѣздными начальниками во главѣ. Содержаніе «личнаго состава новой губерніи исчислено по штату 23 мая 1896 г. (не считая содержанія чиновъ судебнаго вѣдомства) въ 72645 р. въ годъ», а размѣръ

вносимыхъ населеніемъ податей и земскихъ повинностей¹⁾ опредѣляется приблизительно въ 15000 р., изъ которыхъ въ 1898 г. въ недоимкѣ за населеніемъ было 18000 р. Съ послѣдующимъ увеличеніемъ населенія количество взимаемыхъ въ губерніи сборовъ должно, конечно, увеличиться.

«Такимъ образомъ 23 мая 1896 г.—говорится въ цитируемомъ изданіи—надо считать новой эрой Черноморскаго побережья, вступившаго въ такой фазисъ, какого она еще не переживала.

На сколько практична будетъ эта новая мѣра, «на сколько благопріятнымъ для края будетъ выдѣленіе его въ самостоятельную губернію»—говорится въ цитируемомъ офиціальномъ изданіи—покажетъ будущее и сказать что-либо по данному вопросу теперь было бы слишкомъ преждевременно»... тѣмъ болѣе, что пока «опыты измѣненія штатовъ управленія округомъ не привели къ желаннымъ результатамъ»²⁾.

Пока же въ томъ самомъ офиціальномъ изданіи констатируется, что, несмотря на выгодное географическое положеніе, богатую растительность, хорошій климатъ и удобство для разнообразныхъ высшихъ культуръ, черноморская губернія «въ тоже время представляетъ изъ себя край мало устроенный во многихъ отношеніяхъ»...

Но возвратимся къ Новороссійску. Еще въ 1887 г., когда Реклю выпустилъ въ свѣтъ VI томъ послѣдняго изъ изданій своего обширнаго труда «Земля и Люди», заключающій въ себѣ описаніе Кавказа, Новороссійскъ не вошелъ въ составленный имъ списокъ городовъ, имѣющихъ не менѣе 5000 душъ жителей; а въ 1899 г. въ немъ было уже около 30.000 населенія об. пола. Въ 1887 г. отпускъ хлѣбныхъ грузовъ достигалъ въ немъ только 7500 пуд., а въ 1895 г. возросъ уже до 37 милліоновъ пудовъ.

Чрезвычайный ростъ Новороссійска, какъ порта, начинается со времени проведенія къ нему Тихорецкой вѣтви Владикавказ-

1) Судя по даннымъ стр. 90—91 того же изданія

2) П. С. Леонтьевъ, Справ. кн. черн. губ., стр. 52.

с кой желѣзной дороги, построившей здѣсь знаменитый новороссійскій элеваторъ съ электрическими двигателями, громадныя зернохранилища, амбары, склады, вмѣстимость которыхъ позволяетъ одновременно принимать свыше 10 милліоновъ пудовъ зерна. На средства той же дороги сооружено (кромѣ пристаней Русскаго Пароходнаго Общества) еще пять огромныхъ пристаней для причала судовъ и громадная эстокада для быстрой пагрузки зерна на приходящіе въ портъ суда, гдѣ, благодаря электрическому освѣщенію, нагрузка можетъ идти круглые сутки. Для храненія нефти и керосина желѣзная дорога устроила огромные резервуары почти на четыре милліона пудовъ и всѣ необходимыя приспособленія для эксплуатаціи этихъ продуктовъ. Большая часть этихъ огромныхъ сооруженій возведена въ періодъ между 1886 и 1892 г.г.; движеніе по Тихорѣцкой вѣтви Владикавказской желѣзной дороги открыто въ 1888 году. Предполагается, что при данномъ состояніи и объемѣ всѣхъ названныхъ сооруженій вывозъ грузовъ изъ порта можетъ быть доведенъ до 100 милліоновъ пудовъ въ годъ. Проведеніе желѣзнодорожной вѣтви отъ ст. Тихорѣцкой связало Новороссійскій портъ съ общесоюзною русскихъ желѣзныхъ дорогъ и оттянуло такимъ образомъ отъ Одессы и другихъ черноморскихъ портовъ значительную часть хлѣбныхъ грузовъ изъ восточной части Евр. Россіи. Устройство громадныхъ зернохранилищъ и эстокады дало возможность не только принимать и удобно хранить эти грузы неограниченное время до прибытія иностранныхъ пароходовъ, но и быстро нагружать послѣдніе, задерживая ихъ въ портѣ лишь на самое короткое время, что значительно облегчало и ускоряло торговый обмѣнъ и сношенія съ границей. Все это въ совокупности—въ связи, конечно, съ наличностью обширной бухты и оборудованіемъ порта (огромныхъ моловъ и набережной)—и было причиною необыкновеннаго роста торговаго значенія Новороссійска—порта.

Пока строилась желѣзнодорожная линія, пока возводились всѣ эти по истинѣ гигантскія сооруженія, всѣ эти элеваторы, амбары, эстокады, цистерны и молы, Новороссійскъ привлекалъ

массу самого разнообразнаго люда: онъ былъ полонъ жизни и движенія. И Новороссійскъ-городъ тоже росъ не по днямъ, а по часамъ. Все увеличивавшіеся въ числѣ, прибывавшіе изъ-за границы, суда, не пользуясь еще сполна услугами устроивавшихся элеваторныхъ башенъ и эстокадъ, грузились по просту при помощи ручного труда, требовавшаго наличности значительнаго количества рабочихъ. Поэтому суда задерживались здѣсь сравнительно подолгу и иностранные моряки сравнительно подолгу же засиживались въ Новороссійскѣ, тоже оставляя свои сбереженія въ его ресторанахъ и магазинахъ. Торговля шла бойко, Новороссійскъ привлекалъ все новыхъ и новыхъ засельщиковъ и самъ тоже застраивался и увеличивался въ размѣрахъ, мечтая о еще болѣе свѣтломъ будущемъ.

Но съ окончаніемъ устройства желѣзной дороги и порта, со всѣми его многочисленными и огромными сооруженіями, значительная часть пришлаго люда отхлынула изъ него въ разныя стороны, и осталось его теперь приблизительно ровно столько, сколько вызывается нуждами города-порта при наличности всѣхъ этихъ новыхъ приспособленій. Правда, иностранныхъ судовъ стало приходить еще болѣе, чѣмъ прежде, но они остаются въ портѣ лишь на самое короткое время—до окончанія нарузки—и потому приходъ ихъ уже пересталъ веселить сердца новороссійскихъ рестораторовъ и торговцевъ. И вотъ въ то время, какъ значеніе Новороссійска-порта на Черномъ морѣ продолжало идти въ гору, быстро возникшій почти изъ ничего Новороссійскъ-городъ остановился въ своемъ быстромъ развитіи и даже впалъ въ нѣкоторое уныніе. Съ устройствомъ порта, между нимъ и вокзаломъ желѣзной дороги возникъ, такъ наз., «новый городъ». Это—вторая половина Новороссійска, примыкающая и къ порту, и къ вокзалу и къ району расположенія большого мѣстнаго цементнаго завода и обширныхъ учрежденій общества «Русскій Стандартъ», производящаго эксплоатацію нефти и выдѣлку изъ нея минеральныхъ маселъ въ широкихъ размѣрахъ. Этотъ новый городъ, болѣе при томъ благоустроенный сравнительно съ старымъ, въ торговомъ отношеніи, очевидно, расположенъ много

выгоднѣе перваго и является поэтому опаснымъ ему конкуррен- томъ, несмотря на то, что за старымъ осталось значеніе адми- нистративнаго центра, какъ средоточія главнѣйшихъ изъ мѣст- ныхъ административныхъ учрежденій.

Теперь будущее Новороссійска-города находится въ большой зависимости отъ рѣшенія вопроса о направленіи «черноморской» желѣзной дороги. Существуетъ нѣсколько проектовъ таковой, и самое выгодное изъ нихъ для Новороссійска—побережное, со- единяющее Новороссійскъ съ уѣздными городами губерніи и да- тѣе съ Сухумомъ и Поти. Но бѣда для Новороссійска въ томъ, что проектируемая дорога должна обслуживать далеко не одинъ Новороссійскъ и что въ прилегающей части Кавказа есть мѣст- ности, гораздо болѣе нуждающіяся въ желѣзной дорогѣ, чѣмъ Новороссійскъ, и безъ того являющіяся станціею одной изъ же- лѣзныхъ дорогъ,—хотя и конечною. Благодаря этому, существуетъ нѣсколько проектовъ различныхъ направленій новой дороги, изъ которыхъ только одинъ (побережный) имѣетъ въ виду проведеніе ея отъ Новороссійска. Это направленія: Армавиръ—Майкопъ—Туапсе; Станичная—Майкопъ—Туапсе; Екатеринодаръ—Ключе- вая—Туапсе, или Джубга; Абинская—Геленджикъ—Сухумъ и наконецъ: Энемъ (у Екатеринодара)—Туапсе—Сочи—Сухумъ—Очемчиры—Новонесаки, Закавказ. ж. дороги. Одни изъ этихъ на- правленій выдвигаетъ, какъ болѣе ей выгодныя, владикавказская желѣзная дорога; другія выдвигаются въ интересахъ населенія прилегающей части Кавказа, напр., той части Кубанской области, которая, будучи отдѣлена отъ сообщенія съ моремъ побережными хребтами (Мархотхскимъ и др.) и вмѣстѣ съ тѣмъ удалена и отъ Тихорѣцкой вѣтви жел. дор., крайне затруднительна въ сбытѣ продуктовъ своей богатой природы. Ея населеніе нуждается въ улучшеніи условій сбыта продуктовъ его хозяйства, а это улуч- шеніе лучше всего можетъ быть достигнуто проведеніемъ линіи, соединяющей Тихорѣцкую вѣтвь съ моремъ чрезъ горный хребетъ съ выходомъ къ морю, хотя бы у одного изъ вышепоименован- ныхъ пунктовъ: у Туапсе или Джубги. Правда, что сами при- бережные жители, фактическіе и фиктивные владѣльцы знамени-

тыхъ культурныхъ участковъ, хозяева побережныхъ кокетливыхъ дачъ, наконецъ, всѣ вообще защитники идеи устройства «собственной русской Ривьеры» съ комфортабельными виллами и курзалами—а имъ нельзя отказать въ силѣ и вліяніи—горячо стоятъ за необходимость проведенія береговой линіи (отъ Новороссійска на Геленджикъ, Туапсе, Сочи, Сухумъ и до скрещенія съ Закавказской жел. дорогой). Но если признать, что затрата многихъ миллионовъ на устройство желѣзнодорожнаго сообщенія между курзалами и виллами «собственной Ривьеры», предназначенной исключительно для людей богатыхъ, является въ настоящую минуту большою роскошью, и если считаться съ нуждами населенія, болѣе значительнаго по численности и еще болѣе страдающаго отъ недостатка путей, чѣмъ побережное (имѣющее все-таки сообщеніе моремъ и могущее достроить и устроить хорошее шоссе берегомъ), то, разумѣется, Новороссійску не одобровать. Не одобровать потому, что всякое иное направленіе желѣзной дороги, кромѣ чисто бережнаго, нанесетъ тяжелый ударъ его нынѣшнему положенію. Вполнѣ понятно поэтому, почему одни только проникшіе въ Новороссійскъ въ началѣ прошлаго 1902 года слухи о томъ, что въ Петербургѣ состоялось рѣшеніе за проведеніе черноморской дороги съ Энема на Новосеноки произвели въ немъ настоящую панику, вслѣдствіе чего и безъ того уже начавшія понижаться цѣны на городскія имущества пали до крайняго минимума; а что будетъ, когда направленіе будетъ избрано, дѣйствительно минуя Новороссійскъ?

Но все это—вопросъ будущаго; скажемъ теперь о его настоящемъ.

Въ 3-хъ верстахъ отъ стараго города, на томъ же западномъ берегу бухты, около Суджукской косы, имѣется озеро съ минеральною грязью. Это бывшій лиманъ, отдѣленный невысокою пересышью отъ моря, которое, при значительномъ прибоѣ, постоянно пополняетъ его морскою водою. Содержащаяся въ немъ грязь, перемѣшанная съ значительнымъ количествомъ песка, при средней толщинѣ около $\frac{1}{4}$ арш., залегаетъ неравномѣрно, содержитъ массу растеній и издаетъ сильный запахъ сѣроводорода.

Хотя Новороссійскъ и гордится до нѣкоторой степени обладаніемъ собственнымъ грязелѣчебнымъ лиманомъ, который стремятся въ настоящее время эксплуатировать съ лѣчебными цѣлями, но повѣйшіе изслѣдователи Черноморья—г.г. Воейковъ, Пастернацкій и Сергѣевъ—сильно развивчиваютъ лѣчебное его значеніе. По ихъ изслѣдованію, и съ точки зрѣнія гидрохимической, можно сказать, что въ данномъ мѣстѣ имѣются всѣ условія для образованія грязи, но только въ отдаленномъ будущемъ» ¹⁾, и стремленіе эксплуатировать эти грязи съ лѣчебною цѣлью «едва ли осуществимо по причинѣ открытости мѣста нордъ-осту». По той же причинѣ, мѣшающей правильному и цѣлесообразному примѣненію грязевыхъ ваннъ, примѣненіе этого способа лѣченія въ Новороссійскѣ можетъ имѣть лишь мѣстное значеніе, но не для пріѣзжихъ больныхъ».

Упомянувъ о новороссійскомъ нордъ-остѣ, нельзя не остановиться на немъ съ нѣкоторою подробностью. Въ предыдущемъ изложеніи внимательный читатель, вѣроятно, уже замѣтилъ, что одинъ изъ военныхъ людей тридцатыхъ годовъ, настаивая на устройствѣ Новороссійскаго укрѣпленія на мѣстѣ турецкой крѣпости Суджукъ-Кале, характеризовалъ высоту ея крѣпостного вала съ точки зрѣнія способности укрыть гарнизонъ не отъ вооруженнаго непріятеля, а отъ вѣтровъ! Это очень характерно именно для Новороссійска.

Когда вы пріѣдете въ Новороссійскъ, «вамъ надоѣдятъ разсказами о нордъ-остѣ», совершенно справедливо замѣтилъ одинъ изъ изслѣдователей черноморскаго побережья. Но нельзя и винить новороссійцевъ въ такой надоѣдливости, потому что вѣтры съ направленіемъ нордъ-остъ, извѣстные у ученыхъ подъ именемъ боры, составляютъ главный и тяжелый бичъ Новороссійска. А что у кого болить, тотъ вѣдь о томъ и говоритъ ²⁾!

¹⁾ «Черноморское побережье» Спб. 1899 г. Отдѣльн. оттискъ изъ «Трудовъ Всеросс. сѣзда дѣятелей по климату, гидр. и бальнеологии», т. I, стр. 17.

²⁾ Если и мнѣ мѣстами приходится повторить здѣсь о нордъ-остѣ то, что говорилось о немъ въ предыдущей главѣ, то единственно по-

Настоящая сильная бора, обыкновенно бывающая зимою, дуетъ со скоростью не менѣе 20 метровъ въ секунду, но достигаетъ иногда даже до 40 и—что еще хуже—дуетъ порывами, при чемъ сила отдѣльныхъ ударовъ вѣтра бываетъ еще выше приведенныхъ показаній анеометра, представляющихъ собственно среднюю за нѣсколько минутъ ¹⁾. Съ появленіемъ сильной боры, «жизнь въ городѣ какъ бы замираетъ, движеніе по улицамъ прекращается, магазины и дома запираются» ²⁾; при сильныхъ морозахъ, нерѣдко сопровождающихъ бору зимою, летящіе въ воздухѣ брызги въ нѣсколько минутъ обледеняютъ платье, которое быстро примерзаетъ къ тѣлу. «При очень сильной борѣ, суда ³⁾ не могутъ заходить въ портъ противъ вѣтра; двигаться по улицамъ невозможно иначе, какъ на четверинкахъ; вѣтеръ подымаетъ и несетъ крупную гальку». Въ Триестѣ, гдѣ бора бываетъ еще сильнѣе, по нѣкоторымъ улицамъ протянуты веревки, за которыя во время боры держатся, проходя по нимъ, но новороссійцы, очевидно, считаютъ это излишнею роскошью. Мнѣ рассказывали, будто-бы въ нѣкоторыхъ открытыхъ нордъ-осту каменныхъ домахъ съ недостаточно толстыми стѣнами сильная бора зимою врывается въ комнату чрезъ эти стѣны такою холодной струею, что у человѣка сидящаго, близъ топящагося камина забнетъ спина сквозь надѣтую шубу въ то время, какъ лицо и руки «горятъ» отъ жары камина.

Сильный нордъ-остъ, такъ сказ., взрываетъ поверхность бухты, превращая ее въ непрерывно движущуюся подъ его давленіемъ цѣлую стѣну брызгъ въ сажени двѣ и болѣе высоты. И брызги эти, замерзая въ воздухѣ, «несутся версты на двѣ до города». при чемъ въ буквальномъ смыслѣ облѣпляютъ дома, покрывая ихъ и стоящія въ бухтѣ суда толстымъ ледянымъ слоемъ, что

тому, что сила ихъ въ Геленджикѣ и Новороссійскѣ (а слѣдовательно и значеніе) неодинаковы.

¹⁾ Черном. побережье, стр. 49.

²⁾ Тамъ же, стр. 130.

³⁾ Подразумѣвается—даже паровыя!

нерѣдко было причиною гибели судовъ въ самой бухтѣ. Всѣмъ памятенъ, конечно, произведенный борою въ декабрѣ 1899 г. ледяной штормъ, о которомъ тогда писали во всѣхъ газетахъ и отъ котораго потерѣло аварію нѣсколько судовъ въ Новороссійской бухтѣ и въ томъ числѣ «громадный» пароходъ Русскаго Общества «Игорь». Во время шторма онъ стоялъ на двухъ якоряхъ подъ парами; когда вѣтеръ сорвалъ его съ якорей, то несмотря на тотчасъ же данный пароходу полный ходъ впередъ, онъ «на полномъ ходу» былъ отнесенъ вѣтромъ назадъ и выброшенъ на мель у набережной. Брызги, цѣлыми тучами срываемя вѣтромъ съ поверхности моря, попадая на снасти парохода и превращаясь въ ледъ подъ вліяніемъ температуры—14 по Реомюру, быстро образовали на немъ толстую ледяную кору, превратившую огромный пароходъ съ трубами и мачтами въ гигантскую безформенную массу льда. Команда съ пассажирами около 35 чел. спаслась только благодаря энергіи капитана и подоспѣвшей энергичной помощи съ берега.

Но это не первый случай столь сильной боры. Бывали и раньше случаи столь сильнаго нордъ-оста, что стоящіе въ бухтѣ суда выбрасывало на берегъ, какъ это было, напр., съ четырьмя изъ 7 судовъ эскадры адмирала Юрѣва въ знаменитую бурю 13 января 1848 г. Тогда, между прочимъ, военный тендеръ «Струя», покрытый ледяною корою отъ морскихъ брызгъ, потонулъ въ бухтѣ со всѣмъ экипажемъ, несмотря на всѣ усилія команды очищать накопляющійся ледъ отъ корпуса судна. Всѣ попытки подать помощь съ берега были тщетны: команды, посланныя къ берегу, *не могли идти противъ вѣтра; людей несло вѣтромъ и кто не падалъ на землю, могъ быть разбитъ, сброшенный на дерево или строеніе*¹⁾.

¹⁾ Интересныя подробности о борѣ и ея происхожденіи можно найти въ энциклоп. словарь Брокгауза (т. IV); въ «Живописной Россіи», т. IX, статья Г. Радде; въ книгѣ Карльгофа: «Военностатистич. Обзорѣніе Вост. берега Чернаго моря» и въ упомянутой работѣ г.г. Воейкова и др., стр. 45—49 и 130.

Такимъ образомъ эта красивая, глубокая, обширная и, казалось бы, такъ хорошо защищенная отъ вѣтровъ горами бухта является далеко не безопасною, а иногда и безусловно опасною для судовъ въ зимнее время. И причиною этого являются, въ извѣстной степени, эти самыя, повидимому защищающія ее, горы! Дѣло въ томъ, что бора появляется тогда, когда на сѣверѣ отъ Кавказа давленіе выше, чѣмъ на Черномъ морѣ. В. и СВ. вѣтры усиливаются въ степяхъ Кубанской области, затѣмъ на гребняхъ горъ, отдѣляющихъ отъ нея Новороссійскъ, и наконецъ уже на склонахъ къ Черному морю, гдѣ какъ разъ они достигаютъ наибольшей скорости и силы. И это потому, что на склонахъ къ морю между гребнями горъ и берегомъ бухты устанавливается неустойчивое равновѣсіе воздуха въ вертикальномъ направленіи, такъ какъ воздухъ надъ моремъ значительно теплѣе, чѣмъ на горахъ (вслѣдствіе чего нижній—болѣе теплый воздухъ имѣетъ стремленіе подыматься вверхъ—и наоборотъ). Благодаря этому достигшій гребня горъ и безъ того уже сильный вѣтеръ спускается съ нихъ въ бухту съ силою настоящего урагана, или, какъ говорятъ моряки, «воздушнаго водопада». Слѣдовательно, не будь этихъ горъ, сила бора была бы вѣроятно нѣсколько меньше и бухта безопаснѣе для зимнихъ остановокъ судовъ.

Для изученія бора въ Новороссійскѣ, на берегу бухты и на гребнѣ Мархотхскаго хребта возведены особыя станціи, снабженныя необходимыми инструментами, самопишущими приборами и т. п. При первомъ же осмотрѣ Новороссійска съ его окрестностями, не зная еще о существованіи станцій, я невольно обратилъ вниманіе на одиноко стоящее зданіе на голомъ гребнѣ хребта. Изъ города оно представлялось совсѣмъ маленькимъ и было замѣтно только потому, что одиноко вырисовывалось на лазури неба. Казалось страннымъ, что нашелся человѣкъ, пожелавшій поселиться вдали отъ города на такой доступной всѣмъ вѣтрамъ выси. Но это и была верхняя станція. И впослѣдствіи для меня выяснилось, что избранное для нея мѣсто, кромѣ пригодности для наблюденій, къ удивленію, отличается еще особенно здоровыми климатическими условіями, сравнительно съ климатомъ

окрестностей Новоросійска, не говоря уже о самомъ городѣ. И это несмотря даже на то, что тамъ на гребнѣ. крупный дождь, приносимый сильнымъ вѣтромъ съ моря (въ общемъ, однако меньше сильнымъ, чѣмъ бора) пробивается иногда насквозь деревянную стѣну станціи, которую пришлось даже поэтому обить железомъ¹⁾.

Другая—нижняя станція восточнаго берега тоже видна изъ города. Наличие двухъ станцій, расположенныхъ на разныхъ высотахъ, даетъ возможность наблюдать, при помощи расположенныхъ на нихъ самопишущихъ приборовъ, разницу въ силѣ и быстротѣ вѣтра въ моментъ спуска его съ высотъ и въ моментъ, когда онъ почти достигаетъ уровня моря.

Весьма оригинально истолковано было мнѣ однимъ изъ мѣстныхъ простолюдиновъ это на первый взглядъ столь странное по своей близости сосѣдство двухъ метеорологическихъ станцій. Съ своей чисто практической точки зрѣнія, онъ понялъ это такъ, что «станціи эти—отъ вѣтра, что нордъ-остомъ называется». Верхняя караулитъ нордъ-ость и какъ онъ начнетъ подходить, сейчасъ она и даетъ нижней знать по телефону. А въ нижней сейчасъ же барышня и печатаетъ объявленіе на весь городъ, чтобы жители знали и опасались»...

Я догадался спросить, читалъ ли онъ самъ подобныя объявленія, но оказалось, что рассказчикъ неграмотенъ и, по его словамъ, читать ему ихъ «небыло надобности: объявленіе она напечатаетъ и пошлетъ въ городъ къ начальству, а оно ужъ тамъ само и безъ насъ знаетъ, какъ надо на счетъ этого распорядиться».

Три упомянутые выше ученые изслѣдователя Черноморья находятъ климатъ на Мархотхскомъ перевалѣ, гдѣ стоитъ верхняя станція, настолько благоприятнымъ для здоровья человѣка въ лѣтніе и ранніе осенніе мѣсяцы, что прилегающая къ станціи мѣстность признается ими *весьма* пригодною для *лѣтней* климатической станціи. Положеніе такой станціи, еслибы она была устроена, облегчалось бы еще близостью къ шоссе на Екатери-

¹⁾ Черном. побережье, стр. 46.

нодарь (всего двѣ версты) и къ сосѣдней Неберджаевской станицѣ, откуда можно сравнительно легко и недорого доставать пищевые продукты¹⁾. Наоборотъ, самъ городъ съ его остальными окрестностями, по мнѣнію тѣхъ же изслѣдователей, едва ли можетъ быть «когда нибудь» рекомендованъ, какъ климатическая станція, даже и въ случаѣ окончательной засыпки Цемесскаго болота. И это несмотря на то, что по своей природѣ и климату данная мѣстность считается сходною съ южною частью Крыма—окрестности Судака и Феодосіи, Балаклавы и Севастополя. Главная причина (помимо, конечно, загрязненія самого города и порта) опять тотъ же злосчастный нордъ-остъ, могущій вредно повліять на состояніе здоровья людей слабогрудыхъ. Лишняя больныхъ, нерѣдко надолго, возможности пользоваться воздухомъ, такъ какъ сильный нордъ-остъ иногда дуетъ зимою по недѣлѣ, онъ, кромѣ того, понижаетъ (зимою) температуру и способствуетъ такимъ образомъ простудѣ, появленію кровохарканія и т. п. На нервныхъ же людей наводитъ чувство унынія, тоски и страха. Люди, страдающіе тяжкими сердечными недугами, иногда умираютъ во время нордъ-оста почти внезапно²⁾.

Лѣтомъ нордъ-остъ дуетъ сравнительно рѣже, непродолжительно и далеко не бываетъ такъ силенъ, какъ зимою. Но за то онъ отличается сухостью и дѣйствуетъ на растительность иссушающимъ образомъ: «тамъ, гдѣ прошла бора, растительность рѣзко измѣняется: завязи плодовъ сваливаются, листья свертываются и желтѣютъ, хлѣбныя поля засыхаютъ».

Кромѣ того, лѣтомъ бора бываетъ все-таки же настолько силенъ, что сбиваетъ съ деревьевъ не только цвѣтъ, но и спѣлые и недоспѣлые фрукты. Губительное вліяніе боры сказывается на растеніяхъ окрестностей Новороссійска въ ихъ низкорослости, корявости, изогнутости къ землѣ, недостаточности развитія вѣтвей и т. п. уродствахъ, появленію которыхъ отчасти способствуютъ однако и почвы мѣловыхъ образованій.

1) Черноморское побережье, стр. 46.

2) Тамъ же, стр. 30.

Томъ 83.—Октябрь, 1903.

Бора не приносить вреда только винограду, разводимому здѣсь такою же низкой подрѣзкой, какъ и въ Крыму; остальные же климатическія условія, какъ и почвенныя, только въ высшей мѣрѣ благоприятствуютъ разведенію лучшихъ его сортовъ. Окрестности Новороссійска извѣстны изобиліемъ виноградниковъ, но, благодаря тому же нордъ-осту, «мѣста эти при чахлой древесной растительности совершенно не пригодны для леченія въ нихъ виноградомъ»¹⁾. На упомянутомъ уже Пенаѣ—по шоссе на Сухумъ—подъ виноградники заняты почти всѣ нижніе склоны горъ верстъ на 20 отъ Новороссійска—почти до с. Кабардинки.

Говоря о Новороссійскѣ съ его окрестностями, нельзя не удѣлить мѣста виноградарству,—иначе это было бы все равно, что умолчать о его первоклассной бухтѣ съ знаменитымъ портомъ и крупнѣйшимъ въ Россіи элеваторомъ, или же позабыть о нордъ-остѣ. О значеніи виноградарства въ данномъ районѣ можно судить хотя бы по тому, что подъ такъ называемые культурные участки, которые и занимаются здѣсь съ преимущественною цѣлью разведенія винограда, казною роздано здѣсь свыше 900 десятинъ²⁾ (и вблизи, кажется, не осталось уже болѣе казенныхъ земель, пригодныхъ для этой цѣли). А весною 1899 г. проектировалась еще раздача исключительно подъ виноградники шестисотъ десятинъ³⁾ выгонныхъ земель отъ города Новороссійска, какъ мѣстнымъ обывателямъ, такъ и всѣмъ, кто пожелаетъ, въ потомственное владѣніе небольшими участками и за самую небольшую плату⁴⁾ на условіяхъ, выработанныхъ городскою думою г. Новороссійска⁵⁾.

¹⁾ Черн. побер., стр. 129.

²⁾ Капгеръ С. П. „Объ учрежденіи Общества виноградарей и винодѣловъ Новороссійскаго округа“—Труды съѣзда виноградовладѣльцевъ и виноградарей черноморской губ. въ Новороссійскѣ въ 1899 г. Культурные участки эти раздавались по закону 1866 г. на основаніи устава о сельск. хоз. и затѣмъ по особому закону 1896 г.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ С. Е. Кривошеевъ: «Объ учрежденіи въ Новороссійскѣ правительственнаго подвала»—труды того же съѣзда 1899 г.

⁵⁾ См. Труды того же съѣзда 1899 г. докладъ Л. Л. Быча и приложенный къ нему проектъ думской комиссіи по этому вопросу.

Разведеніе на кавказскомъ берегу Чернаго моря виноградниковъ по мѣстнымъ преданіямъ приписывается генуэзцамъ и грекамъ, имѣвшимъ здѣсь свои торговыя факторіи до половины XV вѣка¹⁾. По изслѣдованію И. Н. Клингена²⁾ «всѣ древніе культурные народы, населявшіе морской берегъ восточнаго побережья, воздѣлывали виноградную лозу и приготовляли изъ нея вино». Горцы, по всей вѣроятности, заимствовали это искусство отъ генуэзцевъ и грековъ и продолжали потреблять виноградное вино до 16 столѣтія, когда между ними постепенно стало распространяться магометанство. Это нѣсколько уменьшило, но не уничтожило воздѣлываніе ими виноградной лозы, благодаря тому, что у новыхъ магометанъ остались еще многіе старые христіанскіе обычаи. Въ послѣдніе 30—40 лѣтъ, передъ окончаніемъ кавказской войны, горцы употребляли уже только непребродившій виноградный сокъ и бузу (родъ пива изъ проса съ медомъ), а въ самое послѣднее время стали разводить столовые сорта виноградной лозы.

Полоса горскихъ виноградниковъ съ перерывами тянулась почти по всему побережью и, главнымъ образомъ, именно въ приморской полосѣ на нѣсколько верстъ отъ берега. Однако, распространеніе этой виноградной полосы не шло у горцевъ сѣвернѣе окрестностей Аше (близъ Туансе), при чемъ наибольшимъ распространеніемъ виноградарства извѣстенъ былъ нынѣшній Сочинскій округъ. Такимъ образомъ нынѣшній Новороссійскій округъ лежалъ внѣ сферы горскаго виноградарства и винодѣлія, которыя получили здѣсь начало лишь въ позднѣйшее время и успѣли тѣмъ не менѣе достигнуть количественно гораздо большаго рас-

Началась ли эта раздача городскихъ земель подъ виноградники, я, къ сожалѣнію, не знаю. Труды съѣзда изданы Департаментомъ земледѣлія, а пріобрѣсть ихъ, кажется всего удобнѣе обратившись въ Новороссійскъ къ правит. агроному Сергѣю Ив. Кангеру.

1) См. „Очерки винодѣлія Кавказа“ въ „Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ“ т. III, 1875 г.

2) Основы хозяйства въ Сочинск. округѣ, стр. 55.

пространенія, чѣмъ теперь въ томъ же Сочинскомъ округѣ. По послѣднимъ officialнымъ даннымъ ¹⁾ въ Новороссійскомъ округѣ занято уже было къ 1899 г. подъ виноградники 730 дес., въ Сочинскомъ же—283 и въ Туапсинскомъ—60. Такого количественное распространеніе виноградарства теперь, спустя 30 лѣтъ по занятіи русскими Кавказскаго края, когда центромъ виноградарства былъ наиболѣе южный Сочинскій округъ, славившійся своими прекрасными виноградными винами. Съ тѣхъ поръ тамъ «всѣ вновь заведенные виноградники, даже въ самыхъ передовыхъ хозяйствахъ, руководимые опытными и несомнѣнно знающими виноградарями, или погибли, или, какъ у Хлудова (около Сочи), даютъ вина весьма слабыя и самаго сомнительнаго достоинства» ²⁾. Тѣмъ же временемъ сталъ входить въ славу своими винами сравнительно болѣе сѣверный районъ отъ Аше до Туапсе (вина бар. Штейнгеля, также Сибирякова и др.) и «превосходныя виноградельческія хозяйства» окрестностей Новороссійска съ удѣльнымъ имѣніемъ Абрау во главѣ.

Такое сравнительно быстрое и на первый взглядъ трудно объяснимое перемѣщеніе центра тяжести виноградарства и винодѣлія изъ теплыхъ субтропическихъ и почти субтропическихъ странъ въ сравнительно болѣе холодныя, изъ исконной страны греческаго, генуэзскаго и горскаго виноградарства туда, гдѣ его раньше и совсѣмъ, повидимому, не было, весьма правдоподобно объясняется И. Н. Клингеномъ въ цитированной уже выше брошюрѣ его. Система культуры винограда горцами (маглари), при которой позволялось лозѣ свободно виться вокругъ живой растущей подставы (ближайшихъ) деревьевъ на глубокихъ черноземноглинистыхъ почвахъ, при самой неглубокой посадкѣ, давали прекрасные результаты, какихъ она никогда не могла бы дать на сѣверныхъ каменистыхъ грунтахъ съ весьма мелкой и вязкой мергелистой почвой, да еще при засушливомъ климатѣ въ лѣтнее время, гдѣ лѣтній нордъ-остъ ожи-

¹⁾ П. С. Леонтьевъ. Справочн. книга черн. губ. на 1899 г., стр. 146.

²⁾ Клингенъ И. Н. Основы хозяйства въ Сочинск. окр., стр. 107.

гають виноградники. Этимъ и можно объяснить отсутствіе виноградарства у горцевъ, жившихъ въ нынѣшнемъ Новороссійскомъ округѣ, почвенныя и климатическія условія котораго требовали непривычнаго горцамъ разведенія винограда по способу Даблари—съ глубокой посадкой и низкой обрѣзкой.—Пришлые же русскіе люди, игнорируя драгоцѣнные опыты вѣковой горской культуры (несмотря на то, что они мѣстами застали горскіе виноградники нетронутыми и неразоренными), стали разводить виноградъ и на сѣверѣ и на югѣ (съ предпочтеніемъ при томъ непригодныхъ европейскихъ скороспѣлыхъ сортовъ) по одной и той же системѣ Даблари, которая, естественно, дала отрицательные результаты на югѣ и прекрасно привилась на сѣверѣ ¹⁾).

Въ первое время однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій развитію виноградарства являлась, при недостаткѣ въ краѣ людей со средствами, дороговизна подготовки мѣстной почвы и гадательность пользы отъ виноградныхъ насажденій. Съ цѣлью содѣйствія виноградарству и плодоводству, администраціею округа выработаны были (одобренныя намѣстникомъ Кавказа въ 1874 г.) особые правила для отвода городскихъ и поселенскихъ земель подъ сады и виноградники въ потомственное пользованіе съ уплатою по 3 р. съ дес. ежегоднаго оброка. Большинство виноградниковъ, изъ числа имѣющихся нынѣ на городской землѣ, и были заложены въ первое десятилѣтіе существованія Черноморскаго округа, но затѣмъ дальнѣйшее развитіе виноградарства на городскихъ земляхъ было приостановлено. Произошло это вслѣдствіе того, что администрація округа нашла выработанныя ею же правила раздачи земель непригодными и впродъ до ихъ пересмотра прекратила раздачу участковъ. Городскія дѣла вѣдались въ то время полиціею (городского самоуправленія не было) при участіи двухъ депутатовъ, избираемыхъ собраніемъ горожанъ. Такого рода городское управленіе «находилось подъ самой полной административной опекой и было лишено всякой самостоятельности и инициативы. Поло-

¹⁾ Основы хозяйства въ Сочинскомъ округѣ, стр. 72—73, стр. 107—112.

женіе бывшаго городского управленія особенно ухудшилось съ упраздненіемъ Черноморскаго округа, какъ самостоятельной единицы, и присоединенія его въ административномъ отношеніи къ Кубанской области. Въ дѣлѣ развитія виноградарства опека областной администраціи имѣла результатомъ то, что съ 1887 г. по 1896 г.г. изъ городской земли не было отведено подъ виноградники ни одной десятины»¹⁾. Наконецъ въ 1896 г. въ Новороссійскѣ открываетъ свои дѣйствія образованное по городскому положенію 1892 г. городское управленіе, а въ 1899 г. имъ вырабатывается извѣстный уже читателю проектъ раздачи подъ виноградники 600 дес. городской земли.

Но виноградники могли устраиваться не только на городскихъ земляхъ. «Положеніемъ» 1866 г. «о заселеніи Черноморскаго округа и управленіи онымъ» предоставлено было тѣмъ изъ переселенцевъ, которые пожелаютъ получить земли для разведенія на нихъ виноградныхъ садовъ, тутовыхъ рощъ, разныхъ сельскохозяйственныхъ, мануфактурныхъ и торговыхъ растений, или же пріобрѣсти въ собственность участки,—въ первомъ случаѣ получать земли на основаніи правилъ, существующихъ для закавказскаго края, а въ послѣднемъ—они должны были «подчиняться общимъ законамъ». При этомъ право пріобрѣтать земли въ частную собственность или въ пользованіе для разведенія сельскохозяйственныхъ и др. растений предоставлено было и тѣмъ лицамъ, которыя даже не водворились въ Черноморскихъ побережьяхъ. При распредѣленіи земель, предназначенныхъ къ продажѣ²⁾, допускалось въ сущности только одно существенное, но крайне неопредѣленно выраженное ограниченіе о недопущеніи «перехода оныхъ чрезмѣрно большими пространствами въ однѣ руки» и по возможности съ недопущеніемъ череполосицы. Часть этихъ зе-

1) См. помянутый докладъ Л. Л. Быча.

2) Само собою разумѣется, казенныхъ, такъ какъ послѣ завоеванія Кавказа всѣ завоеванныя земли стали собственностью государства и иныхъ земель, кромѣ казенныхъ,—по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ черноморской губ., не было.

мель, конечно, поступила тоже подъ виноградники. Затѣмъ въ 1896 г. издано было особое Положеніе «объ основаніяхъ отвода частнымъ лицамъ казенныхъ земель въ окрестностяхъ г. Новороссійска», распространенное затѣмъ въ томъ же 1896 г. и на казенныя земли въ окрестностяхъ городовъ Сочи и Туапсе, «въ пользованіе, для разведенія виноградниковъ, фруктовыхъ, тутовыхъ рощъ и иныхъ цѣнныхъ насажденій, на пятилѣтній срокъ съ правомъ приобрѣтенія участка въ собственность ¹⁾. Само собою понятно, что эта мѣра тоже до извѣстной степени способствовала расширенію пространствъ, занятыхъ подъ виноградники.

Пионерами разведенія виноградниковъ въ окрестностяхъ Новороссійска явились: бывшій попечитель прибрежныхъ поселеній М. Ф. Пенчулъ, насадившій виноградный садъ въ 1869 г. въ урочищѣ Мысхако, агрономъ Ѳ. И. Гейдукъ и новороссійскіе мѣщане г.г. Генжа, Ткаченко, Петровъ и др. Въ 1874 г. было насаждено около 2 дес. виноградника удѣльнымъ вѣдомствомъ въ имѣніи Абрау недалеко отъ Новороссійска, въ которомъ теперь подъ виноградниками 170 дес. и которое съ 1882 г. по 1898 г. отпустило въ сосѣднія губерніи 3 милліона чубуковъ.

Первоначально виноградарство двигалось очень тихими шагами — до начала девяностыхъ годовъ, пока здѣсь процвѣтало требовавшее сравнительно весьма мало затратъ табаководство, приносившее при томъ же доходъ въ первый же годъ разведенія табака. Первымъ замѣтнымъ толчкомъ къ поступательному его движенію впередъ была Ялтинская выставка 1881 г., на которой ясно опредѣлились прекрасныя качества лишь съ мѣстныхъ виноградниковъ. А затѣмъ, когда сократился сбытъ табаку и послѣдовало паденіе табаководства, виноградарство двинулось впередъ уже весьма замѣтными шагами; вмѣстѣ съ тѣмъ оно неизбѣжно обратило на себя и вниманіе крестьянскаго населенія, занимавшагося

¹⁾ Подлинный полный текстъ обоихъ положеній приведенъ въ цитиров. книгѣ П. С. Леонтьева, гдѣ и можно познаться съ условіями приобрѣтенія культурныхъ участковъ, правилами пользованія на нихъ водою и производства посадокъ.

до этого времени табаководствомъ. Этому подъему помогло, конечно, и общее развитіе торговопромышленной жизни, съ проведеніемъ къ Новороссійску желѣзной дороги, и связанный съ этимъ явленіемъ наплывъ новыхъ людей, средствъ и рабочихъ рукъ¹⁾. При этомъ, параллельно подъему виноградарства въ этой мѣстности, происходило въ окрестностяхъ Новороссійска обратное движеніе въ садоводствѣ, такъ какъ къ этому времени окончательно выяснилось, что садоводство, которое, какъ и табаководство, на первыхъ порахъ предпочли виноградарству, по мѣстнымъ условіямъ далеко не имѣетъ такихъ шансовъ на успѣхъ, какъ послѣднее.

Теперь виноградарствомъ занимаются уже и въ крестьянской средѣ (т. е. бывшіе кубанцы и вольные засельщики), но далеко и далеко не всѣ, конечно. Главнымъ тормазомъ этому служить прежде всего дороговизна обзаведенія виноградникомъ; стоимость десятины плантаціи колеблется въ новороссійско-туапсинскомъ районѣ²⁾ между 850—1500 р., въ общемъ же стоимость одной десятины виноградника до полного плодоношенія обходится отъ 150 до 3000 р., конечно, при употребленіи наемнаго труда. Правда, разрабатывая землю подъ виноградникъ постепенно собственными руками, крестьянинъ можетъ обзавестись имъ, хотя и не безъ большого труда, по крайней мѣрѣ, съ значительнымъ сокращеніемъ расходовъ противъ показаннаго. Но другимъ важнымъ препятствіемъ является тутъ невозможность скорого полученія дохода, такъ какъ виноградникъ не даетъ его такъ скоро, какъ табакъ; а до этого времени необходимо имѣть какіе-нибудь другіе, достаточные для существованія доходы³⁾.

¹⁾ Подробности по исторіи виноградарства въ черном. губ. см. между проч. въ цитиров. работахъ П. С. Леонтьева, И. Н. Клингена, а также въ Трудахъ по виногравному съѣзду 1899 г. — въ докладахъ Л. Л. Быча, С. П. Крамаренка, Я. Г. Сиповича и др.

²⁾ Труды виногр. съѣзда 1899 г., стр. 44—48.

³⁾ Третьимъ тормазомъ нѣкоторые (см. тѣ же труды съѣзда) считаютъ общинное владѣніе, недопускающее возможности крупныхъ затратъ при непрочности пользованія землею. Не смѣю спорить, ибо

Отсюда понятно, почему средній размѣръ частновладѣльческаго виноградника (считая и удѣльные) равняется въ губерніи почти 10 десятинамъ (9,5)¹⁾, а крестьянскаго только полудесятинѣ (0,6) и изъ частновладѣльческихъ имѣній виноградарствомъ занимается свыше чѣмъ 80%, а изъ крестьянскихъ семей менѣе 15%.

Препятствіемъ развитію виноградарства въ крестьянской средѣ служатъ также и отсутствіе подваловъ для храненія вина, и неблагопріятныя условія сбыта, и многое другое, о чѣмъ здѣсь не мѣсто распространяться и съ чѣмъ интересующійся этими вопросами читатель отлично можетъ познакомиться изъ упомянутыхъ трудовъ винограднаго съѣзда и другихъ уже цитированныхъ изданій.

Я и безъ того уже слишкомъ надолго остановился на виноградномъ вопросѣ, который не для каждаго, конечно, одинаково интересенъ. Однако оправданіемъ мнѣ можетъ до нѣкоторой степени служить то значеніе, которое онъ здѣсь, дѣйствительно, имѣетъ. Если пріѣхавшему въ Новороссійскъ «надоѣдятъ здѣсь разсказами о нордъ-остъ», какъ о злѣйшемъ врагѣ населенія, то, пожалуй, не въ меньшей мѣрѣ вы заслушаетесь и разсказовъ о виноградарствѣ и винодѣліи, какъ самомъ подходящемъ и выгодномъ занятіи, не безъ прибавленія однако кое-какихъ сѣтованій на современные недуги этого производства.

Виноградарство, по мнѣнію многихъ, здѣсь должно имѣть первенствующее значеніе вообще для всего населенія новороссійскаго округа и, при высокомъ качествѣ и прочности получае-

мѣстнымъ людямъ лучше знать мѣстныя условія, но знаю факты существованія интенсивной, напр., садовой культуры на общинныхъ земляхъ—см. мою статью «интенсивная культура и общинное владѣніе» въ Русск. Мысль, 1887 № 6.

1) Но и при этомъ изъ приблизительно 790 дес. подъ частновладѣльческими виноградниками черном. губ. около 180 дес. къ 1899 г. принадлежало только 5 владѣльцамъ: удѣльному имѣнію Абрау, г.г. Пенчулу, бар. Штейнгелю, Голубеву и Хлудову; за исключеніемъ ихъ, величина средняго частновладѣльческаго виноградника 3 съ небольшимъ десятины.

мыхъ винъ, при постоянной урожайности виноградниковъ и организаціи правильнаго сбыта, должно явиться «единственною прибыльною отраслью сельскаго хозяйства» ¹⁾. Такая точка зрѣнія обусловливается многими причинами. Климатическія и почвенныя условія, какъ я уже говорилъ, для воздѣлыванія винограда здѣсь, въ общемъ, безусловно благопріятны. Подъ виноградники требуется сравнительно очень немного земли, да и та, которая подъ нихъ идетъ, часто ни на что болѣе не пригодна, какъ благодаря тѣмъ же почвеннымъ условіямъ, такъ и рельефу мѣстности. Вслѣдствіе ограниченности здѣсь количества земель, пригодныхъ для хлѣбопашества, оно здѣсь не можетъ занять выдающагося значенія (на 30-ти десятинный крестьянскій надѣлъ приходится въ среднемъ около 2—4 дес. пашни, хлѣба съ которой еле хватаетъ на прокормленіе крестьянской семьи и то при урожаѣ, такъ какъ климатическія условія даннаго района дѣлаютъ при данныхъ условіяхъ довольно рискованною самую культуру хлѣбныхъ растений ²⁾). Недостатокъ воды, сухое жаркое лѣто и мордъ-ость представляютъ въ тоже время условія неблагопріятныя и для развитія огородной культуры, а развитію садоводства препятствуетъ и мордъ-ость, и морскіе туманы. Оттого и выходитъ, что первенство должно принадлежать винограду. При этомъ крестьяне, въ силу дороговизны разведенія винограда по способу Даблари съ посадкою на большую глубину, могли бы, по мнѣнію нѣкоторыхъ, значительно облегчить себѣ занятіе этимъ дѣломъ перенесенія винограднаго хозяйства съ горныхъ покатоствъ на низины ³⁾ и заняться имъ по способу Маглари ⁴⁾).

Крупное значеніе виноградарства въ этомъ краѣ какъ нельзя болѣе подтверждается и упоминавшимися мною сѣздами виноградовладѣльцевъ и виноградарей, бывшими въ Новороссійскѣ въ 1899 и 1900 годахъ. По обычно вялому и слабому темпу ум-

¹⁾ Труды виногр. сѣзда 1898 г., докладъ С. П. Крамаренко.

²⁾ Труды виногр. сѣзда 1898 г. докладъ С. И. Капгера.

³⁾ Тамъ же, докладъ С. П. Крамаренко.

⁴⁾ И. Н. Клингенъ. Осн. хоз. въ соч. окр., стр. 112.

ственной жизни Новороссійска, нельзя было, повидимому, и мечтать о томъ оживленіи и возбужденномъ интересѣ, которые вызовутъ эти сѣзды. Все это было бы невозможно, еслибы объединившее всѣхъ этихъ, до сихъ поръ разрозненно жившихъ и изолированно работавшихъ, людей дѣло не было имъ всѣмъ дѣйствительно близко и дорого. Этотъ губернскій сѣздъ собралъ въ 1898 году 104 члена, изъ которыхъ 18% составили крестьяне черноморской губерніи; второй сѣздъ—1900 года—собралъ 74 члена, въ средѣ которыхъ крестьяне составили уже 37%. Но однѣ количественныя указанія въ этомъ отношеніи еще не достаточно характерны. Нужно просмотрѣть самые «Труды» сѣзда, чтобы судить по нимъ, съ какимъ дѣйствительно живымъ интересомъ отнеслись члены сѣзда къ интересовавшему ихъ дѣлу. Надо, наконецъ, обратить вниманіе и на то, что 74 члена перваго сѣзда представили на него 36 докладовъ, т. е. въ среднемъ по одному на 28 членовъ! Это уже совсѣмъ необычное явленіе среди всякихъ нашихъ сѣздовъ, гдѣ докладчики тонутъ въ морѣ «записавшихся для счета» или только слушающихъ чужіе доклады членовъ. Характерно еще и то, что изъ 36 докладовъ 7 оказались «изложенными въ неудачной формѣ» и «малопонятны по содержанію», почему и не были напечатаны въ «Трудахъ» сѣзда.

Это тоже значительное указаніе—и совсѣмъ не въ отрицательномъ смыслѣ. Не всякій обладаетъ способностью ясно формулировать свои мысли на бумагѣ, особенно, если по условіямъ среды онъ принадлежитъ, или болѣе или менѣе близко стоитъ къ тѣмъ 18 или 28%, о которыхъ было упомянуто выше. А съ другой стороны, далеко не всякій сѣздъ возбуждаетъ такой интересъ, чтобы заставить писать непишущаго!

Послѣ всего этого вполне естественно, что гг. «виноградовладельцы и виноградары» возлагали на свой сѣздъ большіе надежды, ожидая отъ него большихъ и скорыхъ практическихъ результатовъ. Но не всѣмъ надеждамъ суждено осуществляться. Дѣло въ томъ, что первое засѣданіе второго сѣзда началось съ доклада, что о судьбѣ представленныхъ въ подлежащія вѣдомства полтора года назадъ многочисленныхъ и важныхъ ходатайствъ

перваго сѣзда, никому и ничего неизвѣстно. Закончился же второй сѣздъ успокоительною рѣчью назначеннаго предсѣдателя его по поводу слышанныхъ имъ во время засѣданій сѣзда «сѣтованій на то, что значеніе обоихъ сѣздовъ парализовано отсутствіемъ отвѣтовъ отъ различныхъ вѣдомствъ на адресованныя имъ ходатайства перваго сѣзда». «Не умаляя значенія этого факта», предсѣдатель успокаивалъ взволнованныхъ членовъ тѣмъ, что исполненныя ими работы на пользу интересующаго ихъ дѣла «представляютъ такія заслуги обоихъ сѣздовъ, которыя будутъ съ благодарностью *отмѣнены въ исторіи* сельскохозяйственнаго развитія черноморской губерніи». Затѣмъ, въ виду истеченія срока, разрѣшеннаго для занятій сѣзда, второй сѣздъ закрылся, не окончивъ обсужденія всѣхъ возбужденныхъ на немъ вопросовъ, но единодушно выразивъ глубокую благодарность черноморскому губернатору «за заботливое отношеніе къ успѣхамъ занятій сѣзда и къ судьбѣ его постановленій». Здѣсь надо замѣтить кстати, что занятія второго сѣзда были уже не такъ оживленны, а доклады не столь многочисленны, какъ на первомъ, когда интенсивная дружная работа членовъ окрылялась надеждами. Вселяя неувѣренность въ результатности ихъ занятій, неосуществленіе этихъ надеждъ вносило неизбѣжную апатію въ работы второго сѣзда.

Возбудивъ на второмъ сѣздѣ ходатайство объ удовлетвореніи ходатайствъ перваго сѣзда, члены сѣзда рѣшили все-таки просить о разрѣшеніи открытія третьяго сѣзда.

Однако третьяго сѣзда еще не было, а вопросъ объ удовлетвореніи многихъ ходатайствъ перваго и второго сѣздовъ очень заботить мѣстныхъ виноградовладѣльцевъ, такъ какъ возможно скорѣйшее разрѣшеніе ихъ имѣетъ существенное значеніе для дѣла. Въ судьбѣ этихъ ходатайствъ заинтересованы не одни только новороссійцы, но всѣ хозяева Побережья, начиная отъ Сухума и на сѣверъ до Мысхако и Пеная.

Возвратимся однако къ послѣднему. Расположенный среди виноградниковъ, изобилующій барскими усадьбами-дачами, распо-

ложенными преимущественно между шоссе и моремъ, Пенай, по сравненію съ страдающимъ отсутствіемъ зелени Новороссійскомъ, кажется издали оазисомъ, утопающимъ въ роскошной зелени. Послѣ пыльнаго и жаркаго города, онъ и вблизи, когда ѣдешь по шоссе, веселитъ взоръ разбросанными среди зелени усадьбами, припертыми къ берегу бухты. Вотъ здѣсь бы, кажется, и можно было найти тихое пристанище въ уютной усадьбѣ, въ тѣни зелени, съ прекраснымъ видомъ на бухту и море, съ хорошимъ купаньемъ. Но, увы, нордъ-остъ здѣсь почти такъ-же силенъ, какъ и въ Новороссійскѣ, а купанье неудобно и далеко не вездѣ возможно вслѣдствіе большой высоты и крутизны берега!

Надо ѣхать дальше—тамъ вблизи выхода бухты въ открытое море, у подножья высокой горы, выступающей въ море мысомъ Дообъ, на которой стоитъ высокій бѣлый маякъ, такъ красиво выдѣляющійся на зеленомъ фонѣ горы, пріютилась упоминавшаяся уже въ предыдущей главѣ Кабардинка. Она ютится въ пространствѣ между Дообскимъ и Пенайскимъ маяками у небольшого залива Новороссійской же бухты. Въ ея заливчикѣ, по общимъ отзывамъ, купанье гораздо удобнѣе, чѣмъ на Пенаѣ. Сила же нордъ-оста, благодаря чисто мѣстнымъ условіямъ, въ окрестностяхъ Кабардинки настолько слабѣетъ, что допускаетъ уже и разведеніе хлѣбныхъ злаковъ, о чемъ неопровержимо свидѣлствуютъ при приближеніи къ ней разбросанные на склонахъ горы небольшія полоски желтѣющихъ нивъ.

По своему происхожденію Кабардинка,—это бывшее русское укрѣпленіе, основанное въ 1836 г. генераломъ Вельяминовымъ, который «съ особенною заботливостью дефилировалъ внутреннее пространство его отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Отъ этого оно получило форму наименѣе пригодную для такого военного учрежденія»... и въ 1838 г., когда эта форма возбудила удивленіе осматривавшаго укрѣпленіе генерала Головина, преемникъ Вельяминова, ген. Гроббе сказалъ: «Я узнаю моего умнаго предмѣстника. Если человѣкъ большого ума задумаетъ сдѣлать глупость, то сдѣлаетъ такую, какой всѣ дураки не выдумаютъ» ¹⁾).

¹⁾ Филиппсонъ «Воспоминанія».

Путь изъ Новороссійска въ Кабардинку—по тому же самому прибрежному шоссе мимо всѣхъ этихъ небольшихъ, такъ назыв., «культурныхъ участковъ» съ ихъ миниатюрными усадьбами. Усадьбки эти на людей, прїѣзжихъ изъ Россіи и привыкшихъ къ имѣніямъ, измѣряемымъ сотнями и тысячами десятинъ и обладающихъ многочисленными и обыкновенно широко разбросанными хозяйственными постройками, производятъ нѣсколько странное впечатлѣніе своими претенціозными надписями надъ воротами почти каждой изъ нихъ: «*Имѣніе* такого то», «*Имѣніе* такого то», къ которымъ такъ и хочется прибавить; «просятъ не смѣшивать съ *настоящимъ* имѣніемъ»!..

Однако справедливость требуетъ сказать, что нѣкоторые изъ этихъ «имѣній» даютъ, благодаря виноградникамъ, какъ это вполне понятно, хорошіе доходы, значительно, и даже несравненно, превосходящіе средній подесятинный доходъ «настоящихъ» имѣній..

Миновавъ эти имѣнія-дачи, шоссе идетъ по узкимъ канісамъ Мархотхскаго хребта на значительной высотѣ надъ моремъ. Налѣво—крутая стѣна песчаниковъ и известняковъ, по мѣстному «трескуновъ», на бѣломъ фонѣ которыхъ красиво вырисовываются подъ яркими лучами солнца большія пушистыя туи въ перемежку съ кизилемъ, кустарниковыми дубами, *rhus cotinus*, и другими представителями мѣстной флоры, покрывающими уходящую въ высь гору. Направо—слегка опушенный на верхнемъ карнизѣ кустарникомъ крутой обрывъ прямо въ море, которое передъ вами, какъ на ладони, необъятное, слегка волнующееся и переливающееся тонами отъ нѣжно голубого до синяго. Воздухъ наполненъ неумолкаемымъ мелодичнымъ стрекотаніемъ безчисленныхъ цикадъ, скрывающихся въ покрывающей горы и ущелья зелени. Ущелья чередуются съ выступами берега въ море, и потому шоссе, идя все время по карнизу, то какъ бы удаляется отъ него, то опять къ нему возвращается, вновь давая возможность видѣть и красивый Дообъ, и всю бухту, и оставшійся позади Новороссійскъ. Теперь въ эти ущелья почти не доходитъ вѣтерокъ съ моря; въ нихъ тихо и душно. Зимой же здѣсь по этимъ самымъ ущельямъ нерѣдко срывается съ горъ леденящій

нордъ-ость и срывается иногда съ такою силою, что опрокидываетъ съ шоссе ѣдущіе фэатоны и даже слишкомъ высоко нагруженные фуры!

Но съ Кабардинкою, кромѣ сообщенія по шоссе, Новороссійскъ имѣетъ еще удобное сообщеніе паровымъ катеромъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что, при удобствѣ въ Кабардинкѣ морского купанья—въ отношеніи пологости морского дна, покрытаго пескомъ и мелкою галькой, и при меньшей сравнительно силѣ нордъ-оста, послѣдній все-таки препятствуетъ непрерывности морского купанья; кромѣ того кабардинскій заливъ открытъ и морскому вѣтру. Вслѣдствіе этого, хотя Кабардинка и можетъ, конечно, служить какъ дачное мѣсто для городскихъ жителей Новороссійска и извѣстнаго своими лихорадками Екатеринодара, но для лицъ, пріѣзжающихъ лѣчиться морскими купаньями, рекомендовать ее нельзя.

Дальше—за Кабардинкой—идетъ уже другой приморскій курортъ—Геленджикъ; но ему уже была посвящена особая глава.

Л. С. Личковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки прошлого и настоящего черноморского побережья Кавказа.¹⁾

III.

Черноморскій курортъ безъ будущаго.

(г. Новороссійскъ съ окрестностями).

Причины, обуславливающія особый интересъ къ Новороссійску. Путь къ нему по желѣзной дорогѣ. Окрестности со стороны суши. Видъ на городъ и бухту. Внѣшній видъ порта и города; гостинницы, купальни. Исторія Новороссійска-города и черноморской губерніи. Положеніе г. Новороссійска по отношенію къ его губерніи. Исторія Новороссійска-порта. Вѣроятное будущее. Побережная желѣзная дорога. Минеральныя грязи. Климатическія условія. Нордъ-остъ или бора. Новороссійскъ и его окрестности, какъ климатическая станція. Причины и исторія распространенія виноградарства и винодѣлія и важное ихъ значеніе. Причины перемѣщенія центра виноградарства съ юга Побережья къ Новороссійску; даблари и маглари. Съѣзды виноградарей и винодѣловъ 1899 и 1900 г.; ихъ значеніе и результаты. Приморскія окрестности Новороссійска: дачный районъ Пеная и Кабардинка.

На Черноморское побережье Кавказа можно добраться изъ «Россіи» двумя путями: моремъ или по желѣзной дорогѣ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ путникъ, желающій посѣтить Кавказское Черноморье, не можетъ миновать Новороссійска. Ёдучи по желѣзной дорогѣ, онъ сворачиваетъ на Новороссійскъ отъ станціи Тихорѣцкой, чтобы оттуда двинуться въ Черноморье на лошадахъ или пароходомъ. Направляясь туда же изъ Россіи мо-

¹⁾ См. Кіев. Стар. № 7—8.

ремь, никто не минуетъ Новороссійска потому, что онъ является неизбѣжнымъ пунктомъ остановокъ всѣхъ пароходовъ,—все равно идутъ ли они круговымъ или даже прямымъ рейсомъ.

Такимъ образомъ для всѣхъ, прїѣзжающихъ на Черноморское побережье Кавказа, Новороссійскъ интересенъ уже, какъ неизбѣжный остановочный пунктъ, въ которомъ приходится провести кому нѣсколько дней, кому нѣсколько часовъ въ ожиданіи поѣзда или парохода, или же ради отдыха послѣ долгаго, утомительнаго пути, ради закупокъ въ дальнѣйшій путь, ради собранія необходимыхъ оріентировочныхъ свѣдѣній о болѣе интересныхъ поселеніяхъ кавказскаго Черноморья, о предстоящемъ пути по побережью.

Если, наконецъ, вы провели время въ одномъ изъ курортовъ минеральной группы и вамъ необходимо послѣ этого покупаться въ морѣ, ближайшее морское купанье вы найдете въ томъ же Новороссійскѣ, откуда вамъ ближайшій путь въ «Россію» пароходомъ на Крымъ или Одессу.

Изъ путеводителей по Кавказу вы прежде всего узнаете о Новороссійскѣ, что онъ извѣстенъ, какъ недавно устроенный, но уже выдающійся и соперничающій съ Одессою портъ, имѣющій чрезвычайно важное торговое значеніе и обладающій первоклассною бухтою (уступающею по значительному углубленію въ материкъ развѣ одной только севастопольской бухтѣ). Вы узнаете также, что климатъ его сравнительно теплый (лѣтомъ даже жаркій), что въ немъ имѣются хорошія морскія купальни, что окружающія его горы могутъ похвалиться замѣчательною чистотою воздуха, что вблизи его есть лиманъ съ цѣлебными грязями, а въ окрестностяхъ города имѣются многочисленныя хорошенькія усадьбы — даже въ красивой мѣстности надъ самымъ моремъ! Мало того, каждый путеводитель скажетъ вамъ о Новороссійскѣ, что это центръ виноградарства и винодѣлія, достигшихъ уже значительнаго развитія и славящихся весьма высокими сортами воздѣлываемыхъ винъ, что Новороссійскъ почти сплошь окруженъ прекрасными виноградниками и почти всѣ берега его обширной бухты покрыты многочисленными участками, занятыми подъ

высшія сельскохозяйственныя культуры. Словомъ, относительно Новороссійска выяснятся такія данныя, которыя дадутъ вамъ полное право смотрѣть на него, какъ на курортъ, гдѣ не только можно остановиться на короткое время, но и провести лѣто, по-лечиться и покупаться, а для желающихъ осѣсться на побережьѣ—обзавестись здѣсь культурнымъ участкомъ.

Таковъ интересъ, возбуждаемый Новороссійскомъ съ прилегающими къ нему окрестностями и дающій намъ право удѣлить нѣсколько страницъ описанію этого перваго этапа туристовъ кавказской ривьеры.

Морской путь къ нему уже описанъ неоднократно въ очеркахъ и путевыхъ замѣткахъ лицъ, совершавшихъ поѣздки на пароходахъ въ Сочи, Туапсе, Батумъ и другіе пункты Черноморскаго побережья Кавказа.

Скажемъ поэтому нѣсколько словъ о пути по желѣзной дорогѣ,—главнымъ образомъ для того, чтобы познакомить читателя съ окрестностями Новороссійска и внѣшнимъ видомъ его со стороны суши.

Желѣзнодорожный путь отъ станціи Тихорѣцкой къ Новороссійску не представляетъ особеннаго интереса. Только съ приближеніемъ къ его концу начинаютъ появляться холмистые отроги кавказскихъ горъ, въ значительной части покрытые уже вырубками и всякимъ молоднякомъ, вмѣсто прежняго вѣкового лѣса.

Мѣстами, на пологихъ склонахъ и въ долинахъ видны хлѣбныя нивы, около рѣчекъ зеленѣютъ сѣнокосы. Кое-гдѣ мелькнетъ козацкая станица съ маленькою церковью, запестрѣтъ па-сущимся станичнымъ скотомъ оголенный отъ лѣса склонъ съ разставленными на немъ полѣнницами свѣжихъ дровъ и затѣмъ окрестные виды внезапно скрѣются за пустою зеленою стѣною придорожныхъ кустовъ. Но кусты кончаются вскорѣ—и опять холмы, пригорки, горы, и взоръ снова пытливо обращается вдоль въ тиетной надеждѣ увидать хотя начало главнаго кавказскаго хребта съ его снѣжными горами, хотя сознаніе и говорить, что, вѣроятно, до него еще далеко. А затѣмъ снова густая при-

дорожная поросль неожиданно и иногда надолго скрывает окрестности.

Вотъ горы стали какъ будто выше, горизонтъ сузился къ полотну дороги; вмѣсто прежнихъ зеленыхъ, взлохмоченныхъ древесною порослью, горъ, стали подступать каменистые отроги и обрывы. Они уже совсѣмъ близко и, вмѣсто прежнихъ кустовъ, по обѣ стороны поѣзда высятся стѣнами слоистыя громады, могучіе слои которыхъ иногда стоятъ почти вертикально. Онѣ параллельны дорогѣ, потому что проходъ для нея прорубленъ въ этой самой горѣ и изъ окна вагона видно, какъ въ одномъ мѣстѣ отвѣсныя каменныя громады соединяются надъ полотномъ въ непрерывную стѣну, внизу которой продѣлано сравнительно небольшое отверстіе для прохода поѣзда. Это—входъ въ тоннель. Этихъ тоннелей два на пути къ Новороссійску: въ одномъ поѣздъ проходить очень не долго, другимъ онъ идетъ нѣсколько минутъ.

При приближеніи къ первому изъ нихъ кондуктора уже зажгли вагонные фонари. Изъ окна вагона видно, какъ голова поѣзда какъ бы ныряетъ подъ нависшую надъ полотномъ дороги скалу и исчезаетъ въ сѣромъ мракѣ тоннельнаго отверстія. Тоннель быстро надвигается на нашъ вагонъ; изъ невольной боязни толкнуться обо что-нибудь головою, отодвигаешься отъ окна, и въ тотъ же моментъ темный мракъ охватываетъ васъ почти разомъ. Послѣ яркаго свѣта въ вагонѣ такъ темно, что видѣнь только тусклый огонь фонаря; говоръ притихъ, и слышно лишь глухое, точно сдавленное, громоуханіе непрерывно двигающагося поѣзда... Но вотъ онъ опять загромоухалъ впереди; вслѣдъ затѣмъ мы выскользнули изъ объятій мрака на свѣтъ Божій и всѣмъ какъ будто становится легче.

Еще нѣсколько верстъ, еще нѣсколько минутъ ожиданія—и изъ-за окрестъ толпящихся холмовъ и горъ показываются, наконецъ, вдали синія-синія, сверкающія подъ яркимъ солнцемъ воды огромной Новороссійской бухты въ томъ мѣстѣ, гдѣ она сливается съ такимъ же синимъ, такимъ же сверкающимъ, уходящимъ до горизонта моремъ. Новороссійскъ еще скрытъ за бли-

жайшими холмами, но вскорѣ, вмѣстѣ съ красивѣйшимъ видомъ на бухту, открываются и отдѣльные куски все еще отчасти скрытаго города въ видѣ разныхъ желѣзнодорожныхъ построекъ и нестройныхъ группъ неособенно възрачныхъ домовъ по склонамъ ближайшихъ холмовъ.

Небольшое зданіе вокзала, мизерный видъ прилегающихъ къ нему построекъ и въ особенности нанятая мною извозицѣя одноконная линейка сразу напоминаютъ мнѣ отдаленный, тоже приморскій Архангельскъ, производящій однако много лучшее впечатлѣніе своею виѣшностью, чистотою и шириною улицъ.

Черезъ такъ называемый новый, или французскій городъ, минуя портъ, мы ѣдемъ по низменной набережной съ примыкающими къ ней огромными и многочисленными пристанями, эстакадою и конторами пароходныхъ обществъ, мимо огромнаго Цемесскаго болота, главнаго источника новороссійскихъ лихорадокъ. Съ набережной открывается видъ на старый городъ и на бухту. Воздвигнутый на оголенномъ западномъ берегу бухты, на почвахъ мѣлового отложенія, совершенно почти лишенный зелени, онъ весь залитъ горячими лучами солнца и издали производитъ первое впечатлѣніе почти безлюднаго города африканскихъ песчаныхъ пустынь, томящагося подъ зноемъ жаркаго солнца юга.

Въ городѣ душно, пыльно и жарко; термометръ въ тѣни показываетъ 31. Но за то изъ города—изъ гостиницы, гдѣ мы остановились, взоръ, минуя несчастныя мелкія лавчонки по ту сторону улицы, наслаждается прекраснымъ видомъ оживленной разнообразными судами бухты съ разбросанными подъ тѣмъ берегомъ на нижнемъ зеленомъ склонѣ Мархотхскаго хребта заводами, пирамидами клепки и разными постройками. Уходящій въ даль западнаго берега бухты прихотливо изгибающеюся зубчатою стѣною Мархотхскій хребетъ служить хорошимъ фономъ для картины бухты; но самъ онъ, увы, почти лишенъ лѣсной растительности, а травяная зелень его, несмотря на половину іюня, уже пожелтѣла отъ солнца! Только тамъ—вдали, за водами, у такъ называемаго Пеная, гдѣ по-надъ берегомъ и по

нижнимъ склонамъ хребта ютятся помѣщичьи усадьбы и дачи и зеленые виноградники, густая кайма зелени красиво выдѣляется надъ бѣлою каймою отвѣснаго берега бухты. Вдали за длинными бѣлыми молами синѣетъ и сверкаетъ на солнцѣ море, надъ которымъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ виднѣнъ дымокъ пароходовъ. По бухтѣ, блестя бѣлоснѣжными парусами, шныряютъ фелюги; отъ мола къ порту величаво размѣреннымъ ходомъ приближается къ такимъ же, стоящимъ у пристани, океанскій двухтрубный гигантъ, а ему на встрѣчу несется небольшой паровой катеръ.

Попавъ въ одну изъ рекомендованныхъ путеводителями гостинницъ, мы нашли, съ одной стороны, удобства, которыхъ уже не ожидали найти въ этомъ пыльномъ и непредставительномъ старомъ городѣ, а съ другой—и дороговизну, которой тоже не ожидали. Обѣдъ довольно вкусный, но порціи по размѣрамъ—не для хорошаго аппетита; за добавочный приборъ приплата въ 20 к.; всякіе напитки, покупаемые извнѣ, помимо гостинницы, облагаются пошлиною въ пользу послѣдней въ размѣрѣ добавочной доплаты до той цѣны, которая обозначена въ гостинничномъ прейсъ-курантѣ. Полубутылка нарзана, которую мы купали въ Ростовѣ на Дону, въ клубѣ, за 20 коп. и которая такъ кстати въ этой жарѣ, здѣсь въ гостинницѣ оплачивается 25 к. по таксѣ, а въ нижнемъ этажѣ того же дома въ аптекарскомъ магазинѣ цѣна ея всегда 10 копѣекъ.

Въ воздухѣ душно, и каменные стѣны домовъ накалены; жаръ стоитъ, какъ въ пеклѣ. Не успѣвъ разложиться, мы тотчасъ же надумали купаться. Ближайшія купальни—въ портѣ, гдѣ вода сильно загрязнена нечистотами, нефтяными остатками и т. п. отбросами. Кромѣ того она отчасти разбавлена тутъ и прѣсною водою рѣчки Цемесъ, протекающей черезъ Цемесское болото. Это купальни, въ которыхъ и раздѣваться и купаться приходится на виду публики, снующей по пристанямъ, такъ какъ раздѣвальни скрываютъ сидящихъ въ нихъ только со стороны набережной. При томъ мужская и женская купальня въ нѣсколькихъ

саженяхъ другъ отъ друга, и вблизи этихъ же мѣстъ купаютъ лошадей.

Намъ посовѣтовали отправиться въ купальни за моль, гдѣ вода чище, купальни много благоустроены и одна изъ нихъ (г. Серафимовича), которую называли лучшею, даже съ номерами, душами, теплыми ваннами и рестораномъ.

Но надъ Мархотскимъ хребетомъ гремитъ громъ и заходитъ туча. Мы рѣшаемъ остаться, но насъ увѣряютъ, что это не страшно: дожди въ лѣтнюю пору рѣдки; и хотя теперь тучи собираются часто и громъ слышенъ нерѣдко, но это, къ общему сожалѣнію, «только страшаетъ»: Новороссійскъ въ лѣтнее время подолгу и тщетно ждетъ дождя. До купаленъ неизбѣжно нанять извозчика, потому что, не говоря уже о новомъ городѣ, даже отъ центра стараго города до купаленъ за молами довольно далеко, и въ такую невыносимую жару идти по ничѣмъ незатѣненнымъ улицамъ города не только утомительно, но почти невыносимо. Купальни оказываются устроенными хорошо, и ресторанъ при нихъ не плохъ и съ красивымъ видомъ на бухту, но дно бухты здѣсь крайне неудобное, благодаря изобилію большихъ и осклизлыхъ камней. Здѣсь освѣжающій нарзанъ уже 20 копѣекъ и, подавая его, лакей конфиденціальнымъ тономъ сообщаетъ, что это послѣдній «настоящій» нарзанъ въ городѣ: «по случаю сильныхъ жаровъ» нарзанъ вездѣ вышелъ и подъ видомъ нарзана продаютъ обыкновенную зельтерскую воду за повышенную цѣну.

Скажемъ однако нѣсколько словъ о Новороссійскъ-городѣ и Новороссійскъ-портѣ и объ исторіи ихъ происхожденія.

Новороссійскъ расположенъ на мѣстѣ бывшей турецкой крѣпости и порта Суджукъ-Кале, по берегамъ обширной Цемесской (прежде Суджукской) бухты. Въ тридцатыхъ годахъ только что истекшаго столѣтія, когда возникъ вопросъ о заселеніи казаками черноморскаго побережья въ стратегическихъ цѣляхъ, на берегахъ Суджукской бухты русскими впервые заложено было здѣсь такъ наз. Новороссійское укрѣпленіе. Высказывая свои соображенія по вопросу о необходимости заселенія черноморскаго побережья, командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса генераль-

адъютантъ бар. Розенъ, въ донесеніи тогдашнему военному министру графу Чернышеву 22 января 1832 г., писалъ между прочимъ, что «бухты Суджукъ-Кальская и Геленджикская, при благопріятномъ для здоровья климатѣ, изобилуютъ хорошею водою, лѣсомъ и мѣстами для огородовъ, но при оныхъ и вообще по всему восточному берегу Чернаго моря на югъ отъ Анапы весьма мало пространствъ, удобныхъ для хлѣбопашества и даже сѣнокосенія; для людей же торговыхъ Суджукъ-Кале и Геленджикъ имѣютъ рѣшительное преимущество передъ Анапою по удобности портовъ своихъ, къ коимъ стекаются горцы даже изъ Кабарды».

Цѣль созданія этого укрѣпленія заключалась, какъ видно изъ другого донесенія того же бар. Розена, въ томъ, чтобы занятіемъ Суджукской бухты прекратить въ ней турецкую торговлю и тѣмъ произвести полезное для насъ вліяніе на ближайшихъ горцевъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ и имѣть станцію на имѣющемъ въ послѣдствіи устроиться береговомъ сообщеніи между Анапою и укрѣпленіемъ Геленджикскимъ (основаннымъ въ 1831 г.).

Основаніе этому новому укрѣпленію положено было въ 1838 г., непосредственно на мѣстѣ бывшаго турецкаго укрѣпленія, лежавшаго по срединѣ западнаго берега бухты (гдѣ расположенъ теперь старый городъ) «на безлѣсной равнинѣ, имѣющей небольшую покатость къ морю» ¹⁾ и состоявшую «изъ четверугольника, коего валъ сохранилъ *достаточную высоту для укрѣпленія гарнизона отъ вѣтровъ*» (!!)) и съ довольно глубокимъ рвомъ вокругъ.

Превратившійся затѣмъ изъ укрѣпленія въ небольшой городокъ Новороссійскъ-городъ былъ упраздненъ указомъ сената 31 марта 1860 года и вновь учрежденъ Положеніемъ 10 марта 1866 г. съ назначеніемъ его резиденціею управленія новообразованнымъ черноморскимъ округомъ. Наконецъ съ 23 мая 1896 г. Новороссійскъ является уже губернскимъ городомъ, центромъ административнаго управленія новообразованной черноморской губерніи.

¹⁾ Изъ рапорта того же бар. Розена 25 іюля 1835 г. графу Милорадовичу.

Губернія эта—самая оригинальная изъ всѣхъ губерній Россіи, какъ оригинально и положеніе ея административнаго центра—города Новороссійска. Представляя собою и по пространству (6426 квадр. верстъ) и по населенію (всего около 30 тысячъ городскихъ и сельскихъ жителей, кромѣ г. Новороссійска, въ которомъ столько же жителей, сколько во всей губерніи безъ него) самую маленькую изъ всѣхъ губерній, она, благодаря топографическимъ условіямъ даннаго района ¹⁾ имѣетъ крайне растянутую фигуру. Ея длина 300 верстъ при ширинѣ въ самомъ широкомъ мѣстѣ— 50 верстъ, а въ наиболѣе узкомъ всего только три версты! И эти три версты ширины губерніи, какъ разъ около своего административнаго «центра», который и расположенъ какъ разъ на самомъ сѣверномъ концѣ ея, такъ что сама губернія лежитъ, такъ сказать, вдали отъ своего центра. Такое исключительное положеніе Новороссійска, какъ административнаго центра удаленной отъ него губерніи, при самомъ ея образованіи, осложнялось еще отсутствіемъ сухопутныхъ путей сообщенія по линіи главнаго протяженія губерніи: побережное, такъ наз. голодное шоссе, начатое генераломъ Аппенковымъ въ 1891 г., хотя имѣлось уже, но безъ мостовъ на многихъ пересѣкающихъ его рѣкахъ. Оставалось сообщаться только моремъ. Но въ зимнее время Черное море такъ сильно бурлитъ, что, при отсутствіи удобныхъ стоянокъ, курсирующіе пароходы подолгу не могутъ высадить на берегъ своихъ пассажировъ. При такихъ условіяхъ чиновникъ, спѣшно командированный изъ центра въ дальній конецъ губерніи, могъ иногда прибыть на мѣсто назначенія лишь черезъ 2—3 недѣли по выѣздѣ изъ Новороссійска ²⁾.

1) Тянущійся параллельно берегу моря горный хребетъ изолируетъ побережье отъ прилегающихъ къ хребту населенныхъ мѣстностей.

2) И теперь шоссе съ мостами, черезъ многочисленныя рѣчки, впадающія въ море, доведено только до Макопсе (35 в. южнѣ Туапсе), далѣе на значительномъ пространствѣ совсѣмъ нѣтъ мостовъ, да и самое шоссе мѣстами прерывается (Русск. Вѣд. 1901 г. №№ 342. 344).

Меня очень, конечно, интересовали мотивы учрежденія такой оригинальной губерніи, при образованіи которой въ ней, какъ извѣстно, не было даже ни одного города, кромѣ Новороссійска, такъ что два посада (Сочи и Туапсе) пришлось тогда же переименовать въ города.

Вопросъ этотъ разъясняется вышедшею въ 1899 г. «Справочною книгою Черноморской губерніи», составленной по порученію черноморскаго губернатора старшимъ помощникомъ правителя его канцеляріи П. С. Леонтьевымъ и интересной въ томъ отношеніи, что она составляетъ первое общее описаніе названной губерніи — по официальнымъ преимущественно источникамъ.

Вѣшняя, бумажно-канцелярская, такъ сказать, исторія этого вопроса выражается въ родѣ превращеній, которымъ подвергался интересующій насъ край въ отношеніи своего административнаго устройства,—превращеній, имѣвшихъ цѣлью скорѣйшее его «заселеніе и оживленіе». Превращенія быстро слѣдовали другъ за другомъ, но, къ сожалѣнію, положеніе края отъ этого весьма слабо улучшилось и сознаніе каждой такой неудачи вызывало къ жизни новый проектъ новаго превращенія, новой реорганизации административнаго устройства края, пока, наконецъ, онъ не былъ преобразованъ въ губернію.

Оказывается, что съ 1866 года г. Новороссійскъ считался административнымъ центромъ особаго черноморскаго округа, имѣя во главѣ управленія начальника округа съ правами и обязанностями губернаторовъ Закавказскаго края и опредѣленным штатомъ служащихъ. При этомъ «сельское населеніе поручено было надзору «попечителей прибрежныхъ поселеній», число которыхъ штатомъ опредѣлено не было и зависѣло вполнѣ отъ успѣховъ заселенія края и усмотрѣнія намѣстника Кавказа.

Первый начальникъ округа, очевидно, придавалъ большое значеніе своей административной роли, потому что началъ устроить край путемъ предписаній,—таково, напр., его «*предписаніе командиру тапсугскаго берегового баталіона о принятіи мѣръ къ развитію въ округѣ промышленной дѣятельности*» ¹⁾.

¹⁾ См. Кубанскія Войсковыя Вѣдомости 1867 г., № 28.

Вѣроятно такое бумажное отношеніе къ дѣлу составляло основную черту тогдашняго управленія краемъ, такъ какъ уже черезъ 8 лѣтъ, т. е. въ 1874 г., организація 1866 г. признана была неудовлетворяющей своей цѣли, составъ администраціи округа недостаточнымъ для его управленія и значительно поэтому увеличенъ. При этомъ для управленія на мѣстахъ Новороссійскимъ, Вельяминовскимъ и Сочинскимъ «отдѣлами» было опредѣлено по штату три «попечителя прибрежныхъ поселеній»,—по одному на каждый отдѣлъ. Затѣмъ въ 1888 г. самостоятельное управленіе Черноморскимъ округомъ признано было неотвѣчающимъ своей цѣли, и округъ переименованъ въ уѣздъ «съ присоединеніемъ его въ порядкъ управленія къ Кубанской области», а начальнику его присвоены лишь права уѣзднаго исправника, при чемъ, конечно, сокращены и штаты служащихъ, а попечители поселеній замѣнены участковыми начальниками съ правами станovýchъ приставовъ.

«Такая перемѣна въ административномъ устройствѣ края»—говорится въ упомянутомъ официальномъ изданіи—вызывалась, какъ надо думать, желаніемъ правительства поставить дѣло заселенія и оживленія Черноморскаго побережья на надлежащую высоту, каковое стремленіе замѣчается еще съ тѣхъ поръ, когда переселенцамъ въ Черноморскій округъ были даны первыя крупныя льготы.

И вотъ съ этою же цѣлью «заселенія и оживленія» края въ 1896 г. несамостоятельное уже управленіе уѣзда по инициативѣ «особой комиссіи по принятію мѣръ къ скорѣйшему заселенію побережья», состоявшей подъ предсѣдательствомъ «близко знакомаго съ побережьемъ» гофмейстера Н. С. Абазы, вновь преобразовано въ самостоятельное, подъ именемъ черноморской губерніи, съ соотвѣтственнымъ этому новому званію края штатомъ служащихъ, съ раздѣленіемъ ея на три округа съ уѣздными начальниками во главѣ. Содержаніе «личнаго состава новой губерніи исчислено по штату 23 мая 1896 г. (не считая содержанія чиновъ судебнаго вѣдомства) въ 72645 р. въ годъ», а размѣръ

вносимыхъ населеніемъ податей и земскихъ повинностей¹⁾ опредѣляется приблизительно въ 15000 р., изъ которыхъ въ 1898 г. въ недоимкѣ за населеніемъ было 18000 р. Съ послѣдующимъ увеличеніемъ населенія количество взимаемыхъ въ губерніи сборовъ должно, конечно, увеличиться.

«Такимъ образомъ 23 мая 1896 г.—говорится въ цитируемомъ изданіи—надо считать новой эрой Черноморскаго побережья, вступившаго въ такой фазисъ, какого она еще не переживала.

На сколько практична будетъ эта новая мѣра, «на сколько благопріятнымъ для края будетъ выдѣленіе его въ самостоятельную губернію»—говорится въ цитируемомъ офиціальномъ изданіи—покажетъ будущее и сказать что-либо по данному вопросу теперь было бы слишкомъ преждевременно»... тѣмъ болѣе, что пока «опыты измѣненія штатовъ управленія округомъ не привели къ желаннымъ результатамъ»²⁾.

Пока же въ томъ самомъ офиціальномъ изданіи констатируется, что, несмотря на выгодное географическое положеніе, богатую растительность, хорошій климатъ и удобство для разнообразныхъ высшихъ культуръ, черноморская губернія «въ тоже время представляетъ изъ себя край мало устроенный во многихъ отношеніяхъ»...

Но возвратимся къ Новороссійску. Еще въ 1887 г., когда Реклю выпустилъ въ свѣтъ VI томъ послѣдняго изъ изданій своего обширнаго труда «Земля и Люди», заключающій въ себѣ описаніе Кавказа, Новороссійскъ не вошелъ въ составленный имъ списокъ городовъ, имѣющихъ не менѣе 5000 душъ жителей; а въ 1899 г. въ немъ было уже около 30.000 населенія об. пола. Въ 1887 г. отпускъ хлѣбныхъ грузовъ достигалъ въ немъ только 7500 пуд., а въ 1895 г. возросъ уже до 37 милліоновъ пудовъ.

Чрезвычайный ростъ Новороссійска, какъ порта, начинается со времени проведенія къ нему Тихорецкой вѣтви Владикавказ-

1) Судя по даннымъ стр. 90—91 того же изданія

2) П. С. Леонтьевъ, Справ. кн. черн. губ., стр. 52.

с кой желѣзной дороги, построившей здѣсь знаменитый новороссійскій элеваторъ съ электрическими двигателями, громадныя зернохранилища, амбары, склады, вмѣстимость которыхъ позволяетъ одновременно принимать свыше 10 милліоновъ пудовъ зерна. На средства той же дороги сооружено (кромѣ пристаней Русскаго Пароходнаго Общества) еще пять огромныхъ пристаней для причала судовъ и громадная эстокада для быстрой пагрузки зерна на приходящіе въ портъ суда, гдѣ, благодаря электрическому освѣщенію, нагрузка можетъ идти круглые сутки. Для храненія нефти и керосина желѣзная дорога устроила огромные резервуары почти на четыре милліона пудовъ и всѣ необходимыя приспособленія для эксплуатаціи этихъ продуктовъ. Большая часть этихъ огромныхъ сооруженій возведена въ періодъ между 1886 и 1892 г.г.; движеніе по Тихорѣцкой вѣтви Владикавказской желѣзной дороги открыто въ 1888 году. Предполагается, что при данномъ состояніи и объемѣ всѣхъ названныхъ сооруженій вывозъ грузовъ изъ порта можетъ быть доведенъ до 100 милліоновъ пудовъ въ годъ. Проведеніе желѣзнодорожной вѣтви отъ ст. Тихорѣцкой связало Новороссійскій портъ съ общесоюзною русскихъ желѣзныхъ дорогъ и оттянуло такимъ образомъ отъ Одессы и другихъ черноморскихъ портовъ значительную часть хлѣбныхъ грузовъ изъ восточной части Евр. Россіи. Устройство громадныхъ зернохранилищъ и эстокады дало возможность не только принимать и удобно хранить эти грузы неограниченное время до прибытія иностранныхъ пароходовъ, но и быстро нагружать послѣдніе, задерживая ихъ въ портѣ лишь на самое короткое время, что значительно облегчало и ускоряло торговый обмѣнъ и сношенія съ границей. Все это въ совокупности—въ связи, конечно, съ наличностью обширной бухты и оборудованіемъ порта (огромныхъ моловъ и набережной)—и было причиною необыкновеннаго роста торговаго значенія Новороссійска—порта.

Пока строилась желѣзнодорожная линія, пока возводились всѣ эти по истинѣ гигантскія сооруженія, всѣ эти элеваторы, амбары, эстокады, цистерны и молы, Новороссійскъ привлекалъ

массу самого разнообразнаго люда: онъ былъ полонъ жизни и движенія. И Новороссійскъ-городъ тоже росъ не по днямъ, а по часамъ. Все увеличивавшіеся въ числѣ, прибывавшіе изъ-за границы, суда, не пользуясь еще сполна услугами устроивавшихся элеваторныхъ башенъ и эстокадъ, грузились по просту при помощи ручного труда, требовавшаго наличности значительнаго количества рабочихъ. Поэтому суда задерживались здѣсь сравнительно подолгу и иностранные моряки сравнительно подолгу же засиживались въ Новороссійскѣ, тоже оставляя свои сбереженія въ его ресторанахъ и магазинахъ. Торговля шла бойко, Новороссійскъ привлекалъ все новыхъ и новыхъ засельщиковъ и самъ тоже застраивался и увеличивался въ размѣрахъ, мечтая о еще болѣе свѣтломъ будущемъ.

Но съ окончаніемъ устройства желѣзной дороги и порта, со всѣми его многочисленными и огромными сооруженіями, значительная часть пришлаго люда отхлынула изъ него въ разныя стороны, и осталось его теперь приблизительно ровно столько, сколько вызывается нуждами города-порта при наличности всѣхъ этихъ новыхъ приспособленій. Правда, иностранныхъ судовъ стало приходить еще болѣе, чѣмъ прежде, но они остаются въ портѣ лишь на самое короткое время—до окончанія нарузки—и потому приходъ ихъ уже пересталъ веселить сердца новороссійскихъ рестораторовъ и торговцевъ. И вотъ въ то время, какъ значеніе Новороссійска-порта на Черномъ морѣ продолжало идти въ гору, быстро возникшій почти изъ ничего Новороссійскъ-городъ остановился въ своемъ быстромъ развитіи и даже впалъ въ нѣкоторое уныніе. Съ устройствомъ порта, между нимъ и вокзаломъ желѣзной дороги возникъ, такъ наз., «новый городъ». Это—вторая половина Новороссійска, примыкающая и къ порту, и къ вокзалу и къ району расположенія большого мѣстнаго цементнаго завода и обширныхъ учрежденій общества «Русскій Стандартъ», производящаго эксплоатацію нефти и выдѣлку изъ нея минеральныхъ маселъ въ широкихъ размѣрахъ. Этотъ новый городъ, болѣе при томъ благоустроенный сравнительно съ старымъ, въ торговомъ отношеніи, очевидно, расположенъ много

выгоднѣе перваго и является поэтому опаснымъ ему конкуррен- томъ, несмотря на то, что за старымъ осталось значеніе адми- нистративнаго центра, какъ средоточія главнѣйшихъ изъ мѣст- ныхъ административныхъ учрежденій.

Теперь будущее Новороссійска-города находится въ большой зависимости отъ рѣшенія вопроса о направленіи «черноморской» желѣзной дороги. Существуетъ нѣсколько проектовъ таковой, и самое выгодное изъ нихъ для Новороссійска—побережное, со- единяющее Новороссійскъ съ уѣздными городами губерніи и да- тѣе съ Сухумомъ и Поти. Но бѣда для Новороссійска въ томъ, что проектируемая дорога должна обслуживать далеко не одинъ Новороссійскъ и что въ прилегающей части Кавказа есть мѣст- ности, гораздо болѣе нуждающіяся въ желѣзной дорогѣ, чѣмъ Новороссійскъ, и безъ того являющіяся станціею одной изъ же- лѣзныхъ дорогъ,—хотя и конечною. Благодаря этому, существуетъ нѣсколько проектовъ различныхъ направленій новой дороги, изъ которыхъ только одинъ (побережный) имѣетъ въ виду проведеніе ея отъ Новороссійска. Это направленія: Армавиръ—Майкопъ— Туапсе; Станичная—Майкопъ—Туапсе; Екатеринодаръ—Ключе- вая—Туапсе, или Джубга; Абинская—Геленджикъ—Сухумъ и наконецъ: Энемъ (у Екатеринодара)—Туапсе—Сочи—Сухумъ— Очемчиры—Новонесаки, Закавказ. ж. дороги. Одни изъ этихъ на- правленій выдвигаетъ, какъ болѣе ей выгодныя, владикавказская желѣзная дорога; другія выдвигаются въ интересахъ населенія прилегающей части Кавказа, напр., той части Кубанской области, которая, будучи отдѣлена отъ сообщенія съ моремъ побережными хребтами (Мархотхскимъ и др.) и вмѣстѣ съ тѣмъ удалена и отъ Тихорѣцкой вѣтви жел. дор., крайне затруднительна въ сбытѣ продуктовъ своей богатой природы. Ея населеніе нуждается въ улучшеніи условій сбыта продуктовъ его хозяйства, а это улуч- шеніе лучше всего можетъ быть достигнуто проведеніемъ линіи, соединяющей Тихорѣцкую вѣтвь съ моремъ чрезъ горный хребетъ съ выходомъ къ морю, хотя бы у одного изъ вышепоименован- ныхъ пунктовъ: у Туапсе или Джубги. Правда, что сами при- бережные жители, фактическіе и фиктивные владѣльцы знамени-

тыхъ культурныхъ участковъ, хозяева побережныхъ кокетливыхъ дачъ, наконецъ, всѣ вообще защитники идеи устройства «собственной русской Ривьеры» съ комфортабельными виллами и курзалами—а имъ нельзя отказать въ силѣ и вліяніи—горячо стоятъ за необходимость проведенія бережной линіи (отъ Новороссійска на Геленджикъ, Туапсе, Сочи, Сухумъ и до скрещенія съ Закавказской жел. дорогой). Но если признать, что затрата многихъ миллионовъ на устройство желѣзнодорожнаго сообщенія между курзалами и виллами «собственной Ривьеры», предназначенной исключительно для людей богатыхъ, является въ настоящую минуту большою роскошью, и если считаться съ нуждами населенія, болѣе значительнаго по численности и еще болѣе страдающаго отъ недостатка путей, чѣмъ побережное (имѣющее все-таки сообщеніе моремъ и могущее достроить и устроить хорошее шоссе берегомъ), то, разумѣется, Новороссійску не одобровать. Не одобровать потому, что всякое иное направленіе желѣзной дороги, кромѣ чисто бережнаго, нанесетъ тяжелый ударъ его нынѣшнему положенію. Вполнѣ понятно поэтому, почему одни только проникшіе въ Новороссійскъ въ началѣ прошлаго 1902 года слухи о томъ, что въ Петербургѣ состоялось рѣшеніе за проведеніе черноморской дороги съ Энема на Новосеноки произвели въ немъ настоящую панику, вслѣдствіе чего и безъ того уже начавшія понижаться цѣны на городскія имущества пали до крайняго минимума; а что будетъ, когда направленіе будетъ избрано, дѣйствительно минуя Новороссійскъ?

Но все это—вопросъ будущаго; скажемъ теперь о его настоящемъ.

Въ 3-хъ верстахъ отъ стараго города, на томъ же западномъ берегу бухты, около Суджукской косы, имѣется озеро съ минеральною грязью. Это бывшій лиманъ, отдѣленный невысокою пересышью отъ моря, которое, при значительномъ прибоѣ, постоянно пополняетъ его морскою водою. Содержащаяся въ немъ грязь, перемѣшанная съ значительнымъ количествомъ песка, при средней толщинѣ около $\frac{1}{4}$ арш., залегаешь неравномѣрно, содержать массу растеній и издаетъ сильный запахъ сѣроводорода.

Хотя Новороссійскъ и гордится до нѣкоторой степени обладаніемъ собственнымъ грязелѣчнымъ лиманомъ, который стремятся въ настоящее время эксплуатировать съ лѣчебными цѣлями, но повѣйшіе изслѣдователи Черноморья—г.г. Воейковъ, Пастернацкій и Сергѣевъ—сильно развивчиваютъ лѣчебное его значеніе. По ихъ изслѣдованію, и съ точки зрѣнія гидрохимической, можно сказать, что въ данномъ мѣстѣ имѣются всѣ условія для образованія грязи, но только въ отдаленномъ будущемъ» ¹⁾, и стремленіе эксплуатировать эти грязи съ лѣчебною цѣлью «едва ли осуществимо по причинѣ открытости мѣста нордъ-осту». По той же причинѣ, мѣшающей правильному и цѣлесообразному примѣненію грязевыхъ ваннъ, примѣненіе этого способа лѣченія въ Новороссійскѣ можетъ имѣть лишь мѣстное значеніе, но не для пріѣзжихъ больныхъ».

Упомянувъ о новороссійскомъ нордъ-остѣ, нельзя не остановиться на немъ съ нѣкоторою подробностью. Въ предыдущемъ изложеніи внимательный читатель, вѣроятно, уже замѣтилъ, что одинъ изъ военныхъ людей тридцатыхъ годовъ, настаивая на устройствѣ Новороссійскаго укрѣпленія на мѣстѣ турецкой крѣпости Суджукъ-Кале, характеризовалъ высоту ея крѣпостного вала съ точки зрѣнія способности укрыть гарнизонъ не отъ вооруженнаго непріятеля, а отъ вѣтровъ! Это очень характерно именно для Новороссійска.

Когда вы пріѣдете въ Новороссійскъ, «вамъ надоѣдятъ разсказами о нордъ-остѣ», совершенно справедливо замѣтилъ одинъ изъ изслѣдователей черноморскаго побережья. Но нельзя и винить новороссійцевъ въ такой надоѣдливости, потому что вѣтры съ направленіемъ нордъ-остъ, извѣстные у ученыхъ подъ именемъ боры, составляютъ главный и тяжелый бичъ Новороссійска. А что у кого болить, тотъ вѣдь о томъ и говоритъ ²⁾!

¹⁾ «Черноморское побережье» Спб. 1899 г. Отдѣльн. оттискъ изъ «Трудовъ Всеросс. съѣзда дѣятелей по климату, гидр. и бальнеологии», т. I, стр. 17.

²⁾ Если и мнѣ мѣстами приходится повторить здѣсь о нордъ-остѣ то, что говорилось о немъ въ предыдущей главѣ, то единственно по-

Настоящая сильная бора, обыкновенно бывающая зимою, дуетъ со скоростью не менѣе 20 метровъ въ секунду, но достигаетъ иногда даже до 40 и—что еще хуже—дуетъ порывами, при чемъ сила отдѣльныхъ ударовъ вѣтра бываетъ еще выше приведенныхъ показаній анеометра, представляющихъ собственно среднюю за нѣсколько минутъ ¹⁾. Съ появленіемъ сильной боры, «жизнь въ городѣ какъ бы замираетъ, движеніе по улицамъ прекращается, магазины и дома запираются» ²⁾; при сильныхъ морозахъ, нерѣдко сопровождающихъ бору зимою, летящіе въ воздухѣ брызги въ нѣсколько минутъ обледеняютъ платье, которое быстро примерзаетъ къ тѣлу. «При очень сильной борѣ, суда ³⁾ не могутъ заходить въ портъ противъ вѣтра; двигаться по улицамъ невозможно иначе, какъ на четверинкахъ; вѣтеръ подымаетъ и несетъ крупную гальку». Въ Триестѣ, гдѣ бора бываетъ еще сильнѣе, по нѣкоторымъ улицамъ протянуты веревки, за которыя во время боры держатся, проходя по нимъ, но новороссійцы, очевидно, считаютъ это излишнею роскошью. Мнѣ рассказывали, будто-бы въ нѣкоторыхъ открытыхъ нордъ-осту каменныхъ домахъ съ недостаточно толстыми стѣнами сильная бора зимою врывается въ комнату чрезъ эти стѣны такою холодной струею, что у человѣка сидящаго, близъ топящагося камина забнетъ спина сквозь надѣтую шубу въ то время, какъ лицо и руки «горятъ» отъ жары камина.

Сильный нордъ-остъ, такъ сказ., взрываетъ поверхность бухты, превращая ее въ непрерывно движущуюся подъ его давленіемъ цѣлую стѣну брызгъ въ сажени двѣ и болѣе высоты. И брызги эти, замерзая въ воздухѣ, «несутся версты на двѣ до города». при чемъ въ буквальномъ смыслѣ облѣпляютъ дома, покрывая ихъ и стоящія въ бухтѣ суда толстымъ ледянымъ слоемъ, что

тому, что сила ихъ въ Геленджикѣ и Новороссійскѣ (а слѣдовательно и значеніе) неодинаковы.

¹⁾ Черном. побережье, стр. 49.

²⁾ Тамъ же, стр. 130.

³⁾ Подразумѣвается—даже паровыя!

нерѣдко было причиною гибели судовъ въ самой бухтѣ. Всѣмъ памятенъ, конечно, произведенный борою въ декабрѣ 1899 г. ледяной штормъ, о которомъ тогда писали во всѣхъ газетахъ и отъ котораго потерѣло аварію нѣсколько судовъ въ Новороссійской бухтѣ и въ томъ числѣ «громадный» пароходъ Русскаго Общества «Игорь». Во время шторма онъ стоялъ на двухъ якоряхъ подъ парами; когда вѣтеръ сорвалъ его съ якорей, то несмотря на тотчасъ же данный пароходу полный ходъ впередъ, онъ «на полномъ ходу» былъ отнесенъ вѣтромъ назадъ и выброшенъ на мель у набережной. Брызги, цѣлыми тучами срываеыя вѣтромъ съ поверхности моря, попадая на снасти парохода и превращаясь въ ледъ подъ вліяніемъ температуры—14 по Реомюру, быстро образовали на немъ толстую ледяную кору, превратившую огромный пароходъ съ трубами и мачтами въ гигантскую безформенную массу льда. Команда съ пассажирами около 35 чел. спаслась только благодаря энергіи капитана и подоспѣвшей энергичной помощи съ берега.

Но это не первый случай столь сильной боры. Бывали и раньше случаи столь сильнаго нордъ-оста, что стоящіе въ бухтѣ суда выбрасывало на берегъ, какъ это было, напр., съ четырьмя изъ 7 судовъ эскадры адмирала Юрѣва въ знаменитую бурю 13 января 1848 г. Тогда, между прочимъ, военный тендеръ «Струя», покрытый ледяною корою отъ морскихъ брызгъ, потонулъ въ бухтѣ со всѣмъ экипажемъ, несмотря на всѣ усилія команды очищать накопляющійся ледъ отъ корпуса судна. Всѣ попытки подать помощь съ берега были тщетны: команды, посланныя къ берегу, *не могли идти противъ вѣтра; людей несло вѣтромъ и кто не падалъ на землю, могъ быть разбитъ, сброшенный на дерево или строеніе*¹⁾.

¹⁾ Интересныя подробности о борѣ и ея происхожденіи можно найти въ энциклоп. словарь Брокгауза (т. IV); въ «Живописной Россіи», т. IX, статья Г. Радде; въ книгѣ Карльгофа: «Военноисторическое обозрѣніе Вост. берега Чернаго моря» и въ упомянутой работѣ г.г. Воейкова и др., стр. 45—49 и 130.

Такимъ образомъ эта красивая, глубокая, обширная и, казалось бы, такъ хорошо защищенная отъ вѣтровъ горами бухта является далеко не безопасною, а иногда и безусловно опасною для судовъ въ зимнее время. И причиною этого являются, въ извѣстной степени, эти самыя, повидимому защищающія ее, горы! Дѣло въ томъ, что бора появляется тогда, когда на сѣверѣ отъ Кавказа давленіе выше, чѣмъ на Черномъ морѣ. В. и СВ. вѣтры усиливаются въ степяхъ Кубанской области, затѣмъ на гребняхъ горъ, отдѣляющихъ отъ нея Новороссійскъ, и наконецъ уже на склонахъ къ Черному морю, гдѣ какъ разъ они достигаютъ наибольшей скорости и силы. И это потому, что на склонахъ къ морю между гребнями горъ и берегомъ бухты устанавливается неустойчивое равновѣсіе воздуха въ вертикальномъ направленіи, такъ какъ воздухъ надъ моремъ значительно теплѣе, чѣмъ на горахъ (вслѣдствіе чего нижній—болѣе теплый воздухъ имѣетъ стремленіе подыматься вверхъ—и наоборотъ). Благодаря этому достигшій гребня горъ и безъ того уже сильный вѣтеръ спускается съ нихъ въ бухту съ силою настоящего урагана, или, какъ говорятъ моряки, «воздушнаго водопада». Слѣдовательно, не будь этихъ горъ, сила бора была бы вѣроятно нѣсколько меньше и бухта безопаснѣе для зимнихъ остановокъ судовъ.

Для изученія бора въ Новороссійскѣ, на берегу бухты и на гребнѣ Мархотхскаго хребта возведены особыя станціи, снабженныя необходимыми инструментами, самопишущими приборами и т. п. При первомъ же осмотрѣ Новороссійска съ его окрестностями, не зная еще о существованіи станцій, я невольно обратилъ вниманіе на одиноко стоящее зданіе на голомъ гребнѣ хребта. Изъ города оно представлялось совсѣмъ маленькимъ и было замѣтно только потому, что одиноко вырисовывалось на лазури неба. Казалось страннымъ, что нашелся человѣкъ, пожелавшій поселиться вдали отъ города на такой доступной всѣмъ вѣтрамъ выси. Но это и была верхняя станція. И впослѣдствіи для меня выяснилось, что избранное для нея мѣсто, кромѣ пригодности для наблюденій, къ удивленію, отличается еще особенно здоровыми климатическими условіями, сравнительно съ климатомъ

окрестностей Новороссійска, не говоря уже о самомъ городѣ. И это несмотря даже на то, что тамъ на гребнѣ. крупный дождь, приносимый сильнымъ вѣтромъ съ моря (въ общемъ, однако меньше сильнымъ, чѣмъ бора) пробивается иногда насквозь деревянную стѣну станціи, которую пришлось даже поэтому обить железомъ¹⁾.

Другая—нижняя станція восточнаго берега тоже видна изъ города. Наличие двухъ станцій, расположенныхъ на разныхъ высотахъ, даетъ возможность наблюдать, при помощи расположенныхъ на нихъ самопишущихъ приборовъ, разницу въ силѣ и быстротѣ вѣтра въ моментъ спуска его съ высотъ и въ моментъ, когда онъ почти достигаетъ уровня моря.

Весьма оригинально истолковано было мнѣ однимъ изъ мѣстныхъ простолюдиновъ это на первый взглядъ столь странное по своей близости сосѣдство двухъ метеорологическихъ станцій. Съ своей чисто практической точки зрѣнія, онъ понялъ это такъ, что «станціи эти—отъ вѣтра, что нордъ-остомъ называется». Верхняя караулитъ нордъ-ость и какъ онъ начнетъ подходить, сейчасъ она и даетъ нижней знать по телефону. А въ нижней сейчасъ же барышня и печатаетъ объявленіе на весь городъ, чтобы жители знали и опасались»...

Я догадался спросить, читалъ ли онъ самъ подобныя объявленія, но оказалось, что рассказчикъ неграмотенъ и, по его словамъ, читать ему ихъ «небыло надобности: объявленіе она напечатаетъ и пошлетъ въ городъ къ начальству, а оно ужъ тамъ само и безъ насъ знаетъ, какъ надо на счетъ этого распорядиться».

Три упомянутые выше ученые изслѣдователя Черноморья находятъ климатъ на Мархотхскомъ перевалѣ, гдѣ стоитъ верхняя станція, настолько благоприятнымъ для здоровья человѣка въ лѣтніе и ранніе осенніе мѣсяцы, что прилегающая къ станціи мѣстность признается ими *весьма* пригодною для *лѣтней* климатической станціи. Положеніе такой станціи, еслибы она была устроена, облегчалось бы еще близостью къ шоссе на Екатери-

¹⁾ Черном. побережье, стр. 46.

нодарь (всего двѣ версты) и къ сосѣдней Неберджаевской станицѣ, откуда можно сравнительно легко и недорого доставать пищевые продукты¹⁾. Наоборотъ, самъ городъ съ его остальными окрестностями, по мнѣнію тѣхъ же изслѣдователей, едва ли можетъ быть «когда нибудь» рекомендованъ, какъ климатическая станція, даже и въ случаѣ окончательной засыпки Цемесскаго болота. И это несмотря на то, что по своей природѣ и климату данная мѣстность считается сходною съ южною частью Крыма—окрестности Судака и Феодосіи, Балаклавы и Севастополя. Главная причина (помимо, конечно, загрязненія самого города и порта) опять тотъ же злосчастный нордъ-остъ, могущій вредно повліять на состояніе здоровья людей слабогрудыхъ. Лишняя больныхъ, нерѣдко надолго, возможности пользоваться воздухомъ, такъ какъ сильный нордъ-остъ иногда дуетъ зимою по недѣлѣ, онъ, кромѣ того, понижаетъ (зимою) температуру и способствуетъ такимъ образомъ простудѣ, появленію кровохарканія и т. п. На нервныхъ же людей наводитъ чувство унынія, тоски и страха. Люди, страдающіе тяжкими сердечными недугами, иногда умираютъ во время нордъ-оста почти внезапно²⁾.

Лѣтомъ нордъ-остъ дуетъ сравнительно рѣже, непродолжительно и далеко не бываетъ такъ силенъ, какъ зимою. Но за то онъ отличается сухостью и дѣйствуетъ на растительность иссушающимъ образомъ: «тамъ, гдѣ прошла бора, растительность рѣзко измѣняется: завязи плодовъ сваливаются, листья свертываются и желтѣютъ, хлѣбныя поля засыхаютъ».

Кромѣ того, лѣтомъ бора бываетъ все-таки же настолько силенъ, что сбиваетъ съ деревьевъ не только цвѣтъ, но и спѣлые и недоспѣлые фрукты. Губительное вліяніе боры сказывается на растеніяхъ окрестностей Новороссійска въ ихъ низкорослости, корявости, изогнутости къ землѣ, недостаточности развитія вѣтвей и т. п. уродствахъ, появленію которыхъ отчасти способствуютъ однако и почвы мѣловыхъ образований.

1) Черноморское побережье, стр. 46.

2) Тамъ же, стр. 30.

Томъ 83.—Октябрь, 1903.

Бора не приносить вреда только винограду, разводимому здѣсь такою же низкой подрѣзкой, какъ и въ Крыму; остальные же климатическія условія, какъ и почвенныя, только въ высшей мѣрѣ благоприятствуютъ разведенію лучшихъ его сортовъ. Окрестности Новороссійска извѣстны изобиліемъ виноградниковъ, но, благодаря тому же нордъ-осту, «мѣста эти при чахлой древесной растительности совершенно не пригодны для леченія въ нихъ виноградомъ»¹⁾. На упомянутомъ уже Пенаѣ—по шоссе на Сухумъ—подъ виноградники заняты почти всѣ нижніе склоны горъ верстъ на 20 отъ Новороссійска—почти до с. Кабардинки.

Говоря о Новороссійскѣ съ его окрестностями, нельзя не удѣлить мѣста виноградарству,—иначе это было бы все равно, что умолчать о его первоклассной бухтѣ съ знаменитымъ портомъ и крупнѣйшимъ въ Россіи элеваторомъ, или же позабыть о нордъ-остѣ. О значеніи виноградарства въ данномъ районѣ можно судить хотя бы по тому, что подъ такъ называемые культурные участки, которые и занимаются здѣсь съ преимущественною цѣлью разведенія винограда, казною роздано здѣсь свыше 900 десятинъ²⁾ (и вблизи, кажется, не осталось уже болѣе казенныхъ земель, пригодныхъ для этой цѣли). А весною 1899 г. проектировалась еще раздача исключительно подъ виноградники шестисотъ десятинъ³⁾ выгонныхъ земель отъ города Новороссійска, какъ мѣстнымъ обывателямъ, такъ и всѣмъ, кто пожелаетъ, въ потомственное владѣніе небольшими участками и за самую небольшую плату⁴⁾ на условіяхъ, выработанныхъ городскою думою г. Новороссійска⁵⁾.

1) Черн. побер., стр. 129.

2) Капгеръ С. П. „Объ учрежденіи Общества виноградарей и винодѣловъ Новороссійскаго округа“—Труды съѣзда виноградовладѣльцевъ и виноградарей черноморской губ. въ Новороссійскѣ въ 1899 г. Культурные участки эти раздавались по закону 1866 г. на основаніи устава о сельск. хоз. и затѣмъ по особому закону 1896 г.

3) Тамъ же.

4) С. Е. Кривошеевъ: «Объ учрежденіи въ Новороссійскѣ правительственнаго подвала»—труды того же съѣзда 1899 г.

5) См. Труды того же съѣзда 1899 г. докладъ Л. Л. Быча и приложенный къ нему проектъ думской комиссіи по этому вопросу.

Разведеніе на кавказскомъ берегу Чернаго моря виноградниковъ по мѣстнымъ преданіямъ приписывается генуэзцамъ и грекамъ, имѣвшимъ здѣсь свои торговыя факторіи до половины XV вѣка¹⁾. По изслѣдованію И. Н. Клингена²⁾ «всѣ древніе культурные народы, населявшіе морской берегъ восточнаго побережья, воздѣлывали виноградную лозу и приготовляли изъ нея вино». Горцы, по всей вѣроятности, заимствовали это искусство отъ генуэзцевъ и грековъ и продолжали потреблять виноградное вино до 16 столѣтія, когда между ними постепенно стало распространяться магометанство. Это нѣсколько уменьшило, но не уничтожило воздѣлываніе ими виноградной лозы, благодаря тому, что у новыхъ магометанъ остались еще многіе старые христіанскіе обычаи. Въ послѣдніе 30—40 лѣтъ, передъ окончаніемъ кавказской войны, горцы употребляли уже только непребродившій виноградный сокъ и бузу (родъ пива изъ проса съ медомъ), а въ самое послѣднее время стали разводить столовые сорта виноградной лозы.

Полоса горскихъ виноградниковъ съ перерывами тянулась почти по всему побережью и, главнымъ образомъ, именно въ приморской полосѣ на нѣсколько верстъ отъ берега. Однако, распространеніе этой виноградной полосы не шло у горцевъ сѣвернѣе окрестностей Аше (близъ Туансе), при чемъ наибольшимъ распространеніемъ виноградарства извѣстенъ былъ нынѣшній Сочинскій округъ. Такимъ образомъ нынѣшній Новороссійскій округъ лежалъ внѣ сферы горскаго виноградарства и винодѣлія, которыя получили здѣсь начало лишь въ позднѣйшее время и успѣли тѣмъ не менѣе достигнуть количественно гораздо большаго рас-

Началась ли эта раздача городскихъ земель подъ виноградники, я, къ сожалѣнію, не знаю. Труды съѣзда изданы Департаментомъ земледѣлія, а пріобрѣсть ихъ, кажется всего удобнѣе обратившись въ Новороссійскъ къ правит. агроному Сергѣю Ив. Кангеру.

1) См. „Очерки винодѣлія Кавказа“ въ „Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ“ т. III, 1875 г.

2) Основы хозяйства въ Сочинск. округѣ, стр. 55.

пространенія, чѣмъ теперь въ томъ же Сочинскомъ округѣ. По послѣднимъ officialнымъ даннымъ ¹⁾ въ Новороссійскомъ округѣ занято уже было къ 1899 г. подъ виноградники 730 дес., въ Сочинскомъ же—283 и въ Туапсинскомъ—60. Такого количественное распространеніе виноградарства теперь, спустя 30 лѣтъ по занятіи русскими Кавказскаго края, когда центромъ виноградарства былъ наиболѣе южный Сочинскій округъ, славившійся своими прекрасными виноградными винами. Съ тѣхъ поръ тамъ «всѣ вновь заведенные виноградники, даже въ самыхъ передовыхъ хозяйствахъ, руководимые опытными и несомнѣнно знающими виноградарями, или погибли, или, какъ у Хлудова (около Сочи), даютъ вина весьма слабыя и самаго сомнительнаго достоинства» ²⁾. Тѣмъ же временемъ сталъ входить въ славу своими винами сравнительно болѣе сѣверный районъ отъ Аше до Туапсе (вина бар. Штейнгеля, также Сибирякова и др.) и «превосходныя виноградельческія хозяйства» окрестностей Новороссійска съ удѣльнымъ имѣніемъ Абрау во главѣ.

Такое сравнительно быстрое и на первый взглядъ трудно объяснимое перемѣщеніе центра тяжести виноградарства и винодѣлія изъ теплыхъ субтропическихъ и почти субтропическихъ странъ въ сравнительно болѣе холодныя, изъ исконной страны греческаго, генуэзскаго и горскаго виноградарства туда, гдѣ его раньше и совсѣмъ, повидимому, не было, весьма правдоподобно объясняется И. Н. Клингеномъ въ цитированной уже выше брошюрѣ его. Система культуры винограда горцами (маглари), при которой позволялось лозѣ свободно виться вокругъ живой растущей подставы (ближайшихъ) деревьевъ на глубокихъ черноземноглинистыхъ почвахъ, при самой неглубокой посадкѣ, давали прекрасные результаты, какихъ она никогда не могла бы дать на сѣверныхъ каменистыхъ грунтахъ съ весьма мелкой и вязкой мергелистой почвой, да еще при засушливомъ климатѣ въ лѣтнее время, гдѣ лѣтній нордъ-остъ ожи-

¹⁾ П. С. Леонтьевъ. Справочн. книга черн. губ. на 1899 г., стр. 146.

²⁾ Клингенъ И. Н. Основы хозяйства въ Сочинск. окр., стр. 107.

гають виноградники. Этимъ и можно объяснить отсутствіе виноградарства у горцевъ, жившихъ въ нынѣшнемъ Новороссійскомъ округѣ, почвенныя и климатическія условія котораго требовали непривычнаго горцамъ разведенія винограда по способу Даблари—съ глубокой посадкой и низкой обрѣзкой.—Пришлые же русскіе люди, игнорируя драгоцѣнные опыты вѣковой горской культуры (несмотря на то, что они мѣстами застали горскіе виноградники нетронутыми и неразоренными), стали разводить виноградъ и на сѣверѣ и на югѣ (съ предпочтеніемъ при томъ непригодныхъ европейскихъ скороспѣлыхъ сортовъ) по одной и той же системѣ Даблари, которая, естественно, дала отрицательные результаты на югѣ и прекрасно привилась на сѣверѣ ¹⁾.

Въ первое время однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій развитію виноградарства являлась, при недостаткѣ въ краѣ людей со средствами, дороговизна подготовки мѣстной почвы и гадательность пользы отъ виноградныхъ насажденій. Съ цѣлью содѣйствія виноградарству и плодоводству, администраціею округа выработаны были (одобренныя намѣстникомъ Кавказа въ 1874 г.) особые правила для отвода городскихъ и поселенскихъ земель подъ сады и виноградники въ потомственное пользованіе съ уплатою по 3 р. съ дес. ежегоднаго оброка. Большинство виноградниковъ, изъ числа имѣющихся нынѣ на городской землѣ, и были заложены въ первое десятилѣтіе существованія Черноморскаго округа, но затѣмъ дальнѣйшее развитіе виноградарства на городскихъ земляхъ было приостановлено. Произошло это вслѣдствіе того, что администрація округа нашла выработанныя ею же правила раздачи земель непригодными и впродъ до ихъ пересмотра прекратила раздачу участковъ. Городскія дѣла вѣдались въ то время полиціею (городского самоуправленія не было) при участіи двухъ депутатовъ, избираемыхъ собраніемъ горожанъ. Такого рода городское управленіе «находилось подъ самой полной административной опекой и было лишено всякой самостоятельности и инициативы. Поло-

¹⁾ Основы хозяйства въ Сочинскомъ округѣ, стр. 72—73, стр. 107—112.

женіе бывшаго городского управленія особенно ухудшилось съ упраздненіемъ Черноморскаго округа, какъ самостоятельной единицы, и присоединенія его въ административномъ отношеніи къ Кубанской области. Въ дѣлѣ развитія виноградарства опека областной администраціи имѣла результатомъ то, что съ 1887 г. по 1896 г.г. изъ городской земли не было отведено подъ виноградники ни одной десятины»¹⁾. Наконецъ въ 1896 г. въ Новороссійскѣ открываетъ свои дѣйствія образованное по городскому положенію 1892 г. городское управленіе, а въ 1899 г. имъ вырабатывается извѣстный уже читателю проектъ раздачи подъ виноградники 600 дес. городской земли.

Но виноградники могли устраиваться не только на городскихъ земляхъ. «Положеніемъ» 1866 г. «о заселеніи Черноморскаго округа и управленіи онымъ» предоставлено было тѣмъ изъ переселенцевъ, которые пожелаютъ получить земли для разведенія на нихъ виноградныхъ садовъ, тутовыхъ рощъ, разныхъ сельскохозяйственныхъ, мануфактурныхъ и торговыхъ растений, или же пріобрѣсти въ собственность участки,—въ первомъ случаѣ получать земли на основаніи правилъ, существующихъ для закавказскаго края, а въ послѣднемъ—они должны были «подчиняться общимъ законамъ». При этомъ право пріобрѣтать земли въ частную собственность или въ пользованіе для разведенія сельскохозяйственныхъ и др. растений предоставлено было и тѣмъ лицамъ, которыя даже не водворились въ Черноморскихъ побережьяхъ. При распредѣленіи земель, предназначенныхъ къ продажѣ²⁾, допускалось въ сущности только одно существенное, но крайне неопредѣленно выраженное ограниченіе о недопущеніи «перехода оныхъ чрезмѣрно большими пространствами въ однѣ руки» и по возможности съ недопущеніемъ череполосицы. Часть этихъ зе-

1) См. помянутый докладъ Л. Л. Быча.

2) Само собою разумѣется, казенныхъ, такъ какъ послѣ завоеванія Кавказа всѣ завоеванныя земли стали собственностью государства и иныхъ земель, кромѣ казенныхъ,—по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ черноморской губ., не было.

мель, конечно, поступила тоже подъ виноградники. Затѣмъ въ 1896 г. издано было особое Положеніе «объ основаніяхъ отвода частнымъ лицамъ казенныхъ земель въ окрестностяхъ г. Новороссійска», распространенное затѣмъ въ томъ же 1896 г. и на казенныя земли въ окрестностяхъ городовъ Сочи и Туапсе, «въ пользованіе, для разведенія виноградниковъ, фруктовыхъ, тутовыхъ рощъ и иныхъ цѣнныхъ насажденій, на пятилѣтній срокъ съ правомъ приобрѣтенія участка въ собственность ¹⁾. Само собою понятно, что эта мѣра тоже до извѣстной степени способствовала расширенію пространствъ, занятыхъ подъ виноградники.

Пионерами разведенія виноградниковъ въ окрестностяхъ Новороссійска явились: бывшій попечитель прибрежныхъ поселеній М. Ф. Пенчулъ, насадившій виноградный садъ въ 1869 г. въ урочищѣ Мысхако, агрономъ Ѳ. И. Гейдукъ и новороссійскіе мѣщане г.г. Генжа, Ткаченко, Петровъ и др. Въ 1874 г. было насаждено около 2 дес. виноградника удѣльнымъ вѣдомствомъ въ имѣніи Абрау недалеко отъ Новороссійска, въ которомъ теперь подъ виноградниками 170 дес. и которое съ 1882 г. по 1898 г. отпустило въ сосѣднія губерніи 3 милліона чубуковъ.

Первоначально виноградарство двигалось очень тихими шагами — до начала девяностыхъ годовъ, пока здѣсь процвѣтало требовавшее сравнительно весьма мало затратъ табаководство, приносившее при томъ же доходъ въ первый же годъ разведенія табака. Первымъ замѣтнымъ толчкомъ къ поступательному его движенію впередъ была Ялтинская выставка 1881 г., на которой ясно опредѣлились прекрасныя качества лишь съ мѣстныхъ виноградниковъ. А затѣмъ, когда сократился сбытъ табаку и послѣдовало паденіе табаководства, виноградарство двинулось впередъ уже весьма замѣтными шагами; вмѣстѣ съ тѣмъ оно неизбѣжно обратило на себя и вниманіе крестьянскаго населенія, занимавшагося

¹⁾ Подлинный полный текстъ обоихъ положеній приведенъ въ цитиров. книгѣ П. С. Леонтьева, гдѣ и можно познаться съ условіями приобрѣтенія культурныхъ участковъ, правилами пользованія на нихъ водою и производства посадокъ.

до этого времени табаководствомъ. Этому подъему помогло, конечно, и общее развитіе торговопромышленной жизни, съ проведеніемъ къ Новороссійску желѣзной дороги, и связанный съ этимъ явленіемъ наплывъ новыхъ людей, средствъ и рабочихъ рукъ¹⁾. При этомъ, параллельно подъему виноградарства въ этой мѣстности, происходило въ окрестностяхъ Новороссійска обратное движеніе въ садоводствѣ, такъ какъ къ этому времени окончательно выяснилось, что садоводство, которое, какъ и табаководство, на первыхъ порахъ предпочли виноградарству, по мѣстнымъ условіямъ далеко не имѣетъ такихъ шансовъ на успѣхъ, какъ послѣднее.

Теперь виноградарствомъ занимаются уже и въ крестьянской средѣ (т. е. бывшіе кубанцы и вольные засельщики), но далеко и далеко не всѣ, конечно. Главнымъ тормазомъ этому служить прежде всего дороговизна обзаведенія виноградникомъ; стоимость десятины плантаціи колеблется въ новороссійско-туапсинскомъ районѣ²⁾ между 850—1500 р., въ общемъ же стоимость одной десятины виноградника до полного плодоношенія обходится отъ 150 до 3000 р., конечно, при употребленіи наемнаго труда. Правда, разрабатывая землю подъ виноградникъ постепенно собственными руками, крестьянинъ можетъ обзавестись имъ, хотя и не безъ большого труда, по крайней мѣрѣ, съ значительнымъ сокращеніемъ расходовъ противъ показаннаго. Но другимъ важнымъ препятствіемъ является тутъ невозможность скорого полученія дохода, такъ какъ виноградникъ не даетъ его такъ скоро, какъ табакъ; а до этого времени необходимо имѣть какіе-нибудь другіе, достаточные для существованія доходы³⁾.

¹⁾ Подробности по исторіи виноградарства въ черном. губ. см. между проч. въ цитиров. работахъ П. С. Леонтьева, И. Н. Клингена, а также въ Трудахъ по виногравному съѣзду 1899 г. — въ докладахъ Л. Л. Быча, С. П. Крамаренка, Я. Г. Сиповича и др.

²⁾ Труды виногр. съѣзда 1899 г., стр. 44—48.

³⁾ Третьимъ тормазомъ нѣкоторые (см. тѣ же труды съѣзда) считаютъ общинное владѣніе, недопускающее возможности крупныхъ затратъ при непрочности пользованія землею. Не смѣю спорить, ибо

Отсюда понятно, почему средній размѣръ частновладѣльческаго виноградника (считая и удѣльные) равняется въ губерніи почти 10 десятинамъ (9,5)¹⁾, а крестьянскаго только полудесятинѣ (0,6) и изъ частновладѣльческихъ имѣній виноградарствомъ занимается свыше чѣмъ 80%, а изъ крестьянскихъ семей менѣе 15%.

Препятствіемъ развитію виноградарства въ крестьянской средѣ служатъ также и отсутствіе подваловъ для храненія вина, и неблагопріятныя условія сбыта, и многое другое, о чѣмъ здѣсь не мѣсто распространяться и съ чѣмъ интересующійся этими вопросами читатель отлично можетъ познакомиться изъ упомянутыхъ трудовъ винограднаго съѣзда и другихъ уже цитированныхъ изданій.

Я и безъ того уже слишкомъ надолго остановился на виноградномъ вопросѣ, который не для каждаго, конечно, одинаково интересенъ. Однако оправданіемъ мнѣ можетъ до нѣкоторой степени служить то значеніе, которое онъ здѣсь, дѣйствительно, имѣетъ. Если пріѣхавшему въ Новороссійскъ «надоѣдятъ здѣсь разсказами о нордъ-остъ», какъ о злѣйшемъ врагѣ населенія, то, пожалуй, не въ меньшей мѣрѣ вы заслушаетесь и разсказовъ о виноградарствѣ и винодѣліи, какъ самомъ подходящемъ и выгодномъ занятіи, не безъ прибавленія однако кое-какихъ сѣтованій на современные недуги этого производства.

Виноградарство, по мнѣнію многихъ, здѣсь должно имѣть первенствующее значеніе вообще для всего населенія новороссійскаго округа и, при высокомъ качествѣ и прочности получае-

мѣстнымъ людямъ лучше знать мѣстныя условія, но знаю факты существованія интенсивной, напр., садовой культуры на общинныхъ земляхъ—см. мою статью «интенсивная культура и общинное владѣніе» въ Русск. Мысль, 1887 № 6.

1) Но и при этомъ изъ приблизительно 790 дес. подъ частновладѣльческими виноградниками черном. губ. около 180 дес. къ 1899 г. принадлежало только 5 владѣльцамъ: удѣльному имѣнію Абрау, г.г. Пенчулу, бар. Штейнгелю, Голубеву и Хлудову; за исключеніемъ ихъ, величина средняго частновладѣльческаго виноградника 3 съ небольшимъ десятины.

мыхъ винъ, при постоянной урожайности виноградниковъ и организаціи правильнаго сбыта, должно явиться «единственною прибыльною отраслью сельскаго хозяйства» ¹⁾. Такая точка зрѣнія обусловливается многими причинами. Климатическія и почвенныя условія, какъ я уже говорилъ, для воздѣлыванія винограда здѣсь, въ общемъ, безусловно благопріятны. Подъ виноградники требуется сравнительно очень немного земли, да и та, которая подъ нихъ идетъ, часто ни на что болѣе не пригодна, какъ благодаря тѣмъ же почвеннымъ условіямъ, такъ и рельефу мѣстности. Вслѣдствіе ограниченности здѣсь количества земель, пригодныхъ для хлѣбопашества, оно здѣсь не можетъ занять выдающагося значенія (на 30-ти десятинный крестьянскій надѣлъ приходится въ среднемъ около 2—4 дес. пашни, хлѣба съ которой еле хватаетъ на прокормленіе крестьянской семьи и то при урожаѣ, такъ какъ климатическія условія даннаго района дѣлають при данныхъ условіяхъ довольно рискованною самую культуру хлѣбныхъ растений ²⁾). Недостатокъ воды, сухое жаркое лѣто и мордъ-ость представляютъ въ тоже время условія неблагопріятныя и для развитія огородной культуры, а развитію садоводства препятствуетъ и мордъ-ость, и морскіе туманы. Оттого и выходитъ, что первенство должно принадлежать винограду. При этомъ крестьяне, въ силу дороговизны разведенія винограда по способу Даблари съ посадкою на большую глубину, могли бы, по мнѣнію нѣкоторыхъ, значительно облегчить себѣ занятіе этимъ дѣломъ перенесенія винограднаго хозяйства съ горныхъ покатоствъ на низины ³⁾ и заняться имъ по способу Маглари ⁴⁾).

Крупное значеніе виноградарства въ этомъ краѣ какъ нельзя болѣе подтверждается и упоминавшимися мною сѣздами виноградовладѣльцевъ и виноградарей, бывшими въ Новороссійскѣ въ 1899 и 1900 годахъ. По обычно вялому и слабому темпу ум-

¹⁾ Труды виногр. сѣзда 1898 г., докладъ С. П. Крамаренко.

²⁾ Труды виногр. сѣзда 1898 г. докладъ С. И. Капгера.

³⁾ Тамъ же, докладъ С. П. Крамаренко.

⁴⁾ И. Н. Клингенъ. Осн. хоз. въ соч. окр., стр. 112.

ственной жизни Новороссійска, нельзя было, повидимому, и мечтать о томъ оживленіи и возбужденномъ интересѣ, которые вызовутъ эти сѣзды. Все это было бы невозможно, еслибы объединившее всѣхъ этихъ, до сихъ поръ разрозненно жившихъ и изолированно работавшихъ, людей дѣло не было имъ всѣмъ дѣйствительно близко и дорого. Этотъ губернский сѣздъ собралъ въ 1898 году 104 члена, изъ которыхъ 18% составили крестьяне черноморской губерніи; второй сѣздъ—1900 года—собралъ 74 члена, въ средѣ которыхъ крестьяне составили уже 37%. Но однѣ количественныя указанія въ этомъ отношеніи еще не достаточно характерны. Нужно просмотрѣть самые «Труды» сѣзда, чтобы судить по нимъ, съ какимъ дѣйствительно живымъ интересомъ отнеслись члены сѣзда къ интересовавшему ихъ дѣлу. Надо, наконецъ, обратить вниманіе и на то, что 74 члена перваго сѣзда представили на него 36 докладовъ, т. е. въ среднемъ по одному на 28 членовъ! Это уже совсѣмъ необычное явленіе среди всякихъ нашихъ сѣздовъ, гдѣ докладчики тонутъ въ морѣ «записавшихся для счета» или только слушающихъ чужіе доклады членовъ. Характерно еще и то, что изъ 36 докладовъ 7 оказались «изложенными въ неудачной формѣ» и «малопонятны по содержанію», почему и не были напечатаны въ «Трудахъ» сѣзда.

Это тоже значительное указаніе—и совсѣмъ не въ отрицательномъ смыслѣ. Не всякій обладаетъ способностью ясно формулировать свои мысли на бумагѣ, особенно, если по условіямъ среды онъ принадлежитъ, или болѣе или менѣе близко стоитъ къ тѣмъ 18 или 28%, о которыхъ было упомянуто выше. А съ другой стороны, далеко не всякій сѣздъ возбуждаетъ такой интересъ, чтобы заставить писать непишущаго!

Послѣ всего этого вполне естественно, что гг. «виноградовладельцы и виноградары» возлагали на свой сѣздъ большіе надежды, ожидая отъ него большихъ и скорыхъ практическихъ результатовъ. Но не всѣмъ надеждамъ суждено осуществляться. Дѣло въ томъ, что первое засѣданіе второго сѣзда началось съ доклада, что о судьбѣ представленныхъ въ подлежащія вѣдомства полтора года назадъ многочисленныхъ и важныхъ ходатайствъ

перваго сѣзда, никому и ничего неизвѣстно. Закончился же второй сѣздъ успокоительною рѣчью назначеннаго предсѣдателя его по поводу слышанныхъ имъ во время засѣданій сѣзда «сѣтованій на то, что значеніе обоихъ сѣздовъ парализовано отсутствіемъ отвѣтовъ отъ различныхъ вѣдомствъ на адресованныя имъ ходатайства перваго сѣзда». «Не умаляя значенія этого факта», предсѣдатель успокаивалъ взволнованныхъ членовъ тѣмъ, что исполненныя ими работы на пользу интересующаго ихъ дѣла «представляютъ такія заслуги обоихъ сѣздовъ, которыя будутъ съ благодарностью *отмѣнены въ исторіи* сельскохозяйственнаго развитія черноморской губерніи». Затѣмъ, въ виду истеченія срока, разрѣшеннаго для занятій сѣзда, второй сѣздъ закрылся, не окончивъ обсужденія всѣхъ возбужденныхъ на немъ вопросовъ, но единодушно выразивъ глубокую благодарность черноморскому губернатору «за заботливое отношеніе къ успѣхамъ занятій сѣзда и къ судьбѣ его постановленій». Здѣсь надо замѣтить кстати, что занятія второго сѣзда были уже не такъ оживленны, а доклады не столь многочисленны, какъ на первомъ, когда интенсивная дружная работа членовъ окрылялась надеждами. Вселяя неувѣренность въ результатности ихъ занятій, неосуществленіе этихъ надеждъ вносило неизбѣжную апатію въ работы второго сѣзда.

Возбудивъ на второмъ сѣздѣ ходатайство объ удовлетвореніи ходатайствъ перваго сѣзда, члены сѣзда рѣшили все-таки просить о разрѣшеніи открытія третьяго сѣзда.

Однако третьяго сѣзда еще не было, а вопросъ объ удовлетвореніи многихъ ходатайствъ перваго и второго сѣздовъ очень заботить мѣстныхъ виноградовладѣльцевъ, такъ какъ возможно скорѣйшее разрѣшеніе ихъ имѣетъ существенное значеніе для дѣла. Въ судьбѣ этихъ ходатайствъ заинтересованы не одни только новороссійцы, но всѣ хозяева Побережья, начиная отъ Сухума и на сѣверъ до Мысхако и Пеная.

Возвратимся однако къ послѣднему. Расположенный среди виноградниковъ, изобилующій барскими усадьбами-дачами, распо-

ложенными преимущественно между шоссе и моремъ, Пенай, по сравненію съ страдающимъ отсутствіемъ зелени Новороссійскомъ, кажется издали оазисомъ, утопающимъ въ роскошной зелени. Послѣ пыльнаго и жаркаго города, онъ и вблизи, когда ѣдешь по шоссе, веселить взоръ разбросанными среди зелени усадьбами, припертыми къ берегу бухты. Вотъ здѣсь бы, кажется, и можно было найти тихое пристанище въ уютной усадьбѣ, въ тѣни зелени, съ прекраснымъ видомъ на бухту и море, съ хорошимъ купаньемъ. Но, увы, нордъ-остъ здѣсь почти такъ-же силенъ, какъ и въ Новороссійскѣ, а купанье неудобно и далеко не вездѣ возможно вслѣдствіе большой высоты и крутизны берега!

Надо ѣхать дальше—тамъ вблизи выхода бухты въ открытое море, у подножья высокой горы, выступающей въ море мысомъ Дообъ, на которой стоитъ высокій бѣлый маякъ, такъ красиво выдѣляющійся на зеленомъ фонѣ горы, пріютилась упоминавшаяся уже въ предыдущей главѣ Кабардинка. Она ютится въ пространствѣ между Дообскимъ и Пенайскимъ маяками у небольшого залива Новороссійской же бухты. Въ ея заливчикѣ, по общимъ отзывамъ, купанье гораздо удобнѣе, чѣмъ на Пенаѣ. Сила же нордъ-оста, благодаря чисто мѣстнымъ условіямъ, въ окрестностяхъ Кабардинки настолько слабѣетъ, что допускаетъ уже и разведеніе хлѣбныхъ злаковъ, о чемъ неопровержимо свидѣлствуютъ при приближеніи къ ней разбросанные на склонахъ горы небольшія полоски желтѣющихъ нивъ.

По своему происхожденію Кабардинка,—это бывшее русское укрѣпленіе, основанное въ 1836 г. генераломъ Вельяминовымъ, который «съ особенною заботливостью дефилировалъ внутреннее пространство его отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Отъ этого оно получило форму наименѣе пригодную для такого военного учрежденія»... и въ 1838 г., когда эта форма возбудила удивленіе осматривавшаго укрѣпленіе генерала Головина, преемникъ Вельяминова, ген. Гроббе сказалъ: «Я узнаю моего умнаго предмѣстника. Если человѣкъ большого ума задумаетъ сдѣлать глупость, то сдѣлаетъ такую, какой всѣ дураки не выдумаютъ» ¹⁾).

¹⁾ Филиппсонъ «Воспоминанія».

Путь изъ Новороссійска въ Кабардинку—по тому же самому прибрежному шоссе мимо всѣхъ этихъ небольшихъ, такъ назыв., «культурныхъ участковъ» съ ихъ миниатюрными усадьбами. Усадьбки эти на людей, прїѣзжихъ изъ Россіи и привыкшихъ къ имѣніямъ, измѣряемымъ сотнями и тысячами десятинъ и обладающихъ многочисленными и обыкновенно широко разбросанными хозяйственными постройками, производятъ нѣсколько странное впечатлѣніе своими претенціозными надписями надъ воротами почти каждой изъ нихъ: «*Имѣніе* такого то», «*Имѣніе* такого то», къ которымъ такъ и хочется прибавить; «просятъ не смѣшивать съ *настоящимъ* имѣніемъ»!..

Однако справедливость требуетъ сказать, что нѣкоторые изъ этихъ «имѣній» даютъ, благодаря виноградникамъ, какъ это вполне понятно, хорошіе доходы, значительно, и даже несравненно, превосходящіе средній подесятинный доходъ «настоящихъ» имѣній..

Миновавъ эти имѣнія-дачи, шоссе идетъ по узкимъ каннизамъ Мархотхскаго хребта на значительной высотѣ надъ моремъ. Налѣво—крутая стѣна песчаниковъ и известняковъ, по мѣстному «трескуновъ», на бѣломъ фонѣ которыхъ красиво вырисовываются подъ яркими лучами солнца большія пушистыя туи въ перемежку съ кизилемъ, кустарниковыми дубами, *rhus cotinus*, и другими представителями мѣстной флоры, покрывающими уходящую въ высь гору. Направо—слегка опушенный на верхнемъ карнизѣ кустарникомъ крутой обрывъ прямо въ море, которое передъ вами, какъ на ладони, необъятное, слегка волнующееся и переливающееся тонами отъ нѣжно голубого до синяго. Воздухъ наполненъ неумолкаемымъ мелодичнымъ стрекотаніемъ безчисленныхъ цикадъ, скрывающихся въ покрывающей горы и ущелья зелени. Ущелья чередуются съ выступами берега въ море, и потому шоссе, идя все время по каннизу, то какъ бы удаляется отъ него, то опять къ нему возвращается, вновь давая возможность видѣть и красивый Дообъ, и всю бухту, и оставшійся позади Новороссійскъ. Теперь въ эти ущелья почти не доходитъ вѣтерокъ съ моря; въ нихъ тихо и душно. Зимой же здѣсь по этимъ самымъ ущельямъ нерѣдко срывается съ горъ леденящій

нордъ-ость и срывается иногда съ такою силою, что опрокидываетъ съ шоссе ѣдущіе фэатоны и даже слишкомъ высоко нагруженные фуры!

Но съ Кабардинкою, кромѣ сообщенія по шоссе, Новороссійскъ имѣетъ еще удобное сообщеніе паровымъ катеромъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что, при удобствѣ въ Кабардинкѣ морского купанья—въ отношеніи пологости морского дна, покрытаго пескомъ и мелкою галькой, и при меньшей сравнительно силѣ нордъ-оста, послѣдній все-таки препятствуетъ непрерывности морского купанья; кромѣ того кабардинскій заливъ открытъ и морскому вѣтру. Вслѣдствіе этого, хотя Кабардинка и можетъ, конечно, служить какъ дачное мѣсто для городскихъ жителей Новороссійска и извѣстнаго своими лихорадками Екатеринодара, но для лицъ, пріѣзжающихъ лѣчиться морскими купаньями, рекомендовать ее нельзя.

Дальше—за Кабардинкой—идетъ уже другой приморскій курортъ—Геленджикъ; но ему уже была посвящена особая глава.

Л. С. Личковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа.

IV.

Вдоль побережья—до Абхазіи.

Вопросъ о путяхъ сообщенія. Морской путь вдоль побережья. Пароходы Русскаго и Россійскаго общества. Путь моремъ отъ Геленджика до Новороссійска. Хлопоты, сопряженныя съ посадкой на пароходъ. Отплытіе изъ Новороссійска. Первыя впечатлѣнія морскаго пути. Недостатокъ удобныхъ бухтъ на побережьи. Недочеты каботажнаго плаванія. Крипица и ея культурное значеніе. Кое что изъ исторіи Архипоосиповки. Джубга. Данныя по топографіи побережья. Переселенцы и спекулянты. Туансе. Туапсинскій молъ. Посадка на пароходъ и высадка на берегъ. Историческія данныя. Свѣдѣнія о климатѣ. Туапсинскія лихорадки. Почвы и растительность. Частновладѣльческія земли на побережьи. Остановка у Сочи. Служащіе и прислуга на пароходахъ. Разнорѣчивыя свѣдѣнія о Сочи и въ особенности о климатѣ его. Важное разнорѣчіе въ мнѣніяхъ профессоровъ Воейкова и Краснова. Ночь на пароходѣ. Хлудовское имѣніе. Адлеръ. Хоста и Романовскъ. Колонизаціонная политика Н. С. Абазы. Дѣленіе побережья въ климатическомъ и флористическомъ отношеніи.

Каждый желающій лично познакомиться съ частью побережья, лежащею на югъ отъ Геленджика, неизбежно наталкивается на вопросъ о мѣстныхъ путяхъ сообщенія. Здѣсь это вопросъ существенной важности.

Побережные жители, какъ мы видѣли выше, мечтаютъ и хлопочутъ уже о побережной желѣзной дорогѣ, тогда какъ не имѣютъ еще колеснаго пути для непрерывнаго сообщенія вдоль всего побережья, не говоря уже о колесныхъ путяхъ къ разбро-

саннымъ по сторонамъ поселкамъ. Казалось бы, прежде чѣмъ хлопотать сразу о желѣзной дорогѣ, слѣдовало бы озаботиться именно объ этомъ, какъ болѣе при томъ дешевомъ и легче осуществимомъ. На пространствѣ 300 верстъ протяженія, губерніи или даже приблизительно 400 верстъ отъ Новороссійска до Сухума, казалось бы; проще, скорѣе, дешевле и даже нужнѣе провести колесный путь, надобность въ которомъ врядъ ли вполнѣ устранится даже и съ проведеніемъ желѣзной дороги. Осуществленіе этого пути значительно облегчилось бы тѣмъ, что большая часть его уже имѣется на лицо въ видѣ такъ наз. голоднаго или Анненковского шоссе, на которомъ мѣстами недостаетъ только мостовъ для установленія постоянного сообщенія между тѣми или иными пунктами. Вѣдь оно еще при Анненковѣ, не считая послѣдующихъ кое-гдѣ сдѣланныхъ достроекъ и ремонтовъ, обошлось казнѣ въ 4,200,000 р.! Неужели же отказаться отъ возможности воспользоваться тѣмъ, что уже сдѣлано (и при томъ за столь дорогую цѣну) и признать, такимъ образомъ, четыре милліона народныхъ денегъ брошенными почти на вѣтеръ??... Правда, мѣстами шоссе это, какъ будто нарочно, проведено по склонамъ, страдающимъ постоянными сползаямъ почвы съ море, игнорируя болѣе удобное направленіе еще и до сихъ поръ прочныхъ мѣстами горскихъ дорогъ; правда, что къ пересѣкающимъ путь рѣкамъ оно подведено кое-гдѣ, какъ бы нарочно, именно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ черезъ нихъ нельзя провести мосты, но все это исправимо. А главное, что для того, что-бы пользоваться этимъ шоссе на всемъ протяженіи побережья, остается сдѣлать уже сравнительно совсѣмъ немного.—Остается кое-гдѣ измѣнить его направленіе, построить чрезъ нѣкоторыя рѣки мосты и, такимъ образомъ, связать между собою разрозненные пока—то рѣками, то сползаями—части готового шоссе. И остается еще... отказаться отъ мысли о дорогой бережной желѣзной дорогѣ. Отказаться потому прежде всего, что мечта о ея проведеніи только тормозитъ дѣло окончательнаго устройства необходимаго для края бережнаго шоссе. Отказаться потому, что съ государственной точки зрѣнія нѣтъ надобности проводить дорогу по малонаселен-

ной мѣстности и преимущественно въ интересахъ удобствъ нѣсколькихъ сотенъ дачниковъ. Отказаться—и, вмѣсто нее, одновременно съ окончаніемъ шоссе, озаботиться проведеніемъ многочисленной сѣти подъѣздныхъ къ шоссе колесныхъ путей (которые все равно нужны были бы и при желѣзной дорогѣ) отъ разбросанныхъ по сторонамъ поселковъ, неимѣющихъ часто иного сообщенія, кромѣ верховыхъ тропъ, благодаря чему сильно затрудняется заселеніе края и тормозится развитіе въ немъ сѣльско-хозяйственной и всякой другой промышленности.

Теперь, пока ничего этого здѣсь нѣтъ, путникъ, пожелавшій совершить свой путь по побережью сухимъ путемъ, рискуетъ быть на каждомъ шагѣ задержаннымъ на нѣсколько дней то разливомъ рѣки, на которой нѣтъ моста, то оползнемъ части шоссе въ море, то отсутствіемъ почтовыхъ станцій и т. п. неустройствами. Этотъ путь по бережному шоссе среди живописной разнообразной мѣстности, о бокъ съ величественными горами, съ одной стороны, и необъятнымъ моремъ съ другой, то чрезъ дѣвственныя лѣса, то мимо дорогихъ дачъ и виллъ, то среди зарослей высокорослыхъ папоротниковъ, то между обширными виноградниками, или фруктовыми садами, то у самаго подножія моря, то на значительной высотѣ, съ которой открываются прелестныя величественныя перспективы,—этотъ путь доставилъ бы путнику большое наслажденіе и массу интереса. Но теперь для лица, желающаго повидать побережье приходится избрать другой, единственный въ настоящее время, сквозной путь вдоль побережья—путь моремъ на пароходѣ.

Какъ о единственномъ—о немъ надо сказать подробнѣе. Многимъ онъ совсѣмъ не знакомъ, многіе его боятся, онъ имѣетъ много неудобствъ и недостатковъ, съ которыми бесполезно занѣматься ознакомленіемъ, но онъ также имѣетъ свою прелесть и свои удобства. Въ тихую ясную погоду, рядомъ съ обычными прелестями морского путешествія, онъ даетъ еще и высокое наслажденіе любоваться могучими красотами побережья, видѣть его угрюмыя скалы, мрачныя ущелья, покрытыя дѣвственными лѣсами

горы, выползающія изъ-за нихъ могучія снѣговья вершины Кавказа, разбросанныя мѣстами поселки...

Нѣкоторое понятіе объ этомъ пути, о его неудобствахъ и достоинствахъ, вѣроятно, дастъ читателю описаніе моей первой поѣздки на югъ отъ Новороссійска на пароходѣ.

Однимъ изъ неудобствъ этого пароходнаго сообщенія является его дороговизна. Изъ крейсирующихъ вдоль побережья пароходовъ «Россійскіе» возятъ по болѣе дешевому тарифу, чѣмъ пароходы «Русскаго Общества». Но какъ товаро-пассажирскіе, они ходятъ медленнѣе уже потому, что имѣютъ болѣе длительныя остановки на пристаняхъ; въ тоже время они не заходятъ въ нѣкоторые пункты, обязательно посѣщаемые пароходами «Русскаго Общества». Намъ сказали, что на нихъ, какъ на товаро-пассажирскихъ, всегда меньше публики и потому просторнѣе, чѣмъ на пассажирскихъ пароходахъ «Русскаго Общества», субсидируемаго казною и потому зазнавагося, недорожащаго пассажирами, игнорирующаго ихъ интересами. Прельстившись надеждой на этотъ просторъ и сравнительною дешевизной пути, мы рѣшились ѣхать на югъ на пароходѣ «Россійскаго Общества». Но для этого изъ Геленджика (куда они не заходятъ) надо было поѣхать обратно въ Новороссійскъ.

Тихимъ яснымъ утромъ при безоблачномъ небѣ и голубой глади водъ бухты выѣхали мы изъ Геленджика въ Новороссійскъ на паровомъ катерѣ «Отважномъ».

Хотя до Новороссійска моремъ всего 26 верстъ пути, но, предпринимая это первое въ нашей жизни путешествіе моремъ, всѣ мы радовались безмятежному спокойствію бухты, обѣщавшему исполнѣ благополучное морское путешествіе безъ всякихъ признаковъ качки.

Открытое море встрѣчало насъ замѣчательною зеркальной гладью и полнымъ штилемъ. И вотъ мы въ морѣ и зеркало водъ его съ поразительною ясностью отражаетъ каждое облачко, а необыкновенная ихъ прозрачность даетъ возможность на значительной глубинѣ видѣть большіе камни на днѣ его. Кажется даже, что поверхность моря здѣсь какъ будто еще болѣе зеркальна,

чѣмъ въ бухтѣ. А между тѣмъ мы начинаемъ уже чувствовать, что съ нами происходитъ что то такое, чего не было прежде, пока мы не вышли изъ бухты. Скоро мы убѣждаемся въ томъ, что пароходъ нашъ идетъ не по горизонтальной поверхности, а временами то приподнимается надъ нею, то опускается ниже ее, что носъ его то равномерно вздымается къ небу, то плавно наклоняется книзу и одновременно съ этимъ корма становится выше носа. И въ тоже время и почти съ тою же плавностью движеній пароходъ, покачиваясь на обѣ стороны, наклоняется къ водѣ то правымъ, то лѣвымъ бортомъ. Теперь, приглядываясь внимательно къ этой зеркальной поверхности, мы ясно видимъ, что она не неподвижна, что она живетъ и дышетъ, то поднимаясь, то опускаясь безъ излома, безъ ряби, какъ гнется свѣтлый листъ бѣлой жести, не измѣняя своей свѣтлой поверхности и способности отражать предметы.

Дамъ уже начинаетъ мутить, ихъ лица блѣднѣютъ. Дѣвочка лѣтъ 10-ти, впервые ѣдущая моремъ и не понимающая, что съ нею, старается примоститься около матери и положить свою головку на ея колѣни, а мать, такъ недавно еще любовавшаяся моремъ, сама уже склонила голову на первый попавшійся узелъ съ вещами. Оказывается, что это—остатки вчерашняго сильнаго волненія,—мертвая зыбь, дающая здѣсь тѣмъ болѣе неправильную качку, что мы идемъ близъ береговъ, изгибы которыхъ отражаютъ прибойную волну въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, производя такимъ образомъ неправильное колебаніе водной поверхности.

Въ то время, какъ большинство пассажировъ уже не въ состояніи любоваться моремъ, а разговоры мужчинъ постепенно начинаютъ затихать подъ вліяніемъ все увеличивающейся качки, передъ нами открываются все новые и болѣе красивые виды побережья. Это—Мархотхскій горный хребетъ отвѣсными отрогами круто спускается въ море, обнажая свои бѣлыя мѣловые обрывы, увѣнчанные на огромной вышинѣ зеленой каймой лѣса. Горы эти также залиты солнцемъ, какъ и само море. Сверкая подъ его лучами своею бѣлизною, онѣ уходятъ въ даль мощною круто

обрывистою стѣною, прерываемою лишь глубокими узкими ущельями--«щелями»—то обрамленными лѣсно-зеленію, то бѣлыми, какъ сами обрывы. Вдали среди покрывающей вершины горъ зелени лѣсовъ красиво высится стройная бѣлая башня Дообскаго маяка близъ входа въ Новороссійскую бухту, гдѣ мы надѣемся найти отдыхъ отъ несносной качки. Около насъ то и дѣло весело выпрыгиваетъ пара большихъ дельфиновъ, повидимому, принявшая на себя трудъ состязаться въ скорости съ пароходомъ. Около маяка близъ входа въ Новороссійскую бухту качка достигаетъ апогея, но, ослабѣвая съ входомъ въ бухту, скоро прекращается въ ней совершенно. Съ приближеніемъ къ пристани всѣ уже оправились отъ качки; хотя дамы нѣсколько утомлены, но всѣ уже здоровы и собственными силами высаживаются съ парохода.

Здѣсь выясняется, что намъ придется ждать прибытія большого парохода до завтрашняго утра. Поэтому, прямо съ пристани по скверной новороссійской мостовой изъ мелкаго поставленнаго ребромъ камня мы ѣдемъ въ ближайшую гостинницу. Въ городѣ жара необычайная и послѣ путешествія моремъ всѣмъ намъ кажется, что мы попали въ какое то пекло. Но вечеромъ собираются тучи и городъ освѣжается дождемъ съ грозой, который, однако, къ несчастію нашему, продолжается и завтра. Между тѣмъ мы уже съ вечера взяли билеты на пароходъ «Россійскаго Общества», въ конторѣ котораго нашли много пріѣхавшихъ по желѣзной дорогѣ пассажировъ, уже почти два дня ожидающихъ прибытія парохода. Хотя заходившій вчера въ Новороссійскъ пароходъ Русскаго Общества «Константинъ» сегодня вѣроятно довезъ бы уже большинство ихъ до мѣста, однако они ждутъ прихода россійскаго «Платона», чтобы ѣхать по дешевому тарифу. Ждутъ его второй день, зная навѣрное, что по росписанію онъ придетъ только завтра. Конечно, это поселяетъ въ насъ сомнѣніе въ томъ, что на пароходѣ будетъ дѣйствительно просторно, благодаря «обычной» немногочисленности пассажировъ; но билеты уже взяты.

На завтра мы съ ранняго утра изъ оконъ гостинницы изучаемъ бухту, надѣясь усмотрѣть пришедшаго ночью «Платона», но густая пелена дождя препятствуетъ этому. Боясь опоздать,

мы, безъ дальнѣйшихъ справокъ, направляемся къ пароходу со всѣми вещами. Въ конторѣ сдаемъ на храненіе лишній багажъ, пенужный для предстоящаго пути, и съ остальными вещами, уже измокшіе подъ сильнымъ дождемъ, идемъ по длинной пристани къ грузящемуся «Платону». На немъ какъ и на всѣхъ пароходахъ «Россійскаго Общества», только два класса: третій—для палубныхъ пассажировъ и второй—для каютныхъ. Проталкиваясь между массой пассажировъ, скопившихся вверху въ рубкѣ, мы достигаемъ наконецъ общей каюты второго класса и находимъ ее почти сплошь занятой, но не людьми, а всякимъ ручнымъ багажемъ, наваленнымъ и на полу и на мебели. Свободна только середина каюты, гдѣ на стульяхъ сидятъ въ уныніи три пассажиры, не нашедшія, гдѣ надлежащимъ образомъ пріютиться. Толкотня невообразимая. Прислуга сбилась съ ногъ, раскладывая багажъ и разыскивая вещи, требуемая то однимъ, то другимъ изъ пассажировъ, большинство которыхъ за неимѣніемъ мѣста въ каютѣ, помѣстилось вверху, въ рубкѣ, въ крышу которой стучитъ дождь, а въ отворяемая на палубу двери врывается вѣтеръ. Очевидно дешевый тарифъ имѣетъ свое значеніе и не останавливаетъ нѣкоторую часть публики даже передъ неудобствами путешествія въ такой тѣснотѣ!..

Что будетъ при этой массѣ вещей и пассажировъ въ морѣ, если тамъ разыграется волненіе, которое теперь замѣчается даже въ прекрасно защищенной бухтѣ? Гдѣ и какъ будемъ здѣсь спать ночью? Не начнутъ ли всѣ эти паваленныя чуть не до потолка вещи, въ тактъ волненію, перекатываться по нашимъ головамъ съ одной стороны каюты на другую?—спрашиваемъ мы себя въ недоумѣніи, остановившись передъ картиной этого трудно вообразимаго хаоса.

Рѣшаемъ подождать другого парохода и ищемъ агента Общества. Онъ, надо правду сказать, съ полною любезностью и безъ всякихъ отговорокъ возвращаетъ намъ плату, полученную за 5 билетовъ и мы спѣшимъ, возвратиться въ городъ. Но это не такъ легко. Наши вещи въ каютѣ уже заложены другими мокрыми отъ дождя вещами послѣ насъ прибывшихъ; наши чемо-

даны и саки оказываются весьма сходными по виду съ таковыми же другихъ пассажировъ. Прислуга, призываемая одновременно съ разныхъ сторонъ, мечется, какъ угорѣлая—и мы лишь съ трудомъ находимъ наконецъ свои вещи. Опять нанимаемъ носильщиковъ и подъ дождемъ шествуемъ по длинной пристани въ контору, гдѣ надо еще получить обратно багажъ, оставленный на храненіе. Тамъ встрѣчаемъ компанію пассажировъ, тоже отказавшуюся отъ поѣздки на «Платонъ». Они рѣшаются ждать 2—3 дня до прихода другого «Россійскаго» парохода, потому что на пароходахъ «Русскаго Общества» дороже и, главное, служащіе и прислуга такъ дерзки и грубы, что поѣздки на этихъ пароходахъ, какъ они знаютъ по опыту, могутъ быть связаны съ большими непріятностями, которыхъ лучше избѣгнуть.

Въ конторѣ «Русскаго Общества» я узнаю, что пароходъ ожидается завтра утромъ. Но контора положительно отказывается взять наши лишнія вещи для храненія на время пути за какую бы то ни было плату. Билетовъ не продаютъ до прихода парохода; пока не выяснится вопросъ, сколько мѣстъ осталось свободныхъ. Порядки, какъ видите, въ разныхъ пароходствахъ различные. На первый взглядъ различны и служащіе. Насколько въ конторѣ «Россійскаго Общества» служащіе производятъ впечатлѣніе людей внимательныхъ и любезныхъ, отзывчивыхъ на нужды пассажировъ, на столько же въ болѣе богато обставленной конторѣ «Русскаго Общества» всѣ скупы на объясненія и официальны, хотя и сухо-вѣжливы.

Совершенно измокшіе и усталые, съ кучей вещей, мы ѣдемъ подъ дождемъ опять въ гостинницу, тамъ усиленно сушимся и пѣлый день рѣшаемъ на всѣ лады вопросъ о предстоящей поѣздкѣ, причемъ подъ вліяніемъ этой первой неудачи нѣкоторые предлагаютъ даже, отказавшись отъ поѣздки, возвратиться на житье въ Геленджикъ. Но слѣдующій день встрѣчаетъ насъ свѣтлымъ радостнымъ утромъ и этого, какъ не рѣдко бываетъ, вполне достаточно, чтобы отдохнувшіе за ночь туристы, бросивъ всѣ колебанія, быстро собрались въ путь и вновь отправились на пароходную пристань.

На пароходѣ публики много, но вездѣ порядокъ: весь болѣе крупный багажъ сданъ въ трюмъ (конечно, съ платой—и не особенно дешевой), а при пассажирахъ только самый нужный, преимущественно ручной багажъ, которому отведено особое мѣсто. Просторно, свѣтло и чисто. При покупкѣ билета въ агенствѣ выходить маленькое недоразумѣніе. Я прошу дать мнѣ семейный билетъ на 5 лицъ (дающій скидку въ 10%, а при взятіи обратныхъ билетовъ даже 30%), но отъ меня требуютъ доказательствъ родственныхъ отношеній лицъ, ѣдущихъ со мною. Приходится идти къ вещамъ за паспортными книжками и моя очередь пропадаетъ. Ставъ опять въ очередь уже съ видами въ рукахъ, я дожидаюсь минутъ двадцать и наконецъ сдаю свои виды, но получаю приглашеніе подождать, пока провѣрятъ мои права на семейный билетъ. Очередь моя опять пропадаетъ, а между тѣмъ билеты продолжаютъ выдаваться тѣмъ, кто стоялъ позади меня. Понятно, я волнуюсь, что не хватитъ мѣстъ. Но въ концѣ концовъ получаю все-таки билеты, хотя уже послѣднимъ. Однако и тутъ не безъ задержки: у кассира является сомнѣніе въ родствѣ между моей женою и ея сестрою, которая, по его мнѣнію, можетъ быть включена въ семейный пароходный билетъ лишь при одинаковости ихъ фамилій! Однако это недоразумѣніе скоро улаживается—но лишь благодаря убѣдительности представленныхъ мною доводовъ, доказывающихъ, что при однородности отчествъ замужняя и незамужняя сестры, несмотря на свое близкое родство, весьма нерѣдко носятъ различныя фамиліи...

Мы устраиваемся все-таки достаточно удобно и довольные выходимъ на палубу любоваться видами новороссійской бухты. Теперь для насъ вопросъ только въ томъ, не будетъ ли за предстоящіе сутки пути сильной качки въ морѣ. Но хотя небо покрыто облаками и временами дуетъ вѣтерокъ, пока день все-таки свѣтлый и теплый. Обидно не воспользоваться удобнымъ случаемъ и не повидать, какъ отчалить пароходъ, какъ онъ пройдетъ мимо красивыхъ моловъ, какъ выйдетъ въ открытое море—и наши боящіяся качки дамы сразу нарушаютъ наставленія, на дняхъ только полученныя отъ врача-писателя А. Я. Елпатьев-

скаго. Чтобы организмъ постепенно свыкъся съ новымъ положеніемъ, надо было лечь въ койки немедленно по прибытіи на пароходъ и лежать въ нихъ, по крайней мѣрѣ, полчаса по выходѣ его въ открытое море. Между тѣмъ онѣ, надѣясь на свѣтлый день и сравнительную тишину въ бухтѣ, давно уже сидятъ на палубѣ, даже и не помышляя объ этомъ. Впрочемъ судьба, заставившая насъ ждать парохода на пристани до полудня, побудила насъ нарушить и другое рекомендуемое условіе, обезпечивающее отъ вліянія качки: не пускаться въ путь съ пустыми желудками.—На пристани, конечно, достать было нечего, а у буфетчиковъ «русскихъ» пароходовъ повидимому такая ужъ манера: откладывать и завтракъ и обѣдъ по возможности, до выхода въ море. Тамъ начавшаяся качка сразу даетъ значительный процентъ лицъ отказывающихся принимать пищу, что составляетъ прямой барышъ буфетчика, такъ какъ большинство беретъ билеты съ оплатой полного содержанія. Правда, бываетъ въ случаяхъ подобныхъ замедленій, что оголодавшіе пассажиры вопіютъ къ капитану или его дежурному помощнику; но въ большинствѣ получается изъ буфета стереотипный отвѣтъ, что «въ кухнѣ еще не готово». Тогда пароходный чинъ безнадежно разводитъ передъ оголодавшими пассажирами обѣими руками, давая этимъ понять, какъ онъ безсиленъ передъ недугами поварского искусства.

На встрѣчу намъ идетъ двухтрубный океанскій гигантъ, нѣсколько качающихся фелюгъ лавируютъ подъ парусами вокругъ нашего парохода. Мимо насъ, обогнавъ океанскій пароходъ, быстро прошириваетъ маленькая сѣрая миноноска съ номеромъ, вмѣсто надписи, обозначающей названіе судна,—и пароходъ нашъ, взрывая носомъ пѣну, быстро выходитъ за молю. Съ палубы видно, что тамъ вдали, въ открытомъ морѣ водная поверхность какъ будто не такъ гладка, какъ по сю сторону моловъ, но, и выйдя за молю, мы долго еще идемъ по защищенной бухтѣ, покрытой лишь незначительной рябью. Однако постепенно, по мѣрѣ приближенія къ выходу изъ бухты, насъ слегка начинаетъ приподымать и опускать на легкихъ, но понемногу увеличивающихся волнахъ,—на палубѣ уже начинается чувствоваться вѣтеръ,

котораго почти незамѣтно было въ защищенной горами бухтѣ. Дамы одна за другою начинаютъ спускаться въ каюты, а пароходъ нашъ быстро несется по широкимъ размахистымъ волнамъ мимо тѣхъ красивыхъ береговъ, которыми мы любовались третьяго дня съ «Отважнаго». Черезъ часъ-полтора мы уже минуемъ и входимъ въ Гелепджикскую бухту, куда воскресный пароходъ, по росписанію совсѣмъ не заходить. Тамъ на голомъ мысу, у входа въ бухту на высотѣ 3—4 саж. надъ уровнемъ моря, виднѣется небольшое зданіе маяка, подверженное всѣмъ вѣтрамъ, а во время сильнаго зимняго нордъ-оста обливаемое до крыши столбами брызгъ морской воды, осѣдающими на его стѣнахъ толстою ледяною корою.

Чѣмъ дальше, тѣмъ отвѣсный непреступный берегъ становится все выше и выше. Его бѣлая стѣна известково-мѣловыхъ отложеній далеко тянется впередъ, теряясь въ безконечной дали, не образуя ни укромныхъ бухтъ, ни тихихъ заливовъ. Мѣстами онъ прерывается только узкими и мрачными щелями, по крутымъ бокамъ которыхъ сбѣгаетъ къ морю зелень лѣсовъ покрывающихъ вершины береговыхъ высотъ. А у бѣлаго подножія ихъ съ шумомъ и пѣной бьется о неприступные утесы взволновавшееся море.

Но любоваться этой мрачной и могучей красотой намъ то и дѣло мѣшаютъ набѣгающія полосы дождя. Погода становится непостоянной; непрекращающійся вѣтеръ, то и дѣло нагоняя отдѣльные дождевые тучи, набѣгаетъ все усиливающимися шквалами. Солнце то выбѣгаетъ изъ-за быстро лесущихся облаковъ, радостно озаряя и море и освѣженные дождемъ берега, то снова скрывается въ налетѣвшую тучу, и море вновь становится сумрачнымъ, волны сѣдыми. Пароходъ покачиваетъ и вдоль и съ боковъ, и покачиванія эти даютъ возможность замѣтить, что онъ значительно наклоненъ на лѣвый бортъ,—на этотъ лѣвый бортъ при накренѣ волной по временамъ долетаютъ брызги, тогда какъ правый наклоняется гораздо меньше. Оказывается, что пароходъ перегрузили на этотъ бокъ въ Новороссійскѣ.

Но вѣдь это можетъ быть въ бурю опасно? Какъ же это могло случиться?—обращаются пассажиры къ одному изъ матросовъ

— Нешто, сообразишь, на какомъ боку грузъ будетъ тяжелѣе! — флегматично замѣчаетъ матросъ очень неохотно отвѣчавшій на наши тревожные вопросы и, неостанавливаясь, проходить дальше.

Я вспоминаю, что и приходившіе въ Геленджикъ пароходы «Русскаго Общества» даже въ самую тихую погоду тоже имѣли нерѣдко наклонъ на какой либо одинъ бокъ. Но это сообщеніе не успокаиваетъ одного изъ нашихъ попутчиковъ, боящагося, «начинающейся бури»: вѣтеръ дуетъ намъ въ бокъ прямо съ открытаго моря и какъ разъ такъ, что усиленно кренить пароходъ именно на перегруженную сторону. Трусливый пассажиръ давно уже волнуется по поводу того, что «начинается настоящая буря», но ему не хочется спросить объ этомъ прямо кого либо изъ матросовъ изъ боязни быть поднятымъ на смѣхъ. Наверхъ же къ дежурному помощнику капитана входъ постороннимъ запрещенъ. Тщетно испытую глазами волны и небо, онъ рѣшаетъ заняться наблюденіями надъ этимъ дежурнымъ помощникомъ капитана.

— Если на лицѣ его будетъ обнаруживаться безпокойство или болѣе усиленная озабоченность, а въ движеніяхъ суетливость, или хотя бы нѣкоторая нервность, то это будетъ — объясняетъ пассажиръ — вѣрнымъ признакомъ увеличивающейся опасности положенія — болѣе вѣрнымъ, чѣмъ мои — человѣка неопытнаго — личныя наблюденія надъ моремъ и небомъ!

Однако и продолжительныя наблюденія надъ дежурнымъ помощникомъ капитана ни къ чему не приводятъ.

— Чортъ его возьми совсѣмъ! — говоритъ онъ о предметѣ своихъ наблюденій — ходитъ себѣ тамъ по своей эстрадѣ словно машина и хоть бы что: ни на лицѣ, ни въ движеніяхъ! Прямо они — эти моряки — непроницаемы! Налетитъ туча, пабѣжитъ шкваль, закачаетъ какъ будто сильнѣе, захлещетъ дождь, а этотъ дежурный, все по прежнему, ходитъ себѣ какъ заведенная машина, да, молча поглядываетъ впередъ... Привыкли должно быть не показывать виду... Или... — какъ вы думаете? — можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ еще не такъ опасно?!

Я сообщаю ему, что, по рассказамъ, вчера былъ вѣтеръ еще сильнѣе, такъ что «Платонъ» шелъ съ закрытыми иллюминаторами, а волны вливались на палубу, чего въ данномъ случаѣ не замѣчается. Но это не успокаиваетъ его, потому что погода, видимо, ухудшается. Главнѣе, что его волнуетъ, это—непріятное сознаніе, что въ случаѣ наступленія настоящей опасности, пароходу, какъ извѣстно изъ каждаго путеводителя по побережью, совершенно некуда укрыться отъ бури, и въ случаѣ наступленія послѣдней, отъ этихъ утесистыхъ береговъ «можно ждать не спасенія, а смерти»!

Въ самомъ дѣлѣ, все это побережье, за исключеніемъ Геленджикской, Новороссійской и отчасти Сухумской бухты, на нѣсколько сотенъ верстъ берегового протяженія вплоть до Батума совершенно открыто для свободнаго набѣга бурной морской волны ¹⁾. На всемъ этомъ протяженіи берегъ представляетъ слабо извилистую, а кое гдѣ и совершенно прямую линію, почти лишенную бухтъ и удобныхъ якорныхъ стоянокъ, при чемъ берега моря отъ Анапы до Сухума большею частію высоки и скалисты, а между Сухумомъ и Батумомъ низки и мѣстами болотисты. Неудобство стоянки для судовъ въ первой—сѣверной—части увеличивается еще открытостью береговъ вѣтрамъ многихъ румбовъ и въ томъ числѣ борѣ (между Новороссійскомъ и Туапсе). Между тѣмъ Черное море вообще извѣстно своей бурливостью. Въ зимнее же время, приблизительно съ половины ноября и до апрѣля, оно находится почти въ постоянномъ волненіи. Эти обстоятельства всегда составляли серіозное препятствіе мореходству вдоль береговъ кавказскаго побережья. Въ періодъ войны съ горцами, когда на побережьѣ былъ устроенъ рядъ русскихъ укрѣпленій подъ общимъ именемъ «черноморской береговой линіи», укрѣпленія эти, благодаря бурямъ, нерѣдко по долгу оставались безъ подвоза провіанта. Дѣло заключалось въ томъ, что «наши

¹⁾ Потійскую бухту считать нельзя, такъ какъ въ нее нельзя войти съ моря во время бури.

пароходы выжидали иногда по мѣсяцу удобнаго времени» для выхода въ море, «да и то нерѣдко должны были проходить мимо нѣкоторыхъ укрѣпленій по невозможности пристать къ берегу» ¹⁾. Конечно, нынѣшніе болѣе крупной конструкціи и болѣе совершенно устроенные пароходы и избавлены отъ необходимости отстаиваться по цѣлому мѣсяцу. Но, съ другой стороны, фактъ невозможности высадки и приѣма пассажировъ и груза въ сильное волненіе на многихъ остановочныхъ пунктахъ побережья до сихъ поръ еще составляетъ, особенно зимою, вполне обычное явленіе. Нерѣдки случаи, что пассажиры, ѣдущіе изъ Новороссійска только въ Джубгу (близъ Геленджика) или въ Сочи, за невозможностью высадки съ парохода, проѣзжаютъ до Батума и высаживаются только на обратномъ пути парохода; да и то, если позволить волненіе. Не составляетъ рѣдкости и тотъ фактъ, что нѣкоторые прибрежные пункты за неимѣніемъ другихъ путей сообщенія, кромѣ морского, подолгу и тщетно ждутъ привоза тѣхъ или другихъ, давно уже вышедшихъ товаровъ, составляющихъ предметъ постоянного потребленія жителей, и немогутъ ихъ получить потому, что пароходы провозятъ ихъ мимо, за невозможностью остановокъ ²⁾. Между тѣмъ развитіе каботажнаго плаванія, было бы особенно важно здѣсь именно благодаря недостатку, а мѣстами и полному отсутствію сухопутныхъ путей сообщенія и оно могло бы давать значительный матеріалъ для грузовъ большимъ пароходамъ. Но благодаря выясненнымъ выше особенностямъ береговъ кавказскаго побережья, плаваніе это до невозможности неудобно и при данныхъ условіяхъ не можетъ развиваться, хотя безъ него, собственно говоря, почти немыслимо правильное развитіе бережного хозяйства. Въ

¹⁾ «Воспоминанія Гр. Ив. Филиппсона», Москва, 1885 г.

²⁾ Въ 1900 г. пароходы такъ долго не могли пристать у Сочи, что въ тамошнихъ лавкахъ вышелъ весь сахаръ; въ 1895—96 гг. пароходы въ теченіе болѣе мѣсяца не могли остановиться у Сочи и когда, наконецъ, море затихло и остановился пароходъ съ грузомъ, въ мѣстныхъ лавкахъ остался уже всего только одинъ мѣшокъ муки. (В. Цвѣтовъ. „Спутникъ туриста по Кавказу“).

давнія времена жители страны пользовались для каботажнаго плаванія легкими гребными судами съ парусомъ для ѣзды во время вѣтра. Устройство этихъ судовъ позволяло ихъ вытаскивать на берегъ или перетаскивать въ устья большихъ рѣкъ, чтобы отстояться до прекращенія бури. Нынѣшнія фелюги—суда по преимуществу парусныя, слишкомъ тяжелы для вытаскиванія на берегъ силами обычнаго ихъ экипажа и слишкомъ глубоки для перетаскиванія въ устья рѣчекъ, хотя имѣютъ то, крупное преимущество передъ прежними легкими судами, что поднимаютъ значительно больше груза. Въ виду всего этого настоятельно необходимою является устройство небольшихъ искусственныхъ бухтъ для укрытія судовъ отъ бурь при устьяхъ болѣе значительныхъ рѣкъ, гдѣ берегъ обыкновенно образуетъ все-таки нѣчто въ родѣ заливчика и гдѣ, благодаря рѣкѣ, прилегающая мѣстность является, по обыкновенію, болѣе заселенною. Это сразу поставитъ дѣло каботажнаго плаванія въ благопріятныя условія, безъ которыхъ оно не можетъ надѣяться на дальнѣйшее развитіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно потребуетъ на весь этотъ рядъ сооруженій гораздо меньше затратъ, чѣмъ тратилось у насъ на сооруженіе какого-нибудь одного порта въ родѣ, напр., Потійскаго, откуда суда передъ бурей стараются выйти въ открытое море ради своей безопасности.

Это слабое развитіе каботажнаго плаванія не можетъ не броситься въ глаза каждому ѣздившему на пароходѣ вдоль побережья,—море около побережья отличается своей пустынностью: рѣдко-рѣдко увидишь на немъ какую-нибудь пріютившуюся у берега фелюгу, идущее подъ парусами суденышко, или, въ лучшемъ случаѣ, молча пройдетъ на встрѣчу рейсовый пассажирскій пароходъ и вскорѣ скроется въ отдаленіи. И опять передъ глазами только берегъ и красивое, но пустынное море.

Взбираясь съ волны на волну и покачиваясь на обѣ стороны, пароходъ бойко идетъ впередъ, а мы—пассажиры, которыхъ еще не укачало волненіе, проводимъ время въ разговорахъ, въ измѣреніи длины и ширины парохода шагами, въ подробномъ его осмотрѣ, въ попыткахъ правильно и прямо ходить по па-

лубѣ, несмотря на качку. Пароходъ минулъ уже скрытый за дождевою пеленой красивый мысъ Джавхоть и идетъ мимо извѣстной «еропкинской» колоніи земледѣльцевъ-интеллигентовъ, рисующейся съ него въ видѣ домиковъ, разбросанныхъ среди густой зелени одной изъ сравнительно возвышенныхъ террасъ берегового склона. Въ путеводителѣ г. Москвича (1900 г.) читатель найдетъ весьма интересное указаніе на «громадное культурное вліяніе этой колоніи». По собраннымъ справкамъ, это указаніе весьма близко къ истинѣ. Колонія служитъ для мѣстнаго населенія единственнымъ живымъ примѣромъ тому, какъ надо вести хозяйство въ этой полосѣ при данныхъ условіяхъ климата, почвы и пр. Окрестное населеніе поучается этому у интеллигентныхъ земледѣльцевъ Криницы и поучается съ несомнѣнной пользой для дѣла. Жаль только, что при крайне слабомъ развитіи путей сообщенія и происходящей отсюда изолированности мѣстныхъ населенныхъ пунктовъ, вліяніе это должно неизбѣжно ограничиваться сравнительно не широкимъ райономъ. Между тѣмъ на побережьѣ слишкомъ рѣдки примѣры столь раціональной, вполне принаровленной къ мѣстнымъ условіямъ постановки сельскохозяйственнаго дѣла, такъ что побережному сельскому населенію почти не у кого этому научиться. Криничане же охотно при томъ помогаютъ проходящимъ къ нимъ полезными совѣтами и указаніями. Въ этомъ отношеніи можно пожелать Криницѣ долгихъ лѣтъ существованія и всякихъ успѣховъ. И можно въ тоже время пожалѣть, что будущее Криницы, какъ я слышалъ, нельзя считать прочнымъ потому, что земля, фактически принадлежащая всѣмъ криничанамъ, куплена на имя одного лица, въ случаѣ смерти или ухода котораго могутъ возникнуть серіозныя осложненія въ вопросѣ о правахъ членовъ общины на эту землю. Усердные хлопоты криничанъ о закрѣпленіи права собственности на эту землю за всею общиною,—что и было бы единственнымъ выходомъ изъ этого неудобнаго положенія,—какъ я слышалъ, до сихъ поръ не приводили ни къ какимъ результатамъ.

Миновавъ Криницу и д. Береговую,—бывшее укрѣпленіе Новотроицкое, пароходъ проходитъ вскорѣ мимо расширяющагося

къ морю ущелья, въ низинѣ котораго расположено въблизи берега селеніе съ церковкою и отдѣльно стоящимъ бѣлымъ крестомъ на аванценѣ. Это—селеніе Вуланка, бывшее укрѣпленіе Михайловское, посвящее нынѣ офиціальное названіе Архипо-Осиповскаго селенія, въ память того героя, которому поставленъ тотъ бѣлый крестъ, чуть-чуть видный съ парохода. Когда въ 1839 г., послѣ нѣсколькихъ побѣдъ надъ Шамилемъ, военныя дѣйствія противъ горцевъ вновь возобновились и на Черноморскомъ побережьи, то находившіеся тамъ укрѣпленія были въ полуразрушенномъ состояніи, гарнизоны же ихъ крайне ослаблены лихорадками и другими изнурительными болѣзнями. Горцы значительными массами обрушились на эти укрѣпленія и 7 февраля 1840 г., истребивъ поголовно всѣхъ защитниковъ форта Лазарева (нынѣ д. Лазаревская, южнѣе Туапсе), уничтожили это укрѣпленіе, а 29 февраля таже участь постигла и укрѣпленіе Вельяминовское (Туапсе). Затѣмъ въ мартѣ мѣсяцъ настала очередь и форта Михайловскаго. Трогательными красками описываетъ Филипсонъ ¹⁾ эту борьбу горсти отрѣзанныхъ со всѣхъ сторонъ и ослабленныхъ болѣзнями и постояннымъ ночнымъ бодрствованіемъ солдатъ съ окружавшими ихъ полчищами горцевъ. Немногочисленная горсть этихъ храбрецовъ долго отбивалась отъ приступовъ горцевъ. И солдаты и офицеры, зная неизбежно печальный исходъ борьбы, рѣшились стоять до послѣдней капли крови.

Въ одинъ прекрасный день, незадолго до послѣдняго нападенія горцевъ, начальникъ укрѣпленія капитанъ Лико собралъ войска и сдѣлалъ вызовъ желающихъ взорвать укрѣпленіе въ тотъ моментъ, когда побѣдившій непріятель ворвется въ фортъ,—взорвать и умереть подъ развалинами форта! Изъ фронта вышло десять человекъ и затѣмъ при каждомъ вечернемъ расчетѣ гарнизона,—кому и гдѣ находится на случай нападенія,—вызывался очередной изъ этихъ десяти. Но вскорѣ рядовой Тенгинскаго полка Архипъ Осиповъ обратился къ капитану Лико съ

¹⁾ См. его «Воспоминанія».

Томъ 83.—Ноябрь, 1903.

усердною просьбой возложить этотъ подвигъ на него одного. Послѣ этого капитанъ Лико, ежедневно вызывая команду, передъ фронтомъ напоминалъ Осипову его обѣщаніе и каждый разъ этотъ рядовой громко повторялъ свою клятву. Въ критическій моментъ, когда горцы уже ворвались въ укрѣпленіе и надежды на спасеніе не оставалось никакой, Архипъ Осиповъ схватилъ фитиль и съ крикомъ «поминайте, братцы, Архипа Осипова!» — бросился въ пороховой погребъ. Послѣдовалъ ужасный взрывъ, уничтожившій и крѣпость и остатокъ недобитаго горцами гарнизона и погубившій толпы ворвавшихся въ крѣпость горцевъ. Пораженные ужасомъ оставшіеся въ живыхъ горцы бѣжали отъ укрѣпленія, а изъ русскихъ спасся только одинъ солдатъ, счастливо отброшенный силою взрыва и не попавшій въ руки горцевъ, благодаря ихъ отступленію. Онъ то и рассказалъ впослѣдствіи о послѣднихъ дняхъ укрѣпленія Михайловскаго и о подвигѣ Архипа Осипова.

Мы уже приближаемся къ Джубгѣ и на пароходѣ идутъ споры о томъ, допустить ли волненіе у береговъ Джубги спустить фелюгу на встрѣчу пароходу.

Джубга—это большое селеніе, окрестности котораго заняты довольно многочисленными частновладѣльческими участками, на части которыхъ, обращенной подъ культуру, разводится преимущественно табакъ и виноградики; почвенныя условія особенно благопріятствуютъ табаководству. Въ Джубгѣ недурное купанье, недорогая жизнь (можно нанять домикъ у мѣстныхъ поселянъ въ 3—4 комнаты за 15—20 р. въ мѣс.) и недурныя окрестности.

Наши споры скоро однако прекращаются, такъ какъ издали видно, что двѣ фелюги отдѣляются отъ берега. Наполненные пассажирами онѣ на веслахъ, то высоко вздымаясь на движущіяся водяныя горы, то пропадая между ними, медленно приближаются къ быстро идущему имъ на встрѣчу пароходу. Борьба съ волнами, видимо, нелегкая и пароходъ успѣваетъ уже бросить якорь противъ Джубги въ то время, когда фелюги сдѣлали не много болѣе половины пути. Нетерпѣливый пароходъ даетъ уже пер-

вый свистокъ, а онѣ все еще борются съ волпами. Наконецъ, передняя приближается къ борту у кормовой части и старается притянуться къ трапу то далеко отбиваемая отъ него волною, то чуть не ударяемая о его бортъ. Не безъ тревоги наблюдаемъ мы сверхъ, какъ, улавливая удобный моментъ, прибывшіе на фелюгѣ пассажиры, хватаясь обѣими руками за перила трапа, ухитряются вскочить на нижнюю его ступеньку и затѣмъ поднимаются на палубу. Между тѣмъ другая фелюга, также то отбрасываемая, то подталкиваемая къ борту парохода волнами, подойдя къ носовой части борта, принимаетъ изъ трюма грузъ опускаемый въ фелюгу паровымъ подъемнымъ краномъ. Спускъ груза, сопровождается неприятнымъ визгомъ поднимающихъ грузъ изъ трюма цѣпей и обычными при этомъ выкриками техническихъ словъ «майна» и «вира», служащихъ синонимами «подымай» и «опускай». Еще не успѣли спустить въ фелюгу послѣдній подхваченный «майна—вирой» узелъ груза, а уже пароходъ даетъ третій свистокъ и начинаетъ поднимать якорь. Видно, что «Русское» пароходное общество очень дорожить временемъ.

Дальше изъ пунктовъ, имѣющихъ историческое значеніе, намъ придется до Туапсе миновать только устье р. Шапсухо, гдѣ когда то стояло Тепгинское укрѣпленіе. Составитель перваго русскаго описанія всего восточнаго берега Чернаго моря Карльгофъ¹⁾ дѣлитъ горное побережье между Новороссійскомъ и Сухумомъ (съ котораго начинаются уже береговья низины) на двѣ части— по ту и по сію сторону р. Шапсухо. Первую, которую пароходъ нашъ долженъ миновать у Тепгинскаго мыса, онъ характеризуетъ какъ мѣстность, выражающуюся «уже рѣзкими чертами горной страны. Не только главный хребетъ, но и отрасли его достигаютъ довольно значительной высоты; скаты ихъ круты, изрѣзаны оврагами и перегнуты угловыми изломами, а гребни остроконечны». Въ слѣдующей затѣмъ части побережная «мѣстность совершенно принимаетъ суровый видъ горной природы. Главный хребетъ воз-

¹⁾ «Военно-статистическое обозрѣніе вост. берега Чернаго моря», СПб. 1853 г.

ростаётъ до исполинскихъ размѣровъ и мѣстами достигаетъ до снѣговой черты». «Отъ главной цѣпи откидываются къ морскому берегу, въ видѣ контрфорсовъ, массивныя, утесистыя и изрытыя оврагами отроги, которые, развѣтвляясь, наполняютъ второстепенными отраслями, столько же рѣзко очерченными, какъ и самыя отроги, всю мѣстность и образуютъ тѣспины и глубокія ущелья». Теперь мы плывемъ мимо этихъ горныхъ громадъ, зеленѣющихъ подъ покровомъ лѣсной растительности. Утесы огромны, горы высоки, виды красивы, величественны. Но это не крымскіе изящные берега, оживленные чрезвычайнымъ разнообразіемъ рельефа, быстро смѣняющеюся попорамой горъ и пригорковъ, утесовъ, красивыхъ долинъ, ущелій, зеленыхъ культурныхъ полей, парковъ, деревень, садовъ и дачъ. Это суровые величественные виды, слабо оживленные людскою жизнью, поражающіе и привлекающіе своею огромностью и первобытною дикостью.

Горный хребетъ, достигающій у Джубги до 3000 футовъ надъ уровнемъ моря, къ ю.-в. отъ Туапсе, постепенно отступая въ главной своей части отъ берега моря, доходить уже до 6 и 7000 ф. высоты. Благодаря этому удаленію главнаго хребта отъ моря по мѣрѣ приближенія къ югу узкая полоса черноморскаго побережья, достигающая ширины не болѣе 3-хъ верстъ около Новороссійска и мѣстами суживаемая въ сѣверной части почти на-лѣтъ, по мѣрѣ приближенія къ Сухуму (за предѣлами Черноморской губ.) достигаетъ уже 70 в., а вблизи Очемчиръ—до 150 верстъ. Но удаляясь отъ моря, главный хребетъ тѣмъ не менѣе отпускаетъ отъ себя въ сторону моря вѣтвистые отроги и контрфорсы, изрѣзывающіе прибрежную полосу рядомъ второстепенныхъ хребтовъ, холмовъ и ущелій, постепенно понижающихся по мѣрѣ приближенія къ морю. Благодаря этому большая часть—около трехъ четвертей побережья—занята живописно спускающимися къ морю террасами, выступающими въ него возвышенными скалами, мѣстами суживающими низменную береговую полосу тоже или совсѣмъ на-лѣтъ или до ширины тропинки, омываемой водами прибоя. И только остальная ($\frac{1}{4}$) часть побережья состоитъ изъ низменностей—преимущественно близъ Сухума и южнѣе его,—то болѣе

широкихъ, разстилающихся на десятки верстъ, то болѣе узкихъ, образующихся у дельтъ нѣкоторыхъ рѣкъ, или же въ видѣ расширенныхъ ущелій и котловинъ, обрамленныхъ прибрежными отрогами горнаго хребта.

У борта парохода собралась группа пассажировъ изъ нѣсколькихъ чукъ и «спинжаковъ» и двухъ крестьянъ изъ южныхъ губерній. Прислушиваясь къ ихъ бесѣдѣ, я скоро убѣждаюсь въ томъ, что ихъ соединилъ одинъ общій интересъ къ землѣ, которую они ищутъ на побережьи. Крестьяне идутъ присмотрѣть земли для переселенія, а чуйки и спинжаки, эти наши побережные, «культуртрегеры», присматриваютъ земли для скупки съ цѣлью перепродажи. Они—знатоки края, постоянно ѣздятъ по побережью, присматриваясь, прицѣпываясь, собирая свѣдѣнія и дѣлая покупки. Они этимъ живутъ и бесѣда ихъ очень поучительна для невидавшихъ побережья крестьянъ, которые внимательно прислушиваются къ ихъ разговорамъ, отъ времени до времени обращаясь за разъясненіями.

Крестьяне эти—ходоки, посланные «міромъ» для приисканія вольныхъ земель. Они слышали о хорошихъ мѣстахъ подъ Туапсе и Сочи и видѣ незаселенныхъ, покрытыхъ лѣсомъ окрестностей Джубги успокоилъ ихъ относительно возможности найти вольныя земли въ этихъ мѣстахъ. Но чуйки и спинжаки разъясняютъ имъ, что около Сочи и Туапсе все уже позанято, что окрестности Джубги тоже всѣ въ частныхъ рукахъ, а если большая часть ихъ лежитъ еще впускѣ, то это не значитъ еще, что она ничья. По ихъ словамъ, пригодныхъ къ культурѣ вольныхъ земель около моря въ этихъ мѣстахъ почти уже нѣтъ, а оставшіяся незанятыми мало доступны и при данныхъ условіяхъ заселеніе ихъ почти невозможно.

Но ходоки все еще сомнѣваются въ этомъ. Имъ трудно вѣрится, чтобы эти огромныя некультурныя, заросшія лѣсомъ пространства побережья, непрерывною напоромою развертывающіяся передъ ихъ глазами, нельзя было теперь же утилизировать подъ вольное заселеніе.

— И какъ же можно, чтобы такая масса земли лежала нераспаханной, нетронутой и въ тоже время не была бы свободна, а кому то принадлежала!? И кто это такой, этотъ неизвѣстный *хозяинъ* всей этой уймы нетронутой земли, который и самъ ею не пользуется и другимъ не даетъ?...—удивляются ходоки.

— «Хозяинъ, хозяинъ!»! — передразнивая ходока, съ усмѣшкой отвѣчаетъ одинъ изъ спинжаковъ. Ищи вѣтра въ полѣ—найдешь тутъ хозяина! Тутъ, братъ, за исключеніемъ пяти—десяти человѣкъ на всемъ побережьи, нѣтъ ни одного *хозяина*, а все одни только *собственники*...

И видя недоумѣніе ходоковъ, добавляетъ:

— Понимаете вы—которая земля ближе къ морю и поудобнѣе роздана въ разныя руки, разнымъ, значить, лицамъ, въ родѣ, напр., дворянамъ, служащимъ чиновникамъ и т. п. Ну, они, конечно, состоятъ всѣ при своей службѣ, а земля ихъ... состоитъ вотъ здѣсь на побережьи. Они тамъ сами по себѣ, а земля здѣсь сама по себѣ. Оттуда имъ хозяйство вести, сами понимаете, не сподручно—вотъ она и лежитъ пока что, въ ожиданіи, что когда-нибудь владѣлецъ надумается чего-нибудь съ нею сдѣлать, а вѣрнѣе—до хорошей цѣны, чтобы продать ее повыгоднѣе.

Онъ разъясняетъ имъ, какъ мало на побережьи владѣльцевъ, которые если не сами, то хотя черезъ управляющихъ разрабатываютъ свои земли. Разсказываетъ какъ при этомъ много изъ нихъ такихъ, которые, какъ и они—ходоки и всѣ переселяющіеся на побережье степные крестьяне,—совершенно не зная мѣстныхъ земель и условій, принимаются за хозяйство не такъ, какъ слѣдуетъ, убивая на него безплодно массу труда, а нѣкоторые болѣе богатые—и десятки и сотни тысячъ рублей, прежде чѣмъ чего-нибудь добьются или совсѣмъ бросая всякіе опыты съ землею...

— Вотъ потому то—разъясняетъ онъ—и лежитъ вся эта земля почти не тронутая, а переменяются у нее только собственники ея: сегодня одинъ, завтра другой и уже поджидаетъ цѣны, чтобы продать третьему, который тоже не будетъ надъ ней стараться...

— Ну, а мы—добавляетъ онъ съ усмѣшкой оглядывая свою компанію,—мы этому дѣлу главные помощники: одному поможемъ продать, у другого сами купимъ, чтобы перепродать повому, такъ и хозяйничаемъ землею,—распредѣляемъ ее между новыми владѣльцами. Такъ что ежели вамъ нужно видѣть этой земли хозяевъ, такъ если правду сказать мы то и есть ей настоящіе хозяева! Пожалуйте и покупайте, если, конечно, денежки имѣете!..

— А вѣдь это ты ловкую, Ивагъ Сидоровичъ, для насъ резолюцію вывелъ!—воскликаетъ въ восторгъ одинъ изъ культуртрегеровъ, одобряя заключеніе разказчика.—И вправду, что нашъ братъ и есть самые настоящіе этихъ земель хозяева и распорядители!..

— А если вы хотите вольныхъ земель—продолжаетъ разказчикъ—хотите поселиться гдѣ нибудь на казенной землѣ еще никому не отданной, то имѣйте въ виду, что тутъ у моря, такой свободной земли уже мало, потому что все пороздано. А которая и есть, то не роздана потому, что или неудобна, недоступна или очень дорога для разработки. Которая же удобна, той уже мало и раздаваться будетъ господамъ, а не вахлячю въ родѣ вашего брата. Вотъ что!...

Но видя недовѣріе на лицахъ ходоковъ,—разказчикъ опять разъясняетъ:

— Конечно, за казной въ этомъ краѣ земли пока еще много, да вѣдь это тоже такой у насъ «хозяинъ», который лучшее, болѣе выгодное пороздалъ, а съ худшимъ остался. Оставилъ себѣ такое, куда нѣтъ проѣзда, откуда нѣтъ доступа ни къ морю, никуда, потому что придержалъ главнымъ образомъ тѣ земли, что вдали отъ моря, въ горахъ.—Поселись теперь въ такихъ мѣстахъ, такъ потомъ и не вылезешь—ни тебѣ за покупкою куда нибудь съѣздить, ни продать что нибудь! Застрянешь въ такой глуши,—такъ и умрешь, не увидя живого человѣка!..

Разговоръ переходитъ на вопросъ о неудобномъ разположеніи переселенческихъ участковъ, отводимыхъ имѣющеюся въ Новороссійскѣ поземельноустроительною партіею, на которыхъ только и можно селиться въ настоящее время крестьянамъ, приходящимъ

изъ другихъ губерній. Со словъ рассказчиковъ для ходоковъ выясняется, что старые вольные порядки, когда вслѣкъ выбиралъ себѣ мѣсто «по волѣ» прикончены вышедшимъ въ 1897 году новымъ закономъ, что переселеніе идетъ теперь «по новому положенію», ¹⁾ а законъ неопубликованъ, «начальство держитъ въ секретѣ» (!) и какой это такой законъ—подробностей никто не знаетъ. Извѣстно только, что теперь безъ повороссійскаго «переселенскаго присутствія» уже «никому ничего нельзя». А отмежованы гдѣ то въ глухихъ мѣстахъ—«но гдѣ неизвѣстно, въ точности доказать не можемъ»—какіе то переселенскіе участки и кромѣ нихъ мужику селиться пигдѣ не приказано. А узнать на счетъ ихъ нужно имъ было еще въ Новороссійскѣ, «потому больше и узнать негдѣ» и тамъ же получить и разрѣшеніе на ихъ осмотръ. Теперь же безъ всего этого для ходоковъ все де пойдетъ «зря», потому что не для того же имъ харчиться и время терять, чтобы около Туапсе или Сочи смотрѣть чужія земли, которыми имъ владѣть никогда не придется?!

Все это приводитъ ходоковъ въ большое уныніе, а одинъ изъ дѣловитыхъ культуртрегеровъ, не могущій переварить такой мужицкой непрактичности третируетъ ихъ самымъ презрительнымъ образомъ.

— Эхъ, мужики вы сиволапые, вотъ что! Развѣ же такъ можно: міръ вамъ, какъ разумнымъ людямъ довѣріе оказалъ, а вы, какъ дѣти малые, ничего не узнавши, да не опросивши, туда поперли, куда можетъ и вовсе не надо!

— Да развѣ-жъ мы знали?..

— То то «знали»! А языка то спросить не было? Вашему ли брату теперь это дѣло на себя брать, когда вы дуремъ, не разобравши толку за него принимаетесь! Такъ вотъ вы и потомъ, когда на побережѣ поселитесь, все равно ничего не подѣлаете: все будете дѣлать не какъ здѣсь надо, а по своему, по степняцкому. Ну, и разоритесь и разбредетесь, какъ и всѣ прочіе, вамъ подобные...

— Ну, тоже народъ у насъ нельзя сказать—народъ у насъ рабочій, пробовалъ возразить одинъ изъ ходоковъ въ защиту міра. Народъ нашъ работу любить...

¹⁾ Объ этомъ подробно будетъ сказано ниже.

— Мало ли васъ работныхъ то было, да скоро на утекъ уплыло!..— Не въ работѣ вѣдь дѣло, а чтобы знать, какъ здѣсь за нее прийтись: все вѣдь здѣсь не по вашему, а по другому. Тутъ, братъ, хозяйство поставить, да напразить, это надо годъ присмотрѣться. да два поучиться, да три попробовать, а только потомъ ужъ за настоящее дѣло прийтись.

— Да ужъ тамъ бы только земли приискать да до мѣста добраться, а міръ—великъ человѣкъ—обмозгуемъ!

— «Обмозгуемъ», когда на простое дѣло до начальства въ Новороссійскѣ дойти и то смѣлки пѣту!.. Ну, обмозгуй вотъ простую задачу на самыя малыя числа,—вмѣшался одицъ изъ спинджаковъ, все время иронически прислушивавшійся къ бесѣдѣ товарищей съ ходаками.—Скажемъ вотъ теперь у меня въ рукахъ мальчонкинъ задачникъ—сына я съ собой везу тамъ въ трюмъ—отдать въ туапсинское Варваринское училище...—Вотъ и рѣшите задачу: у ученика было три пера и онъ рѣшилъ раздѣлить ихъ между товарищами. Сколько по вашему досталось каждому?

Онъ смотритъ на нихъ побѣдоноснымъ взглядомъ, а недоумѣвающіе ходоки мнутъ и виновато улыбаются.

— Вотъ-то-то и оно то!—послѣ минутнаго молчанія замѣчаетъ вопрошавшій. Дурни вы, вотъ что! Непито вамъ рѣшать такія задачи, чтобы селиться въ нашихъ незнамыхъ мѣстахъ, ежели вы простой рихметики рѣшить не можете! Тутъ, братъ, умные образованные люди миллионы затратили, да и то, почитай, никакихъ толковъ пѣту, потому что за незнамое дѣло взялись въ чужомъ незнакомомъ мѣстѣ, а вашего то брата тутъ столько голову сложило, что и считать перестали...

Но низкій басъ пароходнаго гудка неожиданно прерываетъ эту интересную для меня бесѣду. Пассажиры устремляются къ бортамъ. Впереди показывается Туапсе.

Раскинувшееся на небольшихъ возвышенностяхъ, окружающихъ дельту р. Туапсе, и въ свою очередь окруженное возвышенностями еще болѣе крупными и щедро покрытыми зеленью, Туапсе съ своими тонущими въ зелени домиками, производить,

несмотря на скверную погоду, впечатлѣніе милаго уютнаго уголка въ живописной обстановкѣ. Расходившееся море бурными пѣнистыми волнами выбѣгаетъ на пологій берегъ, тамъ, гдѣ онъ не защищенъ небольшимъ моломъ. Безпрерывно набѣгая на отвѣсныя каменные стѣны мола, яростныя волны какъ бы стремятся перепрыгнуть здѣсь искусственную преграду, неистово бьются о молъ, вздымаясь высоко вверхъ, разбиваясь въ столбы пѣны и брызгъ. Между тѣмъ, по ту сторону мола, волненіе чуть замѣтно и небольшое двухмачтовое судно тихо покачивается на якорѣ. Это хорошая защита отъ буйныхъ волнъ, но только для болѣе мелко сидящихъ судовъ, а нашему пароходу все равно бы не было тамъ спасенія въ случаѣ сильной бури. И трусившій бури пассажиръ, о которомъ я говорилъ выше, съ завистью наблюдая тихій уголокъ моря за моломъ, возмущается огромной затратой денегъ на этотъ «портъ-убѣжище», недоведенное все-таки до размѣровъ, необходимыхъ для защиты большихъ пароходовъ. Тутъ же онъ напоминаетъ почерпнутыя изъ книгъ свѣдѣнія, что фелюги, выѣзжающіе изъ Туапсе къ пароходу въ сильное волненіе, рискуютъ быть выброшенными на молъ и разбитыми о его стѣны.

— Хороша защита, чортъ ее возьми, если объ нее же можно разбиться! — заключаетъ онъ свой рассказъ гнѣвнымъ жестомъ, указывая на яростно бьющія о молъ волны. Да тамъ знаете, если туда нанесетъ большой пароходъ, то и такому, какъ нашъ, не поздоровится!

— Ну, хоть и то слава Богу, что вопъ суденышко спокойно можетъ стоять, не боясь бури...

— Посмотрѣлъ бы я на васъ, какъ бы вы это говорили, когда бы началась настоящая зимняя буря, налетѣлъ бы какой нибудь тамъ нордъ-остъ или въ родѣ того!.. Вы вотъ не знаете, а я лишь недавно прочелъ, что 30 мая 1837 г. около Туапсе была такая буря, которая выбросила на берегъ одновременно 13 судовъ, стоявшихъ въ *такъ называемой* туапсинской бухтѣ. Изъ нихъ 5 большихъ военныхъ и въ томъ числѣ одинъ большой пароходъ! А въ 1838 г. другая такая же буря выбросила здѣсь же два тоже военныхъ и одно купеческое судно. И замѣьте,

что случившійся въ то время разливъ рѣчки Туапсе въ теченіе цѣлыхъ сутокъ не далъ возможности даже десятитысячному отряду генерала Вельяминова оказать хоть какую нибудь помощь ~~спасшимся~~ съ этихъ судовъ людямъ, выброшеннымъ на берегъ моря по ту сторону рѣчки!.. А вѣдь все это возможно и теперь при наличности этого пресловутаго, хотя и дорогого мола, потому что въ немъ, вслѣдствіе мелководья и узости входа, могутъ укрываться лишь сравнительно мелкіе суда. Большимъ же въ случаѣ сильной бури, предоставляется разбиваться не только о берегъ, но и о самый молъ, который... который... Однако, о-о!.. Посмотрите!..

Внезапно изъ вновь набѣжавшей тучи дождь хлынулъ ливнемъ. Жутко и жалко было смотрѣть на промокшихъ, сбившихся въ кучу пассажировъ фелюгъ, бросаемыхъ по прихоти волнъ и долго и медленно приближавшихся къ пароходу. Фелюги биткомъ набиты людьми и вещами. Кому не нашлось мѣста на мокрыхъ скамьяхъ, тотъ сидитъ на набросанныхъ въ кучу вещахъ, многіе всю дорогу ѣдутъ стоя, потому что въ фелюгѣ уже некуда приткнуться. Съ пассажировъ струями сбѣгаетъ дождь. Брызги отъ волнъ обдають ихъ съ боковъ. А они сидятъ и стоятъ, неподвижные какъ статуи, боясь пошевелинуться, съ нетерпѣніемъ и страхомъ ожидая посадки на пароходъ. Фелюги уже подплыли, но еще долго, отбрасываемыя отъ парохода волнами, употребляютъ усилія прицѣпиться къ пароходному трапу. Наконецъ, не безъ риска для жизни, пачинается высадка пассажировъ съ вещами по колеблющемуся, мокрому отъ дождя трапу.

Таковы, въ общемъ, условія высадки и посадки пассажировъ на всемъ побережьи отъ Новороссійска до Поти! Бываютъ случаи, что фелюги перевертываетъ сильною волною и пассажиры тонутъ¹⁾...

Между тѣмъ сзади отплываютъ отъ берега новыя фелюги съ пассажирами и грузомъ. Одна изъ нихъ легкая, управляемая

¹⁾ См. напр., «Лѣто на Кавказѣ» въ «Р. Мысли», за 1901 г., Захаринъ И. Н. «Кавказъ и его герои», 1902 г., стр. 129. С. И. Васюковъ «Страна гордой красоты», стр. 225.

только двумя гребцами и кормчимъ, юношами-турками въ коротенькихъ курткахъ и фескахъ, съ однимъ только пассажиромъ-студентомъ, быстро перегоняетъ другія, подбрасываемая волнами, какъ ничтожная щепка. Въ фелюгѣ вода отъ дождя, скамьи ея мокры и скользки, гребцы промокли насквозь, но, приблизившись къ пароходу, они лихо вскакиваютъ съ мѣстъ и стоя на скользкой поверхности скамеекъ сильно колеблемой волнами фелюги, дѣлаютъ попытки уцѣпиться баграми за спущенный трапъ. Ловкіе и статные, рискуя поскользнуться при каждомъ движеніи, они легко перепрыгиваютъ со скамьи на скамью, оживленно безъ умолку что то кричатъ другъ другу и наконецъ побѣдоносно уцѣпляются за трапъ въ то время, когда ушедшая волна, казалось, подбиваетъ ихъ фелюгу подъ самое дно парохода. Поддерживаемый однимъ изъ турокъ студентъ довольно ловко пользуется моментомъ, чтобы уцѣпиться за трапъ—и вмгъ фелюгу уже отбило отъ парохода и одинъ изъ турокъ, выдѣлывая на скользкой скамѣ ловкіе курбеты, весело затягиваетъ пѣсню. Съ пѣсней и выкриками они уже весело возвращаются къ берегу, въ то время, какъ большія фелюги, полныя пассажирами только еще начинаютъ принимать садящихся съ парохода.

Опять визжать цѣпи, снова работаетъ подъемный кранъ, вновь слышна майпа-вира, это—прыгающая на волнахъ около пароходнаго борта фелюга, сдавъ свой грузъ, принимаетъ уже грузъ съ парохода. Тѣмъ временемъ одна изъ фелюгъ, перегруженная пассажирами не меньше прежняго, медленно возвращается къ берегу. Опять пассажиры мокнуть подъ непрекращающимся дождемъ, опять гребцы упорно борются съ подбрасывающими фелюгу волнами, стараясь держаться подальше отъ мола, чтобы не набросило волной на его камешныя стѣны. Тамъ у берега, не пользуясь бухтой, образуемой моломъ, фелюга съ трудомъ пристаетъ къ покрытой бурунами отмели и пассажиры выбираются изъ нее на плечахъ гребцовъ или по колѣно въ водѣ, обдаваемые сердитою прибойною волною и потоками дождя. Мокрыя вещи выбрасываются гребцами на прибрежную гальку и безпомощные пассажиры стоятъ около нихъ подъ тѣмъ же дождемъ, съ тревогой по-

сматривая на берегъ въ тщетной надеждѣ, не подъѣдетъ ли отсюда извозчикъ. Какъ и въ другихъ прибрежныхъ пунктахъ высадки пассажировъ, въ Туапсе нѣтъ крытаго для нихъ пристанища на случай непогоды, такъ какъ пароходныя общества отлично знаютъ, что за отсутствіемъ другихъ путей сообщенія это нисколько не повліяетъ на уменьшеніе числа пассажировъ.

Теперь было бы кстати въ подробностяхъ описать Туапсе, но я не настолько знаю его, чтобы внести что, либо новое въ то, что уже до сихъ поръ о немъ напечатано въ довольно многочисленныхъ журнальныхъ статьяхъ и отдѣльныхъ изданіяхъ.— Туапсе и Сочи, этимъ новомоднымъ курортамъ черноморскаго побережья, особенно посчастливилось въ указанномъ отношеніи. Взамѣнъ того, я отмѣчу для удобства читателя, главнѣйшіе изъ новѣйшихъ литературныхъ источниковъ о Туапсе и о Сочи съ окрестностями—(въ примѣчаніи)¹⁾. Въ данномъ же случаѣ я скажу лишь нѣсколько словъ о его прошломъ и остановлюсь на выясненіи положенія Туапсе преимущественно въ климатическомъ отношеніи по сравненію съ двумя описанными уже выше курортами.

Еще въ 1853 г. Карльгофъ писалъ о немъ, что «во второмъ отдѣленіи черноморской береговой линіи самое большое число больныхъ бываетъ въ укрѣпленіи Вельяминовскомъ» (Туапсе). О прошломъ этого укрѣпленія имѣются нѣкоторые довольно инте-

¹⁾ «Лѣто на Кавказѣ» М. Б., «Русск. М.», 1901, № 3 и 4 (о Туапсе); «Черноморское Побережье»—помянутыя работы г.г. Воейкова, Пастернацкаго и Сергѣева (и о Туапсе и о Сочи), Красновъ «Русская Колхида»—„Кавк. Вѣсти“, 1901 г. № 1 и статьи его же въ «Книжкахъ Недѣли» 1900 г. №№ 1, 3, 5, 8, 1901 г. № 1 (о Сочи и Туапсе), И. Н. Захарыинъ „Кавказъ и его герои“, Спб. 1902 (тоже), С. И. Васюковъ „Край гордой красоты“ Спб. изд. Девріена, (тоже); Путеводители: г.г. Москвича, Лендера (Русск. О. Пар. и Т.), Цвѣтова („Спутникъ туриста по Кавказу“), Альбовъ „Очеркъ растительности Колхиды“ въ „Землевѣдѣніи“ 1896 г., Клингень „Основы хозяйства въ Сочинск. округѣ“ и другія, указанія на которыя можно найти въ уже названныхъ источникахъ.

ресныя (и неупомянутыя въ вышеуказанныхъ источникахъ) свѣдѣнія въ «Воспоминаніяхъ» генер. Филипсона¹⁾.

«Изъ среднихъ укрѣпленій мы нашли въ самомъ бѣдственномъ положеніи Вельяминовское (на р. Туапсе), построенное въ прошломъ (1838) году. Гарнизонъ, изъ 2-хъ ротъ, не имѣлъ свѣжаго мяса, цинга свирѣпствовала и порождала общую апатію. Видя издали пароходъ, въ укрѣпленіи многое прибрали и скрыли; но во время осмотра Раевскимъ лазарета, набитаго больными, я увидѣлъ между лазаретомъ и брустверомъ палатку, изъ которой торчали голыя человѣческія ноги; это было нѣсколько труповъ, которыхъ не успѣли похоронить»... «Генер. Раевскій, конечно, поднялъ цѣлую бурю, но все оборвалось на бѣдномъ запуганномъ старикѣ, капитанѣ Папахристо, исправлявшемъ должность воинскаго начальника, и на лѣкарѣ Нечипуренко. Последняго онъ арестовалъ и приказалъ отправить на пароходъ, который называлъ, по разсѣянности, вмѣсто «Колхиды», «Язономъ». Папахристо буквально исполнилъ приказаніе и посадилъ лѣкаря *въ котель* парохода «Язонъ», потерпѣвшаго тутъ въ прошломъ году крушеніе. Отъ парохода остался только котель, который и лежалъ на берегу. Раевскій извинился передъ лѣкаремъ, тѣмъ дѣло и кончилось»...

Это историческое указаніе на неблагопріятныя климатическія условія жизни въ укрѣпленіи относится впрочемъ не къ самому Туапсе, а именно къ с. Вельяминовскому, — поселку, расположенному однако *смежно* съ нынѣшнимъ Туапсе.

Для знающихъ Туапсе небезынтересно отмѣтить кстати, что въ 1873 году Туапсе представлялъ собою «якорную стоянку, гдѣ виднѣ всего одинъ домъ, стоящій у берега»²⁾. Съ того времени количество жителей въ немъ достигло 2000 человѣкъ и Туапсе сдѣлался моднымъ курортомъ. Курортъ этотъ считается люднымъ, но это, очевидно, лишь по сравненію съ малочисленностью въ

¹⁾ Стр. 205.

²⁾ Каргановъ. „Записки Кавк. Отд. Русск. Геогр. О.“. 1873 — 74 г.; цитирую по Реклю „Земля и Люди“, т. VI, стр. 98.

немъ жилыхъ помѣщеній, въ которыхъ иногда замѣчается недостатокъ; въ сущности же это курортъ пока далеко еще не бойкій, такъ какъ сѣздъ курортныхъ посѣтителей колеблется въ немъ всего отъ 100—200 человекъ въ сезонъ).

Помянутыя выше лихорадки существуютъ въ смежной съ Туапсе Вельяминовской станицѣ и теперь, благодаря положенію станицы въ пизинѣ и также вслѣдствіе того, что земледѣльческія занятія вельяминовцевъ происходятъ обыкновенно въ заболоченной долиинѣ р. Туапсе, гдѣ среди болотъ находятся ихъ поля. (Въ самомъ Туапсе они значительно рѣже). Эта же часть Туапсинскаго поселенія подвержена и холоднымъ вѣтрамъ съ сѣвера, хотя Туапсинскій районъ считается уже почти свободнымъ отъ вліянія нордъ-оста. Въ сѣверо-западной части Черноморскаго побережья между Новороссійскомъ и Туапсе при чрезвычайной покатости склоновъ отъ близко лежащаго горнаго хребта (2000—4000 ф. высоты) губительное вліяніе нордъ-оста, какъ извѣстно, проявляется съ особенною силою²⁾. Чѣмъ болѣе мѣстность открыта нордъ-осту, тѣмъ сильнѣе его вліяніе, и наоборотъ, что особенно замѣтно при сравненіи между собою климатовъ Новороссійска, Геленджика и Туапсе, изъ которыхъ въ первомъ зима суровѣе, чѣмъ во второмъ, а во второмъ, значительно суровѣе, чѣмъ въ третьемъ (хотя виноградъ, напротивъ, подъ Новороссійскомъ лучше чѣмъ въ Геленджикѣ и тѣмъ болѣе—чѣмъ въ Туапсе). За небольшими возвышенностями, на которыхъ расположено Туапсе, подымается, какъ было сказано выше, рядъ болѣе высокихъ горъ, которыя и образуютъ для Туапсе защиту отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Начиная съ Туапсе вообще кончается на побережьѣ царство нордъ-оста, потому что къ довольно значительнымъ возвышенностямъ, обрамляющимъ побережье, подходятъ сзади еще и горныя альпійскія цѣпи Кавказа, задерживающія его губительное движеніе. Отсутствіе вліянія нордъ-оста, конечно, уменьшаетъ вентиляцію мѣстности, но за то защищенность его оттуда и от-

1) Васюковъ. «Край гордой красоты», стр. 91.

2) «Черном. побер.», стр. 125.

крытость южнымъ вѣтрамъ и «моряку» дѣлаетъ климатъ Туапсе значительно болѣе теплымъ и болѣе влажнымъ, сравнительно съ болѣе сѣвѣрною частью побережья. Поэтому изслѣдователи побережья г.г. Воейковъ, Пастернацкій и Сергѣевъ считаютъ Туапсе пригоднымъ какъ зимнюю климатическую станцію на побережьѣ¹⁾.

Съ Туапсе замѣчается также—по направленію къ югу—значительное измѣненіе какъ въ составѣ растительности, такъ и въ составѣ мѣстныхъ почвъ (между которыми конечно существуетъ извѣстная зависимость). Около Туапсе береговые возвышенности сложены въ значительной мѣрѣ еще изъ тѣхъ самыхъ мѣловыхъ «трескуновъ», которые такъ распространены на побережьѣ между Новороссійскомъ и Туапсе (въ особенности около Новороссійска и Гелепджика) и представляютъ собою известково-глинистые сланцы, отличающіеся особенной способностью распадаться и растрескиваться въ сухомъ видѣ на тончайшія пластинки, несмотря на замѣчательную твердость этой породы тамъ, гдѣ она защищена отъ доступа воздуха. Представляющіе въ растрескавшемся и измелъченномъ видѣ прекрасную почву для вишневыхъ (Новороссійскъ), трескуны эти около Туапсе въ долинахъ рѣкъ уже смѣняются глинами. Нѣсколько же южнѣе—у Макопсе—полоса трескуновъ, отступая отъ моря, постепенно замѣняется сначала переходными формами, а потомъ (у Псезуапѣ) и чистыми сланцевыми глинами и песчаниками, образующими здѣсь отвѣсныя берега моря. Такимъ образомъ въ почвенномъ отношеніи береговая полоса отъ Туапсе до Псезуапѣ представляетъ переходъ отъ болѣе сѣвѣрной части побережья между Новороссійскомъ и Туапсе, къ болѣе южной полосѣ между Псезуапѣ—Сочи и Сухумомъ, гдѣ начинается въ береговой полосѣ ясное преобладаніе глинистыхъ почвъ.

Но наиболѣе всего разница этихъ двухъ полосъ—сѣвѣрной до Туапсе и южной послѣ Туапсе—замѣтна именно на мѣстной растительности. Изъ слабо развитой и приниженной подъ влия-

¹⁾ Противъ чего однако возражаетъ проф. Красновъ—объ этомъ ниже.

ніемъ мѣстныхъ почвъ и въ особенности изсушающаго пордѣ-оста у Новороссійска, растительность, достигая Туапсе, постепенно становится гуще. могущественнѣе и разнообразнѣе. Уже въ надѣлѣ с. Вельяминовскаго можно любоваться рощами каштановыхъ деревьевъ. Окрестности Туапсе изобилуютъ густо разросшимся дубомъ и букомъ, а масса каштановъ въ его окрестностяхъ даетъ возможность мѣстнымъ жителямъ заниматься сборомъ ихъ плодовъ, какъ промысломъ. Здѣсь уже растутъ кипарисы, лавровишни, магноліи и азалии; окрестности Туапсе изобилуютъ заросшими старыми черкесскими садами съ яблонями, черешнями, фундуками, грушами, грецкими орѣхами, достигающими здѣсь громаднѣхъ размѣровъ. Нѣсколько южнѣе его рѣдкость уже встрѣтить цѣлыя сотни десятинъ каштановыхъ лѣсовъ съ деревьями въ 5—8 четвертей въ діаметрѣ и отъ 15 до 20 саж. высоты. При выходѣ въ море р. Шахе, гдѣ лежало раньше укрѣпленіе Головинское, пынѣшній Головинскій поселокъ, пароходъ нашъ минуетъ то мѣсто, гдѣ туристамъ показываютъ обыкновенно знаменитое тюльпанное дерево, о которомъ сложилась легенда, что такихъ деревьевъ всего четыре на свѣтѣ: съ громадной развѣсистой кроной оно имѣетъ 6 аршинъ въ окружности и растетъ среди такихъ же гигантовъ орѣховыхъ и другихъ породъ деревьевъ.

Такая разница въ растительности съ болѣе сѣверной полою уже сама по себѣ указываетъ на зависимость не только отъ почвенныхъ, но и отъ климатическихъ условій: климатъ здѣсь влажный, осадки обильные, зимы сравнительно теплыя. Но именно—сравнительно. Въ то время, какъ (въ очень рѣдкіе правда, зимы) случается, что новороссійская бухта на короткое время покрывается льдомъ, въ Туапсе море никогда не замерзаетъ. Но дальше на югъ—мѣста еще теплѣе: когда въ 1864 г. гр. Евдокимовъ¹⁾ производилъ осмотръ береговъ на шкунѣ «Псезуапсе», 23 февраля «шкунa прошла мимо устья р. Псезуапсе и Шахе, мимо Вардане»... «и подошла къ устью р. Сочи, гдѣ уже зеленѣли трава и по-

¹⁾ М. Б. „Лѣто на Кавказѣ“, „Р. Мысль“, 1901 г. № 4.

казался листъ на деревьяхъ, тогда какъ въ Туапсе не было и признаковъ зелени и весны»...

Больному человѣку, выбирая Туапсе для жизни, надо также имѣть въ виду, что не всѣ части Туапсинскаго поселенія съ прилегающими къ нему окрестностями одинаково удобны для больного. Есть мѣста, какъ было уже указано, заболоченныя, лихорадочныя, есть мѣста болѣе, есть и менѣе защищенные отъ холодныхъ вѣтровъ, и наоборотъ—болѣе или менѣе открытыя только теплымъ южнымъ вѣтрамъ, есть пункты расположенные противъ влажныхъ сырыхъ ущелій и пр. и пр. Со всѣмъ этимъ надо очень считаться и выбирать мѣсто для жизни съ нѣкоторою осторожностью. Немаловажныя указанія по этой части приведены въ цитированной уже книгѣ «Черноморское побережье». Надо сказать кстати, что у самаго Туапсе пляжъ для купанья не отличается удобствомъ...

Сейчасъ послѣ отхода отъ Туапсе на пароходѣ обѣдъ, но за *table d'hôte* подъ вліяніемъ качки садятся только мужчины и то далеко не всѣ, и въ видѣ исключенія одна дама. Но, покушавъ супу, она вдругъ поднимается съ мѣста и, блѣдная спѣшными неровными шагами удаляется въ дамскую каюту.

Обѣдъ безусловно хорошій и вкусный. Но пока подается закуска и водка, четыре блюда обѣда (во II классѣ), затѣмъ десертъ, арбузъ и кофе, мнѣ становится немножко неловко въ закрытомъ, качиваемомъ волнами помѣщеніи каюты II класса, гдѣ качка оказываетъ тѣмъ большее вліяніе, что нашъ общій залъ находится въ боковой части парохода. Наскоро покончивъ съ кофе, я ухожу наверхъ и тамъ подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха сразу прихожу въ норму.

Небо застлало тучами, вѣтеръ крѣпчаетъ, надвигаются сумерки. Пелена дождя застилаетъ видъ на берегъ. Когда придемъ въ Сочи, очевидно, будетъ уже совершенно темно и повидать его съ берега не удастся. Такъ оно впрочемъ и бываетъ обыкновенно, съ проезжающими мимо Сочи пассажирами Русскаго Общества, потому что по росписанію пароходы, идущіе отъ Новороссійска, проходятъ мимо Сочи вечеромъ, а отъ Батума—раннимъ утромъ.

Между Туапсе и Сочи мы минуем береговую полосу, почти сплошь заполненную многочисленными частными владѣніями. *«Вся береговая полоса отъ Туапсе до Сочи — говорится въ цитированномъ уже трудѣ «Черноморское побережье»¹⁾ — находится въ частномъ владѣніи разной величины и со времени занятія края остается до настоящаго времени, за самымъ небольшимъ исключеніемъ, въ первобытномъ своемъ состояніи, производя впечатлѣніе, что земля эта отъ созданія міра не была извѣстна человеку.* Какъ на оазисы культивированныхъ участковъ этого района можно указать: имѣніе бар. Штейнгеля, участки — бывший Сибирякова, товарища министра путей сообщенія Петрова, Государево имѣніе «Дагомысь», участокъ Н. С. Абазы, бывш. Старка, уч. Хлудова и еще нѣсколько другихъ». На этой же береговой полосѣ находятся и извѣстные въ краѣ имѣнія «Учдере» — вел. князя Михаила Николаевича и «громадное пространство береговой полосы и прилегающихъ къ ней земель» между р.р. Псезуапсе и Шахе, тоже принадлежащее частнымъ лицамъ и составляющее «большую частію Высочайше пожалованныя земли дѣателямъ по завоеванію края; таковыя участки: Годликъ, имѣніе Геймана (Плинтуса), Шмидта, Зубова, Страхова, Соленика, Краса и др. Къ сожалѣнію, участки эти оставлены владѣльцами *въ первобытномъ состояніи и подъ зарослями лѣса, кустарниковъ и цѣпкихъ лѣнъ окончательно схоронены культурные участки черкесскихъ аулицъ. Подъ вліяніемъ этихъ сплошныхъ зарослей измѣнился, вѣроятно, и климатъ мѣстности»²⁾...*

Но обо всѣхъ этихъ имѣніяхъ, пожалованныхъ и благопріобрѣтенныхъ, и вообще о хозяйствѣ на частновладѣльческихъ земляхъ придется еще подробно поговорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ...

Около Сочи опять высадка и посадка пассажировъ на открытомъ морѣ и видъ дорого стоящаго мола, опять майна — вира, опять фелюги и турки, но на этотъ разъ все это не только подъ

¹⁾ Стр. 21—22.

²⁾ Черном. побер., стр. 144.

дождемъ и на волнахъ, но еще и въ темнотѣ ночи. Самъ Сочи свѣтитъ намъ издали лишь нѣсколькими огоньками. Опять пассажиры спускаются съ парохода въ колыхающіяся на волнахъ фелюги по мокрому трапу и опять фелюги отходятъ отъ него переполненные пассажирами и вещами. И вверху на палубѣ около трапа и тамъ внизу около фелюгъ, шумъ и суета. Жутко подумать спускаться при такихъ условіяхъ въ подпрыгивающую на темныхъ волнахъ фелюгу хотя и освѣщаемую сверху!..

Прозвучаль уже второй свистокъ, а суета еще не кончилась. Одинъ пассажиръ, уже спустившійся было по трапу, возвращается обратно. Онъ отказывается ѣхать въ переполненной до пельзя фелюгѣ и требуетъ, чтобы для высадки немногихъ, еще не свѣвшихъ въ фелюгу, пассажировъ, пароходъ подождать возвращенія этихъ фелюгъ съ берега. Но дежурный помощникъ капитана не находитъ возможнымъ задерживать пароходъ.

— Въ фелюгахъ есть еще мѣсто, а если не желаете спускаться, то можете ѣхать дальше, только возьмите билетъ на новое разстояніе!..

Конечно, онъ привыкъ уже къ переполненнымъ фелюгамъ, а съ другой стороны, ему, опытному въ этомъ дѣлѣ челоѡѡку, и лучше знать, опасенъ ли при данныхъ условіяхъ переѣздъ до берега. Но положеніе волнующагося пассажира, увѣреннаго въ опасности переѣзда, несомнѣнно, отъ этого не легче. И это тѣмъ болѣе, что каждый ѣздившій на этихъ пароходахъ, хорошо знаетъ, какъ мало все-таки внимательны служащіе къ интересамъ пассажировъ...

Надо сказать кстати, что невнимательность старшихъ служащихъ все же уступаетъ невнимательности прислуги находящейся при каютахъ. О ней можно сказать, что она не только невнимательна, но почти груба, что не мѣшаетъ капитанамъ довѣрять ей даже контроль пассажирскихъ билетовъ и передавать черезъ нее свои замѣчанія пассажирамъ, въ родѣ предложенія не курить въ не-указаннымъ мѣстѣ и т. п. Въ нѣкоторое оправданіе этой грубости нельзя впрочемъ не указать, кромѣ невоспитанности, еще и на тяжелыя условія службы и жизни прислуги на пароходахъ. Штатъ

ея немногочисленный, а пассажиров обыкновенно въ лѣтнее время много, требованія каждого приходится удовлетворять и при томъ съ возможною снѣшностью. Послѣ общихъ утренняя и вечерняя чаевъ, завтрака и обѣда, надо еще удовлетворить разнообразныя требованія и отдѣльныхъ пассажировъ и цѣлыхъ семействъ, не участвующихъ въ общемъ столѣ. И такъ весь день! А тутъ еще качка, бессонныя ночи въ бурную погоду при сильномъ волненіи, скверный сонъ отъ духоты въ тѣсномъ помѣщеніи въ жаркія ночи, ночныя дежурства, тяжелая обязанность помогать даже и ночью страдающимъ отъ морской болѣзни пассажирамъ и пр. и пр. Все это не можетъ не отозваться издерганностью первовъ этихъ мелкихъ служащихъ, пробавляющихся небольшимъ жалованьемъ и, какъ я замѣтилъ, очень дорожащихъ пуръ-буарами, пропорціонально размерамъ которыхъ увеличивается ихъ вѣжливость. Нельзя не отмѣтить также, что на большинствѣ пароходовъ Русскаго Общества прислуга предоставлена самой себѣ—надзоръ за ней со стороны капитана и его помощниковъ почти отсутствуетъ и потому тѣмъ болѣе понятно, что на ее угодливость можетъ разсчитывать только тотъ, кто ей особо платить.

О Сочи ¹⁾, о тепломъ климатѣ и роскошной «субтропической» растительности сочинскаго района, которые одни считаютъ вполне сходными съ климатомъ и флорою Японіи, другія сравниваютъ съ итальянской ривьерой, а третьи только съ Ю. Чили и Лузитаніей (но все-таки съ Чили и Лузитаніей!), о могучей производительности сочинскихъ почвъ, о красотахъ природы въ окрестностяхъ Сочи и пр. и пр. писалось такъ много, что можно было бы со-всѣмъ обойти его молчаніемъ. Но всѣ эти отзывы такъ разнообразны и даже прямо разнорѣчивы, что необходимо остановиться на указаніи этихъ противорѣчій.

«Спутникъ туриста по Кавказу» ²⁾ говоритъ о Сочи, что онъ «можетъ быть прекраснымъ курортомъ, но — *въ будущемъ*.» ³⁾ Купанье

¹⁾ Источники уже указаны выше.

²⁾ В. Цвѣтова. Москва, изд. 1901 г.

³⁾ Курсивъ и здѣсь и дальше —вездѣ мой.

здѣсь *хорошее* и зима очень легкая. Но въ настоящее время рекомендовать его больнымъ *опасно*—пока не осушатся прибрежные участки и вообще не будетъ принято надлежащихъ мѣръ протпвѣ застою воды». Въ унисонъ съ этимъ, въ мѣстной (южной) прессѣ¹⁾ не разъ указывалось на крайне антисанитарную обстановку г. Сочи. «Въ обывательскихъ дворахъ по цѣлымъ годамъ гніють и заражаютъ воздухъ кучи навоза, на улицахъ нерѣдко валяются трупы дохлыхъ кошекъ, собакъ и домашней птицы»... «Мало того, чуть не на глазахъ у мѣстной администраціи заваливаются навозомъ и домашними отбросами такія мѣста, которыя могли бы быть превращены въ парки, какъ напр. лѣвый берегъ р. Сочи. Не существуетъ также въ посадѣ санитарнаго надзора за мясными и фруктовыми лавками, пекарнями, трактирами, харчевнями, благодаря чему въ продажу идутъ сплошь и рядомъ недоброкачественные съѣстные продукты, не безвредные для здоровья потребителей».

«Путеводитель по Кавказу»²⁾ описываетъ климатъ Сочи и его окрестностей, какъ очень теплый и влажный съ прохладною и позднею весною, *умѣренно* жаркимъ лѣтомъ съ рѣдкими ливнями, по весьма влажнымъ воздухомъ, необыкновенно теплою длинною осенью съ *умѣреннымъ* количествомъ чисто лѣтнихъ дождей, «теплою зимою *съ большимъ числомъ солнечныхъ дней*», когда въ декабрѣ цвѣтутъ розы и масса дико растущихъ цвѣтовъ. «Зима здѣсь *великолепна. Морозъ въ 1—3° рѣдкость*»... «Воздухъ *ясный, теплый, сухой*»... «Таковы здѣсь декабрь, январь, февраль»...³⁾ «Такимъ образомъ температура, влажность воздуха, обиліе солнца и осадковъ»... «направленіе и сила вѣтровъ—всѣ эти исключительныя благопріятныя климатическія условія вліяють прежде всего на характеръ растительности въ Сочи и его окрестностяхъ» ..

¹⁾ Напр., «Донская Рѣчь» 1901 г. № 164

²⁾ Гр. Москвича, 1900 г.

³⁾ Между тѣмъ проф. Красновъ говоритъ по этому же поводу: „въ Сочи зима одно изъ самыхъ непріятныхъ временъ года“... и „вообще всякій предпочтетъ здоровый морозъ сѣвера здѣшнему холодному ненастью“. (Недѣля 1900 г. № 2 стр 219).

Впрочемъ, характеризуя самое Сочи по мѣстоположенію отдѣльныхъ его частей, путеводитель выясняетъ, что верхняя часть Сочи, расположенная на возвышенномъ плато, представляетъ лучшую часть города, «вполнѣ здоровую и свободную отъ лихорадокъ», въ то время какъ нижняя часть города расположена въ мѣстности «очень сырой и лихорадочной». П. Н. Захарьинъ¹⁾ даетъ самый восторженный отзывъ о климатѣ, о дивной субтропической растительности, о «волшебной панорамѣ города», о *«редкой дешевой жизни»* въ этомъ чудномъ благодатномъ мѣстечкѣ, расположенномъ въ мѣстности, красота которой даже для человѣка, бывавшаго въ Крыму и три раза заграницей «можетъ далеко превзойти самую пылкую требовательную фантазію». Между тѣмъ А. Н. Красновъ²⁾ вынесъ о Сочи совсѣмъ иное впечатлѣніе: «общій обликъ кавказскаго берега близъ Сочи, по его словамъ, далеко не соответствуетъ ожиданіямъ. Ялта съ моря неизмѣримо красивѣе»... «Здѣсь монотонная блѣдная зелень однообразно гористаго берега; изъ нее выглядываютъ нѣсколько жалкихъ домиковъ, да маякъ, нѣтъ красоты, нѣтъ выдающихся контуровъ. Берегъ не изрѣзанъ, нѣтъ манящихъ бухтъ»... «Пейзажъ наводитъ скуку и уныніе. Это пейзажъ скорѣе сѣвера, чѣмъ юга»... «Одинъ изъ моихъ коллегъ весьма удачно сравнилъ Сочи съ бѣдною невѣстою, имѣющей непомѣрно большія претензіи—и сравненіе это не лишено истины. Не успѣвъ переродиться изъ жалкаго берегового поселка въ курортъ, Сочи уже мечтаетъ тянуться за Ялтою и Ниццею въ смыслѣ *дороговизны* провизій, квартиръ и вообще жизни и странной спекуляціи на землю, цѣнность которой около Сочи возросла до 3000 р. за десятину»... «Сочинскіе жители на перерывъ рассказываютъ пріѣзжающимъ о томъ,, какая тишина и безопасность царствуютъ во всемъ округѣ. Но полагаться на эти рассказы было бы легкомысленно»... «Дачники поэтотому должны, подобно неаполитанцамъ, живущимъ у подножія Везувія, наслаждаясь жизнью, стараться не думать о ежедневно

1) «Кавказъ и его герои». Спб. 1902 г., стр. 119—135.

2) Недѣли 1900 г. № 1 «Русская ривьера».

грозящей опасности» ¹⁾... «Съ здѣшними *столичными цѣнами* все таки можно было бы помириться, еслибы продукты были въ достаточномъ количествѣ»... «Рыба разыгрывается чуть не въ лотерею»... «масла коровьяго свѣжаго достать можно бываетъ только по протекціи за высокую цѣну» ..

С. И. Васюковъ ²⁾, говоря о «чопорности и скукѣ общественной жизни въ Сочи» ³⁾, добавляетъ, что «еслибы не богатая роскошная растительность и живописные горные виды, совсѣмъ грустно было бы жить въ Сочи. Прибавьте къ этому частые дожди и глинистую почву, да угрюмый, каменистый берегъ моря съ постояннымъ прибоемъ, во время котораго *трудно и крайне неудобно купаться*, то удобства и привлекательность Сочи представляются *сомнительными*. *Дороговизна*, плохое качество жизненныхъ продуктовъ, всевозможнаго рода барышничество, земельная спекуляція, продажа и перепродажа участковъ и плановъ — все это печальныя особенности моднаго курорта»... «Въ самомъ дѣлѣ откуда появиться дѣйствительной жизни, *когда кругомъ пустыня*, положимъ, богатая, роскошная, лѣсная, но все-таки *пустыня незаселенныхъ мѣстъ*»!.. «Посадъ мало-помалу развивается, постройки растутъ, растутъ и окрестности Сочи. Но какъ все это развивается? Страшнымъ путемъ *и совершенно искусственнымъ*: въ будущемъ рисуются для сочинскихъ обитателей радужныя картины небывалаго роста и богатства посада когда... когда пройдетъ желѣзная дорога, которая привезетъ всѣ блага міра, которая оживитъ, быстро закультивируетъ и заселитъ край. Тогда наступятъ времена блаженства, въ виду которыхъ и теперь сочинскіе землевладѣльцы и аферисты чувствуютъ себя

¹⁾ Между тѣмъ И. Н. Захарынь (въ упомянутой статьѣ) констатируетъ полную безопасность жизни, отсутствіе случаевъ «какихъ нибудь простыхъ кражъ въ домахъ, т. е. такихъ кражъ, которыя происходятъ въ любомъ городѣ ежедневно, цѣлыми десятками».

²⁾ „Край гордой красоты“, стр. 102 и слѣд.

³⁾ На ту же скуку жизни въ Сочи указываетъ и г. Красновъ и даже г. Захарынь.

хорошо; земли не по днямъ, а по часамъ растутъ въ цѣнѣ, повышаются» 1)... «Въ нижней торговой части Сочи вообще грязно, а послѣ дождей грязь самая невылазная»... «Санитарная сторона г. Сочи заставляетъ желать *очень и очень многого*»... «Неговоря о *непомѣрной дороговизнѣ* (въ гостиницахъ), грязно и шумно»... Сочинскія «купанья едвали не *самыя неудобныя на всемъ кавказскомъ побережьи*»... «Сочи—курортъ не особенно дорогой, но и не дешевый»...

Въ извѣстной книгѣ о «Черноморскомъ побережьи», кромѣ указанія на заболоченность пижней крайне сырой части Сочи и на присутствіе въ ней лихорадокъ, отмѣчается еще обиліе грязи въ дождливую погоду и пыли въ сухую. Пыль эта, по мнѣнію изслѣдователей, представляетъ немало неудобствъ, «особенно для больныхъ»...

Таковы противорѣчивые отзывы о Сочи. Неодинаковость ихъ въ значительной мѣрѣ зависитъ, конечно, какъ отъ степени знакомства авторовъ съ мѣстными условіями, такъ и отъ тѣхъ требованій, которыя они къ нему предъявляли, отъ тѣхъ ожиданій, съ которыми туда пріѣзжали, отъ тѣхъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ они въ немъ временно проживали и пр. и пр. По нимъ, конечно, трудно составить вѣрную картину Сочи и условій жизни въ немъ. Тѣмъ не менѣе изъ всего этого нельзя все-таки не прийти къ выводу,

1) Вотъ, что говорятъ по этому же поводу проф. Пастернацкій („Черном. побережье“, стр. 157) «городъ Сочи и теперь уже страдаетъ *существенными* недостатками, *препятствующими* ему сдѣлаться *климатическою станціею* для больныхъ; съ проведеніемъ же желѣзной дороги, съ устройствомъ въ городѣ пристани, городъ неизбѣжно сдѣлается еще болѣе оживленнымъ торговымъ пунктомъ, въ которомъ *не будетъ мѣста для больныхъ*. Когда въ недалекомъ будущемъ наступитъ это время, Верещагинскій (пригородный) участокъ самъ собою превратится въ дачное мѣсто для здоровыхъ и больныхъ, но занятое исключительно богатыми собственниками и потому *недоступное для другихъ*»...

что, какъ бы ни были преувеличенно-пессимистичны отзывы нѣкоторыхъ описателей Сочи,—все же прославленный курортъ этотъ имѣть немало весьма серьезныхъ дефектовъ.

Одинъ изъ этихъ дефектовъ, ѣхавшій со мною пассажиръ характеризовалъ краткимъ отзывомъ, что «Сочи—баня»!

По отзыву изслѣдователей «Черноморскаго побережья» не только въ средней, но и въ сѣверной Россіи лѣтомъ перѣдко бываетъ гораздо жарче, чѣмъ въ южной части Черноморскаго побережья... «А между тѣмъ на жары лѣтомъ здѣсь жалуются и мѣстные жители и пріѣзжіе». Это кажущееся противорѣчіе объясняется тѣмъ, что «и въ средней Россіи, а тѣмъ болѣе въ степяхъ юга и юго-востока, сильные жары бываютъ при сухомъ воздухѣ, при этомъ потъ съ поверхности тѣла быстро испаряется и это испареніе охлаждаетъ его». Если же высокая температура, какъ здѣсь, бываетъ при влажномъ воздухѣ, то потъ испаряется медленно и человеческое тѣло болѣе страдаетъ отъ жара. «Къ этому является непріятное ощущеніе отъ пота, который гораздо быстрее выступаетъ, чѣмъ испаряется» ¹⁾. Говоря вообще о климатѣ сочинскаго района отъ Туапсе до Адлера—г. Красновъ ²⁾ пишетъ по поводу этого: «Для здороваго и, быть можетъ, для легочнаго больного эта нѣкоторая влажность даже пріятна, но для людей съ издерганными нервами, для неврастениковъ высокое давленіе воздуха съ этою влажностью не всегда отзывается хорошо. Часто утромъ вы встаете съ чувствомъ утомленія въ членахъ и, несмотря на чудную погоду и полную тишину воздуха, васъ не манитъ на прогулку. Хочется при здѣшнемъ климатѣ воздуха болѣе легкаго»...

Все это, конечно, надо имѣть въ виду людямъ, ѣдущимъ въ Сочи на леченіе. Имъ слѣдуетъ также имѣть въ виду указанія «Черноморскаго побережья» ³⁾ на далеко не одинаковую пригодность Сочи съ прилегающими къ нему ближайшими окрестностями

¹⁾ Черном. Побер., стр. 56—57, 79—80, 95, 99.

²⁾ Недѣля, 1901, № 1, стр. 178.

³⁾ Стр. 151—158.

для поселенія дачниковъ и въ особенности больныхъ тѣми или иными болѣзнями. Слѣдуетъ въ то же время обратить вниманіе и на рѣзкое разнорѣчіе въ отзывахъ нашихъ ученыхъ специалистовъ—профессоровъ Воейкова и Краснова о климатѣ Сочи ¹⁾ и быть осторожными вообще при выборѣ Сочи для поправленія здоровья. А. Н. Красновъ указываетъ на усиленное стремленіе А. И. Воейкова подчеркиваніемъ чертъ сходства и умалчиваніемъ о различіяхъ, описать побережье какъ русскую «ривьеру», сходную въ климатическомъ отношеніи съ итальянской и французской ривьерой. Остановливаясь на отнесеніи Сочи г. Воейковымъ къ категоріи лучшихъ зимнихъ климатическихъ станцій, г. Красновъ возражаетъ противъ этого указаніемъ на случающіеся зимой морозы въ 15° и на *изобиліе* дождливыхъ дней зимою («въ декабрѣ до 27 дней дождливыхъ!»). Поэтому онъ признаетъ Сочи съ со-сѣдними побережными курортами (и въ томъ числѣ Туапсе) не зимними климатическими станціями, а «осенними курортами подобно Крыму, или, если хотите, лѣтнимъ мѣстопребываніемъ для легочныхъ больныхъ людей, которымъ нужно купанье въ тепломъ морѣ, при равномѣрной, не слишкомъ высокой температурѣ воздуха».

Уже темною ночью отходимъ мы отъ Сочи. Все попрежнему покачиваясь на обѣ стороны, взбѣгаетъ пароходъ съ волны на волну. Все по прежнему быются пѣнистыя волны обѣ его бока. По прежнему же мѣрнымъ шагомъ прохаживается около руля дежурный помощникъ капитана, молча посматривая впередъ. А тамъ впереди изъ-за черной тьмы, изъ-за то поднимающихся, то опускающихся в лѣтъ видны какіе то мерцающіе огоньки, то пропадающіе, то опять вспыхивающіе. Признаки ли это жилья на берегу и какого, или сигнальные береговые огни идущимъ судамъ, маячные огни, предупреждающіе обѣ опасности—какъ разобрать въ такой темнотѣ?! Между тѣмъ опасный берегъ близокъ, а пароходъ идетъ тѣмъ же ходомъ и эти неизвѣстные огни... не манятъ, а тревожатъ...

²⁾ Недѣля, 1900 г., № 2, стр. 216 и слѣд.

Жутко подумать, что именно такія темныя и даже можетъ быть болѣе бурныя ночи выбирались въ былыя времена турецкими судами, легкими и плоскодонными, для отплытія при первомъ береговомъ вѣтрѣ съ контрабанднымъ грузомъ въ Турцію. Въ то время, передъ устройствомъ знаменитой «береговой линіи» изъ ряда укрѣпленій, въ родѣ Кабардинки или Архипоосиповки, охрана береговъ лежала на русскихъ военныхъ крейсерахъ. Считалось необходимымъ пресѣчь торговыя сношенія турокъ съ горцами, изолировать послѣднихъ отъ первыхъ, прекратить всякій подвозъ товаровъ изъ Турціи; необходимо было также ограждать и русскія суда отъ черноморскихъ пиратовъ. Въ то время русскія торговыя суда, поддерживавшія торговыя сношенія между Абхазіей и разными побережными пунктами Азовскаго моря и Крыма, зашпльвъ въ морѣ или будучи занесены непогодами къ кавказскому берегу, не рѣдко попадали въ руки черкесовъ, захватывавшихъ ихъ на своихъ галерахъ. Русскіе крейсера должны были ловить морскихъ пиратовъ, выискивать въ морѣ и у береговъ турецкіе суда, возившіе контрабанду. Но легкія турецкія суда, спуская парусъ, держались днемъ вдаль отъ берега, оставаясь такимъ образомъ невидимыми для плававшихъ у береговъ крейсеровъ—въ ожиданіи перваго вѣтра къ берегу. Тогда даже при бѣломъ свѣтѣ дня они на парусахъ шли къ берегу, вполне увѣренныя, что тамъ ихъ ожидаютъ горцы, могущіе не только быстро выгрузить товары, но и геройски защитить въ случаѣ надобности отъ русскихъ. Но въ защитѣ даже рѣдко предстояла надобность, потому что съ моря—съ крейсера часто трудно было разсмотрѣть маленькое судно, пріютившееся гдѣ нибудь въ укромномъ уголкѣ подъ самымъ берегомъ. Въ сильный же вѣтеръ къ берегу для тяжелаго крейсера даже рискованно было сильно приближаться къ побережью изъ опасенія невозможности отлафироваться отъ него и быть прибитымъ къ берегу, гдѣ черкесы и турки расправились бы съ беззащитнымъ крейсеромъ по своему. Такъ и крейсировали наши военныя (въ то время преимущественно парусныя) суда, испытывая всяческія непогоды, по бурнымъ волнамъ Чернаго моря, большею частію тщетно разыскивая или догоняя

постоянно ускользавшаго отъ нихъ непріятеля. Эта бесплодность дѣятельности крейсеровъ и привела прежде всего къ мысли объ устройствѣ на побережьи цѣлаго ряда береговыхъ укрѣпленій, подъ общимъ именемъ «Черноморской береговой линіи»,—укрѣпленій, подъ защитой которыхъ мѣстами стали зарождаться впоследствии первые русскіе мирные поселки... Но вѣчное скитаніе по морскимъ волнамъ во всякое время года при всякой погодѣ—хотя бы и за вѣчно ускользавшимъ непріателемъ,—было дѣломъ во всякомъ случаѣ очень безпокойнымъ, труднымъ, связаннымъ съ многими тревоженіями и опасностями. Это было далеко, конечно, не то, что теперь, хотя бы и въ бурю, проѣхать вдоль побережья, при извѣстномъ комфортѣ на большомъ быстроходномъ пароходѣ. Что же въ такомъ случаѣ сказать о положеніи этихъ всю свою жизнь рыскавшихъ по морю на своихъ плоскодонныхъ невидимыхъ судахъ турецкихъ и черкесскихъ контрабандистахъ, самыми удобными моментами для плаванія которыхъ считались темная ночь да вѣтеръ къ берегу и вѣтеръ отъ берега?..

Много эти берега «видали видовъ», много исторій могли бы рассказать эти сѣдыя мрачныя волны пришлецу, интересующемуся прошлымъ этого когда то богатого культурой и оживленнаго побережья!..

Пора ужъ спать, но сонъ не идетъ. Въ каютѣ душно, потому что несмотря на вѣтеръ въ воздухѣ потеплѣло, а окна на ночь задраены изъ опасенія бури. Электрическій фонарь свѣтитъ прямо въ глаза и мѣшаетъ заснуть. За стѣною непрерывный плескъ волнъ и слышенъ шумъ машины, и какой то непрерывный скрипъ и непрерывные шумы и звуки. Пока заснешь, проходитъ часъ-другой. Но сонъ приходитъ ненадолго: будить какое то новое, иное чѣмъ прежде, покачиваніе парохода. Я спѣшу подняться на верхъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло, но на лѣстницѣ сталкиваюсь съ спускающимся въ каюту пассажиромъ.

— Ну, что, какъ тамъ на верху... волненіе?..—спрашиваю я у него на ходу. Но онъ, вмѣсто отвѣта, дѣлаетъ вдругъ такое движеніе ртомъ и всею головою, что я въ ужасѣ сторонюсь изъ

опасенія попастьъ подъ душѣ совсѣмъ особаго рода и съ всевозможною скоростью почтительно даю ему дорогу.

Оказывается, что пароходъ опять на якорѣ у мѣста новой остановки. Снова работаетъ майна-вира, снова у подножія парохода качаются фелюги, снова прибываютъ и убываютъ пассажиры.

Въ наше отдѣленіе каюты входятъ два пѣмца-пассажира и пробуютъ устроиться на свободныхъ верхнихъ койкахъ. Но не совсѣмъ то легко залезть туда во время сегодняшней качки по короткой, почему то несоразмѣренной съ высотой коекъ, приставной лѣсенкѣ. Можно опасаться или полетѣть вмѣстѣ съ лѣсенкой на полъ или удариться головой о низкій потолокъ каюты.

— А что Карль Эдуардычъ, пароходъ нѣ треснетъ?—становясь на лѣсенку, спрашиваетъ у своего спутника толстый пѣмецъ, показывая жестомъ на потолокъ и голову.

— О, нѣтъ—волненій мало!..—Онъ не трескается—онъ сделанъ карашо, удобно...—далеко отъ голова...—успокаиваетъ его другой, устраиваясь на своей койкѣ.

Покидая Сочи, вельзя не упомянуть объ исторіи Хлудовскаго имѣнія, этомъ рельефномъ примѣрѣ того хозяйничанья, которое заводятъ здѣсь пришлые люди. Хлудовское имѣніе поглотило на свое «устройство» по однимъ свѣдѣніямъ полтора, по другимъ 2½ милліона денегъ. Расположено оно близъ Сочи въ живописной мѣстности съ роскошной растительностью, удобной почвой и всѣми благопріятными условіями для насажденія культуры. Не даромъ же сорокъ съ небольшимъ лѣтъ назадъ въ окрестностяхъ Сочи процвѣтала «блестящая черкесская культура», не даромъ англійскій путешественникъ Спенсеръ писалъ о горцахъ въ 1837 г.: «Съ перваго же момента, когда открылись передо мной черкесскія долины, видъ страны и населенія превзошелъ мои самыя пылкія представленія. Вмѣсто пустыни, населенной дикарями, я нашелъ непрерывный рядъ обработанныхъ долинъ и холмовъ, почти ни одного клочка земли не было некультивировано. Огромныя стада козъ, овецъ, лошадей и быковъ бродили въ разныхъ направленіяхъ по роскошной травѣ... За-

тѣмъ... горская культура исчезла, послѣдніе слѣды ея заросли лѣсомъ... Затѣмъ въ этихъ мѣстахъ—въ окрестностяхъ Сочи—посеены были для насажденія культуры крестьяне, крестьяне эти стали заводить свое хозяйство, вводить кое-какую культуру. Но... по волѣ Н. С. Абазы, устроившаго на побережьи «ривьеру», крестьяне эти были переведены подальше отъ берега, удалены съ уже насиженныхъ мѣстъ и посажены на другіе пустыри, по находящіеся въ гораздо менѣе выгодныхъ условіяхъ и... вмѣсто нихъ для насажденія культуры призвана была «интеллигенція» и капиталы... И вотъ эти капиталы были между прочимъ пущены въ дѣло въ Хлудовскомъ имѣніи (около 1000 десят.). Въ имѣніе приглашены были химикъ, инженеръ-механикъ и ученый специалистъ по виноградарству и винодѣлію. И всѣ они принялись работать. Построили огромный каменный подвалъ для вина, винодѣльню, массу дорого стоящихъ каменныхъ и всякихъ другихъ жилыхъ и нежилыхъ построекъ. Развели сразу болѣе ста десятинъ виноградника и болѣею частію на кольяхъ, а не въ разстилку (что не позволительно при здѣшнемъ сыромъ климатѣ) и при томъ съ густотою посадки до 9000 кустовъ на десятину, устраняющей всякую возможность конной обработки между рядами и увеличивающей затемненіе почвы отъ солнца и вліяніе сырости¹⁾. Развели и болѣе 100 дес. сада, посадивъ тамъ яблонь спинонь, сливы и массу гранатъ, которые въ Сочи почти никогда вполне не дозрѣваютъ. Развели и огромный питомникъ фруктовыхъ и декоративныхъ растений... Но... виноградъ сталъ гнить, вино изъ него оказалось негоднымъ и получило столь дурную славу, что его никто не сталъ брать даже даромъ, сорокъ тысячъ ведеръ хереса, мадеры и т. п. сортовъ винъ пришлось вылить въ рѣчку, гранаты оказались мелкими и кислыми, питомникъ не окупилъ расходовъ и пр. и пр. Все—потому, что, не считались съ мѣстными условіями, не считались съ почвой, съ

¹⁾ „Виноградникъ засаженъ такъ густо, что походить на дикіе кусты не то колючки, не то чего-либо въ этомъ родѣ“. (Васюковъ. „Край гордой красоты“, стр. 106).

климатомъ, съ спросомъ и предложеніемъ, съ условіями доставки и сбыта, совѣмъ не знали никакихъ условій и не находили нужнымъ ихъ предварительно изучить. И въ результатъ затраченные миллионы и «запустѣніе, одичаніе повсюду: необрѣзаемые деревья, Богъ знаетъ въ какомъ видѣ виноградники, мрачное въ видѣ фабрики зданіе виподѣльни и другія не то развалины, не то постройки» ¹⁾... и продажа г. Хлудовымъ имѣнія казнѣ всего за $1\frac{1}{2}$ миллиона, лишь бы избавиться отъ дальнѣйшихъ убытковъ. А затѣмъ... раздача и распродажа казною этого и еще верещагинскаго имѣнія уже сравнительно мелкими участками и частями, по опять такимъ же пришлымъ людямъ, незнающимъ мѣстныхъ условій, неживущимъ здѣсь и не могущимъ и не желающимъ лично работать надъ мѣстной культурой. И въ результатъ... «появились управляющіе имѣніями, люди безъ всякаго опыта и знанія, люди съ борка и съ сосенки, конечно, безпрекословно исполнявшіе дикую волю своихъ хозяевъ, безъ которыхъ властно распоряжались всѣмъ тѣмъ, что Господь послалъ. Вырубались строевые лѣса, на мѣстѣ которыхъ вопарялась мерзость запусѣнія, строились какія то зданія для неизвѣстныхъ будущихъ операцій, но серіознаго простого дѣла никто не дѣлалъ, нужнаго хозяйства никто не заводилъ, о «хлѣбѣ» никто не пекся, по каждый думалъ о высшихъ культурахъ, напр., о бананахъ, о кофейномъ деревѣ»... И вотъ теперь «тамъ, гдѣ у горцевъ были пастбища и прекрасный скотъ, тамъ теперь ни пройти, ни проѣхать, гдѣ были ихъ фруктовые сады, тамъ теперь дичь и живутъ кабаны и медвѣди» ²⁾... Имѣніе за имѣніемъ безъ перерыва заполняютъ сочинское побережье и ближайшіе къ нему склоны горныхъ высотъ, но... «всѣ эти земли и имѣнія не обработаны, не культивированы и... будущее ждетъ ихъ впереди» ³⁾... Таковы блестящіе результаты устроенія русской ривьеры около Сочи по мысли покойнаго гофмейстера Абазы ⁴⁾, въ руки котораго еще такъ недавно фактически

¹⁾ Тамъ же, стр. 105—106.

²⁾ Тамъ же, стр. 106—107.

³⁾ Тамъ же, стр. 128.

⁴⁾ Бывшаго предсѣдателя бывшей комиссіи „заселенія и оживленія“ края.

предоставлено было—въ послѣдніе годы его жизни—все будущее черноморскаго побережья Кавказа, все направленіе его колонизаціи, его «заселенія, устроенія и оживленія»... Но самый рельефный образецъ этой колонизаціонной политики, это устроенные однимъ почеркомъ его пера новые города: Романовскъ и Хоста. Изъ нихъ послѣдній создается на берегу, мимо котораго намъ придется проѣхать отъ Сочи ночью.

Когда проф. Красновъ посѣтилъ городъ Хосту въ 1899 г.—на второй годъ послѣ его закладки—онъ увидѣлъ «въ мрачномъ сыромъ ущельѣ», въ ямѣ, «гдѣ царятъ лихорадки», предназначенной для обращенія въ городъ, среди дѣвственнаго лѣса, гдѣ бродили стада кабановъ и дикихъ козъ, *столбы* съ обозначеніемъ будущихъ улицъ, площадей, главныхъ зданій и учреждений города, будущаго кладбища, церкви и городского выгона, да дренажныя канавы, присоединившіяся къ столбамъ къ концу второго года¹⁾. Для города предназначено 80 десятинъ, раздѣленныхъ на 160 городскихъ усадебныхъ участковъ, розданныхъ почти при самомъ его основаніи (т. е. въ періодъ установки столбовъ) «преимущественно интеллигентнымъ лицамъ: профессорамъ, учителямъ, врачамъ, а также и многимъ лицамъ высшей служебной іерархіи». Остальные 420 дес. подѣлены на такъ называемые дачные участки по двѣ и болѣе десятинъ и тоже всѣ розданы. Теперь уже кончается 1903 г., а въ этомъ городѣ нѣтъ пока никакого управленія, число постоянныхъ жителей 200 душъ, есть фельдшерскій пунктъ на 2 кровати, да небольшая гостинница и только... И что изъ всего этого выйдетъ дальше—неизвѣстно... Но что бы не вышло, во всякомъ случаѣ деньги потрачены и, главное, земли ужъ розданы...

Розданы онѣ, какъ здѣсь принято говорить, «петербургскимъ генераламъ» и такъ или иначе извѣстнымъ покойному Абазѣ лицамъ. «Мѣщанамъ, ремесленникамъ и торговцамъ доступа не было» такъ какъ получить участокъ подъ усадьбу обыкновенному смертному, было невозможно. Не даромъ же по по-

1) „Недѣля“, 1900, № 8.

Томъ 83.—Ноябрь, 1903.

бережью ходить анекдотъ, что Н. С. Абаза на просьбу одного простого смертнаго дать участокъ земли въ Хостѣ, отвѣтить, что у него тамъ будутъ поселены «только сенаторы да губернаторы»... Немудрено, конечно, что въ Хостѣ, говоря словами Щедрина, «народъ нѣтъ, помпадуръ есть—чисто»!...

Другой, создаваемый по волѣ фантазіи Н. С. Абазы городъ—Романовскъ—лежитъ дальше, въ сторонѣ отъ берега, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ слѣдующей пароходной остановки—у Адлера. Адлеръ это—также новомодный «курортъ» и пароходная «пристань», около которой пароходы тоже останавливаются на якорѣ въ морѣ. Селеніе Адлеръ расположено на берегу моря въ живописной мѣстности и состоитъ изъ бывшихъ крестьянъ бессарабской и херсонской губ., сначала—съ 1869 г.—поселенныхъ въ горахъ, а съ 1876 г. переведенныхъ сюда на берегъ съ надѣленіемъ земли въ подворное владѣніе по 9 $\frac{1}{4}$ дес. на каждый дворъ. Съ точки зрѣнія курортной, это—мѣсто, о которомъ пока не стоитъ говорить: «сырость воздуха, домовъ и постелей въ нихъ заставляютъ не забывать, что вы находитесь въ лихорадочной мѣстности» ¹⁾. Это—благодаря заболоченности р. Мзымыты, у которой расположено селеніе. Такая же болотная низменность находится и въ приморской полосѣ между р.р. Псоу и Мзымой, но впрочемъ и тамъ и здѣсь къ настоящему времени частію уже окончены, а частію только начаты осушительныя работы, общающія оздоровленіе этихъ красивыхъ, одаренныхъ теперь роскошною растительностью окрестностей Адлера.

Отъ Адлера по долинѣ р. Мзымыты проведена горами дорога въ такъ наз. Красную Поляну, гдѣ и предназначено быть городу Романовску. Путь туда на протяженіи 54 верстъ, стойкий огромныхъ денегъ, въ части его, проложенной чрезъ головокружительныя высоты и трудно проходимыя ущелья, отличается замѣчательною красотою. «Злые языки говорятъ—пишетъ проф. Криновъ ²⁾—что практичнѣе было бы вести дорогу не по голо-

¹⁾ «Черном. побер.» стр. 162.

²⁾ Недѣля 1901 г. № 1.

воломному ущелью Мзмыты, а окружнымъ путемъ, начиная съ Хосты. Она, говорятъ, стояла бы дешевле и облагодѣтельствовала бы нѣсколько селеній. Пусть такъ--но не всѣ же дороги Швейцаріи строились только ради селеній. Тамъ проводили дороги и для туристовъ—и, *если* Красная Поляна есть будущій курортъ, то трудно придумать болѣе живописный и грандіозный путь, къ нему ведущій»... Красная Поляна—это широкая замѣчательная своею красотою, возвышенная (свыше 2000 ф.) часть долины р. Мзмыты съ прилегающими къ ней склонами была заселена славившимися, какъ лучшіе пчеловоды и садоводы, горскими племенами, которыя въ 1864 г. вынуждены были эмигрировать въ Турцію. Поляна опустѣла и была надолго совсѣмъ забыта, но затѣмъ ходяки жившихъ въ ставропольской губ. малоазійскихъ грековъ набрали на нее и въ 1878 г. въ нее переселились греки (теперь около 40 дворовъ), а послѣ нихъ образовали еще одно селеніе Эстонцы (86 дворовъ). И тѣ и другіе успѣшно занялись здѣсь хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ.

Вслѣдствіе отсутствія путей сообщенія и неприступности мѣстности, Красная Поляна была почти неизвѣстна до 1894—5 г.г. Затѣмъ 1898 г. эта мѣстность изслѣдована была помянутою комиссіей ученыхъ (авторовъ книги «Черноморское побережье») нашедшихъ здѣсь нѣсколько разнообразныхъ минеральныхъ источниковъ, признавшихъ климатъ ея сходнымъ съ климатомъ Мерана и чрезвычайно благоприятнымъ для здоровья.—Этотъ выводъ знаменуетъ, по мнѣнію проф. Краснова, «новое направленіе въ русской метеорологіи и климатологіи, согласно которому оказывается возможнымъ, на основаніи трехдневныхъ случайныхъ наблюденій и разсказовъ волостного писаря, дѣлать характеристики климата и сравнивать съ климатомъ, характеръ котораго установленъ многолѣтнимъ трудомъ метеорологической обсерваторіи» ¹⁾. Въ слѣдующемъ же 1899 г. проведенъ уже въ Красную Поляну упоминавшійся выше весьма дорогой, но красивый шоссеиный путь долиною р. Мзмыты. Отъ падѣла греческаго селенія отобрана часть

¹⁾ «Недѣля» 1901 № 1, стр. 185.

земель и отведена подъ будущій городъ Романовскъ. Вся долина Красной Поляны, площадью до 600 дес., вмѣстѣ съ существующими греческими землями разбита на двухдесятинные дачные и полудесятинные городскіе участки г. Романовска. Часть этихъ участковъ роздана, по обыкновенію, бесплатно, преимущественно пришлому чиновному люду, часть пущена въ продажу съ торговъ. Поселяне, которые не хотятъ переименоваться въ мѣщанъ новаго города, должны переселиться туда, гдѣ начальство отведетъ имъ новые надѣлы. Будущее этого города однако довольно печально, потому что, *если* онъ заселится, ему неоткуда будетъ получать предметы первой необходимости. Два поселка грековъ и эстовъ ничтожны, русскихъ поселковъ вблизи нѣтъ, образованіе по близости новыхъ поселеній невозможно, а единственный путь къ Адлеру, къ морю, зимой перѣдко совсѣмъ недоступенъ, благодаря частымъ снѣжнымъ заваламъ.

Если ужъ въ Сочи дороговизна и трудность полученія нѣкоторыхъ продуктовъ первой необходимости объясняется рѣдкостью сельского населенія—недостаткомъ въ окрестностяхъ его крестьянскихъ поселковъ (часть которыхъ въ цѣляхъ насажденія на побережьѣ «высшихъ культуръ» тоже выселена была съ береговъ моря на другія мѣста), то относительно жителей будущаго города Романовска не трудно предвидѣть, что они очутятся въ положеніи неизмѣримо худшемъ, чѣмъ два щедринскіе генерала прокормленные мужикомъ. Дѣло въ томъ, что по расчету числа дачныхъ и городскихъ участковъ, въ Романовскѣ должно быть гораздо больше жителей, чѣмъ въ ближайшихъ къ нему поселкахъ. И если одинъ мужикъ дѣйствительно могъ прокормить двухъ генераловъ, то это еще не можетъ служить доказательствомъ, что онъ можетъ прокормить и десятерыхъ¹⁾. Между тѣмъ... между

1) Интересно, что ту же будущность пророчить проф. Красновъ даже для Сочи: когда „мирно сидящіе въ Петербургѣ“ сочинскіе владѣльцы „съ наступленіемъ для Сочи лучшихъ временъ“... „вздумаютъ пожаловать на свои участки“ „и число дачниковъ значительно увеличится—ихъ будетъ ожидать горькая участь щедринскихъ генераловъ на необитаемомъ островѣ“ („Недѣля“ 1900 г. № 1).

тѣмъ дѣло уже сдѣлано: «народъ гонялъ, помпадуръ сажалъ, форма копчаль»!.,

Таковы новоустрояемые «однимъ почеркомъ пера» города побережья, плановыя мѣста которыхъ розданы именно тѣмъ, кто жить тамъ навѣрное не будетъ,—города, оживающіе на извѣстное лишь время года съ пріѣздомъ на отдыхъ нѣкоторой части чиновныхъ «хозяевъ». Таковы новые бережные города, состоящіе частью изъ жилыхъ домовъ, а больше изъ дачекъ, барачковъ, пустыхъ плановыхъ мѣстъ и столбовъ, обозначающихъ направление улицъ,—города, отсутствующіе «хозяева» которыхъ при случаѣ охотно спекулируютъ на выгодную перепродажу своихъ плановыхъ участковъ.

Это—поучительные образцы дорого стоившей Россіи колонизаціонной политики: «заселенія и оживленія» края, сводившейся, по идеѣ Н. С. Абазы, къ обращенію его въ ривьеру во что бы то ни стало. Это—такъ сказать живые кульминаціонныя пункты той колонизаціонной политики, которую не одобрялъ никто и никто изъ дѣйствительныхъ знатоковъ-старожиловъ края, лично незаинтересованныхъ въ полученіи крупицъ отъ раздаваемыхъ направо и налево лучшихъ земель побережья; но осуществленію которой никто не могъ противорѣчить, потому что покойный Абаза слушался только тѣхъ, кто сами его во всемъ слушались.

— Вотъ и наши виноградные сѣзды ¹⁾—говорилъ мнѣ одинъ изъ виноградовладѣльцевъ—не хотѣли ходить по его указкамъ, обошли его нарочно—не пригласили на засѣданія, вотъ и затормозилось дѣло и теперь никогда не дождутся благоприятнаго разрѣшенія своихъ ходатайствъ. А пригласи они его—и все бы устроилось моментально... Но, конечно, въ томъ только духѣ, какъ бы онъ самъ захотѣлъ... Однако все-таки было бы хоть что-нибудь..

Дальше по побережью, на югъ отъ Адлера, за р. Мзымтой, вскорѣ кончается уже черноморская губернія, граничащая здѣсь съ губерніей кутаисской. Отсюда начинается уже Абхазія.

¹⁾ См. предыдущую главу.

Но прежде чѣмъ вступить въ Абхазію, надо сказать еще нѣсколько словъ къ характеристикѣ климата и растительности оставляемаго района. Проф. Красновъ ¹⁾ говорить, что граница кутаисской губ. проведена очень удачно въ томъ отношеніи, что съ нее начинается полоса болѣе теплаго климата (Гагринскій районъ побережья), болѣе южной флоры и болѣе теплыхъ (известковыхъ) почвъ, смѣняющихъ здѣсь собою тяжело-глинистыя, пропитанныя влагой, почвы сочинскаго района. По этому поводу надобно вообще сказать, что побережье отличается разнообразіемъ мѣстныхъ климатическихъ особенностей, какъ и разнообразіемъ своей растительности.

Высота положенія надъ уровнемъ моря, преобладаніе почвъ болѣе теплыхъ или наоборотъ болѣе холодныхъ, положеніе мѣстности на низменной заболоченной низинѣ, въ ущельѣ или же наоборотъ въ открытой, хорошо вентилируемой мѣстности, большая или меньшая закрытость мѣстности отъ холодныхъ или напротивъ отъ теплыхъ вѣтровъ горами или лѣсами, или же наоборотъ большая или меньшая открытость тѣмъ или инымъ изъ этихъ вѣтровъ, все это оказываетъ въ побережьи свое вліяніе на разницу климата и растительности мѣстности. При наличности съ одной стороны горъ, съ другой—моря, при разнообразіи положеній, которыя занимають различные пункты побережья по отношенію къ этому морю и къ этимъ горамъ и перерѣзывающимъ ихъ рѣкамъ и ущельямъ, естественно, создается такое разнообразіе условій, при которомъ разныя части одного и того же района, даже одного и того же поселенія или курорта отличаются другъ отъ друга тѣми или иными климатическими особенностями, большимъ или меньшимъ распространеніемъ тѣхъ или иныхъ представителей мѣстной флоры, тѣмъ или инымъ вліяніемъ на здоровье. Вспомнимъ, напр., что различныя части г. Туапсе неодинаково пригодны для жизни; вспомнимъ, что тою же неодинаковостью вліянія на здоровье человека отличаются и различныя части ближайшихъ окрестностей Сочи. Охарактеризовать

1) „Недѣля“ 1901 г. № 1.

флору Сочинскаго района, какъ сходную съ флорою Парийскаго побережья Бискайскаго залива и прилегающей къ нему части Франціи (но не съ флорой Японіи и итальянской Ривьеры, какъ указывали другіе изслѣдователи), проф. Красновъ ¹⁾, отмѣчаетъ между прочимъ различіе въ климатъ и растительности окрестностей Сочи въ зависимости отъ защищенности ихъ выдающимися въ море мысами отъ холодныхъ сѣверозападныхъ вѣтровъ. «Все, что защищено отъ вліянія сѣверозападнаго вѣтра, то отличается пышнымъ развитіемъ, все, что открыто ему, то носить отпечатокъ сѣвера. Каждый такой выдающійся мысъ играетъ роль естественнаго барьера, по ту сторону котораго остается часть русскаго холода»...

Совершенно понятно поэтому, что отдѣльные болѣе или менѣе крупные районы побережья должны отличаться еще большимъ различіемъ въ климатъ и растительности. Новороссійскій округъ, какъ мы знаемъ, мѣстами совсѣмъ не защищенъ отъ холодныхъ вѣтровъ сѣвера, Туапсинскій—защищенъ уже лучше, но защитность его значительно уступаетъ защитности округа Сочинскаго, который однако отстаётъ въ этомъ отношеніи отъ Сухумскаго, «имѣющаго совершенно исключительныя топографическія условія, благодаря превосходному воздушному дренажу системы р.р. Бзыби, Цхалты и Кодора» ²⁾. «Подъ защитою каждаго такого выступа (выступа горъ въ море высокими защищающими отъ вѣтровъ мысами) растительность—говоритъ проф. Красновъ ³⁾—становится нѣжнѣе, богаче южными формами. Благодаря этому Сочи лучше Туапсе, Хоста лучше Сочи, заадлерскія дачи лучше Хосты и наконецъ Гагры защищены Адлера».

Составители «Черноморскаго побережья» дѣлятъ побережье на югъ отъ Туапсе на три части—сѣверозападную, юговосточную и срединную между ними. Къ первой они относятъ Туапсе и приморскія мѣстности, лежащія къ югу отъ него, къ средин-

1) „Недѣля“ 1900 г. № 8.

2) Клингенъ И. Н. „Основы хоз. въ Соч. окр.“, стр. 10.

3) „Недѣля“ 1901 № 1.

пой—Сочи съ его окрестностями, и наконецъ къ третьей—береговую полосу отъ Гагръ до Сухума включительно (Абхазію). Главными особенностями этой срединной полосы они считаютъ, съ одной стороны, отсутствіе свойственнаго сѣверному району морль-оста, а съ другой, отсутствіе тропической лѣтней жары, присущей иногда Сухуму, а также и отсутствіе «злыхъ сухумскихъ лихорадокъ». Въ флористическомъ отношеніи они дѣлятъ побережье на такія части: отъ Новороссійска до р. Шахе съ преобладаніемъ растительности «травянистой, вообще злаковой», отъ Шахе далѣе на югъ съ растительностью сочной лиственной, а ближе къ Сухуму—съ субтропическою, при чемъ сочинскій районъ представляетъ какъ бы связующее звено между обоими крайними, къ нему прилегающими, сочетая въ себѣ представителей того и другого—«Сочи съ его окрестностями—золотая середина для флоры всего Черноморскаго побережья».

Такимъ образомъ вступая въ предѣлы Абхазіи, мы въ тоже время вступаемъ и въ новый климатическій и флористическій районъ Черноморскаго побережья.

А. С. Личновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа.

V.

Въ предѣлахъ Абхазіи.

Гагринскія тѣснины. Гагры, какъ курортъ. Пицундская низина. Гадаутъ. „Культурное“ значеніе Новаго Афона. Пребываніе на Новомъ Афонѣ. „Метеорологическія“ наблюденія. Частновладѣльческое хозяйство и земельная спекуляція. Сухумъ, какъ курортъ. Лихорадки Сухума. Сухумская бухта и купанье въ ней. Кое-что о прошломъ Сухума. Внѣшность города. Уличная жизнь. Сады. Окрестности. Природа. Поти. Батумъ.

Съ десятой версты послѣ Адлера береговая полоса сильно суживается подступающими къ морю горами. Эти горы, подступая къ морю, образуютъ здѣсь величественныя Гагринскія тѣснины, тянущіяся на 7 верстъ южнѣе Гагръ до имѣнія князей Шервашидзе. Береговая полоса мѣстами здѣсь такъ узка, что для прѣведенія шоссе пришлось взрывать горные утесы. Тѣснины эти въ древнія времена служили единственными воротами для прохода народовъ то съ юга на сѣверъ, то съ сѣвера на югъ. Поэтому здѣсь издревле воздвигаемы были прежними жителями страны укрѣпленія для защиты отъ иноземныхъ вторженій. У древнихъ грековъ была здѣсь своя колонія, на устройство которой они потратили многіе годы усиленнаго труда и большія средства. Въ эпоху владычества римлянъ ихъ легіоны не разъ

вступали здѣсь въ борьбу съ храбрыми горцами, оттѣсня ихъ въ горы, а на мѣстѣ блестящей греческой колоніи римлянами возведено было укрѣпленіе для защиты отъ горцевъ и набѣговъ морскихъ пиратовъ. Римскіе патриціи отдыхали здѣсь въ своихъ изящныхъ виллахъ. Въ средніе вѣка венеціанцы и генуезцы вели тутъ оживленную торговлю. Мѣстные горскія племена не разъ вступали въ этихъ тѣснинахъ въ кровавый бой съ иноземцами, защищая эти мѣста отъ ихъ вторженія. Въ 1841 г., въ первые годы занятія побережья русскими, здѣсь возведено было укрѣпленіе для защиты Абхазіи отъ вторженій въ нее убуховъ съ сѣвера, уничтоженное во время войны 1855 года. Въ 1857 г. на развалинахъ крѣпости устроенъ былъ военный лазаретъ, уничтоженный въ 1876 г. Въ 1891—2 г.г. помѣщеніе лазарета служило мѣстомъ жилья для рабочихъ, устраивавшихъ голодное Анненковское шоссе. Теперь же небольшая часть его обращена въ помѣщеніе для надобностей инженернаго вѣдомства, а большая часть зданій безжалостно расхищается по камнямъ окрестными жителями на постройки.

Такимъ образомъ Гагринскія тѣсины еще въ отдаленномъ прошломъ видѣли счастливые времена кипучей жизни. Живыми свидѣтелями былой культуры являются сохранившіеся здѣсь остатки древняго храма, воздвигнутаго, по предположеніямъ, еще въ VI вѣкѣ. «Теперь же... теперь размышляя о славномъ прошломъ Гагры,—говоритъ проф. Пастернацкій¹⁾—мы чувствовали себя на историческомъ кладбищѣ; развалины, словно разрушенные надмогильные памятники, еще болѣе способствовали этому впечатлѣнію»... «Странное чувство овладѣло нами при видѣ Гагры и его развалинъ»...—сколько усиленнаго труда и средствъ и сколько народныхъ силъ затрачено было здѣсь на насажденіе культуры греческой, римской, горской, генуезской, венеціанской... и вотъ «пришли русскіе, и страна, имѣвшая болѣе чѣмъ 2000-лѣтнюю древность, опустѣла. Какимъ то смертельнымъ холодомъ вѣетъ

1) Черном. побер., 164—165.

отъ этихъ сѣрыхъ развалинъ. Зловѣще высятся надъ ними неприступныя горы. Кругомъ ни звука, кромѣ глухого ропота горнаго потока да грознаго раската морскимъ волнъ, подступающихъ къ развалинамъ, какъ-бы съ намѣреніемъ окончательно стереть Гагры съ лица земли»... Всѣ изслѣдователи и писатели, видѣвшіе Гагры, совершенно правильно описываютъ ихъ грозно-живописными, мрачно величественными. Высокія крутыя горы, величественное мрачное ущелье, узкая береговая полоса около моря, развалины крѣпости и церкви около ущелья и тутъ же нѣсколько жилыхъ построекъ, конюшни, бараки для рабочихъ, а выше на скалѣ—на 75 с. высоты надъ уровнемъ моря новое грандіозное зданіе «курорта», южная растительность вокругъ и то грозное, то ласкающее море внизу—вотъ Гагры—эта «русская Ницца», доступная только вліянію моря и закрытая отъ холодныхъ вѣтровъ цѣпью зеленыхъ горъ. По мнѣнію проф. Воейкова растительность и весь обликъ Гагръ напоминаютъ знаменитую *chemin de Corniche*, построенную Наполеономъ по сѣверному побережью Средиземнаго моря, но только мѣстная дикая растительность здѣсь богаче. Проф. Красновъ также держится мнѣнія, что здѣсь кажется всѣ условія соединились для того, чтобы создать самую южную растительность на побережьи; но именно поэтому онъ находитъ, что мѣстная растительность гораздо менѣе роскошна. чѣмъ, повидимому, можно было бы ожидать при данныхъ условіяхъ. Онъ вполне соглашается съ проф. Воейковымъ, что «теоретически» Гагры должны быть «самымъ теплымъ мѣстомъ на всемъ побережьи» благодаря его теплой сухой известковой почвѣ, отличной защитности отъ холодныхъ вѣтровъ и полной открытости теплымъ вѣтрамъ и вліянію моря. Но онъ неувѣренъ въ томъ, что и въ этомъ отношеніи теорія вполне подтверждается дѣйствительностью: «проведите—говоритъ онъ¹⁾—почъ, какъ то пришлось мнѣ, противъ ущелья Джоэквара вблизи крѣпости и вы замерзнете отъ холода. Сочинскіе жители не знаютъ такого пронизывающаго сквозняка». Однако онъ все-таки находитъ, что «въ

1) Недѣля 1901 № 1.

Гаграхъ вы уже чувствуете себя въ Закавказьѣ. Это—обстановка долины Ріона, окрестностей Кутаиса, это—настоящій югъ, а не неопредѣленная переходная полоса Сочинскаго района»... Во всякомъ случаѣ это одно изъ теплѣйшихъ мѣстъ побережья, но въ этомъ, пожалуй, и горе! Южное солнце здѣсь жжетъ безпощадно, въ безвѣтренную погоду здѣсь душно и жарко «какъ нигдѣ на южномъ побережьѣ», потому что Гагры доступны только вѣтрамъ съ моря и не вентилируются горными вѣтрами съ ледяныхъ горъ. Покрывающая горныя откосы травянистая растительность здѣсь вымираетъ къ концу лѣта подъ влияніемъ жары и природа носить пожелтѣлый осенній характеръ, совсѣмъ не похожій на тотъ полный свѣжести ландшафтъ, которымъ въ это же время можно наслаждаться нѣсколько сѣвернѣе—въ Сочинскомъ районѣ. Что касается замѣчательной красоты Гагринскаго пейзажа, то она имѣетъ ту слабую сторону, что за обступающими Гагры высокими зелеными горами скрывается прелестный видъ на стоящія сзади снѣговія горы: изъ самихъ же Гагръ видно только море и море.

Пляжъ для купанья здѣсь удобный, бухта очень красивая и сравнительно защищенная ¹⁾. По мнѣнію проф. Воейкова, климатъ здоровъ и *«врядъ-ли зима холоднѣе, чѣмъ въ Сухумѣ»*; но *«къ сожалѣнію, эта чудная мѣстность въ полномъ запустѣніи, лишь въ верстахъ пяти къ В. начинаются поля и хаты»* (далѣе, гдѣ шоссе удаляется отъ берега и входитъ въ холмистую Абхазію населеніе уже становится нѣсколько гуще). По заявленію всѣхъ, касавшихся этого вопроса, изслѣдователей, лихорадки здѣсь отсутствуютъ, вода ключевая и здоровая, но... *«по пока жить здѣсь почти негдѣ и есть почти нечего»* ²⁾. Впрочемъ, въ данное время въ Гаграхъ уже устроено роскошное, грандіозное, дорогое помѣщеніе курорта на средства принца А. П. Ольденбургскаго, получившаго въ свое пользованіе въ прилегающей мѣстности 15000 дес. казенной земли, изъ которыхъ онъ 1000 дес. приобрѣтаетъ

¹⁾ хотя не всегда безопасная для стоянки судовъ,—см. Карльгофъ, „Военно-статистич. обзорѣніе“, стр. 16.

²⁾ Москвичъ. Путеводитель по Кавказу. 1900 г.

отъ казны по 30 р. за дес., а 1000 дес. можетъ распродать частнымъ лицамъ¹⁾. Но это курортъ «дорогой, блестящій, который несомнѣнно могутъ посѣщать *одни только богатые лица*. Людямъ *средняго* достатка жить въ Гаграхъ *немыслимо*, можно только пріѣхать на одинъ—на два дня, чтобы «побачить», какъ говорятъ малороссы»²⁾. При томъ, узкая береговая полоса земли у самыхъ Гагръ, къ сожалѣнію, представляетъ небольшую площадь недостаточную для образованія на ней сколько-нибудь значительнаго курорта. Правда, что эта полоса можетъ быть отчасти расширена включеніемъ въ нее прилегающихъ горныхъ склоновъ, но не слѣдуетъ забывать, что тамъ на склонахъ, жара бываетъ еще сильнѣе, еще тягостнѣе, чѣмъ въ самихъ Гаграхъ. Таковъ новомодный курортъ, называемый Гаграми³⁾.

Съ Гагръ, какъ было сказано, начинается Кутаисская губернія,—собственно Сухумскій ея уѣздъ. Въ климатическомъ и флористическомъ отношеніи «Сухумскій отдѣлъ въ сѣверо-западной его части отъ Гагръ и до Сухума, по мнѣнію проф. Пастернацкаго, можно сравнить съ побережьемъ Ривьеры отъ Каппа до Санъ-Ремо, которая у французовъ носитъ названіе *cogniche*». Однако не надо очень увлекаться указаннымъ сходствомъ. Уже въ 8 верстахъ на югъ отъ Гагры постепенно понижающаяся мѣстность, переходитъ хотя и въ очень плодородную, но чрезвычайно нездоровую лихорадочную Пицундскую низину по теченію рѣки Бзыбь⁴⁾.

1) Васюковъ С. П. «Край гордой красоты», стр. 140.

2) Тамъ-же.

3) Кстати, Гагры въ исторіи извѣстны тѣмъ, что тамъ убитъ былъ горцами писатель Марлинскій.

4) «Съ укрѣпленія Св. Духа (нынѣшній Адлеръ)—говорится у Карльгофа въ «Военно-статистическ. обзорѣни вост. бер. Черн. моря». 1853 г.,—начинается *абхазскій климатъ* и продолжается *въ одинаковой степени злокачественности*, хотя и не подъ этимъ названіемъ, до самой турецкой границы». «Абхазія пользуется особою извѣстностью по губительному своему климату, за исключеніемъ возвышенныхъ ея плоскостей Псху и Цебелды, имѣющихъ *благорастворенный и здоровый воздухъ*».

Мѣстечко Пицунда, древній Pythius византійцевъ, было прежде обширнымъ и важнымъ городомъ, извѣстнымъ по Страбону еще за 66 лѣтъ до Р. Х. Въ Пицундскомъ монастырѣ умеръ находившійся въ ссылкѣ Хризостомъ (св. Іоаннъ Златоустъ). Пицундскій храмъ построенъ въ 551 году Юстиніаномъ I въ сосновой рощѣ близъ моря въ память Софіи (вслѣдствіе чего и Пицундскій мысъ въ тѣ времена назывался моряками *Сапо santa Sofia*). Онъ долгое время лежалъ въ развалинахъ и возобновленъ былъ въ 1885 г. Возобновленіе это произведено на средства Ново-Афонскаго монастыря, въ вѣдѣніе котораго переданъ Пицундскій храмъ съ окружающей его «рѣдкостной» сосновой рощей въ 420 дес. Ново-Афонскій монастырь получилъ здѣсь надѣлъ въ 1049 дес. и богатое рыбою озеро Инкитъ. Теперь на мѣстѣ этого уголка, служившаго византійцамъ мѣстомъ ссылки и обращеннаго затѣмъ генуэзцами въ самый оживленный торговый пунктъ Черноморскаго побережья Кавказа, производится за счетъ Ново-Афонскаго монастыря, расчистка заглохшихъ и запущенныхъ окрестностей Пицунды. Веселый пейзажъ блестящихъ изобиліемъ зелени окрестностей Пицунды представляетъ рѣзкій контрастъ угрюмому грандіозному ландшафту Гагръ. Это одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ *зеленыхъ* угловъ побережья, которыя какъ Сочи, какъ Гадаутъ, Афонъ, Сухумъ и масса другихъ мною не названныхъ, а часто и неимѣющихъ названій пунктовъ, вѣрнѣе, какъ почти все побережье, начиная по крайней мѣрѣ отъ Туапсе, производить на человѣка посѣщающаго это побережье впервые, «первое и самое сильное *впечатлѣніе зелени свѣжей, яркой, веселой зелени*». «Впечатлѣніе бываетъ тѣмъ сильнѣе, что проѣзжая ранѣе берегами Крыма, путешественникъ видитъ передъ собой однѣ (почти) голыя, сѣрыя скалы, покрытыя тамъ и сямъ тощей растительностью, на восточной же окраинѣ Крыма между Феодосіей и Керчью, берега представляютъ настоящую пустыню, гдѣ глазъ не встрѣчаетъ ни кустика» ¹⁾....

¹⁾ См. «Землевѣдѣніе» 1896 т. III. «Очерки растительности Колхиды», статья Н. М. Альбова.

Несмотря однако на роскошь зелени Пицундской пизины, на тотъ яркій контрастъ, который она представляетъ своеобразному ландшафту Гагръ, окрестности Пицунды не болѣе какъ... «грандіозная пустыня зелени, яркая, живописная, *но... пустыня*. Въ самомъ дѣлѣ на огромномъ пространствѣ церковь, монахи, маякъ и только!... Впрочемъ забылъ: въ 6 верст. отъ Пицунды среди зелени лѣса притаилась и скрывается жалкая абхазская деревушка Лзоа»...¹⁾ и тутъ же свила крѣпкое гнѣздо зловередная малярія.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Пицунды находится слѣдующая паромная пристань Гадаутъ, у которой пароходъ опять останавливается вдали отъ берега. Гадаутъ—это и селеніе и оживленное торговое мѣстечко, расположенное въ плодородной мѣстности на берегу рѣки того же имени, на возвышенной террасѣ около моря. Это—одинъ изъ наикрасивѣйшихъ пунктовъ побережья, гдѣ неопишуемая прелесть пейзажа зависитъ отъ дивнаго сочетанія красотъ сверкающаго на солнцѣ снѣжнаго хребта съ красотою прибрежныхъ зеленыхъ горъ, ущелій, лощинъ и предгорій, съ красотою свободно раскинувшейся прибрежной долины и плещущаго у ея подножія моря. Море воды то гладкой, какъ зеркало, то грозно волнующейся, то лазурное, нѣжно-голубое, или синее, то мрачное, почти черное, сѣдое, рокочущее и—море зелени, разнообразной, роскошной, всѣхъ тоновъ и оттѣнковъ,—зелени, прихотливо раскинувшейся въ долинѣ, въ ущельяхъ, по широкимъ переваламъ, по узорчатому рельефу предгорій! И позади всего этого, какъ роскошная рамка чудной картины, величавый горный хребетъ съ цѣлымъ моремъ снѣговъ, то окутанныхъ мрачными тучами, или засланныхъ легкимъ флеромъ тумана, то ярко-бѣлыхъ, или отливающихъ фіолетовыми, розовыми, багровыми оттѣнками. Небольшая красивая бухта съ удобнымъ купаньемъ, свободно раскинувшееся, оживленное селеніе съ широкими улицами и небольшимъ бульваромъ у моря, съ разнообразнымъ населеніемъ изъ грековъ, турокъ, русскихъ, абхазцевъ, мингрельцевъ, смѣшеніе

¹⁾ С. Н. Васюковъ. «Край гордой красоты», стр. 146.

русскихъ построекъ съ постройками мѣстнаго типа, кофейни, ду- ханы, уличная жизнь подъ теплымъ южнымъ небомъ, богатая расти- тельность, изобиліе цвѣтущихъ деревьевъ. Все это незатѣйливо, просто, разнообразно, оригинально, красиво; все это интересно и стоитъ, очень стоитъ повидать. Но... но улицы немощены и въ сырую погоду очень грязны... Но въ Гадаутѣ бываютъ лихорадки.. Но, по мнѣнію проф. Пастернацкаго, «въ климатическомъ отношеніи Гадаутъ едва ли заслуживаетъ вниманія»... За то почвенныя условія весьма благоприятныя, условія для разнообразныхъ куль- туръ самыя подходящія, сады процвѣтаютъ и даютъ прекрасные фрукты, табакъ родится роскошно... Но съ 1902 г. въ Гадаутѣ, гдѣ до этого времени, не въ примѣръ остальному побережью, за- прещалась продажа земельныхъ участковъ, разрѣшены отводы ихъ частнымъ лицамъ въ аренду на условіяхъ выкупа и, такимъ обра- зомъ, Гадаутъ приобщенъ уже къ бережной спекулятивно-земель- ной горячкѣ. Кромѣ того, въ скоромъ времени ожидается, по слу- хамъ, введеніе въ немъ городского положенія, т. е. обращеніе въ городъ-курортъ какъ Сочи, какъ Хоста, какъ Романовскъ...

Какъ будущему повидать побережье нельзя не посѣтить Но- ваго Афона, такъ и описывающему это побережье нельзя не сказать о немъ нѣсколько словъ, хотя его описаніе и не можетъ представить интереса съ точки зрѣнія вопросовъ колонизаціи, «заселенія и оживленія», выясненіе которыхъ составляетъ одну изъ главныхъ задачъ подлежащихъ «очерковъ». Полоса годныхъ подъ культуру прибрежныхъ земель вообще такъ не велика на побережѣ, что нельзя обойти молчаніемъ вопросъ о положеніи тѣхъ тысячъ десятинъ ея, которыя отведены Новому Афону.

Роль и значеніе долины рѣчки Псыртси и прилегающей къ ней части побережья—ихъ будущее, даже болѣе или менѣе отдаленное, достаточно уже опредѣлились самимъ обращеніемъ этой мѣстности въ вѣдѣніе Новороссійскаго монастыря путемъ отвода ему (въ 1877 г. при его открытіи и частію въ 1898 г.) земли въ количествѣ 3899 дес. Изъ этой земли теперь подъ культу- рою 139 дес., въ томъ числѣ подъ высшими культурами 79 дес.,

а 60 д. подъ хлѣбопашествомъ и посявами клевера. Слѣдовательно 3760 дес. надѣленной здѣсь монастырю земли лежитъ пока впустѣ—несмотря на то, что «крошечное афонское гнѣздышко, пріютившееся среди нетронутого горнаго міра, во всемъ его суровомъ величіи, болѣе всего поражаетъ кипучей дѣятельностью трудолюбивой братіи;—нѣтъ той отрасли сельскаго хозяйства, которая не обрабатывалась бы и при томъ весьма образцово. Монастырь завелъ у себя строгій порядокъ,—всюду видны слѣды заботливой руки, выхолившей каждый виноградный кустикъ, старательно, съ соблюденіемъ симметріи, посадившей каждый экземпляръ изъ числа многихъ, имѣющихся здѣсь образчиковъ богатой южной флоры» ¹⁾...

Такимъ образомъ дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ. Монастырю, живущему какъ большинство монастырей, на средства, притекающія извнѣ, въ сущности, и нѣтъ нужды спѣшить съ расширеніемъ культуры ради извлеченія дохода съ возможно большаго пространства земли. Напротивъ одною изъ его задачъ на первыхъ же порахъ существованія, при неизбѣжномъ недостаткѣ средствъ и силъ въ первое время, сама собою являлась забота о внѣшней, такъ сказ., казовой сторонѣ дѣла,—о той внѣшней благоустроенности, хозяйственности, «симметріи», благочиніи и благолѣпії, стоустая молва о которыхъ превлекала бы пономниковъ съ ихъ добродетельными жертвами. И въ этомъ отношеніи Ново-Афонскій монастырь несомнѣнно достигъ своей цѣли. Онъ въ высшей степени умѣло воспользовался для этого естественною красотою даннаго мѣста, образцово утилизировалъ и сами по себѣ очень богатые дары мѣстной природы, ввелъ и можно сказать взлелѣялъ у себя такіа высокіа культуры, о которыхъ до него не было здѣсь и помину. Теперь онъ уже достигъ того, что молва о красотѣ и благолѣпії «гнѣздышка» дѣйствительно распространилась по «святой Руси». И, если бы захотѣлъ и если бы это понадобилось, то могъ бы теперь начать распространять культуру въ ширь своего громаднаго надѣла, потому что главное

¹⁾ Г. Москвичъ. Путеводитель по Кавказу, 1900 г.

дѣло уже сдѣлано: вниманіе привлечено, средства получены и «рука дающаго не оскудѣваетъ»... Такимъ образомъ Ново-Афонскій монастырь являетъ собою «поучительный для мѣстнаго населенія примѣръ» замѣчательнаго умѣнья воспользоваться всѣми дарами и силами природы, примѣръ образцоваго хозяйничанья, образцы умѣлаго воздѣлыванія цѣнныхъ культурныхъ растений. Въ этомъ такъ сказать качественная сторона дѣла. Но при сужденіи о значеніи ея не слѣдуетъ все-таки забывать тѣхъ совершенно особенныхъ условій, при которыхъ созидалась въ этомъ «крошечномъ гнѣздышкѣ» вся эта высокая культура, эти «симметрия», благолѣпіе и благоустройство. Всѣхъ монашествующихъ, доставляющихъ, слѣдовательно, даровой трудъ, въ настоящее время 750 человѣкъ, постоянныхъ нанятыхъ рабочихъ 280, оборотный капиталъ непрерывно исполняется добροхотными даяніями, да и не безъ того, чтобы посильно не «постарались для святыни» своими руками и тѣ поломники изъ простонародья, которые, приходя помолиться, живутъ здѣсь по нѣскольку дней на недорогомъ монастырскомъ иждивеніи. И вся эта масса труда и средствъ, начиная съ 1877 г., была употреблена на «крошечный уголокъ», успѣвшій пока распространить свою культуру на 137 дес., изъ которыхъ собственно подъ высшими культурами 79. Хозяйство—несомнѣнно образцово устроенное; но такое хозяйство—не примѣръ для обыкновенныхъ смертныхъ—для частныхъ предпринимателей или жителей окрестныхъ селеній. Это—только образчикъ того, что можно сдѣлать здѣсь при *тѣхъ условіяхъ*, какими обладалъ монастырь, и только показатель тѣхъ культуръ, которыя возможны въ данной мѣстности *при соответствующихъ обстановкѣ и уходѣ*, потому что, гдѣ же вы найдете частныхъ владѣльцевъ или тѣмъ болѣе простыхъ сельскихъ жителей, обладающихъ почти тѣми же силами и средствами, какими обладалъ Новый Афонъ?..

Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія культурное значеніе Новаго Афона не такъ ужъ велико, почему и искать его приходится не въ этомъ, а скорѣе въ просвѣтительной и благотворительной дѣятельности обители. Въ монастырь имѣются грандіозный выдающійся по изяществу архитектуры соборный

храмъ и кромѣ него еще пять церквей. Обширныя помѣщенія для братіи, для служащихъ, гостинницы для богомольцевъ, масса хозяйственныхъ построекъ, свои прекрасныя обширныя кирпичныя заводы, каменоломни, своя водяная мельница, свои огороды, свои прекрасно устроенные сады, виноградники, апельсиновые, лимонныя и оливковыя рощи, образцовая ферма, конскій заводъ, большая пасѣка, своя больница, аптека, врачъ, лавка для продажи церковныхъ предметовъ и, наконецъ, своя школа. Таковы главнѣйшія учрежденія обители, изъ которыхъ однако даже и такія, какъ больница и аптека, устроены для нуждъ обители же,—такъ сказать для себя, а только школа—для другихъ. Школа основана съ миссіонерскими цѣлями, такъ какъ ради этихъ именно цѣлей правительство и оказывало покровительство основанію здѣсь Ново-Афонской обители. Учреждена она одновременно съ основаніемъ обители, но разсчитана только на 20 учениковъ, которые и состоятъ обыкновенно на полномъ содержаніи монастыря. Не считая учителя, весь составъ служащихъ при школѣ, начиная съ завѣдывающаго ею, состоитъ обыкновенно исключительно изъ монашествующихъ, «вслѣдствіе чего школа носить строго монастырскій характеръ, который придаетъ свой отпечатокъ и самому внутреннему складу ученической жизни»¹⁾ Всѣ они родомъ абхазцы, почему и предполагается, что по окончаніи курса, они окажутся естественными просвѣтителемъ своихъ «коснѣющихъ въ невѣжествѣ язычества» сородичей. Изъ окончившихъ до сихъ поръ (т. е. съ 1877 г.) курсъ 64 учениковъ, одинъ, по окончаніи военнаго училища, служить офицеромъ, одинъ учится на механическомъ заводѣ въ Новороссійскѣ, двое были потомъ учителями этой же монастырской школы, двое служатъ священниками и двое псаломщиками, нѣсколько человѣкъ поступило въ учительскія семинаріи и, слѣдовательно, сдѣлались (или будутъ затѣмъ) учителями въ разныхъ мѣстахъ, остальные возвратились въ свои семьи. Таковы данныя, характеризующія

¹⁾ Уманецъ, С. И. «на Новомъ Афонѣ», «Истор. Вѣстн. 1902 г. № 4.

просвѣтительное значеніе обители. Нельзя по этому поводу не повторить слова покойнаго Е. Маркова ¹⁾: «жаль только, что эта сторона дѣятельности Новаго Афона развивается далеко не такъ успѣшно и энергично, какъ его собственное благосостояніе. Двадцать учениковъ—слишкомъ ничтожное число для цѣлой страны полуязыческой дикости и невѣжества»... «Въ настоящее время, когда средства обители возрасли такъ значительно, что дали возможность украсить монастырь громадными дорого-стоящими зданіями и роскошными садами, обставить его всевозможными удобствами и усовершенствованіями,—надо надѣяться»... и проч. Такимъ образомъ вопросъ о дѣйствительно просвѣтительной роли Афона, это, пока еще вопросъ будущаго. Поговоримъ же пока объ его настоящемъ.

Свѣтлымъ раннимъ утромъ пароходъ нашъ подошелъ къ Новому Афону. Видныя обыкновенно съ моря спѣжныя вершины главнаго кавказскаго хребта были еще застланы пленкою утренняго тумана. Но ближайшія перспективы, какъ на ладони. Слѣва на остроконечной вершинѣ огромной Иверской горы надъ темной зеленою чинаровъ, дубовъ и лавровъ видѣются развалины римской крѣпости временъ Траяна и кажущаяся совсѣмъ небольшою иверская часовня. Прямо передъ нами открываются пышно заросшія лѣсами зеленныя горы Афона во всей красѣ прекраснаго горнаго пейзажа, изукрашеннаго живописно расположенными зданіями и церквами. Надо сказать правду, что безъ этихъ зданій, ярко выдѣляющихся на зеленомъ фонѣ горъ своею бѣлизною, безъ этого высоко поднятаго на подножіе горъ и высащагося надъ всѣми зданіями величественнаго храма св. Пантелеймона, картина, несмотря на всю свою самобытную красоту, несомнѣнно много теряла бы въ блескѣ и оживленіи. Прекрасный горный пейзажъ казался бы и пустыннымъ и болѣе мрачнымъ. Его оживленію много способствуетъ также и многочисленныя аллеи вы-

¹⁾ «Русскій уголокъ» «Недѣля», 1900 г. № 3. Обращаю къ стати вниманіе, что вездѣ, гдѣ я упоминаю «Недѣлю», надо подразумѣвать такъ назыв. «Книжки Недѣли».

сящихся къ небу стройныхъ кипарисовъ, низбѣгающихъ отъ храма св. Пантелеймона къ роскошнымъ кристалльнымъ прудамъ у устья р. Псыртси и красивое сочетаніе разнообразной зелени виноградниковъ, фруктовыхъ и пальмовыхъ садовъ, оливковыхъ, апельсиновыхъ и лимонныхъ рощицъ и рощъ.

На берегу, около зданій такъ назыв. гостинницъ, снуютъ люди; на пристани, о желѣзо которой разбиваются прибойныя волны, толпа любопытныхъ. Одинъ за другимъ мы выходимъ на нее изъ биткомъ набитыхъ фелюгъ, выѣзжавшихъ къ остановившемуся на якорь пароходу. Пристань эта здѣсь только для того, чтобы удобнѣе было причаливать фелюгамъ, которыя однако въ бурную погоду даже и при наличности пристани бываютъ не въ силахъ выйти въ море на встрѣчу пароходу. Тутъ, на пристани, мы топчемся довольно долго, не зная куда направиться, или, вѣрнѣе, куда направлять насъ хозяева обители—монахи, вышедшіе на встрѣчу пассажировъ. Они присматриваются къ пассажирамъ, о чемъ то совѣтуются другъ съ другомъ, оглядываютъ пассажировъ съ ногъ до головы и постепенно отсылаютъ насъ группами подъ командою кого-нибудь изъ монаховъ. Мы чувствуемъ себя въ полной власти этихъ хозяевъ сей красивой обители и безропотно шествуемъ туда, куда насъ ведутъ и отдаемъ свои паспорта по первому требованію¹⁾. Протестовать—и то слабо—пробую я только тогда, когда меня разлучаютъ съ женою, разводя насъ по разнымъ померамъ, находящимся далеко другъ отъ друга. Мой слабый протестъ быстро смирается однако передъ вразумительнымъ разъясненіемъ разводящаго хозяина, что такое разлученіе необходимо «во избѣжаніе соблазна» и я внѣдряюсь въ одну келію съ какимъ то сумрачнымъ господиномъ, тоже, какъ оказывается, разлученнымъ съ своей супругой. Супружество это по какимъ-то непріятностямъ судьбы осталось въ Сухумѣ безъ квартиры и заработка

¹⁾ Потомъ ихъ возвращаютъ только при выѣздѣ изъ монастыря съ предложеніемъ пойти за ними къ отцу-гостиннику, который, возвращая виды, предлагаетъ книгу для записи добровольнаго посильнаго пожертвованія на обитель.

и четвертый день уже «говѣть» въ обители, испросивъ разрѣшенія поговѣть (на иждивеніи обители) еще съ недѣлю. Это дѣлаетъ сожителство съ нимъ крайне неудобнымъ, потому что сумрачный сожитель вскакиваетъ ночью къ каждому «бдѣнію» и будить своимъ хожденіемъ; днемъ же онъ смущаетъ меня мрачнымъ видомъ, съ которымъ, въ промежутки между трапезами, поѣдаетъ взятый въ запасъ монастырскій хлѣбъ и тайно сорванные въ монастырскихъ садахъ фрукты. Но пока я радъ и этому, потому что имѣю возможность сложить куда-нибудь свой дорожный багажъ, умыться и вообще привести себя въ порядокъ.

Когда я выхожу въ корридоръ, тамъ уже съ унылымъ видомъ слоняются изъ одного конца въ другой прибывшіе вмѣстѣ съ нами пассажиры, съ нетерпѣніемъ ожидая утренняго чая. Публика что называется «средпенькая» и держитъ себя просто, безъ жеманства, и особыхъ стѣсненій, вслухъ острить надъ своимъ положеніемъ людей съ пустыми желудками, «чающихъ движенія воды»... Вѣроятно помятый и пеумытый видъ мой и моихъ спутниковъ произвелъ на встрѣчавшихъ монаховъ не совсѣмъ отрадное впечатлѣніе: оказывается, что насъ помѣстили въ номера для средней публики, тогда какъ кое-кого изъ ѣхавшихъ одновременно съ нами на пароходѣ отвели въ такъ наз. «дворянское отдѣленіе». Поэтому нѣкоторые изъ пассажировъ съ завистью посматриваютъ чрезъ окна на номера для «благородной» публики, гдѣ по ихъ предположенію уже началась чайная трапеза.

Двухдневное наше пребываніе въ обители проходитъ въ осмотрѣ достопримѣчательностей и окрестностей монастыря, которыхъ я однако описывать не буду, потому что онѣ подробно описаны до меня. Достопримѣчательностей этихъ, въ видѣ разнообразнѣйшихъ тропическихъ культуръ, садовъ и рощъ, наконецъ, прудовъ съ лебедями, фонтановъ, водопада, пещеръ, огромной картины масляными красками подъ открытымъ небомъ на стѣнѣ отвѣсной скалы, многочисленныхъ отдѣльных живописныхъ пунктовъ въ обители, грандіознѣйшаго вида на море, видовъ развалинъ римской крѣпости на Иверской горѣ съ окрестностями и пр. и пр., такъ много, что для бѣглаго осмотра ихъ едва хватитъ двухъ—

трехъ дней, обычно употребляемыхъ паломниками на посѣщеніе обители.

Несмотря на жару, гористость мѣстности и довольно значительныя разстоянія, осмотры эти приходится производить пѣшкомъ, что, конечно, въ концѣ концовъ сильно утомляетъ. Оказывается однако, что для нѣкоторыхъ «почетныхъ» посѣтителей монастыря дѣлается исключеніе и монастырь предоставляетъ имъ своихъ лошадей и экипажи для такихъ поѣздовъ. Въ первый же день нашего посѣщенія монастыря мы, дѣйствительно, наткнулись на довольно умильную сцену посадки въ монастырскую коляску какой-то старомодно, но богато одѣтой пожилой дамы.

— Благотворительница большая, женщина добродѣтельная и въ отношеніи обители нашей весьма заботливая. Отлила нашему храму во имя Великомученика и Цѣлителя Пантелеймона большой колоколь и посѣщаетъ монастырь по времени, не забывая о его существованіи, а также и поклониться св. угодникамъ... Радѣть о души-спасеніи, входя въ насущныя нужды обители. Надѣмся, что и впредь, по произволенію свыше, не оставитъ ее своимъ вниманіемъ!—пояснилъ намъ одинъ изъ подсаживавшихъ ее иноковъ.

Однако главное неудобство этихъ прогулокъ для осмотра достопримѣчательностей и окрестностей монастыря заключалось не въ необходимости совершать ихъ пѣшкомъ, а въ другомъ обстоятельстве. Въ монастырѣ нельзя купить ничего съѣстного и потому неизбежно надо считаться съ временемъ, установленнымъ для трапезъ. При посѣщеніи болѣе отдаленныхъ пунктовъ, какъ напр. Иверской горы, это безусловно невозможно, приходится неизбежно пропускать одну изъ трапезъ. Между тѣмъ трапезы эти, несмотря на обиліе подаваемого, насыщали насъ, по непривычкѣ къ такого рода пищѣ, довольно плохо: то подадутъ соленый «сыръ» (великорусскій «творогъ»), сильно потемнѣвшій вслѣдствіе давности своего происхожденія, то—по случаю скорбнаго дня—введутъ въ меню трапезы пересоленную рыбу весьма непрезентабельнаго вида, при употребленіи которой невольно задаешься вопросомъ объ историческомъ происхожденіи этого продукта потребленія и

т. п. Правда, что принимая во вниманіе, съ одной стороны, способствующій скорой порчѣ продуктовъ жаркій климатъ, съ другой, количество богомольцевъ (за трапезу насъ садилось человекъ 200, а сколько ихъ было еще «въ третьемъ классѣ»!) трудно и претендовать на лучшую пищу. Правда, что намъ давали въ то же время къ каждой трапезѣ въ достаточномъ количествѣ даже и мѣстное вино изъ винограда изабелла. Впрочемъ, вино было порядочно кислое, такъ что я отличилъ его отъ уксуса лишь потому, что выпилъ случайно того и другого: имѣя передъ собою два наполненныхъ красноватой жидкостью графинчика, сначала я налилъ себѣ именно уксуса. Такимъ образомъ, я на опытѣ могъ убѣдиться, что уксусъ несомнѣнно кислѣ вина.

Каждый рейсовый пароходъ привозитъ обыкновенно въ монастырь все новыхъ и новыхъ богомольцевъ. Уже въ восьмидесятихъ годахъ¹⁾ каждый пароходъ привозилъ ихъ отъ 10—30 человекъ—«преимущественно изъ Черноморья²⁾ и Кубанской области»—а къ храмовымъ праздникамъ число ихъ доходило и до 500 человекъ. Теперь число богомольцевъ гораздо многочисленнѣе и увеличивается съ каждымъ годомъ; Новый Афонъ привлекаетъ уже паломниковъ не только съ Кубани и Черноморья, но изъ всѣхъ частей Россіи. «Тутъ уже—говоритъ Е. Марковъ³⁾—подлинная православная Русь, несмотря на Абхазію. Русскіе бородачи и русскія бабы, родныя фигуры русскихъ солдатиковъ и мастеровыхъ наполняютъ дворы и улицы»... Свитки, азымы, козухи, армяки, кафтаны, спинжаки, очипки, спидницы, все это соединяется въ оживленную пеструю толпу,двигающуюся въ разныхъ направленіяхъ по кипарисовымъ аллеямъ Афона. Тутъ, дѣйствительно, можно найти чуть ли не всѣхъ представителей «подлинной православной Руси»; не видно только папахъ и черкесокъ абхазцевъ, тѣхъ абхазцевъ, ради просвѣщенія которыхъ и устроенъ этотъ монастырь.

1) См. А. Л. «Абхазія и въ ней Ново-Афонскій симоно-кананитскій монастырь», Москва, 1885 г., стр. 104.

2) Названіе, присвоенное исключительно Томанскому краю, служившему мѣстомъ поселенія черноморскихъ козаковъ въ концѣ XVIII в.

3) «Недѣля», 1900 № 3, стр. 109.

Все это очень интересно, все это безусловно стоит посмотреть; но когда обойдешь и увидишь главнѣйшее, начинаешь почему то чувствовать не то скуку, не то какую то ничтѣмность и ненужность свою въ этомъ мѣстѣ. Хочется скорѣе возвратиться «въ жилое мѣсто», въ обычную обстановку, къ живымъ людямъ. При томъ же я думаю, что продолжительное пребываніе на Афонѣ и не безопасно для здоровья—въ отношеніи возможности получить малярію. Мѣстность около прудовъ безусловно очень сырая, почва пропитанная влагой. Въ монастырской больницѣ постоянно имѣется извѣстный процентъ больныхъ исключительно маляріей. Новый Афонъ вообще извѣстенъ несвободностью отъ маляріи.

Для характеристики его климатическихъ условій весьма небезынтересно привести кстати выдержки изъ «метеорологическихъ наблюденій», записанныхъ въ восьмидесятихъ годахъ¹⁾:

«5 марта 1880 г. выпалъ на Псыртсхѣ снѣгъ по колѣни; 8 числа прибавилось еще на четверть, снѣгъ лежалъ до 9 числа. Девятаго снова шелъ снѣгъ, 10-го снѣгъ и морозъ. 15 апрѣля 1882 г. послѣдняя топка келій; мартъ и первая половина апрѣля были очень холодны. Въ 1884 г. въ апрѣлѣ въ истопленныхъ келіяхъ было отъ 10 до 13° тепла. Въ маѣ до 22 числа было 15 и 16°; 22 мая былъ первый теплый день: 19° въ комнатахъ и 22° на солнцѣ. 5 іюня на солнцѣ 29°. Жары начались съ половины іюня и продолжались до сентября; въ сентябрѣ дожди». Къ этимъ «метеорологическимъ» записямъ добавлена такая характеристика «климата мѣстности»: «Зима итальянская; морозы доходятъ едва до 3°. Изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ май и іюнь хороши, іюль и августъ жарки и требуютъ бережливости отъ лихорадки, но особенно хороши и благопріятны для здоровья сентябрь и октябрь. Лѣтніе жары большею частію умѣряются вѣтрами съ моря, чего нѣтъ на Афонской горѣ, гдѣ въ лѣтнія ночи на прибрежѣ бываетъ весьма душно и томительно».

На Афонѣ разводятся маслины, апельсины и лимоны. Но садъ, гдѣ разведены лимоны, апельсины и померанцы, вмѣстѣ съ агавами,

¹⁾ См. А. Л. «Абхазія»... стр. 134.

пальмами и другими экзотическими растениями, расположенъ на полномъ солнечномъ припекѣ нижняго склона и защищенъ отъ холодныхъ вѣтровъ не только высокою горою, но и каменнымъ заборомъ значительной вышины. Тѣмъ не менѣе въ очень холодную на Побережь зиму. 1897—98 г.г. лимонныя деревья очень пострадали отъ холода, что доказываетъ невозможность оставлять ихъ здѣсь на зиму безъ окутыванія.

Между Новымъ Афономъ и Сухумомъ 23 версты и на этомъ протяженіи, параллельно берегу, по ровной плоскости, составляющей подножіе уходящихъ здѣсь отъ берега горъ, тянется весьма удобное шоссе. Небольшіе поселки, населенные преимущественно мелкими арендаторами мѣстныхъ частновладѣльческихъ земель, ушли въ сторону отъ шоссе, расположившись по скатамъ и холмамъ, гдѣ безопаснѣе отъ лихорадокъ. Населеніе ихъ занимается преимущественно табаководствомъ, не проявляя, какъ и большинство случайныхъ арендаторовъ, никакихъ особенныхъ заботъ о поддержаніи плодородія почвы: съ истощеніемъ земли послѣдами табаку, они переходятъ на новыя участки, оставляя пустовать заброшенные. Частновладѣльческія земли эти, не въ примѣръ большинству таковыхъ же въ уже описанныхъ мѣстностяхъ (гдѣ онѣ находятся почти исключительно въ рукахъ русскихъ владѣльцевъ) принадлежать здѣсь частію прежнимъ абхазскимъ владѣльцамъ: князьямъ Шервашидзе, Лодарію, Амухвару и др. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ значительному проценту земель въ нихъ оставаться не культивированнымъ такъ же, какъ и въ имѣніяхъ русскихъ владѣльцевъ этого района. Изъ числа послѣднихъ, во владѣніяхъ г. Богданова также усиленно разводится табакъ, а г. Беклемишевъ устроилъ близъ монастыря плантацію розъ и заводъ душистыхъ маселъ¹⁾. Хотя культивируемыя земли распо-

¹⁾ Однако по мнѣнію проф. Воейкова («Черн. поб.» отд. III) въ такомъ влажномъ климатѣ, какъ здѣсь, растения не вырабатываютъ достаточно эфирныхъ маселъ для того, чтобы ихъ выработка была выгодна.

жены по преимуществу около шоссе, гдѣ нерѣдко кромѣ табачныхъ плантацій можно видѣть плантаціи кукурузы, а мѣстами и небольшіе виноградники, однако значительная часть шоссе проходить лѣсами. Но, увы, лѣса эти находятся въ жалкомъ видѣ, благодаря безплодной, по истинѣ варварской вырубкѣ изъ нихъ на продажу за границу за послѣдніе десятки лѣтъ всего, наиболѣе цѣннаго. Цѣнный самшитъ (кавказская пальма) и орѣхъ вырублены почти поголовно. Толстые пни буковъ, дубовъ и грабовъ, на которые здѣсь, для сбереженія отъ чрезмѣрной сырости, накладываются цѣлыми копнами кукурузная солома и сѣно, свидѣтельствуютъ лишь о быломъ величіи этихъ лѣсовъ, представляющихъ теперь перевитое ліанами и истощаемое густоразросшеюся омелью разношерстное мелколѣсье, годное только на шпелни и дрова. Мѣстами интервалы между этими лѣсами заняты обширными зарослями выросшихъ на заброшенныхъ поляхъ папоротниковъ,—этого главнаго здѣшняго бурьяна, разрастающагося до высоты, при которой всадникъ закрывается ими съ головой. И это въ странѣ, гдѣ въ сравнительно недавнюю пору—еще въ періодъ завоеванія ея русскими—были такіа дивныя могучія лѣса,—въ странѣ, гдѣ, бывало, русскіе солдаты употребляли вѣтви лавроваго дерева себѣ на вѣники! ¹⁾ Такое очищеніе отъ лѣса пригородныхъ холмовъ Сухума ради насажденія тамъ высшихъ культуръ отозвалось уже тамъ усыханіемъ водныхъ источниковъ, засыханіемъ и исчезновеніемъ на нихъ нетронутыхъ еще кое-гдѣ остатковъ прежней растительности и даже тѣхъ самыхъ высшихъ культуръ, ради которыхъ произведено это лѣсоистребленіе.

Частновладѣльческія лѣса истребляются, земельныя владѣнія даютъ ничтожный доходъ, земли истощаются или заростають папоротникомъ, неумѣло насаждаемыя на оголенныхъ отъ лѣса и неукрытыхъ отъ солнпека склонахъ «высшія культуры» посыхаютъ, владѣльцы болѣе крупныхъ имѣній поголовно абсентеи-

1) Когда въ 1836 г. гр. Воронцовъ, посѣтивъ Сухумъ, выразилъ желаніе имѣть нѣсколько вѣтокъ лавроваго дерева, солдаты, думавшіе, что онѣ нужны ему на вѣники, натаскали ему ихъ цѣлый возъ. (Филипсонъ, «Воспоминанія», стр. 196).

рують, а земля въ цѣнѣ все растетъ и растетъ! Цѣны на пустующія некультивируемыя земли въ 180—190—200 р. за дес. даже въ сторонѣ отъ шоссе совсѣмъ не рѣдкость, а о цѣнахъ въ пригородномъ районѣ Сухума и говорить нечего! «Земля, удобная для дачъ въ городѣ доходитъ иногда до 50 и даже до 100 руб. за квадратную сажень, а это выходитъ отъ 120—240 тысячъ за десятину¹⁾». На сколько быстро идетъ повышение цѣнъ можно судить потому, что участки, продававшіеся по извѣстной цѣнѣ два года назадъ, теперь идутъ въ продажу уже не по удвоенной цѣнѣ, а по цѣнѣ въ 7—8, а иногда выше даже чѣмъ въ 10 разъ большей противъ прежней. Явленіе совершенно ненормальное, обусловленное непомѣрнымъ ростомъ спекуляціи землею,—спекуляціи, рассчитывающей на прихоти богатыхъ людей, на модное увлеченіе «собственной русской ривьерой», на слухи о замѣчательномъ будущемъ курорта, о проведеніи бережной желѣзной дороги и пр.

При подобныхъ цѣнахъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи объ организациі сельскихъ поселеній на приобрѣтенныхъ въ собственность земляхъ, а надѣлы, по крайней мѣрѣ, въ бережной полосѣ, какъ находящейся уже въ частныхъ рукахъ—отвести было бы уже не изъ чего. Остается, слѣдовательно, возможнымъ только поселеніе на правахъ аренды, которое, конечно, не можетъ считаться желательнымъ въ интересахъ ни обезпеченности производительности земли, ни обезпеченности положенія самихъ посельщиковъ. Между тѣмъ хозяйство на земляхъ частныхъ владѣльцевъ положительно не идетъ. Одни предоставили свои земли въ руки арендаторовъ—турецкихъ армянъ и мингрельцевъ, частію грековъ, астовъ, болгаръ и изрѣдка русскихъ, т. е. оставили ихъ почти на произволъ судьбы,—лишь бы получить съ земель хотя что-нибудь. Другіе, задавшіеся цѣлью введенія «высшихъ культуръ», не считаютъ нужнымъ изучить мѣстныя условія, а руководствуются какъ основнымъ правиломъ, общимъ убѣжденіемъ: «тутъ все растетъ, природа тутъ на все способна и все должно расти, что только ни захочешь!» И садятъ гдѣ что попало, гдѣ кто что вздумалъ,

1) Е. Марковъ. «Русскій уголокъ Италіи», «Недѣля» 1903 № 3

обыкновенно и не тамъ и не такъ, какъ слѣдуетъ, вырубая, уничтожая при этомъ то, что уже растетъ на своемъ мѣстѣ и успѣшно развивается, оголяютъ почву, затѣмъ получаютъ отрицательные результаты, превращаютъ мѣсто въ пустыню, терпятъ убытки и тогда ищутъ покупателя на землю. Въ тоже время цѣлая серія спекулянтовъ занимается тѣмъ, что скупаетъ такія земли, устраиваетъ на предназначенныхъ къ продажѣ участкахъ соотвѣтственную—«для видимости»—декорацію и успѣшно сбываютъ ихъ съ прибылью тѣшущимъ свою прихоть богачамъ не безъ надежды, что со временемъ этотъ же участокъ можно будетъ перекупить для новой выгодной перепродажи. И дѣла этихъ спекулянтовъ идутъ весьма успѣшно, потому что число охотниковъ на покупку не оскудѣваетъ, а «колонизація» мѣстности виллами и дачами растетъ. Но и она растетъ далеко не въ соотвѣтствіи съ ростомъ цѣнъ на земли: цѣны, можно сказать, скачутъ, какъ сумасшедшія, а расширеніе площади подъ вилами и дачами идетъ сравнительно медленно: въ нѣсколько разъ болѣе медленными шагами, чѣмъ увеличеніе цѣнъ на нихъ. И культурное значеніе этого расширенія весьма слабое: купятъ участокъ, построятъ виллу, устроятъ при ней соотвѣтственную обстановку—декорируютъ пальмами, олеандрами, эвкалиптусами и конецъ всей культурѣ!

При-сухумскія дачи расположены, главнымъ образомъ, по склонамъ горъ въ сѣверо-восточной части окрестностей Сухума,—единственной мѣстности, считающейся безопасною отъ лихорадокъ въ Сухумѣ и его окрестностяхъ; самъ Сухумъ расположенъ на низинѣ и къ нему съ запада прилегаетъ еще бѣльшая низина, извѣстная своими зловредными лихорадками. Эта низина представляетъ оригинальное явленіе: только прибрежная полоса ея немного выше уровня моря и образуетъ естественный барьеръ, защищающій низину отъ заполнения водами моря. По мѣрѣ же удаленія отъ моря, низина, видимо для глаза, понижается все болѣе и болѣе. Она покрыта яркой и сочной травянистой зеленью, но сильно пропитана влагой. Это главный источникъ сухумскихъ лихорадокъ—тѣхъ лихорадокъ, отъ которыхъ, по показаніямъ мѣстныхъ врачей, «люди умираютъ въ два-три дня». Благодаря,

главнымъ образомъ, ей, конечно, въ сороковыхъ годахъ «Сухумъ казался каменнымъ гробомъ: нельзя было встрѣтить свѣжаго здороваго лица, а еще лѣто и не начиналось» ¹⁾. Вопросъ объ осушеніи этой зловредной низины имѣетъ свою исторію, начало которой надо отнести къ тридцатымъ (!) годамъ прошлаго столѣтія. «Здѣсь—говоритъ Филипсонъ о посѣщеніи Сухума въ 1844 г.—было все гнило, ветхо, уныло и болѣзненно. У насъ со временъ Раевского шла безконечная переписка объ ассигнованіи суммы на осушку вокругъ крѣпости болотъ, которыхъ міазмы губили несчастныя войска и жителей города»... «Въ Сухумъ мы ежегодно посылали 16% штатнаго числа нижнихъ чиновъ на укомплектованіе, т. е. средняя жизнь считалась почти въ *шесть* лѣтъ. Поневолѣ хочется спросить: по что гибель сія бысть?» ²⁾ Однако болото это существуетъ и до сихъ поръ. Впрочемъ, къ успокоенію читателя, долженъ сказать, что переписка объ его осушеніи, какъ говорятъ, еще не кончена.

Дальше за этимъ болотомъ извѣстный Сухумскій мысъ—«это болото, отъ котораго всѣ бѣгутъ какъ отъ чумы; недаромъ здѣсь устроенъ и чумный баракъ» ³⁾. Безусловно нездоровою, порождающею лихорадки, считается и восточная часть самаго г. Сухума, омываемая болотною рѣчкою Беслеткою.

Тѣмъ не менѣе многіе изслѣдователи и путеводители считаютъ и называютъ Сухумъ хорошею климатическою станціею, однако не безъ оговорокъ относительно неустроенности города для жизни больныхъ и въ особенности относительно лихорадокъ. Проф. Пастерницкій удобнѣйшимъ временемъ для жизни въ Сухумѣ съ климатолѣчебными цѣлями считаетъ позднюю осень и зиму, какъ время, отличающееся наибольшимъ числомъ солнечныхъ дней и прекращеніемъ (зимою) лихорадокъ. Поселеніе больныхъ въ самомъ городѣ надо вообще считать рискованнымъ. Въ

1) Филипсонъ. «Воспоминанія»; отзывъ этотъ относится къ 1841 г.

2) Филипсонъ. «Воспоминанія», стр. 256—7.

3) О. И. Пастернацкій «Черном. побер.», стр. 174.

санитарномъ отношеніи онъ оставляетъ желать очень многого: улицы грязныя, а, главное, мѣсто, занимаемое городомъ безусловно сырое—по краямъ улицъ канавы для осушки мѣстности, въ которыхъ стоитъ гниющая грязь. Такимъ образомъ и части города, не примыкающія къ сухумской низинѣ и р. Беслеткѣ, тоже нельзя считать безопасными отъ лихорадокъ. Вполнѣ безопасными отъ нихъ считаются только помянутыя возвышенности, занятые дачами и между проч. нѣсколькими «санаторіями». Но часть этихъ дачъ построена богатыми людьми только для себя, сдающихся же не такъ много и помѣщеніе въ нихъ и въ санаторіяхъ не дешево, такъ что пользоваться ими могутъ лишь люди съ извѣстными средствами. Правда, въ мѣстности, расположенной по побережью къ востоку отъ города, береговая полоса роздана подъ такъ наз. «санитарные» участки. Поглядѣть на нихъ, такъ придешь въ восторгъ отъ свободно растущей въ черноземномъ грунтѣ роскошной зелени лавровъ, пальмъ, мимозъ, магнолій, кактусовъ, эвкалиптовъ, олеандровъ и др. южныхъ растений, въ которыхъ положительно утопаютъ расположенныя тамъ дачныя постройки. Но самая эта роскошь растительности служить доказательствомъ чрезвычайной влажности мѣстности. Участки эти лежатъ на береговой низинѣ и, какъ справедливо говоритъ проф. Пастернацкій, въ климатическомъ отношеніи доказываютъ только, что мѣста эти не имѣютъ зимней стужи, которая пренятствовала бы произрастанію этихъ субтропическихъ растений. Пользоваться же этими садами *«даже для прогулокъ въ нихъ больныхъ, нужно съ большою осторожностью: для жилья же больныхъ, по причинѣ сильной заболоченности, они совершенно непригодны»*.

Кромѣ того и вообще мѣстный климатъ имѣетъ извѣстные дефекты. Влажность еще больше, чѣмъ въ Сочи и если, по отзыву нѣкоторыхъ, «Сочи—баня», то по сравненію съ Сухумомъ, это, пожалуй еще только предбанникъ. Жаръ въ Сухумѣ еще чувствительнѣе, чѣмъ въ Сочи. Жара здѣсь усиливается, благодаря защищенности Сухума отъ прохладныхъ и пріятныхъ дневныхъ вѣтровъ съ з. и съ з. с. з. въ лѣтнее время, вслѣдствіе чего не удивительно, что проф. Воейковъ наблюдалъ здѣсь лѣтомъ темпе-

ратуру въ 27° уже въ 9 ч. утра. Идешь, изнывая отъ жары, по лишеннымъ тѣни улицамъ Сухума въ одной только чесучовой сорочкѣ—косовороткѣ, замѣняющей блузу, и тѣмъ не менѣе, когда случайно прекоснешься къ защищенной этою легкой одеждой части тѣла—чувствуешь, что оно сплошь покрыто почти неиспаряющимся слоемъ пота. Словно на тѣло надѣта какая то теплая водяная пленка. Такъ и хочется завернуть въ какой нибудь садъ, чтобы скрыться въ тѣнь какого-нибудь раскидистаго гиганта, куда невольно тянетъ постоянно царствующій тамъ полусумракъ и пріятное послѣ жары ощущеніе холода. Но опытный старожилъ сейчасъ же предупреждаетъ:

— Не сидите долго—тамъ сырость. Вы еще не акклиматизировались. Съ непривычки, пожалуй, получите лихорадку.

Другой дефектъ мѣстнаго климата—чрезвычайная неправильность въ распредѣленіи атмосферныхъ осадковъ, создающая то цѣлые недѣли непрерывныхъ ливней (весна, напр. въ Сухумѣ сильно дождливая и вѣтреная), то цѣлые мѣсяцы жаркаго бездождія. Это впрочемъ черта, присущая вообще климату Колхиды, какъ и наличность здѣсь бризовъ и фѣнь: къ той жарѣ, которая такъ тягостна въ Сухумѣ, прибавляются иногда срывающіеся съ горъ необыкновенно сухіе и теплые вѣтры (альпійскіе фѣны), дурно отзывающіеся на привычной къ влагѣ растительности, непріятные для здоровыхъ и вредные для больныхъ. Съ другой стороны, при недоступности Сухума дневнымъ прохладительнымъ бризамъ съ з. с. з. и з., ночные бризы, тянущіе съ материка и съ особенной силой дующіе изъ ущелій, даютъ слишкомъ большой контрастъ температуры и небезопасный для больныхъ сквознякъ въ мѣстахъ незащищенныхъ контрфорсами горъ ¹⁾. Съ ноября и по апрѣль здѣсь, кромѣ того, дуютъ съ материка, холодные и временами довольно сильные вѣтры съ с. з. и с. с. з.

1) Явленіе, обуславливающее между прочимъ и контрастность растительности въ предѣлахъ различныхъ частей одной и той же мѣстности;—характерная черта для всей Колхиды и даже вообще побережья.

Одно изъ неудобствъ Сухума для прїѣзжающихъ сюда больныхъ—это отдаленность купанья отъ той здоровой части предмѣстій города, гдѣ имъ рекомендуется жить: до купанья надо пройти черезъ весь городъ. Кромѣ того и самыя мѣста для купаній, по моему мнѣнію, не отличаются удобствомъ. Съ восточной части города, гдѣ менѣе благоустроенная купальня имѣтъ въ тоже время лучший пляжъ для купанья, неудобство заключается въ близости рѣчки, опресняющей морскую воду. Въ купальнѣ, находящейся въ западной части города, наоборотъ неудобенъ пляжъ для купанья вслѣдствіе присутствія камней. Неудобна кромѣ того и невозможность купаться во всякое время, такъ какъ купанье здѣсь общее для мужчинъ и женщинъ, вслѣдствіе чего приходится считаться съ временемъ, назначеннымъ для каждого пола. Вообще же купанье въ Сухумской бухтѣ имѣетъ большое неудобство въ открытости берега прибойной морской волнѣ, нерѣдко составляющей непреодолимое препятствіе для купанья ¹⁾).

Сухумская бухта издавна считается одною изъ лучшихъ на кавказскомъ побережьи, но это, очевидно, только по сравненію—въ виду вообще недостатка бухтъ на пространствѣ между Новороссійской и Батумомъ. Еще въ 1853 г. Карльгофъ ²⁾), сравнивая Сухумскую бухту съ болѣе сѣверными, писалъ о нихъ, что «не говоря уже о борѣ», Геленджикская и Новороссійская бухты имѣютъ тотъ недостатокъ, что входъ въ нихъ затрудненъ отходящими отъ береговъ мелями, а дно песчаное и мѣстами каменистое»; Геленджикская же при томъ «не довольно просторна». «Между тѣмъ Сухумская бухта обращена широкою своею стороною къ морю и имѣетъ иловатый вязкій грунтъ, въ которомъ лучше держатся якоря». «Хотя она обращена къ морю широкимъ отверстіемъ и повидимому не прикрыта отъ южныхъ вѣтровъ, но ни одинъ морской вѣтеръ не доходитъ до внутренности бухты. Причину тому

1) Въ этомъ отношеніи она не можетъ быть даже и сравниваема съ геленджикскою и новороссійскою бухтами.

2) «Военно-стат. обозрѣніе».

должно искать въ окружающихъ ее горахъ. Нижній слой воздуха падъ бухтою, встрѣчая въ горахъ препятствіе своему теченію, сгущается отъ папора вѣтра и упругостью своею останавливаетъ движеніе его въ бухту¹⁾. Грунтъ дна ея, состоящій изъ ила, превосходенъ для якорной стоянки».

Но и Карльгофъ и всѣ описатели Сухумской бухты не считаютъ возможнымъ умолчать объ одномъ ея существенномъ недостаткѣ, который значительно умѣряетъ ея достоинства и заставляетъ сомнѣваться въ ея правѣ называться «лучшею на черноморской береговой линіи». Недостатокъ этотъ заключается въ чрезвычайно быстромъ углубленіи дна ея по мѣрѣ удаленія отъ берега. Это значительно суживаетъ то пространство бухты, гдѣ суда могутъ становиться на якоря, такъ что остальная—наибольшая—часть бухты оказывается бесполезной, а прославленная ширина ея, съ точки зрѣнія удобствъ судоходства, теряетъ значеніе и въ сущности сводится, такимъ образомъ, только къ излишней открытости бухты морскимъ вѣтрамъ. Но и это бы еще ничего, а главное то, что крутой спускъ дна бухты («въ видѣ котла»), несмотря на вязкость грунта, даетъ «меньшую степень твердой стоянки на якоряхъ, чѣмъ при пологой покатости дна. Поэтому если береговой вѣтеръ успѣетъ сдвинуть судно съ мѣста, то по скорому переходу на большую глубину, оно—по мнѣнію самаго Карльгофа—не удержится на якоряхъ». По удостовѣренію Филипсона «при скорой переменѣ вѣтра судно можетъ быть выкинуто на берегъ, оставаясь на якорѣ». Недаромъ же принято за правило, что всѣ останавливающиеся въ Сухумской бухтѣ суда, обязательно становятся на два якоря!

Такимъ образомъ отъ Новороссійска и до Сухума на этой береговой линіи нѣтъ ни одной дѣйствительно хорошо защищенной бухты, которая не обладала бы тѣми или иными серіозными дефектами.

¹⁾ Филипсонъ говоритъ по этому же поводу: «Сухумская бухта открыта отъ S. O. до W, но сильныя морскія вѣтры сюда рѣдко доходятъ, а разражаются дождями».

Приѣхавъ въ первый разъ въ Сухумъ на лошадяхъ и выйдя на единственный на берегу моря маленькій, но симпатичный бульварчикъ, я былъ пріятно изумленъ зрѣлищемъ обширной далеко вдающейся въ море пристани, присутствіе которой давало мнѣ надежду избавиться отъ непріятной посадки на пароходъ при помощи фелюгъ. Но вскорѣ же я долженъ былъ сильно разочароваться, потому что пароходы ни къ этой, ни къ какой другой пристани не пристають, а останавливаются въ бухтѣ на якорѣ.

— Но почему же?

— Говорятъ, что пристань недостаточно длинна; вотъ когданибудь со временемъ пристроютъ еще порядочный кусокъ, тогда можетъ быть и будутъ приставать.

Такимъ образомъ огромная и, очевидно, дорого стоящая пристань служить только для прогулокъ сухумской публики и для приставанія фелюгъ, употребляемыхъ для катанья по бухтѣ. Посадка же на фелюги для переезда на пароходъ производится съ коротенькихъ деревянныхъ пристаней, гдѣ нерѣдко при неимовѣрной давкѣ и тѣснотѣ рискуешь быть помятымъ или даже столкнутымъ въ воду.

Заговоривъ объ этой пристани (или молѣ,—я не знаю какъ правильнѣе назвать это сооруженіе, соотвѣтственно его истинному назначенію), не могу не подѣлиться съ читателемъ однимъ связаннымъ съ нею воспоминаніемъ. Первое дѣло, когда я ѣздилъ по побережью, отличалось замѣчательною особенностью—всѣ дали были засланы дымкой, не было той прозрачности воздуха, которая даетъ возможность обозрѣвать обширные горизонты, которая въ особенно ясные дни даетъ возможность видѣть весьма отдаленныя перспективы (напр. изъ Сухума черезъ море Трапезундскія горы, удаленныя отъ него свыше чѣмъ на 300 верстъ). Тщетно, ѣдучи на пароходъ и справляясь съ взятыми съ собою путеводителями, мы искали глазами въ надлежащихъ мѣстахъ выступающія изъ-за зеленныхъ предгорій побережья снѣговыя вершины Кавказа. Несмотря на безоблачность, на хорошую погоду, ихъ не было видно и мы на каждомъ шагѣ отмѣчали невѣрность показаній путеводителей, пока знающіе люди

не разъяснили въ чемъ дѣло. И вотъ, желая полюбоваться въ Сухумѣ видомъ на снѣговыя вершины, я рѣшилъ воспользоваться для этого раннимъ утромъ, когда чистота воздуха бываетъ обыкновенно всего сильнѣе. Я вышелъ при восходѣ солнца на эту самую пристань и, обратившись спиной къ морю, а лицомъ къ городу и горамъ, наконецъ, увидѣлъ то, что мнѣ нужно. Передо мной открывался прелестный видъ на городъ, на окружающее его море зелени, на красивую пышно зеленую панораму его окрестностей, составленную изъ живописно разбросанныхъ горъ и предгорій и, наконецъ, на виднѣвшіяся вдали величественныя снѣговыя вершины, игравшія подъ лучами восходящаго солнца непередаваемыми ни словами, ни красками, самыми эффектными, самыми нѣжными переливами, розовыми, багровыми, фіолетовыми... Я стоялъ въ нѣмомъ очарованіи. Въ одно и тоже время я и хотѣлъ скорѣе бѣжать къ своимъ, чтобы разбудить и дать возможность повидать имъ эту чудную картину и боялся оторваться отъ нее, боялся упустить всѣ эти скоро проходящія чисто волшебныя смѣны дивныхъ красокъ. Вдругъ я неожиданно услышалъ чьи то шаги и, отнявъ бинокль отъ глазъ, увидаль подошедшаго уже къ концу пристани господина, одѣтаго въ лѣтнее пальто поверхъ выглядывавшей изъ-за воротника ночной сорочки. Очевидно, онъ только что всталъ съ постели и, паскоро набросивъ пальто, какъ и я, тоже вышелъ полюбоваться видами. Однако, онъ очень равнодушно глянулъ на очаровавшую меня картину и съ видомъ не то отчаянія, не то изнеможенія, ставъ лицомъ къ морю, оперся на перила. Это заставило меня заговорить съ нимъ.

— Любуетесь!... Должно быть нравится? Ну, конечно, нравится, какъ же не нравится!—говорилъ онъ, видя какъ я, ведя съ нимъ разговоръ, то и дѣло посматривалъ въ бинокль на уже тускнѣющія снѣговыя вершины.—Мѣста дѣйствительно красивыя, надо правду сказать, очаровательныя... Любуйтесь, любуйтесь: для того и пріѣхали! Любуйтесь скорѣе и скорѣе же уѣзжайте!

— Какъ такъ?

— Любуйтесь, пожалуйста, любуйтесь, пока есть возможность,—продолжалъ онъ, не отвѣчая на вопросъ. Для чего же и прїѣзжать, какъ не для того, чтобы любоваться—не для того же, чтобы оставаться, чтобы жить?!

— А вы здѣсь... живете?

— Я?—услышалъ онъ мой вопросъ. Я не живу, а медленно умираю... Я здѣшній житель—вотъ уже третій годъ... Бывало я такъ же, какъ вы, тоже любовался... всѣмъ вотъ этимъ!—онъ какъ то безнадежно и вмѣстѣ вяло двинулъ рукою. Надо вамъ сказать, что я педагогъ, обремененъ семьею, жилъ на сѣверѣ Кавказа и у меня заболѣла грудь—оказались неполадки въ легкихъ. Вотъ врачи и послали меня па житье въ Сухумъ, гдѣ наилучшее мѣсто для грудныхъ больныхъ. Не мало трудовъ стоило мнѣ выхлопотать у начальства переходъ сюда, но я этого добился... И вотъ я въ Сухумѣ, гдѣ я ожидалъ полного исцѣленія отъ своего недуга и въ какомъ же я восторгѣ былъ отъ всѣхъ этихъ видовъ, отъ горъ, отъ моря, отъ всей этой дивной природы!...

— Воображаю.

— Воображаете? Нѣтъ вы не можете вообразить, потому что прїѣхали сюда здоровый и только для того, чтобы любоваться. А я прїѣхалъ еще и больнымъ, ждалъ исцѣленія и при томъ очень быстро ощутилъ благіе результаты вліянія теплаго влажнаго климата для больной груди. Слѣдовательно, вы вполнѣ не можете даже представить моего блаженства...

— Такъ въ чемъ же дѣло?—невольно прервалъ я его, не улавливая никакой связи между продолженіемъ разговора и его началомъ.

— Въ чемъ дѣло? А въ томъ, что нѣтъ подлѣе этого мѣста на свѣтѣ! Въ томъ, что я здѣсь потерялъ уже сына, въ три дня сторѣвшаго отъ маляріи, въ томъ, что и я, и жена, и всѣ мои дѣти, теперь уже почти взрослые, заболѣли сухумской лихорадкой. Въ томъ, что мы постепенно безсилѣемъ, изнуряемся, изнываемъ, медленно умираемъ!...

— А хина?

— Никакая тутъ хина не помогаетъ! Тутъ остается одно— уѣхать, но въ этомъ я не воленъ, потому что на службѣ. А давно ли я просился сюда прямо Христа ради?! И судите сами, какъ посмотреть начальство, вообще, какъ извѣстно, не любящее, чтобы его беспокоили,—какъ оно посмотреть на такія просьбы: сегодня сюда, завтра—обратно!.. Проситься «ради здоровья», и уходить теперь тоже «ради здоровья»!... Вы вотъ говорите «хина»!... Вы, конечно, думаете, что лихорадка, какъ лихорадка, сегодня ознобъ и жаръ, завтра полегчаетъ... словомъ, какъ въ Россіи. Не знаете вы нашихъ лихорадокъ, это нѣчто совсѣмъ иное. И не знобитъ какъ будто и жару нѣтъ, а лихорадка есть и престокая. И сколько разнообразныхъ ее проявленій, такъ разберетъ развѣ дьяволъ, а простой смертный часто и не догадается, что съ нимъ такое! Мы, напр., всей семьей изводимся потомъ. Потъ и потъ, проливной, обезиливающий, изнуряющій! Ляжешь спать совсѣмъ даже безъ одежды и все-таки обливаешься потомъ такъ, что простыню изъ подъ себя выжимаешь—вся мокрая до нитки! И понятно, спать не можешь. Весь исходишь потомъ, слабѣешь, изнуряешься бессонницей и бѣгаешь вотъ ночью хоть бы на эту пристань, потому что всеравно сна нѣтъ и дома невыносимо... Проклятый городъ, подлый городъ; проклятое, трижды проклятое мѣсто! Красивая, дьявольски живописная, но сплошь зловредная міазма!...

Расположенъ Сухумъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, на мѣстѣ древняго города Диоскуріи. Вѣрно это, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ въ бухтѣ Сухума на нѣсколькихъ футахъ глубины видны, по изслѣдованіямъ Чернявскаго ¹⁾, остатки цѣлаго города съ улицами, площадями, фундаментами зданій.

Съ 1578 г. турками основано было здѣсь на мѣстѣ генуезской крѣпости укрѣпленіе Сухумъ-Кале, остатки котораго сохранились понынѣ.

Завоеваніе Сухума русскими относится къ 1809 г., но «долгое еще время послѣ этого край оставался въ прежнемъ враждеб-

¹⁾ Извѣстія Р. Геогр. О. 1877 № 5.

номъ къ намъ положеніи». Въ 1839 г. Сухумъ имѣлъ еще «очень печальный видъ. Высокія каменные стѣны, подмываемыя морскимъ прибоемъ, были очень повреждены со стороны моря, внутреннее пространство занято деревянными помѣщеніями гарнизона и службами. Все это было ветхо, гнило, грязно. Жители имѣли видъ болѣзненный, изнуренный, апатичный. Форштатъ состоялъ изъ нѣсколькихъ духановъ, гдѣ армянскіе торгаши продавали водку, спиртъ, табакъ и другіе подобные товары, необходимые для солдатъ» ¹⁾).

Э. Реклю въ послѣднемъ изданіи «Земля и Люди» называетъ еще Сухумъ «незначительнымъ мѣстечкомъ, претендующимъ на названіе города». Съ 1866 г. Сухумъ сталъ административнымъ центромъ новообразованнаго Сухумскаго округа. Въ послѣднюю войну съ турками 187¹/₈ г. Сухумъ подвергся сильной непріятельской бомбардировкѣ турецкой эскадрой при участіи возставшихъ окрестныхъ абхазцевъ, сожженъ и въ значительной части разрушенъ. Слѣды ея видны на нѣкоторыхъ зданіяхъ и нынѣ.

Теперь Сухумъ имѣетъ около 11 тысячъ жителей разныхъ національностей. Въ общемъ онъ производитъ впечатлѣніе полувосточнаго, полуазіатскаго города. Часть города почти сплошь занята лавками, торгующими преимущественно мелочнымъ и при томъ азіатскимъ товаромъ: коврами, кавказскими поясами, кинжалами, разными кавказскими серебрянными издѣліями, кавказскими матеріями, башлыками и т. п. Тутъ же ютятся фруктовыя лавки, лавки съ продажей винъ, но большею частію не мѣстныхъ, а кахетинскихъ, потому что вино изъ мѣстнаго винограда изабелла довольно плохо. Тутъ же и столовыя для простолюдиновъ, чувачныя мастерскія, раскрытыя настѣжъ цирюльни.

Жизнь Сухума—на улицѣ. Кофейни и рестораны при гостиницахъ начинаютъ работать съ ранняго утра. Съ ранняго утра до самаго поздняго вечера тутъ постоянно народъ. Играютъ въ кости, пьютъ, ѣдятъ, устраиваютъ сдѣлки, все это на виду, на затѣненныхъ легкими крышами верандахъ кофейенъ и ресторановъ.

¹⁾ Филиппсонъ. Воспоминанія, стр. 195

Мѣстами ночью на тѣхъ же столахъ, гдѣ раньше ѣла и пила вся эта разношерстная публика изъ туземцевъ, инородцевъ и русскихъ, можно видѣть утомленныхъ дневной работой лакеевъ, мирно спящихъ на этихъ импровизированныхъ кроватяхъ. На улицахъ, на бульварѣ, на пристаняхъ видишь европейскіе костюмы сухумской и пріѣзжей интеллигенціи, рядомъ съ русскими босяками, съ разношерстной толпой инородцевъ и туземцевъ. Тутъ и красивые стройные обхазцы въ черкесскахъ и папахъ, осетины, грузины, мингрельцы въ ихъ національныхъ костюмахъ, и турецкіе греки и рабочіе-турки въ фескахъ или съ открытой головой, но неизмѣннымъ башлыкомъ на плечахъ. Почти не видно только туземныхъ женщинъ.

Слышится чуждый говоръ, говоръ на разныхъ незнакомыхъ языкахъ. Иной по русски не понимаетъ ни слова, иной хотя и пробуетъ отвѣчать на ваши вопросы, но лопочетъ что то совсѣмъ мало понятное. По временамъ слышенъ призывной рожокъ проводника дилижанса, ѣдущаго на Афонъ или Гадаутъ, проѣзжаютъ извозчики, линейки, дилижансы, ломовики везутъ грузъ на пароходную пристань. Но оживлены, главнымъ образомъ, набережная и торговая сторона. Въ остальныхъ частяхъ города довольно безлюдно.

Постройки въ городѣ обыкновенныя, какъ во всякомъ русскомъ уѣздномъ городѣ, въ общемъ довольно чистенькія (я не говорю о затѣйливыхъ виллахъ въ дачномъ районѣ, которыя впрочемъ сохраняютъ тотъ же характеръ, какъ напр., подъ Одессой на Фонтанахъ и во всѣхъ дорогахъ дачныхъ мѣстностяхъ). Улицы широкія, прямыя, хорошо распланированныя. На набережной нѣсколько гостинницъ, въ большинствѣ которыхъ однако довольно шумно и неособенно чисто, но сравнительно дешево ¹⁾. Вообще

1) Въ ресторанѣ на набережной близъ бульвара, гдѣ я жилъ, такса на кушанья: порція супу, борща, шей 20 к., отбивныхъ котлетъ телячьихъ, ростбифа 30 к., бефъ-строгановъ 30 к., котлетъ рубленыхъ 25 к. Въ 1901 г. лѣтомъ стояли: сахару фунтъ 16 к., яицъ десятокъ 18—20, бутылка молока 10 коп., лимоны были сравнительно доро-

человѣку здоровому, нетребовательному, негоняющемуся за удобствами, холостяку, могущему, напр., питаться въ ресторанахъ, жизнь обойдется не дорого.

Но неприспособленность большинства жилищъ (въ особенности для прїѣзжихъ больныхъ) ¹⁾, отсутствіе въ нихъ многихъ удобствъ, дороговизна построекъ и плановыхъ участковъ, дороговизна рабочихъ рукъ и пр. имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то, что для прїѣзжихъ больныхъ, требующихъ извѣстныхъ условій жизни, въ особенности для прїѣзжающихъ цѣлыми семьями, — тѣмъ болѣе «въ сезонъ» — жизнь въ Сухумѣ складывается не дешево. Въ болѣе культурныхъ центрахъ сравнительно много большія удобства жизни можно получить, если не за меньшую, то, по крайней мѣрѣ, за ту же цѣну.

Многое однако можно простить Сухуму за его роскошные сады, какъ находящіеся въ самомъ городѣ, такъ и расположенные въ его окрестностяхъ: ботаническій, городской, великаго князя Александра Михайловича, г.г. Рукавишникова, Ноева и др. О нихъ однако слишкомъ много писалось, чтобы можно было сказать еще что либо новое. Едва вы вступаете въ одинъ изъ такихъ садовъ, едва успѣетъ захлопнуться за вами калитка сада и вы уже среди тропической природы! Чудныя и разнообразныя пальмы, бананы, гитантскіе кактусы, великолѣпныя драцены, олеандры, стройныя магноліи, высокіе бамбуки, эвкалипты, пробковое дерево, чайное, элегантныя криптомеріи, рѣдкіе экземпляры хвойныхъ деревьевъ, апельсины, лимоны, лаковое и восковое дерево, японская хурма, славящіеся нѣжнымъ колоритомъ и замѣчатель-

ги—4 к. штука (они здѣсь хотя и созрѣваютъ, но разводятся въ маломъ количествѣ и потому привозятся изъ Трапезунда). Сыру и колбасы нельзя было достать (кромѣ копченой) потому что при здѣшней жарѣ они скоро портятся; мясо, несмотря на то, что оно, по недостатку скота (вслѣдствіе рѣдкости сельскаго населенія) въ окрестностяхъ, выписывается изъ Новороссійска, обходится 12 к. за фунтъ.

1) Многіе дома безъ двойного пола, нерѣдко безъ сѣней, безъ двойныхъ рамъ, многія квартиры, сдаваемые прїѣзжимъ, не имѣютъ мебели.

ною тонкостью красок сухумскія розы, сотни самыхъ разнообразныхъ цвѣточныхъ растеній—все это сосредоточено въ этихъ по истинѣ роскошныхъ садахъ и растетъ подъ открытымъ небомъ! Недаромъ же наши ученые изслѣдователи побережья—проф. Красновъ и Постерницкій единогласно находятъ, что Колхида, обладающая флорою болѣе пышной и болѣе богатой мѣстными видами, чѣмъ атлантическое побережье Западной Европы, даетъ возможность какъ культурѣ западно-европейскаго, средиземноморскаго, такъ и культурѣ китайскаго и японскаго типовъ. *Именно въ этомъ* они находятъ залогъ *культурнаго будущаго* этой части побережья, лишь бы были только необходимыя «знанія и средства».

Прекрасны и разнообразны также горныя окрестности Сухума. Онѣ не только живописны, онѣ оригинальны, своеобразны, крайне интересны. Куда не двинешься, повсюду все не то, съ чѣмъ свыкся, что обыкновенно ожидаешь отъ сельскаго пейзажа: не тѣ посѣвы, не тѣ постройки, не тѣ люди, не та у нихъ одежда, не тотъ скотъ и пр. и пр.

Вотъ рядомъ съ дорогой, по которой вы выѣхали изъ города, громадная лужа тонкой черной грязи—цѣлое грязевое болото—и въ ней застряла двухколесная арба, запряженная парой буйволовъ! Они легли на дно грязевой лужи, надъ поверхностью которой видны только ихъ черныя морды съ широко раскинутыми рогами и съ наслажденіемъ помахиваютъ въ ней хвостами, разбрасывая при этомъ цѣлыя хлопья грязи. Арба тоже наполовину въ грязи и на краяхъ ея съ восточнымъ спокойствіемъ сидятъ другъ противъ друга два туземца въ ожиданіи, когда упрямые животныя, которыхъ они не могли во-время удержать отъ наслажденія поваляться въ грязи, освѣжятся настолько, чтобы послушаться палочныхъ ударовъ и выйти опять на дорогу. Навстрѣчу вамъ верхомъ ѣдетъ абхазецъ въ черкескѣ и папахѣ, ведя въ поводу пару лошадей, навьюченныхъ какимъ то грузомъ. Тамъ на пригоркѣ, въ тѣни обрыва огромной горы въ самыхъ небрежныхъ позахъ расположилась отдыхать группа мингрельцевъ въ своихъ «испанскихъ» костюмахъ изъ короткихъ курточекъ и суживающихся

книзу цвѣтныхъ шароваръ. Къ откосу скалы приткнута сложенная изъ камня низкая хатка, а на крышѣ ея и надъ нею на отвѣсныхъ откосахъ горы бродятъ козы. Дорогой вы перегоняете группы возвращающихся изъ города съ базара сельчанъ въ ихъ разнообразныхъ костюмахъ, ведущихъ иногда въ поводу маленькихъ ишаковъ, навьюченныхъ какимъ то товаромъ. Дорога ваша идетъ то по ровной пышно зеленой полянѣ, обрамленной съ обѣихъ сторонъ круто подступающими къ ней горами, то переходить черезъ узенькій мостикъ надъ журчащимъ внизу на большой глубинѣ ручейкомъ. За ручьемъ она тянется по самому краю крутого обрыва, дна котораго совсѣмъ не видно съ вашего экипажа, или вздымается по краю горы на большую высоту, откуда вамъ открываются все новые и все болѣе живописные виды.. Все это пово, оригинально, красиво, интересно!

Но обратите вниманіе на природу Колхиды, на ея оригинальную фауну, на разнообразіе и оригинальность роскошной флоры ея!

Со всѣхъ сторонъ съ того момента, какъ вы вѣхали въ лѣсъ, раздается мелодичное пѣніе цикадъ, масса разнообразныхъ жуковъ и разноцвѣтныхъ крупныхъ размѣровъ бабочекъ порхаетъ вокругъ; въ ночное время эти бабочки смѣняются массою летающихъ свѣтляковъ, тогда какъ музыка цикадъ замѣняется пѣніемъ сверчковъ въ перемежку съ непріятнымъ воемъ шакаловъ. Но вотъ вы остановились гдѣ нибудь въ тѣни, чтобы отдохнуть и перекусить и едва вы открыли свои дорожные запасы, какъ уже осы почуяли съѣстное и начинаютъ вамъ надоѣдать своимъ приставаніемъ; съ ихъ надоѣдливостью приходится бороться здѣсь почти такъ же, какъ у насъ съ мухами и комарами. Они опустошаютъ фруктовые сады, вмѣстѣ съ муравьями портятъ домашніе запасы ¹⁾.

Интересную особенность колхидской растительности составляетъ роскошь зеленыхъ покрововъ при сравнительной бѣдности

¹⁾ а масса разнообразныхъ насѣкомыхъ, заводящихся въ деревѣ, приводятъ въ негодность постройки.

ихъ цвѣтами. «Здѣсь если есть цвѣты—говорить проф. Красновъ ¹⁾—они ютятся или на болѣе сыромъ мѣстѣ, или разцвѣтають, какъ дряква (*Cyclamen*), раннею весною или даже зимою»... «Нива остается совершенно голою»... «Украшеніе лѣсовъ Колхиды, какъ и другихъ субтропическихъ областей, составляютъ цвѣтущія *деревья и кустарники*». За то рядомъ съ этою характерною чертою мѣстной флоры ²⁾ является присутствіе вѣчно зеленыхъ деревьевъ и кустарниковъ, каковы лавръ, радодендронъ, самшитъ, лавровишня, падубъ. Эти вѣчно зеленныя формы—говорить по этому поводу тотъ же проф. Красновъ ³⁾—дѣлають здѣшнія зимы ⁴⁾, какъ и зимы Японіи и Ю. Штатовъ Америки, *зелеными зимами*.

Интересна, разнообразна и отливаешь яркой, веселой, сочной зеленью растительность ближайшихъ сельскихъ окрестностей Сухума. На предгорьяхъ лѣсныя заросли красиво чередуются съ голыми уступами скалъ, съ плантаціями табаку, маиса и разбросанными въ разныхъ мѣстахъ хижинами, между которыми прихотливо извиваются узкія горныя дороги и тропинки. Чѣмъ ближе къ вершинамъ этихъ предгорій, тѣмъ болѣе увеличивается лѣсность мѣстности. Чѣмъ дальше въ горы, тѣмъ лѣсъ пышнѣе, роскошнѣе, гуще. Тамъ лѣсъ проникъ всюду, захватилъ все подъ себя. Не довольствуясь пологими склонами горъ, лѣсныя поросли вскарабкались на отвѣсные обрывы и оттуда съ отвѣсныхъ, наклонившихся надъ горной тропею уступовъ скалъ, спускаются свѣсившіяся съ деревьевъ зеленныя гирлянды ліанъ ломоноса, цѣпкой ежевики, плюща, сассапарели.

Удалитесь по возможности въ глубь этой горной страны, въ ея лѣсныя чащи! Внизу почва пропитана влагой, въ густой лѣсной чащѣ она не просыхаетъ даже въ сильные лѣтніе жары, потому что зеленая шапка сплошь перевитаго ліанами лѣса

1) Русская Колхида. «Кавк. Вѣстникъ» 1901 г. № 1.

2) т. е. бѣдностью травяной растительности цвѣтами.

3) Тамъ же.

4) Надо сказать, что снѣгъ здѣсь бываетъ почти каждую зиму но обыкновенно не болѣе одного—двухъ разъ и лежитъ не болѣе 1—5 дней.

почти не пропускает свѣта. Тамъ полусумракъ, сыро и душно словно въ теплицѣ, а одуряющій ароматъ цвѣтущихъ жасминовъ и азалій кружить голову. Карагачъ, бѣлый тополь, липа, дубъ, ольха, грабъ, кленъ, каштанъ, лавръ, букъ все это сплотилось въ густую заросль, перевитую ліанами настолько густо, что черезъ лѣсъ нѣтъ прохода безъ помощи топора или кинжала. Немудрено, что лѣтомъ здѣсь вѣчная сырость—вѣчный источникъ лихорадокъ. Но недоступный и опасный въ лѣтнюю пору, лѣсъ этотъ и доступенъ и прекрасенъ весною. Тогда онъ «дѣлается полнымъ очарованія, чѣмъ то сказочнымъ» ¹⁾. Благодаря тому, что лѣсъ еще не сполна одѣлся зеленью и не успѣли еще разростись ліаны, въ немъ есть широкіе просвѣты и можно найти проходъ въ чащѣ лѣса. Тогда на путника «со всѣхъ сторонъ свѣшиваются съ вѣтокъ деревьевъ благовонныя гроздья нѣжно-розовыхъ цвѣтовъ-каприфоли; дикая роза, взобравшись высоко на дерево, падаетъ внизъ пышными гирляндами. Благовонія льются отовсюду рѣкой. Вѣчнозеленая лавровишня, въ своемъ весеннемъ нарядѣ изъ снѣжнобѣлыхъ цвѣтовъ, испускаетъ тонкій ароматическій запахъ, напоминающій черемуху». Сплошная чаща вѣчнозеленаго понтійскаго рододендрона, «красы и гордости колхидскихъ лѣсовъ», вся усыпана крупными букетами лиловыхъ и розовыхъ цвѣтковъ. «Едва ли въ какой-нибудь оранжереѣ можно найти болѣе пышное сочетаніе цвѣтовъ и ароматовъ!»

По мѣрѣ подъема въ гору густота лѣса уменьшается, ліаны постепенно исчезаютъ, за то деревья становятся выше, стройнѣе; сопровождаемые кучами густоразросшихся лавровишенъ и рододендроновъ могучіе каштаны, буки и дубы высоко поднимаются къ небу. Поднимитесь еще выше въ гору—тамъ на первое мѣсто выступаютъ уже гигантскіе хвойные исполины, имѣющіе своимъ подножіемъ пышныя кавказскія ліліи, огромныя зонтичныя—«гигантскую подальшійскую растительность, скрывающую за собой всадника съ лошадыю»...

¹⁾ Альбовъ. Очеркъ растительности Колхиды. «Землевѣдѣніе» 1896 г. т. III.

Такова вообще пышная, своеобразная и разнообразная растительность Колхиды тамъ, гдѣ ее не коснулась рука человѣка. Ясно, что и для человѣка, бывавшаго на югѣ Европы, здѣсь найдется много такого, своеобразнаго, оригинальнаго, невиданнаго, что посмотрится съ большимъ интересомъ. Немудрено, что, повидавъ такія мѣста, обозрѣвъ красоты Гагрѣ, Гадаута, Афона, Сухума Кодора, Цебельды, Ольгинскаго ¹⁾... невольно увлечешься мыслью объ этомъ чарующемъ глазъ царствѣ зелени, объ этомъ *своемъ* тепломъ чудномъ югѣ, чудномъ, очаровательномъ... хотя и небезопасномъ, который... который, если не увлекаться имъ слишкомъ... на нѣкоторомъ пространствѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ можетъ служить даже и «ривьерой»...

Сухумомъ кончается тотъ районъ побережья, съ которымъ мнѣ удалось познакомиться не только по литературнымъ источникамъ, но и по возможности непосредственно. Дальше я не былъ. Но для полноты картины, для полноты характеристики побережья, такъ сказ., съ курортной точки зрѣнія, я приведу здѣсь краткіе отзывы послѣднихъ по времени описателей побережья о болѣе выдающихся пунктахъ остальной части его.

Слѣдующая послѣ Сухума остановка рейсового парохода у мѣстечка Очемчирѣ, расположеннаго на низменномъ песчаномъ берегу моря при устьѣ р. Гализги. «На всемъ Кавказѣ нѣтъ болѣе злокачественной и продолжительной лихорадки, какъ здѣсь» ²⁾.

Далѣе—г. Поті. «Улицы грязныя, бульваръ жалкій, купальнѣ нѣтъ». «Въ санитарномъ отношеніи оставляетъ желать многого» ³⁾. «Лихорадка, явленіе совершенно обычное въ городѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ водами». «Окрестности верстъ на 40 отъ Поті представляютъ собой низкія, болотистыя мѣста съ ко-
ривою растительностью» ⁴⁾.

¹⁾ Отдаленныя окрестности Сухума.

²⁾ Москвичъ. Путевод. по Кавказу.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Васюковъ. «Край гордой красоты».

Затѣмъ Батумъ. «Самое зло Батума, зло едва ли поправимое—это малярія, несомнѣнный результатъ громадной влажности климата и обширныхъ болотъ, окружающихъ этотъ городъ». «Берегитесь батумской маляріи и пріѣзжайте въ Батумъ посмотреть, полюбоваться на дѣйствительно чудную батумскую флору, на оригинальный городъ и на красивое море. Поживите, но не заживайте». «Дно морского берега каменистое и вообще купанье въ Батумѣ не важное». «Климатъ тепличный». «Влажность необычайная». «Въ такой атмосферѣ организмъ становится вялымъ, голова работаетъ лѣнливо, постоянная жажда и выдѣленіе пота мучить человѣка, испытывающаго при этомъ адскую жару, жару удушливую, трудную жару» ¹⁾

¹⁾ Тамъ же.

VI.

Земельные вопросы Побережья.

Исторія частнаго землевладѣнія въ краѣ. Условія образованія частной собственности. Результаты частновладѣльческаго хозяйства. Причины неуспѣха его. Вредныя послѣдствія мѣропріятій по усиленному насажденію частнаго землевладѣнія. Повышеніе цѣнъ и земельная спекуляція. Неблагопріятное ихъ вліяніе на распространеніе культуры. Послѣдствія увлеченія „русской ривьерой“.

Итоги прошлой колонизаціи берега трудовымъ земледѣльческимъ элементомъ. Вопросъ о колонизаціи русскими и „чужеземцами“. Племенной составъ населенія. Вліяніе чужеземцевъ и мѣстныхъ условій на русскихъ засельщиковъ края. Новая надѣльная норма. Организациія заселенія побережья по закону 1897 г. Первые шаги переселенца на побережьи. Бурлаки и босяки. Заготовленіе переселенческихъ участковъ, дефекты ихъ, недостатокъ путей сообщенія. Заключение.

Курортъ за курортомъ, мы обозрѣли въ предыдущихъ главахъ все побережье отъ Новороссійска до Батума. Обзорѣніе это, начиная со второй главы, какъ знаютъ читатели, касалось преимущественно именно курортовъ. Этому были двѣ причины. Во-первыхъ то, что центръ и сущность колонизаціонной политики послѣднихъ лѣтъ сводились именно къ обращенію побережья въ рядъ курортовъ. А такъ какъ цѣль настоящихъ очерковъ заключается между прочимъ въ выясненіи, насколько правильно поставлено дѣло колонизаціи побережья, то о курортахъ и приходилось говорить главнымъ образомъ. Во-вторыхъ, погоня за курортами, а также и за насажденіемъ здѣсь частнаго

владѣнія, привела, съ одной стороны, даже къ отселенію и выселенію части сельскаго населенія подальше отъ курортовъ (нѣкоторые случаи этого были уже указаны выше), съ другой, къ обращенію значительной части — и лучшихъ — побережныхъ земель въ частную собственность лицамъ привилегированныхъ сословій. Такимъ образомъ, въ полосѣ курортовъ оказалось весьма малое количество мужика, почему и говорить о немъ каждый разъ особо не имѣло смысла.

Но само собою понятно, что если не имѣло значенія останавливаться на описаніи отдѣльныхъ сельскихъ поселковъ, то это не исключаетъ необходимости (въ дополненіе къ тому, что уже говорилось о немъ въ предыдущихъ главахъ) поговорить наконецъ теперь и о мужикѣ. Поэтому ему будетъ предоставлено свое мѣсто вслѣдъ за окончательнымъ выясненіемъ вопроса о «заселеніи и оживленіи» побережья курортами и насажденіемъ здѣсь «интеллигенціи» на раздававшихся въ частное владѣніе земляхъ побережья, такъ какъ такое «оживленіе» края находится въ тѣсной связи съ судьбой мужика.

Собственно говоря, стремленіе насадить на побережьѣ частное землевладѣніе, отдавъ при этомъ значительную часть его земель въ руки привилегированныхъ классовъ, имѣетъ своимъ началомъ сравнительно отдаленное время. Главный ревнитель этого дѣла покойный гофмейстеръ Абаза (онъ же и мѣстный землевладѣлецъ) въ этомъ отношеніи былъ только настойчивымъ продолжателемъ того, что до него было придумано и начато уже другими. Съ того времени, какъ край былъ завоеванъ русскими войсками, коренное горское населеніе вытѣснено изъ него и лишено права пользованія землями, вся земля, естественно, принадлежала только нашей «матушкѣ-казнѣ» и, слѣдовательно, никакого частнаго землевладѣнія тогда не было ¹⁾. Но «казна», съ одной стороны, хотѣла

¹⁾ Читатель, разумѣется, замѣтилъ уже, что частновладѣльческія земли принадлежація владѣльцамъ не русскаго происхожденія сохранились только, начиная съ Абхазіи. Это произошло благодаря особымъ обстоятельствамъ имѣвшимъ мѣсто при присоединеніи Абхазіи къ

скорѣе колонизовать край какими бы то ни было путями, съ другой, не очень и цѣнила эти ненаселенныя, «впустѣ лежащія» земли. Извѣстно кромѣ того, что у насъ въ Россіи насажденіе частнаго землевладѣнія всегда считалось въ правительственныхъ сферахъ полезнымъ для государства. Раздача же земель въ частное владѣніе лицамъ привилегированныхъ сословій, съ одной стороны, давала нѣкоторую надежду на приложеніе къ землѣ извѣстныхъ научныхъ познаній, съ другой, давала правительству возможность вознаграждать землею своихъ служащихъ. Совершенно повятно поэтому, что насажденіе въ краѣ частнаго землевладѣнія было вполне естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ такого отношенія къ данному вопросу.

Читатель помнитъ, разумѣется (см. главу I), что насажденіе его началось еще съ момента поселенія здѣсь козаковъ, такъ такъ охотники, шедшіе сюда съ Кубани добровольно, сверхъ участія въ долѣ общиннаго надѣла, получали право на 10 десятинъ въ личную собственность. Въ предыдущемъ изложеніи упомянуто было также, что по закону 1870 г. бывшее офицерство козаковъ, при обращеніи козаковъ въ крестьянство, получило въ потомственную собственность всѣ находившіяся въ фактическомъ пользованіи офицеровъ общинныя усадьбы и сверхъ того по 200—400 десят. на семью.

Но насажденіе частной собственности этимъ не ограничилось. Кромѣ того, много земель было пожаловано разнымъ лицамъ преимущественно изъ числа героевъ кавказской войны. Въ старыя времена раздача этихъ, не имѣвшихъ тогда цѣнности, земель въ вознагражденіе за заслуги могла, конечно, считаться даже операціей весьма выгодной для казны. Но нельзя не сказать, что вмѣстѣ съ тѣмъ она иногда могла быть разсматриваема и какъ «на тебѣ, Боже, что намъ не гоже». На побережьѣ мнѣ

Россіи. Но и тамъ много земель роздано уже въ частное владѣніе лицамъ привилегированныхъ сословій русскаго происхожденія (да и то, что осталось за туземными владѣльцами, является большею частію тоже какъ вновь пожалованное имъ).

по этому поводу пришлось, между прочимъ, слышать анекдотическій, но очень характерный рассказъ о томъ, какъ одинъ получившій подобное пожалованіе генераль сообщалъ эту вѣсть своей супругѣ. Жена въ первый моментъ пришла было въ восторгъ отъ мысли, что и у нихъ будетъ наконецъ «своя собственность» и при томъ на столь тепломъ югѣ. Но затѣмъ она тотчасъ же пришла въ ужасъ, вспомнивъ о тамошнихъ смертельныхъ лихорадкахъ, о возможности разбойничьихъ нападений оставшихся еще въ горахъ горцевъ, объ отсутствіи мало-мальски удобныхъ путей сообщенія и заявила генералу категорически, что ни она, ни дѣти ея ни за какія блага въ мірѣ не поѣдутъ туда не только жить, но даже и посмотрѣть пожалованная земли. Высказанное женою предположеніе, что за эту бездоходную землю «заставятъ можетъ быть еще платить какіе-нибудь налоги», напомнило и генералу о неизбежности при ненаселенности мѣстности крупныхъ затратъ на постройку тамъ хотя небольшой хаты, о трудности и дороговизнѣ полученія продуктовъ. Все это привело генеральшу въ такой ужасъ, что она категорически потребовала отъ генерала сейчасъ же отказаться отъ пожалованія. Но на этомъ пунктѣ всегда послушный генераль оказался неустрашимымъ и неприступнымъ, «такъ какъ отказаться отъ пожалованнаго невозможно». Тогда состоялся компромисъ на томъ, что супруги рѣшили про пожалованную землю забыть, а въ случаѣ если прикажутъ платить какіе-либо за нее налоги, то при настойчивомъ требованіи по возможности уплачивать ихъ изъ пенсіи...

Къ розданнымъ, такимъ образомъ, землямъ принадлежитъ напр., большая часть земель на упоминавшемся выше громадномъ пространствѣ береговой полосы и прилегающихъ къ ней земель между р.р. Псезуане и Шахе, которые проф. Пастернацкій характеризовалъ какъ оставленные владѣльцами «въ первобытномъ состояніи и схоронившими подъ зарослями лѣса культуру черкесовъ». Таковы также частновладѣльческія земли близъ Геленджика на Михайловскомъ перевалѣ, гдѣ имѣется девять такихъ Высочайше пожалованныхъ участковъ (всего около 8000 дес.). Большая часть изъ нихъ перепродана уже и перешла отъ получив-

ших пожалованія въ другія руки. Но и тѣ и другіе почти сплошь или даже и на всемъ пространствѣ пустуютъ, кромѣ одного, сданнаго было въ аренду на 10 л. (въ количествѣ около 500 д. изъ 1000) грекамъ изъ не русскихъ подданныхъ. Греки эти начали было ихъ разрабатывать, но съ изданіемъ закона, запрещающаго сдавать земли не русскимъ подданнымъ, удалились, другихъ же маломальски сносныхъ арендаторовъ не находится. Во время пребыванія моего на побережьѣ владѣльцы большей части этихъ участковъ на Михайловскомъ перевалѣ искали покупателей (на цѣны 75—150 руб. за дес.), но охотниковъ на нихъ не находилось. Вообще, количество пожалованныхъ земель доходить на побережьѣ до нѣсколькихъ тысячъ десятинъ при размѣрахъ приблизительно отъ 250 до 7000 десят. на одно лицо ¹⁾.

Когда въ 1866 г. на побережье командирована была особая комиссія для его изслѣдованія, ей поручено было обратить вниманіе на тѣ участки, «которые могутъ быть отводимы частнымъ лицамъ». Затѣмъ въ 1872 г. повелѣно было продать въ предѣлахъ Черноморскаго округа до 65.000 дес. и обратить выручку на дорожныя сооруженія. Земли продавались «только въ прибрежной полосѣ» за плату по 10 р. за десятину въ разсрочку на 10 лѣтъ безъ процентовъ и этимъ путемъ къ 103 лицамъ отошло 60.568 десятинъ казенной земли въ одномъ только этомъ округѣ,—въ разныхъ частяхъ его.

Въ семидесятыхъ же годахъ организованъ былъ комитетъ по устройству лотереи въ пользу благотворительныхъ и женскихъ учебныхъ заведеній, состоящихъ подъ покровительствомъ велик. княг. Ольги Θεодоровны, для *розыгрыша кавказскихъ казенныхъ земель*, разбитыхъ на участки по 50—200 дес. каждый, и до-

¹⁾ Въ Абхазіи, по свѣдѣніямъ И. В. Захарьина («Истор. Вѣсти.» 1901 г., № 8), у однихъ только князей Шервашидзе болѣе 20 тыс. дес. пожалованной земли, тянущейся на протяженіи 50 в. по берегу «на пожалованныхъ земляхъ въ большинствѣ случаевъ и владѣльцы ихъ и не живутъ и хозяйства не ведутъ».

ставшихся затѣмъ разнымъ лицамъ. «Такъ какъ билеты лотереи продавались всюду по Россіи—говорить по этому поводу Я. Г. Сиповичъ ¹⁾—то многіе изъ новыхъ владѣльцевъ, которымъ достались участки, навѣрное, и не представляли ясно, гдѣ именно находятся ими приобрѣтенныя земли. Поѣхать и посмотрѣть на свои участки въ тѣ времена было трудно, такъ какъ ни желѣзной дороги до Новороссійска, ни шоссе изъ Новороссійска еще не было. Поэтому до начала 90-ыхъ годовъ всѣ эти земли лежали впустѣ; только нѣкоторые изъ этихъ участковъ арендовались греками, которые, пользуясь отсутствіемъ надзора за оставленными участками, эксплуатировали и ихъ». При этомъ они старались эксплуатировать, конечно, только то, что давалось безъ труда, безъ расхода на расчистку, т. е. то, что и такъ было почти совсѣмъ готово для посѣвовъ и посадокъ тѣхъ или другихъ сельско-хозяйственныхъ растений. Вслѣдствіе этого, распространеніе культуры на еще неразработанныя земли, разумѣется, очень мало подвигалось впередъ ²⁾.

Такіе и купленные отъ казны и выигранные въ лотерею участки имѣются во всѣхъ частяхъ побережья, но большинство ихъ тоже пустоуетъ ³⁾. Пустуютъ они въ большинствѣ и въ Сочинскомъ и во всѣхъ другихъ округахъ, и около Геленджика и близъ Туапсе и въ окрестностяхъ Сухума; большинство же вла-

¹⁾ Очеркъ развитія хозяйства въ Джанхотѣ. Труды съѣзда виноградовлад. и виноградарей Черноморской губерніи въ Новороссійскѣ, въ 1899 г.

²⁾ что надо сказать также и о покупавшихся земляхъ.

³⁾ «Въ бывшее время—говорить проф. Пастернацкій—у черкесовъ здѣсь (въ предѣлахъ Сочинскаго округа—въ средней и нижней терасѣ побережья)—больше всего было пахатныхъ полей, ауловъ и садовъ, а нынѣ земли этихъ мѣстностей, составляя собственность частныхъ владѣльцевъ, находятся подъ зарослями и въ запустѣніи, не принося никакого дохода владѣльцамъ ихъ—если не считать небольшихъ участковъ, отдаваемыхъ армянамъ и грекамъ въ аренду отъ 1—2 р. за дес.».

дѣльцевъ ихъ живетъ гдѣ то на сторонѣ «въ Россіи», вообще гдѣ угодно, но только не на своихъ земляхъ.

Но изложеннымъ еще не исчерпываются способы, при помощи которыхъ создавалась частная собственность въ краѣ. Къ той же категоріи мѣръ, направленныхъ къ развитію личной земельной собственности, надлежитъ отнести и раздачу такъ называемыхъ культурныхъ участковъ, которые на основаніи устава о сельск. хоз. и закона 1866 г. раздавались подъ высшія сельскохозяйственныя культуры съ обязательствомъ развести на нихъ въ теченіе 10 лѣтъ извѣстное количество туты, плодовыхъ деревьевъ, или виноградной лозы. Цѣна земли для выкупа ея въ собственность назначалась по 10 руб. за десятину съ уплатою въ разсрочку по 1 р. въ годъ, т. е. почти даромъ. Такимъ путемъ отведено было въ 63 участкахъ 3.965 десятинъ ¹⁾. Въ 1896 г. опубликовано было одинъ за другимъ два мѣнія Государственнаго Совѣта «объ основаніяхъ отвода частнымъ лицамъ казенныхъ свободныхъ земель» въ окрестностяхъ Новороссійска, Туапсе и Сочи на условіи, что въ теченіе пяти лѣтъ владѣлецъ cadaго участка долженъ для полученія права на закрѣпленіе его за собой закультивировать не менѣе $\frac{1}{4}$ части полученной земли. Въ силу этого, лицо, получившее такой участокъ, обыкновенно и принимало всѣ мѣры (преимущественно путемъ подряда кого-либо изъ мѣстныхъ людей для этой цѣли), чтобы къ концу пятаго года четвертая часть участка имѣла видъ земли обращенной подъ культуру. Положеніе владѣльца участка въ этомъ отношеніи облегчалось, по видимому, еще и снисходительнымъ отношеніемъ контролирующихъ лицъ, знавшихъ какъ трудно распространяется культура въ краѣ и на сколько затруднительно лицу, въ немъ не живущему, полностью и съ надлежащей добросовѣстностью исполнить въ этомъ отношеніи требованія закона. Въ результатѣ участокъ надлежащимъ образомъ закрѣплялся за лицомъ, его получившимъ. Нечего и говорить, что этимъ самымъ устранялась необходимость

¹⁾ Клингентъ. „Основы хоз. въ соч. окр.“, стр. 71. Данныя относятся къ «Черноморскому округу».

не только дальнѣйшаго распространенія культуры на остальные $\frac{3}{4}$ участка, но даже и веденія настоящей, а не показной только, культуры на первой четверти. Въ то же время этимъ закрѣпленіемъ участка за лицомъ, его получившимъ, открывалась полная возможность его продажи за хорошую цѣну, что и было за-вѣтною цѣлью многихъ владѣльцевъ такихъ участковъ. Раздача такихъ участковъ продолжается и нынѣ. Изъ предыдущаго извѣстно также, что кромѣ такой раздачи практиковалась и практикуется еще и раздача дачныхъ и городскихъ участковъ, а частію и продажа таковыхъ; о «культурныхъ» результатахъ такой раздачи сказано уже было въ своемъ мѣстѣ, когда рѣчь шла о заселеніи Хосты и Романовска.

Результатъ этихъ пожалованій, продажъ, лоттерей и раздачъ видѣнъ на слѣдующемъ распредѣленіи цифры земли въ (одной только) черноморской губерніи.—цифры, очевидно неполной, такъ какъ она, съ одной стороны, не исчерпываетъ 15.000 десятинъ изъ всей площади земли въ ней, съ другой—относится къ 1899 г., послѣ котораго происходили новыя раздачи. Вотъ это распре-дѣленіе:

		% къ общему числу.
Казенныхъ	444.843 дес.	66
Надѣльныхъ	110.072 „	17
Частновладѣльч.	110.636 „	17 ¹⁾
Итого всѣхъ земель въ губерніи .	657.551 дес.	100

Изъ этого видно, что въ 1899 году количество земель этой губерніи, находящихся въ частномъ владѣніи уже равно было количеству надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ.

Если бы не послѣднія мѣропріятія Абазы, то столь значи-тельный процентъ частновладѣльческихъ земель могъ бы пока-

¹⁾ Въ томъ числѣ 5153 дес. «надѣла» г. Новороссійску, отнесен-наго къ категоріи частновладѣльческихъ земель, потому что городскіе домовладѣльцы владѣютъ своими землями на правахъ частной собствен-ности, какъ и самъ городъ. Данныя взяты изъ «Справ. книги» г. Ле-онтьева.

заться даже сомнительнымъ и невѣроятнымъ каждому, кто знакомъ съ исторіей этого вопроса на побережьи и съ отзывами по этому поводу прежнихъ изслѣдователей края. Вотъ, напр., каковы были результаты изслѣдованія положенія частновладѣльческаго хозяйства Я. К. Васильевымъ ¹⁾ въ 1878 г., т. е. въ то время, когда въ рукахъ «интеллигентнаго класса землевладѣльцевъ, или какъ называютъ ихъ въ округѣ—помѣщиковъ» находилось уже около «65000 дес. *лучшей, производительной, удобнѣйшей земли*». Сѣверные, болѣе близкіе къ Новороссійску хозяйства, были сравнительно обезпечены рабочими руками и положеніе ихъ было облегчено сравнительной дешевизной предметовъ первой необходимости, въ отличіе отъ южныхъ близъ Сочи и Адлера, находившихся въ совершенно обратномъ положеніи. По изслѣдованію Я. К. Васильева, въ большинствѣ имѣній не дѣлалось до того времени даже и попытокъ заводить хозяйство; въ нѣкоторыхъ были произведены «затраты значительныхъ суммъ, но дѣло велось безъ заранѣе обдуманнаго плана, за-глаза, посредствомъ лицъ некомпетентныхъ, скажемъ больше—невѣжественныхъ въ знаніи раціональной сельскохозяйственной науки» и въ ничтожнѣйшемъ меньшинствѣ къ хозяйству приложены были «трудъ, раціональныя знанія и капиталъ». Изъ купившихъ себѣ земли большинство купило ихъ «за-глаза, даже не выдавши ихъ» и въ большинствѣ съ цѣлями спекулятивными—перепродать ихъ съ барышемъ!» Изъ 65,000 дес. къ 1876 г. подъ садами и виноградниками числилось только 200 дес, и большинство этихъ, тронутыхъ уже культурою, земель находилось въ сѣверной части округа близъ г. г. Новороссійска и Анапы... «Интеллигентный классъ, по выводу Я. К. Васильева изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ имъ имѣній, *не оправдалъ ни задачъ колонизаціи, ни надеждъ общества и правительства* на развитіе въ краѣ высшей культуры. Его присутствіе въ округѣ является къ прискорбію *крайне вреднымъ*, во-первыхъ, потому что 7—8 лѣтъ тому назадъ превосходныя горскія угодыя, сады, луга, пахатныя пространства и

¹⁾ Сборникъ Кавк. О. С. Х. 1879, в. II.

др. исчезли подъ пологомъ молодыхъ лѣсовъ и, во-вторыхъ, принадлежащіе нынѣ ему 65.000 десятинъ отняты для культуры у рабочаго элемента», а 65.000 десятинъ это—«площадь, вполне достаточная для поселенія свыше 2.000 семействъ трудолюбиваго элемента!»¹⁾

Заключенія, къ которымъ пришелъ по этому вопросу Я. К. Васильевъ, были на столько неблагоприятны для колонизаціоннаго дѣла побережья, что онъ высказался даже тогда, т. е. 25 лѣтъ тому назадъ, при значительно меньшемъ сравнительно развитіи частнаго землевладѣнія на побережьѣ, за необходимость *экспроприации* розданныхъ въ частное владѣніе земель (кромѣ разумно эксплуатируемыхъ ихъ владѣльцами) для расселенія на нихъ сельскаго туземнаго населенія.

Впослѣдствіи совершенно аналогично Я. К. Васильеву высказался о послѣдствіяхъ раздачи земель въ частную собственность и изучавшій этотъ вопросъ генералъ-лейтенантъ Старосельскій въ докладѣ главноначальствующему на Кавказѣ: по его мнѣнію, продажа земель въ частныя руки и раздача участковъ на выкупъ, на основаніи устава о сельскомъ хозяйствѣ, потерпѣла *полную неудачу*.

Казалось бы, что такое прошлое не должно было располагать къ дальнѣйшему распространенію частнаго землевладѣнія; однако, какъ оказывается, на уроки исторіи далеко не всегда обращаютъ вниманіе. Доказательствомъ этому служить введеніе новыхъ мѣръ къ насажденію частнаго землевладѣнія (раздача культурныхъ участковъ, участковъ въ новообразуемыхъ городахъ и т. п.), которыми ознаменовалась дѣятельность гофмейстера Абазы по «заселенію и оживленію» края. Нетрудно было предвидѣть уже по даннымъ,

¹⁾ Повторяя эти выдержки, разъ уже употребленные мною въ специальной статьѣ по вопросу о колонизаціи побережья («Народное хозяйство», 1902 г., № 6), долженъ оговориться, что въ настоящей главѣ мнѣ неизбѣжно придется частію повторить кое-что изъ того, что я писалъ тогда, дополнивъ изложенныя въ той статьѣ данныя новыми свѣдѣніями, въ то время мнѣ еще неизвѣстными.

собраннымъ предшествовавшими изслѣдователями, что и эти новыя мѣропріятія приведуть къ тѣмъ же результатамъ, какъ и предыдущія раздачи и распродажи земель въ частную собственность. О результатахъ этихъ и состояніи частновладѣльческихъ хозяйствъ въ настоящее время читатель имѣетъ уже понятіе изъ предыдущаго изложенія. Слѣдовательно, распространяться по этому вопросу нѣтъ уже болѣе надобности, развѣ что привести лишнюю ссылку на слова еще одного компетентнаго изслѣдователя побережья за послѣдніе годы—И. Н. Клингена, опытнаго спеціалиста по сельскому хозяйству¹⁾, констатировавшаго, что *большинство* частновладѣльческихъ участковъ «представляютъ изъ себя по большей части *пустыню*, гдѣ цѣпкія ліаны схоронили жалкіе остатки нерѣдко крупныхъ капитальныхъ затратъ». Особенно любопытно то, что такой отзывъ высказанъ лицомъ, производившимъ изслѣдованіе побережья по спеціальному порученію, въ программу котораго входило это изученіе хода и положенія частновладѣльческаго хозяйства и что съ результатами этого изслѣдованія своевременно ознакомленъ былъ самъ Абаза, который однако даже и не подумалъ принять послѣ этого какія-либо мѣры къ сокращенію раздачи земель въ частное владѣніе.

Причинъ неуспѣха частновладѣльческаго хозяйства было, конечно, много и многія изъ нихъ были причинами общими—какъ неуспѣха частновладѣльческаго, такъ и неуспѣха крестьянскаго, общиннаго хозяйства (которыя въ большинствѣ уже выяснены были въ I главѣ). Таковы: громадныя трудности, которыхъ вообще требуетъ устройство хозяйства на-ново въ ненаселенномъ и некультурномъ краѣ (такъ какъ извѣстно, что горская культура успѣла погибнуть до заселенія страны русскими), крайне нездоровый климатъ, отсутствіе путей сообщенія, отрѣзанность отъ населенныхъ мѣстностей непроходимыми горами, ненаселенность мѣстности, отсутствіе сбыта, нерѣдко (а у крестьянъ и часто) недостатокъ средствъ на первоначальное обзаведеніе и пр. и пр.

¹⁾ «Основы хоз. въ Соч. окр.», стр. 71.

Главною изъ этихъ общихъ причинъ, повидимому, надо считать незнакомство тѣхъ и другихъ засельщиковъ съ краемъ, съ почвенными и климатическими условіями, съ связанными съ этими условіями способами веденія хозяйства, благодаря чему каждый, изъ дѣйствительно желавшихъ вести хозяйство, долженъ былъ начинать его по своему усмотрѣнію, наугадъ, на ощупь, дѣлая массу ненужныхъ пробъ и терпя убытки. Эту причину, какъ и нѣкоторыя другія (недостатокъ путей сообщенія и т. п.) разумѣется, при рациональной постановкѣ дѣла можно было бы до извѣстной степени устранить, принявъ извѣстныя мѣры къ предварительному ознакомленію засельщиковъ съ тѣми и другими (воспользовавшись опытомъ горцевъ, произведя, въ случаѣ надобности, необходимыя предварительныя изслѣдованія и т. п.). Но объ этомъ никто изъ руководителей колонизаціи побережья позаботиться не думалъ, да вѣроятно немногіе изъ этихъ руководителей и сами сколько-нибудь сносно знали эти условія. Отсюда такіе казусы, какъ казусъ съ описанной исторіей Хлудовскаго имѣнія. Отсюда тѣ неудачи въ дѣлѣ воздѣлыванія винограда, о которыхъ я говорилъ уже въ III главѣ (даблари и маглари). Отсюда вообще масса ошибокъ, неудачъ и убытковъ; отсюда фактъ, констатированный И. Н. Клингеномъ въ словахъ: «доходнаго же хозяйства (въ Сочинскомъ округѣ) я не знаю ни одного, такъ какъ самыя выдающіяся изъ нихъ находятся все еще въ періодѣ опытовъ». Отсюда, наконецъ, тотъ печальный фактъ¹⁾, что изъ сравнительно немногихъ владѣльцевъ, которые все-таки хотѣли устроить хозяйство на своихъ имѣніяхъ, «громадное большинство не добилося желательныхъ результатовъ *даже цѣною огромныхъ расходовъ*». «Размѣръ непродуцительно затраченныхъ суммъ на всѣ эти попытки къ устройству хозяйства безъ знанія и выдержки *по истинѣ ужасенъ*; только 22 лицами (въ одномъ лишь Сочинскомъ округѣ) затрачено на опыты безвозвратно, не считая стоимости земли, *до трехъ милліоновъ рублей*, но ни съ одного изъ нихъ не получено *ни копѣйки дохода*, кромѣ хозяйства барона

¹⁾ И. Н. Клингенъ «Основы хоз. въ Соч. окр.», стр. 71.

Штейнгеля, находящагося уже въ Туапсинскомъ округѣ. *Болѣе поразительнаго неустѣха трудно себѣ представить*!...

Дюбуа-де-Монпере писалъ много лѣтъ тому назадъ: «Россія хочетъ колонизовать Кавказъ своимъ народомъ.... но раньше надо изучить результаты опытности аборигеновъ и обучить въ этомъ смыслѣ русскихъ колонистовъ»...

«Вообще нѣкоторыя общія понятія о климатѣ страны и о томъ, на климаты какихъ культурныхъ странъ онъ похожъ—говорить проф. Воейковъ¹⁾—въ высшей степени полезны для лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ въ обширномъ смыслѣ. Въ этомъ богатомъ краѣ пионеры его культуры избѣгли бы многихъ ошибокъ и разочарованій, если-бы обладали такими знаніями; точно также и мѣропріятія правительства на пользу края были бы удачнѣе, если-бы лица, ихъ вырабатывавшіе, были нѣсколько знакомы съ климатомъ страны и культурными растеніями, могущими хорошо расти въ такомъ климатѣ». «Благодаря незнанію климата побережья и того, что именно годится для него, хозяева самой богатой ю.-в. части побережья сдѣлали массу ошибокъ, стоившихъ имъ не дешево и надолго повредившихъ репутаціи края».

— Милліоны денегъ уже затрачены,—говорилъ мнѣ одинъ изъ серьезно и лично занимавшихся хозяйствомъ на побережьи крупныхъ владѣльцевъ, живущій въ немъ около 15 лѣтъ и имѣющій участки въ разныхъ частяхъ побережья,—а мы пока все не можемъ приспособиться, потому что не знаемъ еще мѣстныхъ условій и пока только пробуемъ, изучаемъ, стараемся примѣняться. Одинъ развелъ фуруму—пошла хорошо, но сбыту нѣтъ. Другіе занялись виноградомъ, но одному у моря вредятъ туманы, другой развелъ не тѣ сорта винограда, третій примѣнилъ не соотвѣтствующіе способы посадки, четвертому, разведшему виноградъ въ горахъ, оказалось, вредятъ какія-то микробы. Начали разводить въ Батумѣ рами, пошло великолѣпно, но обработка этихъ прекрасныхъ волоконъ обходилась дороже китайскаго рами. Пробовали разводить яблочное промышленное садоводство, но на сѣ-

¹⁾ «Черном. Побер.» стр. 110, 112.

верѣ яблоку, оказалось, вредить пордѣ-ость, а въ тепло-влажной полосѣ Абхазіи повидимому ему слишкомъ много и тепла и влаги и кромѣ того яблони страдаютъ отъ кровяной тли. Оливковыя деревья идутъ какъ будто бы хорошо, но посмотрите хоть бы на славящійся своими оливковыми рощами Новый Афонъ—даже и тамъ плоды ихъ малосочны, горьковаты и малы, далеко не то, что на родинѣ оливкѣ! Будетъ ли спросъ на продукты разводимаго уже здѣсь мѣстами воскового и лакового дерева—кто еще знаетъ, а на счетъ батумскаго чая мы уже знаемъ, что растеть то онъ и хорошо, да спросу пока на него нѣтъ! Во многихъ мѣстахъ прекрасны, положительно роскошны плантаціи цвѣтовъ, но сбытъ ихъ еще не организованъ. На персики, груши и виноградъ нападаютъ мѣстами грибныя болѣзни, а абрикосы и миндаль, оказывается, цвѣтутъ мѣстами на столько рано—до послѣднихъ зимнихъ заморозковъ,—что отъ этихъ заморозковъ кое-гдѣ погибаетъ ихъ цвѣтъ, а слѣдовательно и сборъ плодовъ. И опять все это—гдѣ какъ: въ одномъ мѣстѣ одно удается, а другое нѣтъ и наоборотъ. Что удается въ Туапсе, не удается въ Сочи и часто не потому не удается, что тамъ ему не мѣсто, а потому, что требуетъ иныхъ условій посадки, ухода, другой климатической обстановки, т. е. иной защитности отъ тѣхъ или иныхъ вѣтровъ, той или иной открытости вліянію солнца, той, а не иной близости почвенныхъ водъ и еще тамъ мало ли чего,—а ты вотъ поди все это угадай и испробуй! Прибавьте къ этому, что многіе сорта хоть бы, напр., винограда или яблокъ быстро и неожиданно перерождаются: выпишешь лучшее—переродится въ дрянъ, обзаведешься чѣмъ нибудь средненькимъ—вдругъ выйдетъ прекрасно, а почему—подите разберите! Растеть великолѣпно, а плоды даетъ скверные, или растеть-то такъ себѣ, а плоды хороши! И при томъ тоже—опять гдѣ какъ!»...

Таковы многочисленныя и разнообразныя условія неуспѣха многихъ культуръ и многихъ хозяйствъ у такихъ даже владѣльцевъ, которые дѣйствительно хотѣли что-нибудь сдѣлать, но не могли, благодаря одному общему для нихъ обстоятельству—незнанію мѣстныхъ условій. Но такое незнаніе еще не главная все-таки

причина неуспѣха частновладѣльческаго хозяйства. Не главная уже потому, что заниматься этимъ хозяйствомъ стали немногіе, а у громаднаго большинства хозяйство даже не начиналось и земли его пустуютъ.

Главнѣйшею причиною неуспѣха колонизаціи побережья путемъ созиданія частнаго землевладѣнія—причиною уже не общеою съ крестьянскимъ хозяйствомъ, а относящеюся только къ частновладѣльческому—надо, разумѣется, считать раздачу земель въ частное владѣніе не тѣмъ, кому слѣдуетъ, не людямъ, знающимъ мѣстныя условія, уже фактически занимающимся хозяйствомъ и живущимъ въ краѣ, и даже и не собирающимся жить въ немъ, а по преимуществу людямъ совершенно чуждымъ краю, постоянно живущимъ внѣ его и даже не имѣющимъ надлежащаго понятія ни о какомъ сельскомъ хозяйствѣ. «Прежде розданныя крупныя владѣнія—пишетъ объ этомъ И. Н. Захарьинъ¹⁾—естественнымъ порядкомъ попали въ руки людей съ большимъ общественнымъ положеніемъ и огромными средствами, т. е. людей очень занятыхъ, очень высоко стоящихъ, очень озабоченныхъ другими серіознѣйшими интересами, а потому не имѣвшихъ ни времени, ни охоты посвятить много вниманія своимъ новымъ пріобрѣтеніямъ въ какой-то далекой и полудикой, хотя прекрасной пустынѣ. Забота о нихъ либо откладывалась съ года на годъ, либо принимала характеръ забавы, иногда очень недешевой. Были, конечно, счастливыя исключенія, но ихъ немного. Поэтому розданные участки въ лучшемъ случаѣ разрабатывались достаточно неумѣло и безъ толку, а въ худшемъ—лежали нетронутыми»...

Вотъ эта причина—раздача земель въ частное владѣніе чуждымъ, не понимающимъ хозяйства и не желающимъ заниматься имъ людямъ—эта причина только и объясняетъ факты, указанные въ помянутомъ докладѣ генераль-лейтенанта Старосельскаго, что изъ 63 участковъ, отведенныхъ въ частную собственность въ Черноморскомъ округѣ устроено только 7, или показанія И. Н. Клингена²⁾, что изъ 103 обследованныхъ имъ крупныхъ частныхъ

1) «Кавказъ и его герои», стр. 108—9.

2) «Основы хоз. въ Соч. окр.», стр. 71.

владѣній въ 78 еще не приступлено даже къ устройству этихъ имѣній, потому что владѣльцы ихъ смотрѣли на свою покупку только какъ на спекуляцію; приступило же къ устройству своихъ имѣній только 23 (но и то многіе, можетъ быть, лишь съ цѣлью скорой и выгодной продажи²). Этою только причиною объясняется не разъ отмѣчавшійся мною выше фактъ почти сплошного мѣстами пустованія частновладѣльческихъ земель на весьма большихъ пространствахъ (въ предѣлахъ одной только Черноморской губ. пустоеть приблизительно около 90 т. десятинъ частновладѣльческихъ земель).

Такимъ образомъ раздача земель въ частную собственность имѣла однимъ изъ главныхъ своихъ слѣдствій запустѣніе и одичаніе пространствъ, предназначенныхъ для насажденія культуры (и въ прежнее время культивировавшихся горцами), т. е. раздача эта на громаднѣйшемъ пространствѣ не только не привела къ осуществленію главнаго своего назначенія—распространенія культуры въ завоеванномъ краѣ, но напротивъ явилась элементомъ, державшимъ ее распространеніе. Даже г. Захарьинъ, такъ деликатно выражавшій (въ предыдущей цитатѣ) свое мнѣніе о роли «высоко стоящихъ» владѣльцевъ пустующихъ земель, не могъ не замѣтить (въ другомъ, впрочемъ, мѣстѣ своей книги¹), что «въ прежнее время раздавались такіе участки и въ нѣсколько сотъ десятинъ величиною, и это было *большимъ зломъ, порождавшимъ лишь аферы и злоупотребленія*, выражавшіяся между прочимъ, и въ *хищническомъ истребленіи мѣстныхъ дорожныхъ породъ: пальмы, дуба и красного дерева*».

На это хищническое истребленіе лѣса на пространствахъ частныхъ владѣній я уже указывалъ, говоря о владѣльческихъ земляхъ, расположенныхъ между Н. Афономъ и Сухумомъ. На него указываетъ также при описаніи Сочинскаго округа и проф. Красновъ²), приводя факты варварскаго отношенія къ лѣсу рус-

¹) «Кавказъ и его герои», стр. 139.

²) Русская ривьера. «Недѣля» 1900 № 2.

скихъ рабочихъ и армянъ—арендаторовъ такихъ имѣній, конечно, ни мало не заинтересованныхъ въ сохраненіи чужихъ лѣсовъ.

Не менѣе важный вредъ эти мѣропріятія по распространенію частнаго землевладѣнія принесли и тѣмъ, что изъѣли огромное количество и при томъ лучшихъ болѣе выгодно расположенныхъ земель изъ того земельного фонда, который могъ бы служить для заселенія края трудовымъ земледѣльческимъ элементомъ, на долю котораго осталось и меньше земель и худшія земли—(на что еще въ 1879 г. указывалъ Я. К. Васильевъ) ¹⁾. Рядомъ съ этимъ, результатомъ названныхъ мѣръ было увеличивающее недоступность этихъ земель людямъ трудовыхъ классовъ. непомѣрное повышение цѣнъ на земли и погоня за скупою земель для перепродажи—земельная спекуляція.

Нужно ли говорить, что и погоня эта за курортными и вообще всякими землями и ростъ цѣнъ на нихъ были слѣдствіемъ непомѣрнаго увлеченія побережьемъ, дарами его богатой природы, надеждами на ее высокую производительность?...

«Уже первыя надежды, связанныя съ развитіемъ Кавказа, говоритъ И. Н. Клингенъ ²⁾, были необыкновенно восторженны. Новая страна представлялась земнымъ раемъ, гдѣ не нужно ни сѣять, ни жать, а все уже готово: сады, фрукты, драгоценныя деревья, безчисленные цвѣты и чудныя ягоды; стоитъ только собирать и сдѣлаешься богачемъ».

¹⁾ Извѣстно,—говоритъ кн. Тумановъ,—что Закавказье (часть котораго и составляетъ побережье)—см. «Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ», стр. 92 и 50—и безъ того страдаетъ крестьянскимъ малоземельемъ, что еще болѣе усиливается стремленіемъ мѣстнаго чиновничества и купечества прибирать къ своимъ рукамъ земли, оставшіяся безъ хозяина при эмиграціи... «Много разъ уже заявлялось въ печати, что на Кавказѣ удобные для хлѣбопашества участки давно уже несвободны», «а существующія здѣсь свободныя земли неудобны для культуры, и прежде, чѣмъ ихъ обратить въ хлѣбопахотныя, необходимо затратить много милліоновъ»...

²⁾ «Основы хоз. въ Соч. окр.», стр. 67.

«Восточный берегъ съ его великолѣпною красой—восклицалъ генералъ Фадѣевъ, въ «Письмахъ съ Кавказа» (стр. 154).—составляетъ теперь часть Россіи. Береговая полоса ожидаетъ теперь, какъ неразработанный рудникъ, только людей, которые воспользовались бы ее природными богатствами. Здѣсь во всемъ просторъ человѣку: въ тепломъ и здоровомъ климатѣ пашни, пастбища, лѣса и вездѣ вода и все у него подъ рукой. На южномъ склонѣ растительность роскошна не по европейски»... «Прибрежная страна Кавказа—не узкая полоса, земли между горой и моремъ, какъ южный берегъ Крыма; она сама по себѣ представляетъ цѣлую область, обставленную какъ теплица, закрытую отъ сѣверныхъ вѣтровъ и открытую южнымъ. Глубокія долины, спускаясь отъ вѣчныхъ снѣговъ къ морю, разсыпаются у берега холмами, образующими прелестнѣйшую страну, какую только можно видѣть»...

«Въ трехъ параллельныхъ поясахъ, въ сѣверномъ, нагорномъ и южномъ, природа одинаково великолѣпна, но въ каждомъ поясѣ она блистаетъ особенною оригинальною красотой»... «И эта роскошная новооткрытая страна лежитъ не на Тихомъ океанѣ, а на берегу Чернаго моря»!..

Но въ первое время—пока страна была еще не вполне безопасна для жизни, пока она была не населена, пока въ ней не было ни мужика, ни болѣе или менѣе сносныхъ путей сообщенія и пр., восторги эти были только платоническія. Однако постепенно дѣло стало измѣняться.

Въ первые періоды раздачи земель въ частную собственность (за службу на Кавказѣ) цѣнь на земли совсѣмъ не было и лица, продавшіе свои земли до 80 годовъ, продали ихъ буквально за безцѣнокъ. Съ проведеніемъ новороссійской вѣтви Владикавказской жел. дор. цѣны на земли стали постепенно расти и предусмотрительные люди, имѣвшіе цѣлью нажиться на перепродажѣ земель, стали скупать лучшіе участки, но все еще за сравнительно дешевыя цѣны, тѣмъ болѣе, что большинство владѣльцевъ жило внѣ Кавказа и не знало истиннаго положенія дѣла и настоящей цѣны своихъ земель. Болѣе значительный подъемъ зе-

мельныхъ цѣнъ произошелъ въ это время, какъ и слѣдовало ожидать, близъ линіи жел. дороги и г. Новороссійска. Стоимость земель къ югу отъ Новороссійска стала замѣтно повышаться послѣ того, какъ Русское общество пароходства и торговли постепенно увеличило число остановочныхъ пунктовъ для своихъ пароходовъ и, главнымъ образомъ, послѣ проведенія бережнаго (съ Новороссійска на Сухумъ) голоднаго, анненковскаго шоссе (1892 г.), которое, при всѣхъ своихъ недочетахъ, все-таки связало между собой хотя нѣкоторые отдѣльные населенные пункты побережья. Это улучшеніе путей сообщенія облегчило возможность ознакомленія съ различными мѣстностями побережья и возможность поселенія въ нихъ; оно облегчило доступъ къ побережью, такъ сказать, приблизило его къ Россіи. Параллельно съ этимъ, въ Россіи начать возбуждаться интересъ къ побережью. Пошла молва о прелестяхъ побережья, объ его тепломъ климатѣ, роскошной природѣ. Благополучные россияне увлекались мыслью, что у насъ въ холодной Россіи оказалось, «что то субтропическое», что то похожее на Меранъ, Ниццу и т. п., что у насъ оказалась своя, своя собственная *русская* ривьера, которая можетъ быть заткнетъ даже за поясъ итальянскую! Возникла мода на побережье. Цѣны на земли быстро стали расти, а предприимчивые люди принялись болѣе усиленно скупать земли. Съ другой стороны, и нѣкоторые владѣльцы, надѣясь на еще бѣльшее повышение цѣнъ, начали придерживаваться съ продажей своихъ земель, неособенно заботясь, однако, о приложеніи рукъ къ ихъ культурѣ, потому что быстрый ростъ цѣнъ обезпечивалъ выгодный сбытъ земель безъ всякихъ на нихъ затратъ. Скупщики-спекулянты и тѣмъ болѣе объ этомъ не думали, такъ что подъемъ цѣнъ весьма мало зависѣлъ отъ культуры земель. Слава побережья росла. Теплый климатъ, роскошная могучая природа, богатая разнообразная растительность, слухи и толки о высокой производительности земель, дающихъ при благорастворенномъ климатѣ возможность воздѣлыванія какихъ только угодно «высшихъ» чрезвычайно доходныхъ культуръ, и пр. и пр.—и наконецъ самый этотъ быстрый ростъ земельныхъ цѣнъ и наплывъ раз-

нообразнаго люда извнѣ—все это создавало и создало побережью его нынѣшнюю громкую славу. Масса лицъ устремилась въ побережье съ цѣлью пріобрѣсти себѣ сколько-нибудь земли. Изъ нихъ находились и такіе, которые мечтали, занявшись разведеніемъ высшихъ культуръ, быстро добиться легкаго и значительнаго обогащенія; другіе—разсчитывали на выгодную ихъ перепродажу теперь или въ будущемъ, третьи—хлопотали для себя только объ уголкахъ для дачъ, четвертые—заботились только о томъ, чтобы безъ особыхъ затратъ стать землевладѣльцами въ побережѣ, а «тамъ будетъ видно»!.. и т. д., и т. д. Все это привело къ невообразимому подъему цѣнъ на побережныя земли въ послѣдніе 5—6 лѣтъ, въ которомъ не малую роль сыграла скупка земель для перепродажи быстро сформировавшимся классомъ спекулянтовъ-перекупщиковъ.

Въ предыдущемъ изложеніи мнѣ уже приходилось указывать на образовавшіяся въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ высокія цѣны на земли и громаднѣйшій ростъ ихъ во времени, такъ что въ данномъ случаѣ мнѣ придется ограничиться лишь указаніемъ максимальныхъ величинъ этихъ цѣнъ еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Такъ, верещагинское имѣніе около Сочи куплено Министерствомъ земледѣлія, по показанію г. Васюкова, «очень выгодно»—въ количествѣ 54 дес. за 35000 р., т. е. по 648 р. за дес.; 989 дес. изъ Хлудовскаго имѣнія пріобрѣтены тѣмъ же Министерствомъ «всего за 560000 р.» т. е. по 566 р. за дес., «а теперь квадратная сажень продается по 8 р.» Проф. Красновъ¹⁾ констатируетъ фактъ, что подъемъ цѣнъ на земли по пути между Сочи и Адлеромъ достигъ уже до «сумасбродной суммы 2400 р. за десятину». Нечего и говорить, что доходность этихъ земель ни мало не оправдываетъ такой продажной стоимости ихъ и что она при данныхъ условіяхъ можетъ покрывать лишь незначительную часть процента на затраченный капиталъ, откуда ясно, что такія высокія продажныя цѣны могутъ быть только

¹⁾ Русская ривьера «Недѣля», 1900 № 8, стр. 98.

слѣдствіемъ спекуляціи на земли. Такъ оно именно и есть въ дѣйствительности.

По поводу этого повышенія цѣнъ надобно теперь же кстати сказать о томъ неблагопріятномъ вліяніи, какое они оказали и оказываютъ на распространеніе культуры. Уже указанное громадное несоотвѣтствіе доходности съ цѣнностью земли должно повидимому являться однимъ изъ серьезныхъ препятствій къ распространенію культуры, такъ какъ приобрѣтеніе столь дорогихъ земель, не обѣщающихъ при своей дороговизнѣ достаточнаго процента на затраченный капиталъ, должно устранять въ намѣреющихся заниматься культурой всякое желаніе затрачивать съ этою цѣлью свой капиталъ на приобрѣтеніе дорогихъ бережныхъ земель. Совершенно ясно, что покупающій такой участокъ долженъ разсчитывать не на ежегодный доходъ отъ него, а на тотъ доходъ—тотъ процентъ на свой капиталъ, который онъ получитъ въ концѣ концовъ благодаря продолжающемуся росту продажныхъ цѣнъ. Отсюда стремленіе покупать эти земли не для культуры, а для наживы путемъ ихъ перепродажи. Ясно также, что обладатели участковъ и имѣній на побережьи, по тѣмъ или инымъ причинамъ не интересующіеся хозяйствомъ или не могущіе его вести вслѣдствіе постоянного пребыванія внѣ Кавказа, при наличности такихъ цѣнъ не имѣютъ и особенной надобности заботиться объ ихъ культурѣ, такъ какъ на капиталъ, затраченный для ихъ приобрѣтенія, и безъ того (благодаря быстрому росту цѣнъ) получается болѣе чѣмъ достаточный процентъ.

Насажденіе частной собственности въ краѣ, какъ само собою понятно, имѣетъ тѣснѣйшую связь съ политикой «оживленія» побережья курортами и обращенія его въ «ривьеру». Образованіе курортовъ было бы неосуществимо безъ обращенія въ частную собственность земель подъ нихъ предназначенныхъ. Наибольшее повышеніе цѣнъ произошло именно по отношенію къ землямъ, предназначавшимся подъ курорты. Спекулянты какъ разъ на этихъ земляхъ болѣе всего набивали и набиваютъ свои карманы. Погоня за приобрѣтеніемъ бережныхъ земель болѣе всего сказа-

лась именно на земляхъ, предназначенныхъ подъ курорты—подъ городскіе и дачные участки.

Ради созданія этихъ же курортовъ, кстати сказать, произведенъ былъ даже цѣлый рядъ выселеній съ береговъ моря крестьянскихъ поселковъ, уже устроившихся и обзаведшихся хозяйствомъ, что едва ли могло отозваться благоприятно на имущественномъ положеніи этихъ трудовыхъ засельщиковъ края. Такого, напр., селеніе Агуры въ предгоріяхъ, прилегающихъ къ шоссе Сочи-Адлеръ, состоящее изъ переселенцевъ владимірской, орловской и частію херсонской, таврической и екатеринославской губ., и немало другихъ, о которыхъ проф. Красновъ¹⁾ говоритъ, что *«многіе изъ бывшихъ, здѣсь поселенцевъ даже выселены подъ разными предлогами въ горы, потерявъ разработанные ими участки и въ настоящее время на побережьѣ имѣется весьма немного поселковъ старожиловъ, раскиданныхъ другъ отъ друга на десятки верстъ»*. Такова же и отмѣченная мною въ предыдущемъ изложеніи судьба поселенцевъ Красной Поляны, отселяемыхъ изъ-за нежеланія обратиться въ мѣщанъ г. Романовска.

Это созиданіе курортовъ, какъ видно, признавалось настолько необходимымъ, что ради нихъ можно было игнорировать интересами и даже судьбою трудовыхъ засельщиковъ края, ради нихъ можно было отмѣнить прежній планъ колонизаціи побережья трудовымъ элементомъ, ради нихъ возможно было довести дѣло до неимовѣрной, тормозящей культуру, спекуляціи землями, ради нихъ возможно было не считаться ни съ какими расходами. Въ тоже время оно признавалось еще и настолько спѣшнымъ, что предпринятое именно только для этой цѣли изслѣдованіе побережья учеными специалистами (г.г. Воейковымъ, Пастернацкимъ и Сергѣевымъ) поручено было исполнить въ одну кратковременную командировку,—обстоятельство, которое, сдѣлало, къ великому сожалѣнію, не мало выводовъ изслѣдованія необоснованными и сомнительными. Любопытно также, что задачею работъ этихъ изслѣдователей, которые могли бы собрать много полезныхъ дан-

1) Русская Ривьера. „Недѣля“, 1900 № 1, стр. 46.

ныхъ для разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ заселеніемъ края сельскимъ трудовымъ элементомъ, было поставлено исключительно только изученіе края «въ климатическомъ или бальнеологическомъ», т. е. именно только въ курортномъ, такъ сказать, отношеніи.

Слѣдя за изложеннымъ описаніемъ, хотя иногда и краткимъ, отдѣльныхъ пунктовъ побережья, читатель, надо надѣяться, уже составилъ себѣ о немъ представленіе достаточное для того, чтобы судить о степени пригодности всей береговой полосы побережья къ обращенію въ сплошную полосу курортовъ и о необходимости столь спѣшнаго устроенія ривьеры, такъ сказать, однимъ залпомъ.

Читатель замѣтилъ, конечно, что неудачи колонизаціи побережья и неудачи разводимыхъ на ней культуръ являются слѣдствіемъ стороннихъ причинъ, но не непригодности дѣйствительно богатой его природы. Но, съ другой стороны, онъ, разумѣется, замѣтилъ также, что въ восторгахъ этой природой было и не мало увлеченій, что она далеко и далеко не вездѣ—«роскошна не по европейски», какъ писалъ г. Фадѣевъ, что мѣстные условія разнообразны, неодинаково для всякихъ культуръ пригодны, не одинаковы и въ своемъ вліяніи на человѣческое здоровье.

Совершенно вѣрно, что мы нашли на этомъ побережьи природу, сходную мѣстами съ Лузитаніей, мѣстами съ Ю. Чили, мѣстами съ итальянской ривьерой, съ Японіей, нашли и роскошную мѣстами растительность и живописнѣйшія мѣстности и много пунктовъ полезныхъ для здоровья въ томъ или иномъ отношеніи, но... но во всѣхъ этихъ находкахъ оказалось много «но», съ которыми неизбѣжно считаться. Сходства съ Японіей, съ итальянской ривьерой и пр. оказались не полныя, а лишь въ тѣхъ или иныхъ частностяхъ. Кромѣ того о сходствахъ этихъ по отношенію къ нѣкоторымъ мѣстностямъ возникъ еще споръ между учеными специалистами. О степени пригодности нѣкоторыхъ излюбленныхъ уже климатолечебныхъ пунктовъ тоже возникли разногласія между лицами, производившими ихъ изслѣдованіе. Не только многіе, но, можно сказать, всѣ устраиваемые курорты, какъ замѣтилъ читатель, оказались съ различными дефектами,

иногда и довольно важными. Одни оказались пригодными только для известнаго сорта больных, другіе только для другого, но благодаря спѣшности произведенныхъ изслѣдованій, этотъ вопросъ остался все-таки недостаточно выясненнымъ. Даже въ предѣлахъ одного и того же курорта условія для жизни больныхъ оказались далеко неодинаково благопріятными.

Все это показываетъ, что съ превращеніемъ побережья въ полосу курортовъ совсѣмъ не слѣдовало такъ торопиться, что сначала надо было, не спѣша, обстоятельно изслѣдовать край во всѣхъ отношеніяхъ¹⁾; потомъ на основаніи этого изученія составить приноровленный къ мѣстнымъ условіямъ типъ колонизаціи побережья (отнюдь не увлекаясь скорѣйшимъ его «оживленіемъ») и постепенно, обдуманно приводить его въ исполненіе. Приводить отнюдь не спѣша, хотя бы уже потому, что въ спѣшности этой нѣтъ рѣшительно никакой надобности и что побережные земли могли бы въ известной степени служить Россіи земельнымъ фондомъ для расселенія ея населенія въ будущемъ.

Все это показываетъ, на сколько вредно оказалось это чрезмерное увлеченіе побережьемъ и какую жестокою и во многихъ отношеніяхъ уже непоправимую ошибку сдѣлалъ «знатокъ края» покойный Абаза столь спѣшнымъ и пастойчивымъ обращеніемъ его въ почти сплошную «ривьеру».

Конечно, все сказанное выше можетъ быть совсѣмъ не убѣдительно съ точки зрѣнія тѣхъ собственниковъ, которые уже такъ или иначе пріобщились къ раздававшемуся на право и на лѣво земельному пирогу побережья, или успѣли нажитья на перепродажѣ земельныхъ участковъ. Но такіе вопросы нельзя разсматривать съ точки зрѣнія интересовъ отдѣльныхъ личностей, или какого нибудь одного класса. Ихъ нужно разсматривать только съ общегосударственной точки зрѣнія, а съ таковой дѣло, очевидно, не можетъ подлежать спору.

«Оживленіе» края по плану покойнаго Абазы привело лишь къ искусственному созданію курортовъ, и заселенію ихъ безпо-

¹⁾ Въ чемъ онъ продолжаетъ нуждаться и нынѣ.

лезными для края и большею частью лишь временно живущими въ нихъ «дачниками», «мысли которыхъ, употребляя выраженіе С. И. Васюкова¹⁾, направлены къ тому, чтобы создать ротонду и бульваръ, гдѣ бы игралъ оркестръ музыки и гдѣ они могутъ показать свои костюмы и обмѣняться свѣжими сплетнями. Развѣ это элементъ нужный и полезный»?!

Въ курортахъ черноморской губ.: Геленджикѣ, Джубгѣ, Туапсе, Адлерѣ и Сочи коренное населеніе составляло²⁾ къ 1899 году 1746 душъ об. пола, а сверхъ того въ нихъ числилось 2671 душъ иногородныхъ, т. е. въ полтора раза большее число лицъ живущихъ обыкновенно въ другихъ городахъ и только временно пребывающихъ въ этихъ пунктахъ!

Развѣ это заселеніе края?

Какъ же происходило заселеніе края трудовымъ земледѣльческимъ элементомъ?

Изгнавъ аборигеновъ страны «мы—говорить г. Клингенъ—взяли на себя тяжелый нравственный долгъ удовлетворить цивилизацію за утраченныя силы и за погибшую культуру, которая копилась 3000 лѣтъ, а погибла въ 30 лѣтъ подъ напоромъ чудовищно-творческой силы природы, уже не сдерживаемой опытною и сильною рукой аборигена»³⁾.

Очевидно, нравственный долгъ этотъ еще лежитъ на насъ, потому что, какъ видно изъ сообщеній позднѣйшихъ изслѣдователей побережья, современное общее состояніе края представляетъ картину весьма неутѣшительную: «до послѣдняго времени населеніе побережья не прибавлялось, а скорѣе регрессировало, и колоніи прозябали, а не процвѣтали; ничтожная производительность земли, всюду жалкая культура, уныніе въ сердцахъ, вѣчные вздохи о покинутой родинѣ, бѣдность, болѣзни, невозможныя

1) Край гордой красоты.

2) По даннымъ «справочной кн. черном. губ. на 1899 г. П. С. Леонтьева.

3) Основы хоз. въ Соч. окр., стр. 3.

дороги, отсутствіе мостовъ, общій упалокъ и одичаніе,—вотъ что рѣжетъ глаза на каждомъ шагѣ¹⁾).

Какимъ образомъ уплачивали мы этотъ долгъ путемъ устройства собственной «ривьеры»--объ этомъ только что говорилось. А какъ мы его начали уплачивать на первыхъ же порахъ по завоеваніи края, заселяя его, на основаніи упоминавшихся выше законовъ 1866 и 1870 г.г., козаками и вольными засельщиками и какія, сравнительно съ громадными жертвами, слабые успѣхи дала эта колонизація—объ этомъ читатель знаетъ уже изъ первой главы. Причины этого неуспѣха, въ громадномъ большинствѣ отнюдь не зависѣвшія отъ самихъ засельщиковъ, хорошо извѣстны читателю изъ предыдущаго изложенія и потому повторять ихъ нѣтъ надобности.

Подводя итогъ результатамъ описанной колонизаціи побережья по законамъ 1866 и 1870 г., можно сказать, что она далеко не оправдала возлагавшихся на нее надежды и результаты ея далеко не соответствовали огромнымъ затратамъ, произведеннымъ на нее казною. Кромѣ этихъ крупныхъ жертвъ деньгами она потребовала еще огромныхъ жертвъ людьми, живыми жизнями, безвременно погибшими въ этой красивой, но совершенно чуждой переселенцамъ странѣ, которую многіе изъ оставшихся въ живыхъ вынуждены были навсегда покинуть окончательно разоренными. И изъ большого числа переселявшихся семей, по всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ, осталось въ концѣ концовъ сравнительно немного, приблизительно не болѣе одной трети.

Но разъ они остались, этимъ все-таки было положено начало заселенію края.

Законъ 1866 г. имѣлъ одну безусловно хорошую сторону: избѣгая колонизовать край подборомъ людей по усмотрѣнію начальства, онъ допускалъ широкое примѣненіе личной инициативы какъ въ дѣлѣ свободнаго выбора мѣстъ для поселенія, такъ и въ группировкѣ посельщиковъ и въ устройствѣ хозяйства, не

¹⁾ Тамъ же, стр. 1; г. Клингенъ окончилъ изслѣдованіе. Сочин. округа въ 1897 году.

стремясь заселить край только чисто русскимъ элементомъ и допуская свободный доступъ всякихъ сословій и національностей. И еслибы рядомъ съ его опубликованіемъ были приняты соотвѣтственныя мѣры къ разъясненію новоселамъ мѣстныхъ особенностей климата и почвъ, проведены хотя необходимѣйшія дороги и пр., то результаты этой колонизаціи были бы, несомнѣнно, гораздо значительнѣе.

Благодаря закону 1866 г., на побережье, кромѣ переселяющихся «изъ Россіи» крестьянъ-малороссовъ и великороссовъ, приходили селиться и люди другихъ національностей. Большинство поселыщиковъ стремилось устроиться по возможности ближе къ морю, такъ какъ при недостаткѣ путей сообщенія сношенія съ міромъ удобнѣе было производить моремъ или по береговой низинѣ, тамъ же было и больше пространствъ безлѣсныхъ и ровныхъ, напоминавшихъ родныя равнины засельщикамъ «изъ Россіи». Благодаря этому «вся горная часть осталась незанятою, и такъ почти совершенно пустуетъ и донинѣ». Только «немногіе изъ пришельцевъ-иноземцевъ, въ поискахъ за удобными землями поднялись на нагорныя высоты и, найдя здѣсь отличныя земли, обширныя пастбища и прекрасный климатъ, осѣли, никѣмъ невѣдомые, въ старыхъ черкесскихъ аулищахъ»¹⁾. Черезъ 14 лѣтъ по изданіи закона 1866 г., Я. К. Васильевъ, объѣзжая всѣ устроившіеся на побережьи поселки и придя къ (цитированнымъ выше въ первой главѣ) неблагопріятнымъ выводамъ о результатахъ русской колонизаціи края, отзывался совершенно иначе о послѣдствіяхъ заселенія его другими народностями: «Излишне говорить, что греки, армяне, молдоване и чехи... «должны быть признаны, на основаніи приведенныхъ о каждомъ изъ нихъ данныхъ, *наиболѣе стойкимъ, вполне соотвѣтственнымъ и производительнымъ элементомъ*, даже и при настоящихъ экономическихъ условіяхъ округа»... Объясненіемъ этой большей стойкости названныхъ элементовъ является, очевидно, большее знакомство этихъ народовъ съ данными условіями края, сравни-

1) «Черном. побер.».

тельно съ посельщиками изъ равнинной Россіи (на что уже указываетъ самое поселеніе ихъ въ горахъ, чего такъ боялись великороссы и малороссы)¹⁾ и сравнительно большая ихъ культурность.

Надо замѣтить, что этотъ вопросъ о преимуществахъ чисто русской и инородной колонизаціи (рѣшенной впослѣдствіи по инициативѣ покойнаго Абазы въ пользу заселенія края только чисто русскими элементами—издапѣмъ закона 1897 г.) и до сихъ поръ возбуждаетъ споръ въ литературѣ о побережьи.

Изъ прежнихъ изслѣдователей края гр. Варгасъ-де-Бадемаръ²⁾ находилъ даже, что «только призывомъ колонистовъ изъ южной Германіи, которые хорошо знаютъ винограводство, табаководство, пчеловодство и садоводство...» «колонистовъ домовитыхъ и весьма трудолюбиваго характера можно будетъ въ скоромъ времени привести эту землю въ цвѣтущее состояніе. Колонисты эти могутъ составить ядро будущаго населенія и знакомить переселяющихся русскихъ людей съ этими культурами»... Съ этою цѣлью онъ предлагалъ расселять ихъ не большими общинами, а сравнительно мелкими «участками» или отдѣльными фермами,—чтобы они были, такъ сказ., вкраплены по возможности повсюду между будущими русскими колонистами. Приблизительно въ томъ же смыслѣ высказались изслѣдовавшіе побережье около того же времени, уже упоминавшіеся выше г.г. Хатисовъ и Ротиньянцъ. Считая степное населеніе неподходящимъ для заселенія этого края они находили, что для этого «слѣдовало бы остановиться на такихъ горскихъ племенахъ, которые, слѣдуя христіанскому ученію, были бы преданы правительству, какъ коренные русскіе». Къ такимъ племенамъ они относили армянскихъ и греческихъ вы-

1) Однако и часть русскихъ поселковъ тоже оказалась закинутой въ горы частію вслѣдствіе принудительнаго ихъ выселенія съ берега въ горы (ради освобожденія ривьеры отъ мужика), частію вслѣдствіе того, что инородцы мѣстами опередили ихъ, захвативъ лучшія мѣста, что ближе къ берегу.

2) «Записка объ осмотрѣ Зап. берега Закавказ. края»—Записки Кавк. О. С. Х., 1867 г., № 3—4.

ходцевъ изъ Турціи, нѣмцевъ изъ южной нагорной Германіи и христіанъ изъ нагорной Имеретіи—рачинцевъ и лечгумцевъ.

Позднѣйшіе изслѣдователи И. Н. Клингенъ и проф. Пастернацкій нашли эти «не русскія» поселенія и въ настоящее время болѣе приспособившимися, ведущими болѣе подходящую къ мѣстнымъ условіямъ культуру, находящимися въ экономически лучшихъ условіяхъ, чѣмъ чисто русскія поселенія. Кромѣ болѣе приспособленности къ климату и прочимъ мѣстнымъ условіямъ и большаго знанія ими таковыхъ, причина ихъ успѣха лежала, по мнѣнію И. Н. Клингена, также въ той сплоченности, которой такъ недоставало большинству русскихъ поселковъ, составленныхъ изъ незнавшихъ другъ друга пришельцевъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, и которою наоборотъ отличались эти «иностранческіе» поселки, основанные большею частію группами людей родственныхъ и хорошо знакомыхъ другъ другу.

Однако другой современный изслѣдователь побережья—проф. Красновъ протестуетъ противъ заселенія края инородческими элементами. Наблюденные имъ поселки малороссовъ и великороссовъ оказались совсѣмъ не такъ плохи, какъ можно было бы ожидать въ виду поселенія ихъ въ совершенно чуждой имъ странѣ при всѣхъ изложенныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Нѣкоторые оказались даже устроившимися замѣтно лучше окрестныхъ поселковъ изъ иноплеменныхъ элементовъ, что можетъ служить доказательствомъ возможнаго успѣха чисто русской колонизаціи. Въ то же время культура на земляхъ, обрабатываемыхъ этими иноплеменниками, оказалась мѣстами совсѣмъ невысокаго достоинства, особенно на земляхъ, арендуемыхъ ими (гдѣ они наименѣе всего, конечно, заботятся о поддержаніи плодородія почвы). Въ особенности проф. Краснова возмущаетъ повидимому то обстоятельство, что въ то время, какъ поселившіеся по новому закону (1897 г.) русскіе пользуются правомъ только на трехдесятиный надѣлъ, иноплеменники «разжилисъ» на 30—десятинныхъ участкахъ (полученныхъ по закону 1866 г.) и что на побережьи такъ много роздано земель чужеземнымъ элементамъ. «Вмѣсто того, чтобы рекомендовать—говорить онъ, возражая главнымъ образомъ И. Н.

Клингену¹⁾—составлять этнографическія коллекціи изъ инородцевъ своего и сосѣднихъ государствъ, во всѣхъ отношеніяхъ правильнѣе позаботиться о возможно лучшемъ устройствѣ русскихъ поселенцевъ». Однако, хотя его патріотическое чувство и возмущается противъ того, что «слишкомъ много земель роздано чужеземцамъ», тѣмъ не менѣе онъ самъ же приводитъ, напр., факты изъ жизни турецко-подданныхъ армянъ-арендаторовъ²⁾, затратившихъ «громадный трудъ» на приведеніе снимаемыхъ ими земель въ культурное состояніе. Онъ не скрываетъ при этомъ, что «въ культурномъ отношеніи ими сдѣлано много»³⁾, «ихъ піонерская работа не остается безслѣдною въ краѣ» и сами они «симпатичный и многообщающій народъ». Также патріотическая жилка впрочемъ сквозитъ отчасти даже и у признающаго полезность чужеземной колонизаціи края въ извѣстныхъ предѣлахъ И. Н. Клингена въ словахъ⁴⁾: «главнѣйшее и самое основательное возраженіе противъ особенно широкой колонизаціи упомянутыми элементами,—это сознаніе, что въ Россіи первая забота и лучшее мѣсто должны принадлежать русскому народу, а не чужеземцамъ»...

Между тѣмъ вѣдь дѣло именно только въ томъ и состоитъ, чтобы допущеніемъ болѣе приспособленныхъ и болѣе культурныхъ «чужеземцевъ», ихъ трудами, опытомъ и примѣромъ создать благопріятную почву и удобныя условія для самихъ русскихъ же, для заселенія и экономического оживленія края. При томъ изъ этихъ «чужеземцевъ» не мало есть такихъ, которые, какъ, напр., нѣкоторые армяне, имеретинцы, молдаване состоятъ русскими подданными. Вѣроятно, если бы съ нихъ начать, то наша колонизація не принесла бы столько жертвъ, какъ заселеніе, начатое съ жителей равнинной Россіи, особенно, еслибы разселеніе этихъ чужеземцевъ происходило не по ихъ только

1) Русская ривьера. «Недѣля», 1900 г., № 8.

2) «Недѣля», 1900 г., № 5.

3) Курсивъ подлинника.

4) Основы хоз. въ Соч. окр.

усмотрѣнію, а болѣе или менѣе планомерно, — въ порядкѣ очень практично намѣченномъ (см. выше) гр. Варгасъ-де-Бадемаромъ, при осуществленіи котораго переселяющіеся русскіе могли бы видѣть поблизости примѣры хозяйства уже акклиматизировавшихся «чужеземцевъ».

Посмотримъ однако составъ сельскаго населенія края въ отношеніи его распредѣленія на русскихъ и чужеземцевъ. Въ Сухумскомъ округѣ онъ долженъ быть совсѣмъ иной, чѣмъ, въ черноморской губ., въ виду того, что тамъ осталась на мѣстѣ значительная часть его коренного населенія. И дѣйствительно, русскихъ тамъ только 20%¹⁾, на 80% самурзаканцевъ, абхазцевъ и мингрельцевъ²⁾. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія исторіи заселенія, намъ долженъ быть интересенъ собственно «черноморскій округъ», т. е. нынѣшняя черноморская губернія, гдѣ заселеніе происходило, послѣ изгнанія горцевъ, на-ново. Кромѣ самаго Новороссійска во всей губерніи къ 1898 г. оказалось (вмѣстѣ въ Сочи, Туапсе, Джубгой, Геленджикомъ и Адлеромъ) всего только *шестьдесятъ одинъ* населенный пунктъ (!)³⁾ съ составомъ кореннаго населенія отъ 27 до 1000 душъ обоюго пола на одинъ поселокъ. Изъ этого коренного населенія греки, армяне, эсты, чехи, молдаваны, нѣмцы, мингрельцы, турки, черкесы и грузины составляли около 50% населенія, остальную же его часть составляли русскіе — главнымъ образомъ малороссы и частию великороссы и пришлецы изъ новороссійскихъ губерній, (а съ г. Новороссійскомъ ихъ болѣе 50%). Слѣдовательно въ указанномъ отношеніи населеніе распредѣлилось почти пополамъ. Что касается распредѣленія его по поселеніямъ, то чисто русскихъ или почти исключительно русскихъ селеній имѣется 14 (изъ нихъ 9 въ одномъ Туапсинскомъ округѣ), таковыхъ же (т. е. съ однороднымъ составомъ населенія) 5 армянскихъ (всѣ въ Туапс. округѣ), 5 греческихъ (4 въ Сочинск. округѣ),

1) Съ г. Сухумомъ.

2) Г. Марковъ. «Русскій уголокъ Италіи», «Недѣля», 1903 г., № 3.

3) Безъ временныхъ арендаторскихъ поселковъ на частновладельч. земляхъ.

5 черкесскихъ и 4 чешскихъ. Остальные составляютъ смѣсь разныхъ племенъ, изъ нихъ въ 8 русскіе составляютъ свыше 50% и въ 8 имѣется та или иная примѣсь русскаго населенія (въ итогѣ русскіе крестьяне живутъ въ 30 изъ 61 населеннаго пункта). Тупаисинскій округъ характеризуется наибольшимъ преобладаніемъ селеній съ одноплеменнымъ составомъ населенія, тогда какъ Сочинскій наоборотъ — наличностью сравнительно большаго числа населенныхъ пунктовъ съ разноплеменнымъ составомъ населенія.

Что касается количества произведенныхъ этимъ населеніемъ разработокъ, то вопросъ этотъ выясняется слѣдующими цифрами:

Десятинъ всей надѣлы земли на 1 налич. ду- шу м. п. въ де- сятин.	Количество раз- работ. земель къ общему ко- лич. надѣльныхъ земель.	Средній раз- мѣръ разра- ботки (деся- тинъ) на 1 на- лич. душу м. п.
---	---	--

Въ итогѣ по всей губерніи:	12	12	1,55
Въ селен. съ исключит. русск. населеніемъ:	13	11	1,6
Въ селен. съ исключит. не русск. населеніемъ:	9	16	1,5
Въ томъ числѣ у чеховъ:	11	24	2,7

Изъ этихъ цифръ ¹⁾ выясняется, что чисто русское населеніе обезпечено надѣльными землями, въ среднемъ выводѣ, въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ инородное (у первыхъ 13, у вторыхъ 9 дес. на душу). Процентъ разработанныхъ среди надѣла земель у нихъ меньше (11%), чѣмъ у «чужеземцевъ» (16%). Но это могло зависѣть отъ двухъ причинъ, во первыхъ, отъ того, что общее количество надѣльныхъ земель у нихъ больше, во вторыхъ, потому, что нѣкоторые изъ ихъ селеній, какъ было указано, частію удалены (съ ривьеры), частію и сами устроились въ предгорьяхъ, гдѣ труднѣе разработка и при заселеніи было меньше (чѣмъ на равнинныхъ частяхъ побережья) мѣстъ (какъ, напр.,

¹⁾ сведенныхъ изъ данныхъ «Справочн. книги» на 1899 г. г. Леонтьева.

сѣнокосныя поляны), почти не требовавшихъ расчистки¹⁾. Но рядомъ съ этимъ русскіе разработали въ среднемъ на душу (1,6 дес.) нѣсколько болѣе «чужеземцевъ» (1,5 дес.), что, съ одной стороны, свидѣтельствуетъ о ихъ трудоспособности, а съ другой, даетъ основаніе думать, что какъ незнакомыя съ «высшими культурами», требующими меньшей культурной площади, они стремились къ расширенію запашки для привычной имъ культуры зерновыхъ растений. Впрочемъ разница въ среднихъ на душу разработкахъ русскихъ и «чужеземцевъ»—1,6 и 1,5 дес.—въ сущности очень незначительна. Однако ближайшее разсмотрѣніе состава отдѣльныхъ селеній, занимающихся мѣстными культурами—виноградарствомъ и табаководствомъ—указываетъ все-таки, что ими занимаются преимущественно селенія, состоящія или только изъ однихъ инородныхъ элементовъ, или же—лишь съ нѣкоторою примѣсью русскихъ. Селеній же съ чисто-русскимъ населеніемъ, занимающихся этими культурами сравнительно немного. Это до нѣкоторой степени свидѣтельствуетъ о томъ, что «чужеземцы» дѣйствительно были для русскихъ пришельцевъ тѣми «опытными хозяйствами», съ которыхъ они могли брать примѣръ для введенія мѣстныхъ и «высшихъ» культур²⁾.

Нечего и говорить, что, приспособляясь къ мѣстнымъ условіямъ, присматриваясь къ тому, какъ живутъ поселщики изъ числа «чужеземцевъ» (турецкихъ грековъ, армянъ, черкесовъ и т. п.), засельщики изъ Малороссіи и Великороссіи многое у нихъ перенимали, измѣняя въ свою очередь многое изъ того, къ чему привыкли на родинѣ. Напр., во многихъ мѣстахъ Сочинскаго

1) Достойно вниманія, что извѣстные своей культурностью чехи, тоже люди пришлые на Кавказѣ, имѣя надѣль по величинѣ почти одинаковый съ русскими, произвели несравнимо болѣе значительныя разработки (см. вышепривед. табличку).

2) Нельзя не пожалѣть, что, за неизслѣдованностію края и отсутствіемъ достаточно полныхъ данныхъ о занятіяхъ и условіяхъ жизни его населенія, на всѣ эти вопросы нельзя отвѣтить съ должной категоричностью.

округа, отличающихся, какъ было сказано, своею влажностью, они стали строить и хаты и хозяйственные постройки на столбахъ, на извѣстной высотѣ надъ землею, во избѣжаніе сырости. Традиціонныя соломенные крыши замѣнились деревянными—преимущественно изъ драни. Теплый климатъ, позволяющій большую часть жизни проводить внѣ дома, самъ собою привелъ къ тому, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ прежнія малороссійскія хаты оказались снабженными верандами, настолько просторными, что на нихъ можно поставить столъ, обѣдать и пр.; веранды эти затѣнены обыкновенно навѣсомъ удлиненной надъ ними и подпертой столбиками крыши хаты. Бываетъ, что кромѣ печи въ хатѣ, устраивается еще печь близъ дома на открытомъ воздухѣ, чтобы въ особенно жаркую пору, во избѣжаніе духоты, не топить печку въ хатѣ. Расположеніе поселковъ далеко не всегда соотвѣтствуетъ типу Россійскихъ селеній съ улицею и двумя рядами домовъ по ея сторонамъ. Нерѣдко оно болѣе или менѣе разбросано. Если же съ «улицей», то нерѣдко тоже съ настолько просторнымъ расположеніемъ отдѣльных хатъ, что такія хаты съ примыкающими къ нимъ небольшими садами и огородами производятъ впечатлѣніе небольшихъ хуторовъ. При всѣхъ этихъ измѣненіяхъ въ расположеніи и характерѣ построекъ, многіе малороссы не забываютъ однако бѣлить свою хату внутри и снаружи.

Въ предыдущемъ изложеніи (глава II), говоря о геленджикскомъ районѣ, я уже касался отчасти вопроса о вліяніи мѣстныхъ условій на формы землевладѣнія въ крестьянской средѣ. Здѣсь, говоря объ этихъ мѣстныхъ вліяніяхъ, мнѣ хотѣлось бы кстати, указать на весьма интересный фактъ, наблюденный проф. Красновымъ.¹⁾ въ двухъ селеніяхъ Сочинскаго округа, образовавшихся изъ крестьянъ подольской губ., гдѣ, какъ извѣстно, существуетъ подворно-наслѣдственное владѣніе. Оба селенія—Верхняя и Нижняя Николаевка получили по 30 дес. на семью. «Но собственниками земли считаются только владѣльцы усадебной земли или земли, засаженной фруктовыми деревьями и виногра-

1) Русская «ривьера», Недѣля 1900 г. № 8.

домъ. Остальная земля, хотя она и очищается отъ лѣса и ого-
раживается, считается собственностью расчистившаго только около
6 лѣтъ,—т. е. то время, въ теченіе котораго расчистившій ее
успѣетъ вознаградить свои труды по ея расчисткѣ». «Послѣ того
пастушаетъ передѣль и земля распредѣляется подушно»... «Въ
виду того, что сравнительно небольшой ⁰/₁₀ занятой лѣсами терри-
торіи расчищенъ изъ подъ лѣса, душевой надѣль *de facto* не
превосходитъ господствующій въ Россіи, остальная же территорія
является запасною общественною землею». Подобный фактъ, какъ
совершенно вѣрно замѣчаетъ проф. Красновъ, представляетъ
естественное слѣдствіе борьбы новоселовъ съ природою, нерѣдко
заставлявшей ихъ сообща отвоевывать у лѣса клочки земли, год-
ной подъ засѣвы,—борьбы, которая была бы не подъ силу от-
дѣльнымъ засельщикамъ.

Очевидно, и своеобразныя мѣстныя условія и вліяніе при-
мѣра чужеземцевъ и, наконецъ, самыя условія поселенія въ не-
населенной странѣ должны были породить у русскихъ засельщи-
ковъ края массу разнообразныхъ отклоненій отъ ихъ прежняго
быта (что, конечно, давалось имъ весьма нелегко),—отклоненій
весьма интересныхъ и въ бытовомъ и во всѣхъ другихъ отноше-
ніяхъ, которыя было бы тоже весьма интересно и поучительно
уяснить путемъ спеціальнаго мѣстнаго изслѣдованія.

Помянутые 61 поселокъ, составляющіе всю сумму населен-
ныхъ пунктовъ въ губерніи представляютъ результатъ дѣйствія
законовъ 1866 и 1870 гг. Въ 1897 году изданъ уже новый за-
конъ объ его заселеніи и немногіе устроившіеся по этому закону
поселки въ это число (61) не вошли.

Изданію закона 1897 г. предшествовало (отмѣченное въ III
главѣ) переименованіе Черноморскаго округа—въ видахъ споспѣ-
шествованія «заселенію и оживленію» края—въ Черноморскую
губернію. Самый же законъ изданъ не послѣ упомянутыхъ выше,
произведенныхъ по спеціальнымъ порученіямъ, научныхъ обслѣ-
дованій края гг. Воейковымъ, Клингеномъ, Пастернацкимъ и Сер-
гѣевымъ, а до нихъ, какъ будто нельзя было подождать какіе-
нибудь одинъ-два года и какъ будто изданіе законовъ должно

предшествовать изслѣдованію, предназначенному для выясненія правильной постановки того или иного дѣла, а не наоборотъ. Законъ этотъ представляетъ результатъ дѣятельности упомянутой уже въ предыдущемъ изложеніи комиссія по заселенію края, состоявшей подъ предсѣдательствомъ Н. С. Абазы. Но въ собраніи узаконеній законъ этотъ (отъ 31 марта 1897 г.) во всеобщее свѣдѣніе полностью не опубликованъ (такъ что официально онъ долженъ быть извѣстенъ во всей полнотѣ только мѣстному начальству), хотя на самомъ дѣлѣ онъ, какъ оказывается, извѣстенъ въ достаточныхъ подробностяхъ многимъ интеллигентнымъ жителямъ побережья ¹⁾. Да и независимо отъ этого о немъ можно до извѣстной степени судить по тѣмъ фактамъ, въ которыхъ онъ такъ или иначе проявлялся.

На сколько можно судить по собраннымъ о немъ свѣдѣніямъ и наблюденнымъ фактамъ проведенія его въ жизнь, одною изъ характерныхъ чертъ этого закона можно повидимому считать «чисто русское» его направленіе, прекращающее, всякій доступъ какимъ бы то ни было инороднымъ и инороднымъ и неправославнымъ элементамъ. На сколько рачіональна такая постановка здѣсь переселенческаго дѣла, объ этомъ не буду распространяться въ виду только что приведенныхъ по этому вопросу данныхъ, по которымъ читатель самъ уже можетъ составить соответствующее заключеніе.

Другою характерною чертою новаго закона является предварительное заготовленіе переселенческихъ участковъ особою по-земельно-устройительною партією съ намѣченіемъ для усадебной осѣдлости мѣстъ по возможности безопасныхъ отъ маляріи (болѣе

¹⁾ но не приселяющимся сюда крестьянамъ, для которыхъ знаніе его было бы всего важнѣе. Этотъ вопросъ о причинахъ неопубликованія закона является весьма трудно объяснимымъ. Совершенно непонятно, чего въ данномъ случаѣ боялась названная комиссія во главѣ съ Н. С. Абазой: льготы имъ предоставляемыя совсѣмъ не настолько заманчивы, чтобы повліять на усиленіе движенія сюда переселенцевъ, а надѣлъ съ прежнихъ 30—20 дес. сокращенъ даже до 3 дес. на нал. душу.

возвышенныхъ), при чемъ надѣльная норма, не въ примѣръ прежнимъ 20 и 30 десятиннымъ нормамъ, не превышаетъ уже 3 десятины удобной земли на наличную душу м. п. Противъ этой нормы въ 3 десятины усиленно сѣтуетъ проф. Красновъ въ одной изъ своихъ статей ¹⁾; протестующій, что русскимъ предоставляется только 3 дес., когда чужеземцы имѣютъ уже по 30. Но эти 30 дес. достались имъ по отмѣненному закону, на равныхъ правахъ съ русскими, а теперь имъ уже, по новому закону, не дадутъ и тѣхъ 3 дес., которыми надѣляютъ русскихъ. Однако, нельзя не признать, что эти 3 дес. на душу, представляющія въ сущности только право на разработку 3 дес. въ указанномъ новому поселку надѣлѣ, а не разработанную уже землю, являются величиною достаточно мизерною и по сравненію съ прежней нормой надѣла и само по себѣ.

Не надо забывать, что помянутыя 1,6 дес. на наличн. душу м. п. оказались разработанными къ нынѣшнему времени при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ поселенія во враждебной (для первыхъ засельщиковъ) совершенно чуждой странѣ. Слѣдовательно при болѣе благопріятныхъ условіяхъ разработка была бы значительно больше. Не слѣдуетъ также забывать, что нельзя требовать, чтобы поселяющіеся здѣсь крестьяне жили только «высшими культурами», подъ которыя, повидимому, предполагается обратить все побережье. Вѣдь и горы, имѣвшіе здѣсь высшія культуры, сѣяли здѣсь зерновыя хлѣба. Конечно, высшія культуры, разъ онѣ заведены какъ слѣдуетъ и имѣютъ сбытъ, тоже могутъ дать средства для покупки хлѣба. Но для мужика прежде всего на обзаведеніе ими нужно имѣть деньги и деньги большія, которыхъ обыкновенно у него нѣтъ; кромѣ того ему нужно на что-нибудь жить уже въ первое время по поселеніи, а высшія культуры даютъ доходы обыкновенно только чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ пасаженія. А главное «поселянинъ безъ собственнаго хлѣба — игрушка въ рукахъ любого кулака; значить, краеугольнымъ камнемъ крестьянскаго хозяйства

¹⁾ „Русская Ривьера“. Недѣля 1901 г. № 1.

должно быть хлѣбопашество, дающее ему независимость и устойчивость во всѣхъ его дальнѣйшихъ предпріятіяхъ» ¹⁾).

Вышеуказанное предварительное заготовленіе участковъ, долженствующее сводиться къ предварительному осмотру земель съ точки зрѣнія пригодности ихъ для культуры; наличности всѣхъ необходимыхъ угодій, опредѣленія предѣльнаго размѣра количества лицъ, могущихъ на нихъ поселиться, предварительнаго устройства дорогъ и пр., будучи исполняемо какъ слѣдуетъ, должно представлять, конечно, значительный шагъ впередъ. Для осуществленія этихъ задачъ организована особая поземельноустроительная партія, содержаніе которой обходится около 30000 р. въ годъ. Самое переселенческое дѣло вѣдаетъ Общее Присутствіе Черноморской губерніи и въ качествѣ исполнительнаго органа имѣется еще особый чиновникъ по переселенческимъ дѣламъ.

Въ то время, какъ по закону 1866 г. каждый представившій увольнительное свидѣтельство съ мѣста прежней своей приписки имѣлъ право поселенія въ побережьи съ свободнымъ выборомъ мѣста по своему усмотрѣнію, теперь этого уже недостаточно. О каждомъ, заявившемъ желаніе переселиться на побережье, собираются справки чрезъ полицію о семейномъ и имущественномъ положеніи, образѣ жизни и пр. и по этимъ полицейскимъ справкамъ Общее Присутствіе составляетъ для доклада Министерству свое заключеніе о томъ, пригоденъ ли проситель стать въ ряды засельщиковъ края. Перечисленіе съ родины и причисленіе къ мѣсту новаго поселенія обставлено, конечно, всѣми неизбѣжными у насъ формальностями. При этомъ оно нерѣдко еще очень осложняется и замедляется, къ сожалѣнію, самымъ фактомъ неопубликованія закона во всеобщее свѣдѣніе. Это происходитъ благодаря тому, что бывшему начальству посельщика, живущему въ Россіи, новый законъ этотъ, благодаря его неопубликованію, обыкновенно неизвѣстенъ и неизвѣстенъ ему тѣ права и льготы, которыя предоставляются переселяющимся на побережье въ отношеніи порядка отчисленія ихъ отъ

¹⁾ Клингенъ И. Н. «Основы хоз. въ Соч. окр.».

прежнихъ обществъ ¹⁾). Слѣдствіемъ этого являются нерѣдко недоразумѣнія, разясняемые только перепискою. Въ этой иногда весьма длительной перепискѣ мѣстному кавказскому начальству приходится знакомить недоумѣвающихъ «россійскихъ» чиновниковъ съ требованіями неизвѣстнаго имъ закона, «отговариваться незнаніемъ» котораго, какъ таковаго, по основнымъ требованіямъ нашихъ законовъ, «никто не можетъ» и тѣмъ менѣе чиновники, обязанные руководствоваться имъ.

Эти неизбѣжныя затяжки ставятъ иногда посельщиковъ въ тяжелое положеніе. Дѣло въ томъ, что рѣшенія присутствія утверждаются министромъ, но до утвержденія проситель увѣдомляется присутствіемъ о состоявшемся о немъ рѣшеніи, посланномъ на утвержденіе въ Петербургъ. Получивъ такое извѣщеніе, обрадованный крестьянинъ, по обыкновенію многихъ нашихъ крестьянъ-переселенцевъ, не ожидая конца чуждой и неизвѣстной имъ канцелярской волокиты, ликвидируетъ хозяйство на родинѣ и приходитъ на побережье, не имѣя еще формальныхъ правъ на причисленіе. Справедливость требуетъ сказать, что мѣстное губернское начальство старается войти въ положеніе такихъ засельщиковъ и оказать имъ посильное содѣйствіе до окончательнаго рѣшенія ихъ судьбы. Но, во первыхъ, до этого времени посельщикъ все-таки по нѣскольку мѣсяцевъ живетъ и «проѣдается» въ неопредѣленномъ положеніи, во-вторыхъ, изъ министерства могутъ приходиться иногда и отрицательные отвѣты, которыми дальнѣйшая судьба «самовольно пришедшаго» переселенца опредѣляется большею частью въ видѣ постоянного бездомнаго батрачества гдѣ-нибудь (преимущественно) въ Кубанской области или по курортамъ побережья. Дѣло въ томъ, что съ опубликованіемъ закона 1897 г. заселеніе официально допустимо только на заранѣе предназначенныхъ мѣстахъ извѣстнымъ опредѣленнымъ порядкомъ и въ сообществѣ съ тѣми людьми, которые поселены будутъ на данномъ участкѣ по усмотрѣнію при-

¹⁾ Напр., по новому закону, наличность недоимокъ у переселенцевъ на побережье препятствіемъ къ выселенію съ родины служить не можетъ, а земскій начальникъ того мѣста, откуда хочетъ уйти переселенецъ, отказываетъ недоимщику въ выдачѣ увольнительнаго свидѣтельства. Тогда начинается переписка, разясняющая земск. начальнику, что есть законъ, нигдѣ не напечатанный, который эту выдачу разрѣшаетъ и т. п.

сутствія. Такимъ образомъ теперь уже нѣтъ допускавшеяся съ 1866 г. свободы поселенія желающихъ на исподволь и свободно избранныхъ и облюбованныхъ ими участкахъ, одиночно, или въ сообществѣ съ тѣми, съ кѣмъ сами войдутъ въ соглашеніе.

Длительна и убыточна такая волокита для переселенца, пришедшаго на побережье не ожидая увольненія изъ своего сельскаго общества и приписки въ число крестьянъ черноморской губ., но съ причисленіемъ еще не кончаются всѣ его бѣды. Прослѣдимъ бѣгло первые его шаги съ момента приписки. Вотъ онъ уже получилъ кусокъ земли на переселенческомъ участкѣ, къ которому его приселили. Надо приступить къ устройству дома и необходимѣйшихъ хозяйственныхъ построекъ. Весь его участокъ обыкновенно подъ лѣсомъ, слѣдовательно, лѣсъ подъ рукой. Онъ, положимъ, пока стоитъ на корню и слѣдовательно на постройку дома придется употребить сырой еще лѣсъ. Однако другого лѣса нѣтъ, строиться надо, чтобы было въ чемъ жить, а растущій лѣсъ, хотя и не высушенъ, самъ по себѣ все-таки годенъ на постройки. Переселенецъ его рубить и строится. Въ дорогу онъ, ликвидируя свое имущество, собралъ извѣстную сумму денегъ (въ среднемъ обыкновенно не болѣе 200 р.); изъ этой суммы онъ прежде всего долженъ потратиться на приобрѣтеніе необходимаго скота. Расходы на переѣздъ до своего участка, на постройки, на скотъ и необходимый мертвый инвентарь обыкновенно поглащаютъ всѣ его денежные запасы, почему необходимо прибѣгнуть къ ссудѣ отъ казны. Ссуды выдаются въ размѣрѣ не выше 100 р. на семью съ разсрочкою на 10 лѣтъ. Опредѣленіе размѣра ссуды зависитъ отъ рѣшенія общаго присутствія,—обыкновенно въ зависимости отъ состоятельности посельщика. Въ большинствѣ случаевъ ссуды эти не достигаютъ 100-рублеваго размѣра. Деньги эти, конечно, тоже вкладываются въ хозяйство. Возведя необходимѣйшія постройки (вначалѣ часто по привычному родному образцу, вслѣдствіе чего потомъ нерѣдко приходится ихъ для приспособленія къ мѣстнымъ условіямъ болѣе или менѣе перестраивать), посельщикъ можетъ уже приступить къ рубкѣ покрывающаго участокъ лѣса и его корчевкѣ. Хотя земля далеко

не вездѣ пригодна для посѣва зерновыхъ растеній, однако поселщикъ не считается съ этимъ,—не считается не только потому, что часто не имѣть понятія объ этой непригодности, но и потому, что ему нужно обезпечить себя пищей. Смотри по землѣ, смотри по тому, сумѣлъ ли онъ обработать и посѣять землю сообразно мѣстнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ ¹⁾, земля или даетъ урожай, или, иногда—не даетъ никакого. Тогда онъ долженъ еще будетъ расходоваться на покупку хлѣба и зерна на новый посѣвъ хлѣба. Засѣвъ этотъ во всякомъ случаѣ на первыхъ порахъ невеликъ: какія-нибудь $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ дес., потому что больше и не успѣть сдѣлать. Сбора съ такого засѣва во всякомъ случаѣ не хватитъ на годовое прокормленіе всей семьи. Затѣмъ онъ приступаетъ къ разбивкѣ плантажа подъ виноградникъ. О трудности этой работы читатель можетъ уже судить по приведеннымъ выше (глава III) даннымъ о стоимости десятины плантажа. Не имѣя денегъ на разработку плантажа наемнымъ трудомъ, поселщикъ приступаетъ къ этой работѣ самъ. Разбивъ при помощи своей семьи какіе-нибудь $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ дес. (а впоследствии можетъ быть и до десятины—рѣдко болѣе), онъ получаетъ съ нихъ первый сборъ черезъ 4 только года. Слѣдовательно, пока онъ долженъ жить чѣмъ-нибудь другимъ. Если первые посѣвы зерновыхъ хлѣбовъ удались, онъ будетъ увеличивать площадь поля подъ ихъ посѣвы новыми разработками изъ подъ лѣса. Но и въ этомъ случаѣ его семья, пока это сдѣлается, надо чѣмъ-нибудь питаться. А такъ какъ денежные запасы обыкновенно къ этому времени уже изсякли, то надо кому-нибудь изъ членовъ семьи идти на заработки, при чемъ этотъ уходъ на сторону, конечно, отзывается замедленіемъ хозяйственныхъ работъ на участкѣ. Нерѣдко съ наступленіемъ первой зимы мужчины семьи ищутъ уже какихъ-либо заработковъ на сторонѣ—на

¹⁾ а поселенному на новообразованномъ переселенческомъ участкѣ нерѣдко и спросить объ этомъ не у кого, ибо остальные поселщики такіе же, какъ онъ, новички; участки же эти иногда порядочно удалены отъ старыхъ населенныхъ пунктовъ.

шоссе, при курортахъ, въ Новороссійскѣ, на Кубани. Если первая зима, при наличности остатковъ отъ привезенныхъ съ родины денегъ и казеннаго пособія, проходитъ сравнительно сносно, то во вторую, особенно въ случаѣ весьма вѣроятнаго неурожая на новой небольшой нивкѣ (или земля негодна для зерновыхъ хлѣбовъ, или обработалъ не такъ, какъ по мѣстнымъ условіямъ слѣдуетъ—перепахалъ, недопахалъ, слишкомъ глубоко вспахалъ и т. п., или посѣялъ неподходящій хлѣбъ и т. п.) новому засельщику нерѣдко приходится очень туго. Конечно, много зависитъ отъ массы случайностей. Случайно найдетъ кто-либо изъ изъ членовъ семьи хорошій заработокъ—найдетъ на первыхъ же порахъ, не шатаясь до этого по недѣлямъ въ поискахъ за работой, случайно удастся посѣять именно то, что слѣдуетъ и такъ какъ слѣдуетъ, такъ что новая нивка возвратитъ сѣмена и дастъ еще кое-что—и семья, хотя и отказывая себѣ въ очень многомъ, пережила уже часть самаго труднаго времени. Еще можетъ быть годъ, много два и при поддержкѣ прочно устроившагося на отхожемъ заработкѣ члена семьи, она настолько устроится, чтобы съ надеждой взирать на будущее. Но не будь этого стеченія благопріятныхъ случайностей, пропади первый посѣвъ, не возвративъ сѣмянъ, не получи своевременно работы ушедшій на заработки, не хвати у поселщика денегъ на прожитіе до новаго урожая и всѣ труды потеряны безвозвратно: жить уже не на что. Тогда надо бросать все, продавать за безцѣнокъ хатѣнку какому-нибудь изъ вновь явившихся засельщиковъ и уходить на заработки. Такъ и уходятъ иные съ своихъ участковъ. Большинство такихъ семей уходитъ на Кубань, гдѣ заработки выгоднѣе, потому что хлѣбъ дешевъ, а трудъ дорогъ и гдѣ выгоднѣе даже жить на арендѣ, заплативъ казаку 2—6 рублей аренды за десятину, чѣмъ ожидать здѣсь 4 года урожая винограда, который потомъ, безъ организованнаго сбыта, безъ подваловъ въ окрестностяхъ, трудно будетъ и сбыть съ достаточной выгодой. Нѣкоторые же, обыкновенно впрочемъ очень немногіе, одиночки, уже болѣе или менѣе отбившіеся отъ семьи постоянной работой на сторонѣ, остаются на побережьи, перебиваясь потомъ всю жизнь случайной рабо-

той и пополняя собою начавшіе формироваться—главнымъ образомъ въ послѣднее десятилѣтіе—ряды «бурлаковъ». Бурлаки—это люди съ разныхъ концовъ Россіи, заброшенные на побережье случайностями судьбы, бывшіе пахари, отбившіеся отъ земли, люди, которыхъ забыла фортуна, это—здоровые работники, силами которыхъ строятся курорты, виллы, дороги, привыкшіе ко всякимъ невзгодамъ жизни, но и привыкшіе дорожить своей «вольной-волюшкой». Жизнь ихъ—вѣчный тяжелый трудъ безъ мало-мальски сноснаго пріюта, вознаграждаемый временами отчаянными попойками, на которыхъ пропивается весь накопленный недѣлями заработокъ. Болѣе слабые изъ нихъ попадаютъ впоследствии въ отрядъ босяковъ, тоже уже сформировавшійся на побережьи.

Но возвратимся къ изложенію того, какъ на практикѣ осуществляется новый переселенческій законъ.

Заготовленіе переселенческихъ участковъ постепенно производится въ разныхъ районахъ побережья и появилось уже нѣсколько заселковъ, образованныхъ по новому закону; это такъ назыв. участки «Бочаровскій», «Стаховича», «Айбга», «Царскій», «Фитинговскій», «Геймановскій», обладающіе, въ общемъ, прекрасными землями. Исторія ихъ образованія показываетъ однако, что нынѣшніе засельщики отыскиали ихъ и облюбовали эти мѣста, по правамъ 1866 г., т. е. еще до опубликованія послѣдняго закона. И только формальное перечисленіе ихъ въ число поселенъ губерніи, какъ уже прочно обосновавшихся здѣсь, произведено по закону 1897 г. Эти поселки живутъ сравнительно хорошо; но какъ фактически устроившіеся до новаго закона, они не могутъ быть рассматриваемы какъ результатъ его дѣйствія.

Справедливость требуетъ сказать, что работы по предварительному заготовленію переселенческихъ участковъ, судя по собраннымъ распросами свѣдѣніямъ, не всегда приводили къ благопріятнымъ результатамъ. Мнѣ приходилось слышать, напр., изъ весьма достовѣрныхъ источниковъ, что въ вымежеванномъ участкѣ около будущаго г. Романовска (Красная Поляна тожъ) подъ именемъ Медовѣвской (по крестьянски Медовой Поляны) изъ пер-

воначально поселенныхъ тамъ переселенческимъ чиновникомъ 32 семей, за неимѣніемъ годной для усадебъ земли, остались только двѣ! Бѣда въ томъ, что нарисованные на планахъ переселенческіе участки казались очень хороши, а въ дѣйствительности оказывались съ немалыми дефектами, по тѣмъ или инымъ причинамъ упущенными изъ виду при ихъ предварительномъ выборѣ и осмотрѣ. Дефекты же эти выяснялись лишь тогда, когда уже прибывали съ своими семьями направленные туда переселенцы, которые и должны были испытывать ихъ на своихъ плечахъ и преодолевать своими руками, или же бросать ихъ и уходить куда-нибудь, чтобы затѣмъ вѣчно скитаться по заработкамъ, что, дѣйствительно, и случилось со многими. Такимъ образомъ и тутъ стала повторяться старая исторія ухода съ переселенческихъ участковъ на утекъ въ вѣчную отлучку.

Надо сказать еще, что это заселеніе участковъ подборомъ поселщиковъ по выбору начальства, слѣдовательно, людьми совершенно незнающими другъ друга и не связанными никакими общими интересами тоже стоитъ въ противорѣчій съ уроками прошлой исторіи заселенія побережья.

Большой недочетъ новыхъ переселенческихъ участковъ заключается, между прочимъ, въ отрѣзанности отъ моря и недостаткѣ и неудовлетворительности путей сообщенія съ ними. Хотя на эту сторону теперь и обращено уже нѣкоторое вниманіе и ко всякому участку обыкновенно стараются устроить подъѣздъ, но этого мало. Надо, чтобы было по возможности нѣсколько подъѣздовъ изъ разныхъ населенныхъ мѣстъ, чтобы были заготавливаемы дороги внутри переселенческаго участка и чтобы всѣ эти дороги были не кой-какими, едва проѣздными или скоро портящимися тропами, а дѣйствительно удобными для пользованія во всякое время. Иначе участки, заброшенные въ такія, напр., дебри, въ какія заброшены: «Орѣховая Поляна», «Амуко» и «Ажекъ» близъ д. Пластуновской, окажутся въ совершенно изолированномъ положеніи, такъ какъ къ этимъ послѣднимъ пробраться, говорятъ, можно только верхомъ или пѣшкомъ по горнымъ тропамъ.

Конечно, отъ чиновниковъ, недостаточно знакомыхъ практически съ сельскимъ хозяйствомъ, съ пуждами переселенческаго быта, да вѣроятно и съ мѣстными условіями, трудно и ожидать вполне удачнаго выбора переселенческихъ участковъ. Но объ этомъ надо было подумать заранѣе, чтобы сьорганизовать это дѣло какъ слѣдуетъ. Такое серьезное и въ сущности очень сложное дѣло надо дѣлать осторожно и не торопясь. Къ какой бы то ни было торопливости въ этомъ отношеніи не представляется никакихъ основаній (развѣ можетъ быть теперь выяснилась уже необходимость скорѣйшаго поселенія мужика на побережьи ради тѣхъ же курортовъ, отъ которыхъ его еще такъ недавно отселяли подальше?). Лучше переселить меньше, да поселить удобнѣе, прочнѣе; лучше не увлекаться количествомъ вновь образуемыхъ участковъ, но осмотрѣть и выбрать ихъ обстоятельнѣе, всесторонне выяснивъ ихъ дѣйствительную пригодность для веденія хозяйства и жизни.

Таковы главнѣйшія основанія новаго плана заселенія побережья трудовымъ земледѣльческимъ населеніемъ, весьма важные недочеты котораго показываютъ, какъ мало при ихъ разработкѣ воспользовались печальными, но поучительными уроками исторіи и требованіями дѣйствительной жизни.

Каждое новое дѣло, особенно на первыхъ порахъ, можетъ, разумѣется, имѣть свои недочеты; во-время замѣченные они могутъ быть своевременно исправлены и устранены, чтобы не повторяться болѣе. Но если замѣчаніе это почти въ полной мѣрѣ примѣнимо къ новому закону (1897 г.) въ отношеніи дальнѣйшаго его примѣненія въ соответствующемъ дѣйствительнымъ нуждамъ переселенцевъ и мѣстнымъ условіямъ видѣ (такъ какъ законъ можно и измѣнить), то оно весьма мало примѣнимо къ тому, что уже сдѣлано по части устроенія на побережьи ривьеры. Многого, очень много сдѣланнаго по этой части теперь, по всей вѣроятности ничѣмъ уже не поправишь и въ этомъ заключается главное несчастье побережья... Въ послѣднее время, передъ смертью Н. С. Абазы на побережьи ходили слухи, что несостоятельность его политики «оживленія» привела будто бы даже

высшее начальство Кавказа къ мысли о необходимости экспроприаціи частновладѣльческихъ земель побережья, что однако не состоялось въ то время вслѣдствіе противодѣйствія со стороны покойнаго. Конечно, это было бы очень радикальною мѣрою по исцѣленію побережья отъ его главнаго недуга, но эти слухи, надо думать, не имѣли фактической подготовки и характеризуютъ лишь желанія и взгляды знающихъ нужды края мѣстныхъ жителей на этотъ вопросъ. Недавно въ газеты проникло извѣстіе объ образованіи «особаго совѣщанія для разработки, обсуждения и необходимаго объединенія мѣропріятій различныхъ вѣдомствъ по оживленію и развитію Черноморскаго побережья Кавказа». Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы особое совѣщаніе это, не связанное никакими мнѣніями и предначертаніями предыдущей комиссіи по устроенію края (Н. С. Абазы), отнеслось къ возложенному на него дѣлу съ возможно большею обстоятельностью и безъ всякихъ предвзятостей, положивъ въ основу своихъ работъ только точныя данныя безпристрастно и спеціально произведенныхъ изслѣдованій. Говорили, что совѣщаніе это будетъ состоять при министерствѣ земледѣлія. Писали также въ газетахъ, что нынѣшній министръ земледѣлія А. С. Ермоловъ,—самъ землевладѣлецъ побережья (но не путемъ пожалованія или выкупа, а путемъ покупки изъ частныхъ рукъ), часто его посѣщавшій, держится на вопросъ о «заселеніи и оживленіи» края совершенно иного взгляда, чѣмъ покойный Абаза и намѣчаетъ рядъ мѣръ къ исправленію допущенныхъ въ этомъ отношеніи ошибокъ.

Можно только пожелать, чтобы это было именно такъ и чтобы этотъ слухъ осуществился въ возможно широкомъ объемѣ.

А. С. Личковъ.
